

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Арли Хувер

Дорогой Агнос

Письма в защиту христианства агностику

Оглавление

[От переводчика](#)

[Об авторе](#)

[Предисловие](#)

[1. Невозможность атеизма](#)

[2. Зачем спорить?](#)

[3. Анализ веры](#)

[4. Проблема доказательства](#)

[5. Пересмотр материализма](#)

[6. Доказательства существования Бога на основании мира](#)

[7. Антропологический аргумент в доказательство существования Бога](#)

[8. Материализм - философский контрабандист](#)

[9. Важность истории](#)

[10. Библия как исторический документ](#)

[11. Чудеса](#)

[12. В защиту христианских чудес](#)

[13. Утверждения Иисуса Христа](#)

[14. Характер Иисуса Христа](#)

[15. Иисус Христос и пророчество](#)

[16. Воскресение Иисуса Христа](#)

[17. Иисус Христос и проблема зла](#)

[18. Проблема греха](#)

[19. Конечное доказательство](#)

[20. Вы - присяжный!](#)

От переводчика

Выражаю сердечную благодарность автору д-ру Арли Хуверу за разрешение перевести на русский язык и использовать книгу "Дорогой Агнос" в серии последовательных выпусков духовной радиопрограммы "На крыльях размышления". Я также благодарю его за разрешение составить из переведенных отрывков эту книгу. Сердечно благодарю П. Колыбаеву, Б. Бутенко и И. Музычко за рассмотрение определенных частей русского текста. Выражаю особенную благодарность за редактирование текста редактору газеты "Протестант", А. Семченко.

Г. Я. Репецкий

Об авторе

Арли Хувер является профессором, преподающим в настоящее время в Abilene Christian University, в Абилине, Техас, США. До этого он служил профессором истории и философии в Pepperdine University также академическим деканом в Columbia Christian College. Д-р Хувер является автором нескольких книг. Его статьи появляются в различных журналах.

Предисловие

Когда Петр повелел христианам дать отчет в своем уповании (1 Петр. 3:15), он предопределил некоторых из нас к писанию книг на апологетические темы. Я считаю, что каждое поколение нуждается в однотомном труде, дающем всесторонний обзор основного материала – по доводам христианства. Меня всегда радует книга, которую можно дать неверующему и сказать: "Бери, прочитай это и ты узнаешь, во что я верю, а также узнаешь и немало хороших объяснений, почему я так верю".

Сделав попытку написать такую книгу, я теперь понимаю, что такое занятие было более трудным, чем мне казалось. Чтобы коснуться всех важных вопросов и одновременно написать книгу, которая не была бы подобна по размеру нью-йоркскому телефонному справочнику, приходится сократить много материала и упростить немало проблем. Конечно, при упрощении материала возникает опасность и излишнего его упрощения. Все же, несмотря на этот риск, надеюсь, что я написал книгу, которая послужит современному поколению введением в проблематику христианских доказательств. Я старался сочетать философскую основу христианства (гл. 1—8) с его исторической основой и девятой главой (под заглавием "Почему важна история?"), связывающей эти две главные стороны вопроса.

Одно важное примечание: я считаю, что в теистических вопросах¹ надо держаться середины. Я не согласен с католиками и не утверждаю, что существование Бога полностью доказуемо, а также я не согласен с Бартом и не утверждаю, что без Христа я остался бы атеистом. По-моему, человек, услышавший аргументы в защиту Бога, может стать, по меньшей мере, озадаченным агностиком, а вероятнее всего — деистом.

К читателю я обращаюсь во втором лице и без лишних церемоний по той причине, что считаю, что апологетику надо представлять в самом жизненном виде. Ведь свидетельствовать о Христе — это вполне личное дело. Когда мы говорим: "Вот в этом-то заключаются доводы", мы в сущности заявляем: "В этом заключаются доводы, как я, с моей точки зрения, смотрю на них; надеюсь, что и Вы увидите то же самое". Апологетика — частично искусство, частично наука. Подвизаясь за веру, каждое поколение и каждый индивидуум высказывает что-то своеобразное.

Все-таки, кроме уникальных высказываний отдельных людей, существует суть материала, которая со времени Августина Блаженного и даже новозаветного периода почти ничуть не изменилась. Среди современных апологетов я глубоко признателен многим людям евангельского убеждения, — таким как Рамму, Карнеллу, Кларку, Трюбладу, Льюису, Шейфферу, Стотту.

Я также признателен жене, Глории, не только за корректуру на каждой ее стадии, но и за терпение и поощрение, оказанное мне в области апологетики на, протяжении последних шестнадцати лет нашей супружеской жизни.

1. Невозможность атеизма

Дорогой Агнос!

Я уверен, что Вы хотели бы знать, почему я называю Вас "Агносом". "Агнос" — это сокращение слова "агностик" и относится к тому, кто устранился от принятия решения по вопросу о существовании Бога. Агностик всегда говорит, что он не знает, существует ли Бог или нет. Он утверждает, что показания за и против не полностью убедительны.

Так как я теперь знаю, как обращаться к Вам, Агнос, то хотел бы объяснить цель написания этой книги. Я христианин, верующий, и я хочу, чтобы и Вы стали христианином. Давайте в первой главе будем открыты друг перед другом: я имею своей целью убедить Вас, чтобы Вы обратились к Иисусу Христу. Если Вы опасаетесь, что доказательств в защиту христианства достаточно, чтобы убедить Вас, то лучше Вам сейчас обратить серьезное внимание на мои аргументы в защиту христианства. Читайте дальше.

Быть может, Вы скажете: "Вы обращаетесь не к тому человеку. Ведь я не агностик; я просто атеист. *Я* знаю, что Бога нет". Неужели? Уверены ли вы в том, что Вы это знаете? Мне кажется, что я могу убедить Вас в невозможности такого догматического атеизма. В этом и заключается цель первой главы. Не странно ли, что в первой главе хочу сделать Вас агностиком, правда, почтительным агностиком, а в остальной части книги — христианином. Если правильно рассуждать, то мы можем начать интеллектуальную одиссею с тезиса: *никто не может быть атеистом*. Если Вы не теист, то по логике вещей Вы можете быть всего лишь агностиком.

Если Вы типичный атеист, то вероятно придерживаетесь некоторых основных утверждений. По всей вероятности Вы говорите, что Бога не существует, что Вселенная составлена из материи, что вера — малонадежное и позорное прибежище для слабоумных людей, и что разумные люди должны пользоваться научным методом. Давайте, пользуясь этими утверждениями, докажем, что Вы не атеист.

А. Невозможность догматического атеизма

Агнос, если бы Вы знали, что Бог не существует, то знали бы все, что можно было бы знать о реальности, иначе тот один факт, который Вы могли бы упустить, возможно и оказался бы тем фактом, который как раз и подтверждает существование Бога. Существование Бога — это возможность, но, по Вашему догматическому утверждению, Бога нет. Вы этим в сущности утверждаете, что знаете все, что можно знать о реальности, что в этой реальности никакого Бога нет. А какой здравомыслящий человек скажет, что он знает все, что можно знать о реальности?

Допустим, например, что у Вас есть мешочек с шариками и Вы хотите доказать, что в нем черных шариков нет. Чтобы это установить, Вам нужно было бы увидеть все шарики одновременно. Если эти условия не выполнены, то Вы никак не сможете доказать свое утверждение. В этом примере мешочек представляет собой Вселенную и Вы утверждаете, что Бога в ней нет. Знаете ли Вы уверенно, что именно находится в этом мешочке?

Дойдем до абсурдности в этом рассуждении. Допустим, что Вы начинаете искать Бога здесь на Земле. Вы смотрите под каждым плоским камнем на нашей планете. Бога нет. Вы посещаете Марс. И там так же Бога нет. А после этого Вы посещаете Юпитер, Нептун, Уран, Плутон, весь Млечный

путь, Андромеду и другие места во Вселенной, И все еще Бога нет. Но даже после этого будете ли Вы стопроцентно уверены, что Бога нет? А что если на протяжении этого пути Бог шел все время впереди Вас на один шаг, хитренько уклоняясь от Ваших попыток найти Его?

Я знаю, что все это звучит для Вас глуповато, но я хочу сделать серьезное примечание: Вам нужно было бы знать все обо всем и одновременно присутствовать везде и повсюду для того, чтобы безапелляционно заявить: "Я знаю, что Бога нет". Чтобы быть настоящим атеистом, Вам надо было бы обладать способностями всезнания и вездесущности, атрибутами, которые мы обычно приписываем только Богу. Одним словом, Вы должны были бы быть Богом для того, чтобы утверждать, что Его нет!

Б. Вы на самом деле верите в сверхъестественное

Если Вы с этим пунктом согласны, Агнос, то я поставлю Вас в тупик по следующему пункту. Как только Вы скажете, что не обладаете всезнанием, то я могу показать, что Вы на самом деле верите в сверхъестественное. Если Вы материалист, то есть верите, что все существующее составлено только из материи или природы, то все это наверно покажется Вам какой-то словесной шуткой. Но подумайте об этом: никто не может отрицать, что существует неизвестная сфера за пределами известной реальности. Если мы будем пользоваться словом "естественное" в отношении Вселенной, которую мы до этого познали, то ясно, что существует и "сверхъестественное", так как "сверх-" указывает на нечто, существующее за пределами известного. Значит, сверхъестественное относится к целому комплексу фактов, сил, существ и законов, которые пока еще неизвестны нам. Многие неверующие употребляют слово, "сверхъестественное" в отношении фантазий, оккультизма, таинственных, невероятных или воображаемых явлений, а если мы будем пользоваться им согласно нашему выше данному определению, то мы Можем начать исследование данного вопроса с общей всем приемлемой основы.

Ясно, что материалист верит, что за пределами известного мира существует и другая реальность, но он считает, что неизвестная реальность во всех чертах подобна известному миру. Он верит, что она также* составлена из материи и что она "естественна". Он утверждает, что Вселенная в целостности своей однородна, то есть с одного конца до другого она составлена из одного и того же, — именно, из материи. Но какое -право имеет человек настаивать, что неизвестная реальность составлена из того или другого? Как же нам столько знать о неизвестном мире? Кажется, надо было бы человеку познакомиться с неизвестной реальностью перед тем, как с уверенностью утверждать, что неизвестный мир во всех чертах подобен известному миру. А разве не надо было бы увидеть Вселенную в ее целостности, чтобы заявить, что "она составлена из материи"? Неужели это невозможно, что неизвестный мир в основном отличается от естественного мира? Разве существование и реальность нематериального, сверхэмпирического и духовного миров являются какой-то невозможностью?

Заметьте, уважаемый Агнос, чтобы доказать отрицательное утверждение – "Бога нет", как и положительное утверждение "все составлено из материи", человек должен обладать способностью всезнания. Это приводит нас к третьему утверждению.

В. У Вас есть какая-то вера

Если Вы отрицаете, что владеете всезнанием, и признаете наличие * сверхъестественного, то у Вас на самом деле есть какая-то вера. Быть может, это пока еще не религиозная вера, но все-таки это уже начало, ибо даже религиозная вера берет свое начало с общей веры. Мы посвятим целую главу обсуждению сути веры и еще одну главу посвятим вопросу доказательств, но мы пока можем определить веру как принятие утверждения, которое мы не в силах доказать прямыми методами. Когда мы доказываем утверждения прямыми методами, то называем это знанием; когда пользуемся непрямими методами, то называем это верой или убеждением.

Нельзя определить веру как слепой прыжок в неизвестность. Это скорее всего — вступление в свет. Освещение веры, может быть, тусклее того света, который мы называем знанием, но это не является темнотой. Вера всегда должна быть основана на *каких-то* показаниях, хотя они возможно ' не всегда *совершенны*. Вера лежит посередине между уверенностью и доверчивостью.

При таком определении довольно ясно, что у каждого человека есть мера веры. Жить без нее невозможно. Придерживаться какой-то философии без нее невозможно. У каждого человека есть убеждения, гипотезы, теории, объяснительные постулаты, о которых он думает в отношении Вселенной, особенно ее невидимых и непознанных им частей. Все люди в принципе имеют *мировоззрение* (заменителя старого немецкого слова "*Weltanschauung*" в сущности нет), и все мировоззрения идут за пределы эмпирической реальности. Если у Вас, Агнос, есть какие-то общие философские убеждения, то у Вас уже есть больше веры, чем Вы сами готовы признать.

Поэтому это ошибка утверждать, что только христиане встречаются с трудностью: вера против логики. Все мыслящие люди, — если они мыслят, — сталкиваются с этой проблемой. Даже неверующему приходится задавать вопрос: где в моем мировоззрении прекращается знание и начинается вера? Если в соответствии с Вашими философскими убеждениями Вы признаете существование "другого (неизвестного) мира", то в рассуждении Вам нужно пойти дальше и сказать нам, что именно является для Вас источником и авторитетом? Вам нужно определить, что в отношении неизвестного мира можно принять или не принять и на каком основании? По этому пункту Вы ничуть не отличаетесь от религиозного человека. Проблема веры и логики . является общей философской проблемой, которую нужно определить в любом мировоззрении.

Если я до этого здраво рассуждаю, Агнос, то Вы не являетесь пылким атеистом. Вы признаете сверхъестественное и согласны с утверждением, что у Вас все-таки есть какая-то вера. Это пока еще не делает Вас теистом или христианином, но Вы сделали первый шаг в правильном направлении. Вы уже стали "почтительным агностиком", "откровенным скептиком", человеком, который не уверен, как следует думать о Боге, но который также готов учиться, если есть достаточно доказательств. В остальной части книги обсуждаются эти доказательства.

2. Зачем спорить?

Агнос, мы начинаем длинное интеллектуальное путешествие. Перед тем, как сделать первый шаг, нам обоим необходимо быть уверенными в необходимости процесса рассуждения — в обсуждении и споре. Здесь имеет значение разум. Если спор бесполезен, то лучше нам этого первого шага не предпринимать. Вот по этой причине и называется эта глава "Зачем спорить?".

Словом "спорить" я пользуюсь в его положительном значении, подразумевая дискуссии, обсуждения, рассуждения и беседы, а не в отрицательном смысле, близком к пониманию "ссора". Я не верю, что ссорой заставишь человека уверовать; я не верю, что доказательства в защиту христианства совершенны и полностью наглядны. Однако я верю, что они достаточно убедительны и, поэтому, спор, в его лучшем значении, играет важную роль в подтверждение христианства. Странно, что в этом деле надо убедить, прежде всего, некоторых христиан.

А. Что Библия говорит о споре?

Просто печально, Агнос, что некоторые христиане, как и многие неверующие, считают, что Библия выступает против рассуждения, что христианство рекомендует слепую веру, или что Христос преподавал авторитетную, ограниченную в кругозоре, религию, осуждающую логичное рассуждение как какое-то злое явление, ведущее нас в заблуждение. Если прислушиваться к некоторым людям, то казалось бы, что первой и самой великой заповедью является приказание: "не рассуждай!"

Ничто не может быть дальше от истины! Если вкратце просмотреть некоторые места в Библии, то убедимся в том, что Бог такого повеления не давал.

Апостол Петр сказал христианам: "Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением" (1 Петр. 3:15). Греческое слово, соответствующее русскому слову "ответ", — это *apologia*, слово, из которого мы получили слова "апология" и "апологетика". В дни апостола Петра слово "апология" относилось к формальной защите определенной позиции или понятия на суде.

Иуда написал короткое послание для того, чтобы поощрять христиан "подвизаться за веру, однажды преданную святым". Он дальше объясняет, что такая защита необходима по той причине, что некоторые лжеучители вкрались в церковь, "нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа" (Иуд. 3-4).

Апостол Иоанн предупредил христиан не верить всему предлагаемому и испытать "духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире" (1 Иоан. 4:1). Как в своем Евангелии, так и в посланиях Иоанн подчеркивает, что Христос, — суть нашей веры, — был настоящим историческим лицом, Которого многие увидели, слышали и руками осязали (Иоан. 20:27; 1 Иоан. 1:1). Он заканчивает свое Евангелие апологетическим примечанием: "Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей. Сие же написано, дабы вы и уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его" (Иоан. 20:30-31).

Апостол Павел — не раз одобрял здравое мышление. Фессалоникийцам он написал так: "Все испытывайте, хорошего держитесь" (1 Фес. 5:11). Он похвалил коринфян, написав: "Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю" (1 Кор. 1:0:15). О филиппийцах он молился, чтобы любовь у них "еще более и более возрастала *впознании* и всяком *чувстве*" (Фил. 1,9). Он молился, чтобы ефесяне приобрели "*духа премудрости* и откровения к *познанию* Его (Бога)", и чтобы Бог просветил глаза их сердец, чтобы они *познали*, в чем состоит христианская надежда (Эфес. 1:17-18). Колоссянам он объясняет, что их новый человек (новая природа) во Христе "обновляется в *познании* по образу Создавшего его" (Кол. 3:10). И, в конечном счете, Павел говорит римским христианам, что люди, не знающие Бога, "безответны", потому что "невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы" (Рим. 1:19-20).

Сам Иисус Христос, — суть нашей веры, — учил, что разум играет критическую роль в духовной жизни человека. Самарянке Он сказал, что надо поклоняться Богу "в истине", то есть пользуясь интеллектом (Иоан. 4:24). В притче о сеятеле Он утверждает, что человек должен уразуметь Евангелие перед тем, как принять его (Матф. 13:19). Он повелел нам не только возлюбить Бога всем сердцем, душою и крепостью, но и всем *разумением* (Лук. 10:27). Несколько раз Христос участвовал в тонких беседах с врагами, — опровергая их в таких вопросах как: плата налога кесарю (Матф. 22:21), авторитет Иоанна Крестителя (Матф. 21:24)/воскресение и загробная жизнь (Марк. 20:4-44), связь между Давидом и Мессией (Лук. 20:41-44). Он часто обвинял врагов в интеллектуальной нечестности (Иоан. 9:41). Он редко избегал дискуссии с серьезно мыслящим и откровенным оппонентом. Встретившись однажды с таким недругом, Он сказал: "Недалеко ты от Царства Божия" (Марк. 12:34).

Даже в Ветхом Завете Бог проявил подобное уважение интеллектуальному достоинству человека. Он потребовал, чтобы Моисей и Аарон совершили перед фараоном чудо, этим подтверждая силу, которой они пользовались, и порученную им миссию (Исх. 7:9). Он повелел израильтянам не обращать внимания на пророка, чьи предсказания не исполнялись (Втор. 18:22). Он потребовал, чтобы идолы подтвердили свою божественность делами: "Представьте дело ваше, говорит Господь; приведите ваши доказательства... Скажите, что произойдет в будущем, и будем знать, что вы боги, или сделайте что-нибудь, доброе ли, худое ли, чтобы мы изумились и вместе с вами увидели". Однако, в виду того, что идолы ничего не совершили, чтобы доказать свою силу, Бог соответственно заключает: "Но вы — ничто, и дело ваше — ничтожно; мерзость тот, кто избирает вас" (Ис. 41:21-24).

Дайте ответ в вашем уповании; подвизайтесь за веру; испытывайте духов; доказывайте все; любите Бога всем разумением; покажите силу чудом; представьте дело ваше и т. д. Можете ли Вы читать эти места и откровенно утверждать, что Библия антиинтеллектуальна, что Бог противится логичному мышлению, или что библейская вера основывается на простой доверчивости?

Но есть и другая сторона вопроса. Кто-то, быть может, скажет: "Вы пропустили стихи, предупреждающие о вреде человеческого рассуждения". Не предупредил ли апостол Павел о философии и пустом обольщении (Кол. 2:8)? Не говорил ли он, что Бог сделал мудрость мира сего глупостью и что невзысканный человек не постигает духовных вопросов (1 Кор. 1:20; 2:14)? Не утверждал ли он, что "плотские помышления суть вражда против Бога" (Рим. 8:7)? Да, утверждал, и на такие предупреждения мы должны обратить серьезное внимание. Нам приходится посмотреть на эту вторую сторону вопроса перед тем, как прийти к выводу, что Бог дал человеческой логике *полную свободу* совершать свою соответствующую роль в нашей духовной жизни. Логика играет роль в христианской вере, важную роль, хотя это не обязательно значит, что она играет ведущую роль. Может быть, выйдет, что ее роль всего лишь поддерживающая. Когда мы говорим о *силе* логического мышления, это не значит, что ее роль *всесильна* или *всеобъемлюща*.

Ключ к предупреждениям Павла о логическом мышлении находится в выражении "помышления плотские". Апостол Павел не отрицает ценность логического мышления, а только плотское мышление. Он в основном не осуждает общего, рассуждения — только мышление, отрицающее Божью истину и откровение. Первоначальное значение слова "философ" было: "любитель мудрости" (от "филео" — люблю и "софия" — мудрость). Так как в течение столетий смысл этого слова менялся, то мы не имеем права предполагать, что "философия", упомянутая в восьмом стихе второй главы Послания к колоссянам, имеет то самое значение, которое оно имеет в ежегоднике современного университета. Отрицание философии в первом столетии нашей эры не означало: "не размышляй".

Когда Библия предупреждает о человеческом логическом мышлении, то я считаю, что под этим имеется в виду автономное логическое мышление, оторванное от Бога, оторванное от божественного откровения. Почему нельзя отделять логическое мышление от Бога? В этом-то и заключается главная тема данной книги. Мой тезис гласит так: без Бога логическим мышлением не объяснишь Вселенную.

Поэтому прошу Вас, Агнос, не ужасаться всякий раз, когда Вы увидите слово "философия". Этим я никакого зла не предлагаю, как увидите в следующих главах.

Б. Почему христианин нуждается в философии

Христианин нуждается в философии. Он нуждается в логике, то есть в здравом мышлении, в правильном рассуждении. Если отделить логическое рассуждение от веры, то это только повредит христианскому богословию.

Мы, христиане, нуждаемся в -философском мышлении, потому что Бог велит нам проповедовать и передавать нашу веру другим людям. Нам не разрешается молчать, как в случае учеников некоторых восточных религий. Бог требует, чтобы мы говорили, объясняли то, что сами испытываем, и распространяли христианскую надежду. Если бы Церковь была огромным монастырем траппистов, где считают молчание самым высоким достоинством, то мы не обращали бы внимания на философию. Заниматься философией нам было предназначено Христом, этим вечным "Логосом" (Словом), Который не позволяет нам молчать, а приказывает нам быть Его свидетелями всему миру (Деян. 1:8). Чтобы быть Его свидетелями, нам необходимы умственные методы логики, грамматики, риторики.

Если бы христианин отказался заниматься философским рассуждением, то он, возможно, прожил бы долгую жизнь в служении человечеству, но не мог бы обдумать свои убеждения и выразить их словами другим людям. Было бы невозможным составить теологические понятия или защитить религиозные доктрины без помощи логики. Если бы логическое мышление не сыграло, по крайней мере, второстепенную роль в драматургии христианского богословия, то у нас не было бы чудесных трактатов о Троице, Воплощении и Искуплении от Оригена, Августина Блаженного, Кальвина и Барта.

Отделить логическое рассуждение от веры можно только одним средством, — именно, отделением веры от истины. Каждая человеческая

дисциплина рано или поздно должна считаться с истиной, и в этом богословие не является исключением. Поэтому, как в случае братьев Иакова и Исава, логическое рассуждение и вера являются детьми Божьими, и каждому из них лучше не красть то, что принадлежит другому. Христианин нуждается в философском рассуждении по той причине, что только с помощью правильного логического рассуждения можно выразить великие христианские доктрины в нужные исторические моменты. Великие христианские доктрины обычно вырабатываются в те времена, когда кто-то выступает против веры. Почти все великие символы веры были оформлены как апологетические объяснения: Апостольский, Никейский и Афанасийский. Почти все выдающиеся защитники веры выразили свои понятия в связи с преобладающими в данные времена философскими взглядами. Августин Блаженный писал на основании того, что было написано Аристотелем; епископ Бутлер следовал эмпирицизму Джона Локка; Эмиль Буннер немало заимствовал от Кьеркегора. Без философии, согласно ее правильному определению, Церковь не могла бы ни проповедовать, ни защищать, веру.

В некоторых культурах, как в Китае, существовало такое однородное неизменное философское представление о жизни, что никто не думал составлять определенный символ веры просто потому, что никто не выступал против известных убеждений. У них символ веры был всеми принят, не выбран. Они знали, *во что* верят, но не знали, *почему* так верят. Как только кто-нибудь подверг бы их символ веры сомнению,— так сразу же заставил бы их передумать и защитить свои убеждения, выразить их по правилам логичного мышления.

По этой причине, Агнос, ничего плохого я не вижу в чистосердечном сомнении. Каждый мыслящий христианин что-то знает о таком сомнении. Защитить веру никак нельзя, если прежде всего не подтвердить свои убеждения самому себе. Часто "бывает, что самые убедительные аргументы, составленные нами, приходят к нам, когда мы спорим с самим собой. Филипп Меланхтон однажды сказал: "Человек часто проповедует свои убеждения как раз в тот момент, когда он потерял их и всюду и везде ищет их, но в такие моменты его проповедование обязательно не оказывается самым плохим".

Христианин нуждается в философском мышлении потому, что только с помощью правильного логичного мышления он может проверить и оценить утверждения других религий и заявления других людей о божественном откровении. Уже многие исторические личности утверждали, что они получили божественное откровение: Зороастр, Моисей, Христос, Магомет, Джосеф Смит, Отец Дивайн. Все они не могут быть правыми, потому что сделали заявления, противоречащие друг другу. Как же прийти к заключению о том, кто из них прав в утверждениях? Дракой? Нет, потому что это всего лишь показало бы, кто физически сильнее. Голосованием? Нет, потому что это всего лишь показало бы, чьи утверждения большинство считает верными. Логическим рассуждением? Действительно так, потому что на этом общем основании сходятся мыслящие люди.

Христиане убеждены, что Бог готов предаться риску чистосердечной проверки. Мы считаем, что только после того, как все факты предоставлены нам, Христу даруется полная возможность нам открыться. Богослов Джон Бейлли признал: "Мое личное свидетельство заключается в том, что моя вера, в конечном счете, пострадала от тех многих случаев, когда я поддался соблазну не дать себе возможность получить ответы на мои вопросы, потому что они отвлекали бы меня от веры вместо того, чтобы приближать меня к ней". [John Baillie *Invitation to Pilgrimage* (New York: Scribner, 1942), стр. 23.]

В. Почему неверующие нуждаются в философии

Не думайте, дорогой Агнос, что только мы, христиане, должны рассуждать. Вы также нуждаетесь в правильном логическом мышлении. Я признаю, что философия и богословие порой страдают от плохой репутации, какой-то острослов сказал, что философия ищет черного кота в темной неосвещенной комнате, когда его нет, а богословие все равно находит его. Это говорит плохо о философии и богословии, но есть в такой мудрости доля истины. Философия и богословие отвращают нас от себя по причине своей неясности, различий в мелочах и заумных абстрактных понятий.

Все же почти невозможно перестать думать о вопросах, обсуждаемых путями философии и богословия: Бог, свобода, безнравственность, этика, то есть вопросах, на которые эмпирическая наука не может отвечать. Дело тут же касается тех "вечных вопросов", требующих от нас ответов независимо от того, какими неточными или неясными оказались бы эти ответы.

Например, возьмем вопрос жизни. Если Вы читаете эту страницу, Агнос, то предполагаю, что Вы живы. Почему Вы живы? Почему Вы сегодня не покончили с собой? Для какой цели Вы продолжаете жить? Предполагаю, что есть у Вас какая-то цель, хотя она, быть может, и слабовата. Но дать ответ на вопрос "почему живу?" невозможно, если Вы не будете ссылаться на философию. Независимо от того, являемся ли мы христианами или агностиками, нам нужно философствовать, потому что жизнь заставляет нас думать, и, чтобы жить приятной жизнью, нам нужно здраво рассуждать.

Мой девиз в отношении этого вопроса звучит так: "Я действую, поэтому и надеюсь". Все мы действуем. Деятельность, требующая решений с нашей стороны, заполняет для нас целый день. А если нужно делать решения, то это означает, что мы должны определять, что в жизни важно или неважно. И этого не будешь делать без философии. То, что Вы продолжаете действовать, показывает, что глубоко в себе Вы верите в полезность философии.

"Я действую, поэтому и надеюсь". Надеюсь на что? Надеюсь, что кое-что узнаю, уразумею. Надеюсь, что поведение мое правильно. Надеюсь, что мои решения о жизненных ценностях правильны. Вы не можете прийти к решению, что перестанете действовать, разве только, что Вы станете неподвижным человеком или покончите с собой. Поэтому жизнь сама по себе нуждается в философии. Деятельность побуждает Вас к тому, чтобы Вы думали, оценивали и определяли, что в жизни является важным. Мало кто среди скептиков допускает, что его скептицизм препятствует ему действовать.³

Если Вы признаете, что здоровое логическое мышление необходимо даже в жизни неверующего, то Вам приходится прийти к выводу, что истина существует, потому что рассуждать невозможно без этого постулата. Мы говорим, что отправляемся в путешествие на поиски Истины, но на самом деле, не отправившись в такое путешествие без знания хотя бы некоторых истин. Невозможно искать Истину и не найти ее *в каком-то смысле*. Разумеется, то, что Вы ищете Истину, вовсе не доказывает, что Вы обладаете Истиной *в ее целостности*, но то, что Вы начинаете искать ее, доказывает, что Вы обладаете некоторыми истинами.

Подумайте над этим вопросом: какими методами ищу я истину? Правильными или неправильными? Надеюсь, — правильными! И если Ваши методы правильны, то Вы уже обладаете некоторыми истинами. Если Вы даже избегаете Истины, то все равно находите ее, ибо Вам нужно было бы поставить себе вопрос: избегаю ли я Истины *соответствующими методами* или нет? Если так, то в Ваших методах есть доля истины. Если Вы пользуетесь неправильными методами, то Вы неудачно бежите от Истины и, на самом деле, Вы нашли Истину вместо, того, чтобы избежать ее. Разве это не странно? Даже при старании избежать Истины Вы все равно находите ее.

В чем заключается Истина, которую Вы находите даже тогда, когда стараетесь избежать ее? Это напоминает мне о Боге, великом Небесном Преследователе, Который не оставляет Вас в покое. Он день и ночь преследует Вас. От Его преследования никак нельзя освободиться, разве только путем ката-тонии⁴ или самоубийства.

Агнос, можно это показать другим средством, — а именно, заявлением, что быть стопроцентным скептиком невозможно. Стопроцентный скептик должен утверждать: "Никакой Истины нет", а это же подтвердить никак нельзя, потому что заявление само по себе утверждает, что оно верно. Кто так говорит, в сущности утверждает: "Это верно, что никаких истин нет". Если истин нет, то данное заявление в своей целостности оказывается неверным. Заявление само себя уничтожает. Скептик даже не может установить свой скептицизм, ибо этим он подрывает самого себя.

Что Вы подумали, если бы собака подошла, к Вам и сказала: "Собаки не говорят"? Вы сразу же увидели бы в этом заявлении явную ошибку. Как же собаке так высказаться, если собаки не говорят? Выходит, что само заявление неверно, а то собака этого не могла бы сказать. То же самое относится к стопроцентному скептику: его скептицизм должен быть неверным, чтобы он мог выразить верное заявление. Как Аристотель давным-давно показал,

чтобы скептику оставаться последовательным, он может всего лишь верить в свой скептицизм, но одновременно должен молчать. В тот момент, как он начнет предлагать свою точку зрения, то встречает трудности.

Заметьте, пожалуйста, сходства между христианином и скептиком: у каждого своя точка зрения, которая считается достоверной. Каждый предлагает свою точку зрения. И в силу того, что каждый проповедует свое понятие, то обоим приходится признать необходимость философии. Каждый показывает себя непоследовательным, если предлагает свое понятие, но и одновременно отрицает необходимость философии.

3. Разумеется, я вероятно не должен пропустить ту возможность, что какой-то Тертуллиан скажет: "Я действую, потому что это абсурдно".

4. Кататония есть психологическая болезнь, согласно которой человек сильно волнуется, умственно теряется и мускулы у него напрягаются и становятся твердыми.

Только стопроцентный скептик оказывается виновным в противоречии. Есть и другой вид скептицизма, по которому человек говорит: "Некоторые истины я знаю, но остаюсь невеждой по отношению других истин". Агнос, приветствую Вас как единомышленника с нами по этому поводу. Если в этом и заключается Ваш скептицизм, то это означает, что все мы — скептики. Такой вид скептицизма ничуть не отличается от почтительного агностицизма, который мы похвалили в последней главе. Исходной точкой наших умственных поисков является скептицизм такого вида. Такой скептицизм не отрицает необходимость философии.

Избегать этого Вы не можете, Агнос: *жизнь требует философии!* Сократ однажды сказал: "Жить непроверенной жизнью не стоит". Так как мы с Вами теперь согласны относительно полезности проверки, пойдем дальше и рассмотрим вопрос веры. С этого места наш девиз будет: "Придите, и рассудим, говорит Господь" (Ис. 1:18).

3. Анализ веры

Агнос, если я был прав в предыдущей главе, то мы теперь готовы войти в спор. Одной из самых основных трудностей, встречаемых неверующими, является сущность веры — не только христианской веры, но любой формы общей веры. Часто утверждается так: если истина — возможное явление и спор помогает нам прийти к ней, то у нас не может быть нелогичного явления, называемого "вера". Вера всегда идет за пределы доказуемых явлений; это прыжок, неоправданный прыжок в мир неуверенностей.

Поэтому нашу беседу необходимо начать с тщательно составленного определения веры. Как часто случается со словами, в последнее время и это слово попало в беду. Вера — это не витраж, посвященный только религиозным целям. Правда, это слово необходимо религии, но лишь потому, что оно необходимо самой жизни. В предыдущей главе мы утверждали, что жизнь нуждается в философии; в этой главе мы утверждаем, что *жизнь нуждается в вере*.

А. Определение веры

Дорогой Агнос, мне просто жутко, что выражение "слепая вера" столь популярно среди неверующих. Мало кто среди христиан утверждает, что вера для них слепа. На протяжении последних двух тысяч лет главное течение христианства выражает мнение, что вера есть разумное доверие, приемлемая уверенность в таких явлениях, как Бог, Христос и Библия. Это доверие основано на достаточных доказательствах, хотя они, быть может, не являются совершенными или вполне показательными.

Какой-то неизвестный ученик-англичанин однажды определил веру как "силу верить тому, что, как человеку известно, неверно". Г. Л. Менкен сказал, что вера является "нелогичным убеждением в происшествии чего-то невероятного". Амброс Бирс сказал, что вера есть "необоснованное

доказательствами убеждение в том, что утверждается человеком, который без знания говорит о явлениях, не имеющих себе никакой параллели". Дж. Б. Шоу отметил: "Люди поверят всему, что развлекает, удовлетворяет и обещает им какую-нибудь прибыль".

Если обратить внимание на эти определения, развлекающие нас, то, казалось бы, разумный человек ничему не поверит. Но просто удивительно, что в большинстве мировых языков есть слова со значением веры и убеждения. Довольно печально, что некоторые христиане делают эту самую ошибку, когда определяют веру так, что она будто бы оказывается доверчивостью. Когда призывают таковых защитить свою веру, как апостол Петр советует (1 Петр. 3:15), то они отвечают: "Я просто принимаю все это верой".

С этим я не согласен. Верой нельзя оправдывать свое незнание или ленивость. Посвятить всю жизнь тому, что не можешь защитить, — это не вера; это — мужественная глупость. Можно оправдать любую историческую систему мышления, — коммунизм, фашизм, сатанизм, — утверждением: "Я просто это принимаю верой". Мы ни в коем случае не могли бы сделать разумный выбор между двумя мировоззрениями без некоторых удостоверений, взятых из наших различных систем убеждений. Джеймс Росс прав, когда утверждает, что "общепринятое представление веры, лишенной достаточного количества доказательств, совсем не соответствует... традиционному учению иудаизма и христианства". [James Ross, *Introduction to the Philosophy of Religion* (London: Macmillan, 1969), стр. 84—85.]

Как соответственно определить веру? Вера есть доверие, осведомленное доверие, приемлемое доверие, — доверие, основанное на некоторых доказательствах. Такие слова, как "вера" и "знание", всегда трудно определить, потому что отношение между ними постоянно меняется и в понятиях отдельных людей; оно отличается хоть в небольшой мере. Можно определить знание без всякого упоминания веры, но невозможно определить веру без всякого упоминания знания, потому что вера означает что-то менее знания.

Когда мы говорим, что кто-то нечто знает, то мы более или менее утверждаем, что он держится какой-то истины, которую прямым путем он может доказать. Мы часто заявляем: "Я это знаю и могу это доказать!" Редко кто из нас скажет: "Я этому верю и могу это доказать!" Поэтому, всякий раз, когда кто-то утверждает, что он нечто знает, мы свободны спросить у него об основаниях или причинах его утверждений. Этими основаниями или причинами скорее всего являются непосредственные чувства, наш прямой опыт или тому подобное.

Когда мы говорим, что кто-то чему-то верит, то более или менее утверждаем, что он держится предположения, которое он *прямым путем* не может доказать, но для которого есть достаточно *доказательств непрямого характера*, чтобы оправдать его убеждение. Что касается вопросов веры, мы обыкновенно говорим: "Я этому верю и могу представить довольно убедительные свидетельства в защиту моего убеждения". Такие более сильные по значению слова, как "доказательства" и "доказать", мы обычно относим к вопросам знания.

Итак, вера и логика не являются противоположными понятиями, хотя отличаются друг от друга по методу действия. Оба понятия ищут истину и знание. Логика принимает более прямой подход тем, что ищет истину путем прямого восприятия, индукции, необходимого подразумевания, контролируемой экспериментальной и тому подобного. Вера проникает в мир менее уверенных явлений, и в попытке дойти до истины она полагается на не прямые пути исследования, как, например, принятие выводов исследовательской работы, сделанной другими людьми. Приемлемая вера всегда основана на некоторых доказательствах, хотя они никогда не являются совершенными. Однако приемлемое доверие совершенных доказательств не требует, а то все судебные процессы и издание газет давным-давно прекратились бы. Вера должна иметь некоторые доказательства, а то она превратилась бы в неприемлемую веру и стала бы всего лишь доверчивостью или суеверием. Вера должна быть укоренена в реальности фактов, а то человеческое воображение измышляло бы всякие новые предположения, которые мы верой могли бы принять.

Может быть, лучше было бы Вам увидеть этот вопрос, представленный в графическом виде. Если смотреть на вопрос с точки зрения истины или знания, то приходится сказать, что вера стоит как раз посередине знания и незнания. Поэтому:

1. Знание есть истина, открытая прямыми доказательствами.
2. Вера есть истина, открытая непрямыми доказательствами.

3. Незнание есть отсутствие истины в результате того, что нет никаких данных, ни прямых, ни косвенных.

Если смотреть на вопрос с точки зрения психологической уверенности, то приходится сказать, что вера стоит как раз посередине уверенности и доверчивости или легковерия. Поэтому:

1. Уверенность есть убеждение, основанное на прямых доказательствах.
2. Вера есть убеждение, основанное на косвенных доказательствах. ?
3. Доверчивость есть убеждение, не основанное ни на каких доказательствах.

Заметьте, Агнос, что вера, стоящая между знанием и незнанием, уверенностью и доверчивостью, в некотором смысле, берет часть с обеих сторон. В вере находятся некоторые доказательства, относящиеся к Знанию, но также и некоторые неуверенности, потому что ее доказательства косвенные.

Чтобы уточнить дело, мне надо указать на то, что вся до этого представленная схема до крайности упрощена. Нужно ее немного затуманить. Мы настолько свободно пользуемся словами "знание" и "вера", что дать им навсегда уточненные определения никак не удастся. На самом деле, нельзя провести определенные разделяющие линии между знанием, верой и незнанием. Например, ничего странного нет в том, что одно и то же предположение является для одного человека знанием, а для другого вопросом веры. На суде происшедшие события, предлагаемые в качестве свидетельств, являются знанием для очевидца, но для присяжных они оказываются явлениями, которые принимаются верой. Опытный ученый потребовал бы ' более убедительных доказательств в подтверждение данного предположения, чем, скажем, уборщица. Мы утверждаем, что "уборщица без особого сомнения верит сказанному ей". Заметьте, как мы с сожалением говорим: "Он всегда был таким доверчивым".

Логика и вера составляют собой одно целое по линии, которую мы называем "методами, приводящими нас к истине". Они меняются медленно и постепенно. Если мы попытаемся найти точный разделяющий их пункт, то обнаружим только затуманенную полосу. Значит, как именно каждый человек пользуется словами "знание" и "вера", — зависит от некоторых явлений: от его естественного цинизма, доверчивости, рассуждающего подхода к рассматриваемому вопросу, от его формального образования и личных интересов.

Б. Какая метафора самая лучшая?

Если буквальное значение веры вызывает трудность, то символическое использование ее вызывает трудность почти ту же самую. Можем ли мы соответственно назвать веру "прыжком"? Вопрос сводится к тому, какие метафоры мы избираем, а, ведь, метафоры скорее всего зависят от личного вкуса каждого человека. Метафоры не подтверждают какого-либо Мнения; они лишь показывают то, что было доказано другими средствами. Поэтому, если мое представление веры достоверно, то название веры прыжком, — не доказывает, что она является нелогичным явлением.

Те, которые называют веру прыжком, стараются символизировать одну действительную сторону веры — понятие *важного решения*. Это верно, что вера никогда не вызывается доказательствами, как обычно случается, когда мы говорим о знании. Так как вера относится к области, в которой доказательства менее уверенного характера, то применяется фактор нашего выбора или решения: наша воля становится участником драмы. В вопросах веры решаешь доверить данному утверждению или человеку, потому что предоставленные доказательства убедительны. Так как религиозная вера относится к критическим последствиям (вечной жизни), то, видимо, тем более оправданно назвать веру прыжком.

Важное решение — это всего лишь одна сторона веры, даже религиозной веры. Ее второй стороной является вопрос убедительности доказательств. Даже перед тем, как прыгнуть, стоит осмотреться. Водит нас в заблуждение тот, кто утверждает, что вера есть прыжок в темноту или неизвестность. Также как утверждает Элтон Трюблад, без всякой трудности можно сказать, что вера есть вход в свет, то есть в свет, который у нас есть. Свет веры, быть может, тусклее света знания, но это не есть полная темнота. Мне все-таки кажется, что назвать веру "входом в свет" слишком скромно. В слове "вход" отсутствует понятие серьезного обдумывания вопроса, которое играет свою соответствующую, роль в религиозной вере.

Существует ли какая-то описательная метафора, лежащая между входом и прыжком и сочетающая в себе обе стороны веры: с одной стороны, доказательства, с другой, добровольное решение или выбор? Скачок. Вхождение. Быстрый необдуманный вход в дело. Может быть, "вступление на авантюру" — самая лучшая альтернатива, но видимо ничто в просторечии не заменит слова "прыжок". Думается, что я буду пользоваться термином "прыжок", но только при том условии, что Вы не будете утверждать, что это слепой прыжок в темноту. Вера — это риск, основанный на доказательствах, на таких убедительных доказательствах, что ими можно оправдать наше решение прыгнуть или вызвать у нас надежду на полный успех нашего прыжка.

Вот именно тут же, Агнос, я свободен представить Вам мое философское понятие апологетики. Христианская апологетика является дисциплиной, используя которую верующий старается доказать истинность христианской религии. "Доказать" здесь не указывает на установленное явление знания, но на доказательства, настолько убедительные, что можно ими поощрять человека "отправиться на авантюру". Пользуясь метафорой прыжка, я бы сказал, что моя ответственность, как апологета, в том, чтобы поощрять любого человека сделать серьезный прыжок. Я стараюсь показать, что прыжок не безнадежен, что можно дойти до противоположной стороны, что многие, жившие перед нами, это уже сделали, что опасности не так страшны, как нам они кажутся. Дальше этого апологет не пойдет. Можешь привести лошадь к воде, но не заставишь ее пить. Я предлагаю доказательства, но должны сделать прыжок Вы.

В. Первоначальный прыжок – философский реализм

Я настаиваю, что вера является вполне логичным действием человеческого разума. Вы каждый день пользуетесь ею и, по всей вероятности, этого даже не замечаете. Человеческий разум немало доверяет различным явлениям и людям. Доверять кому-то или чему-то — это неглупость, как и требовать оснований, чтобы подтвердить разумность доверия, — это также не глупость. Если посмотреть на детей и людей до времен цивилизации, то Вы увидите естественную склонность человеческого разума, — утверждать то, что, мол, "я готов поверить почти любому явлению по той причине, что жизнь полна интересных вероятностей". Разумеется, когда человек стареет и получает образование, то говорит: "Мне нужно постепенно устранять некоторые убеждения, потому что они в основном не соответствуют моему опыту". Но мы никогда не доходим до того, что заявляем: "Я никогда ничего не принимаю на веру!"

Один прыжок, который мы ежедневно делаем, относится к довольно уязвимой области философии — эпистемологии. Эпистемология есть изучение основы действительного знания. Одна из первых проблем эпистемологии заключается в том, на каких основаниях мы уверены, что существует настоящий мир за пределами нашего разума? Вторая сторона этой проблемы относится к вопросу: на каких основаниях я уверен, что существуют другие разумы, подобные моему? Мы не могли бы иметь никакой общественной жизни, если бы не верили, что каждая личность, обитающая в видимом теле, распоряжается своей внутренней сознательной жизнью, куда никто другой не может полностью войти. Убивая Вас, я не ощущал бы никакого сочувствия к Вам, если бы считал, что Вы, Агнос, — какой-то бессознательный механизм или материальная масса цветных форм, явившихся в частном поле моего зрения.

Главный вопрос вот в чем: как же нам все это известно? Точнее, на каких основаниях я это знаю, так как слово "мы" указывает и на Вас, а ведь я даже неуверен, что Вы действительно существуете. Как нам можно доказать существование мира и других разумов? Значит, докажите это, чтобы оно стало вопросом знания.

Солипсист отвечает: этого не доказать! Солипсизм есть убеждение, что ничего не существует, кроме собственного "я" мыслящего человека. Солипсист утверждает, что мир в своей целостности может быть всего лишь иллюзией, представляемой только нашему внутреннему "я". Я сам собой составляю реальность в ее целостности, утверждает он.

Рене Декарт считал, что он дошел до сути философской Истины, когда заявил: "*Cogito Ergo Sum*", то есть "мыслю, следовательно, существую". Дэвид Юм пошел дальше в заключении, утверждая, что надо постоянно сомневаться в вещах и устранить наше "я" и этим дойти до более основного тезиса: "мыслю, следовательно, существует мышление". Датский биолог, Ханс Дрейт, еще дальше утверждал, что мы можем быть полностью уверены лишь в одном: "я чем-то являюсь (хотя неуверен, чем именно) в тот момент, когда поднимаю вопрос". И наверно, дорогой Агнос, в этом-то и заключается для человека единственная Истина, не требующая доказательств, — единственное утверждение, не имеющее себе никаких предположений и не требующее никакой веры.

Поэтому солипсизм есть рационализм, дошедший до *абсурдности*. Солипсист решил ни во что не верить, кроме того только, что ему видно и не требует никаких доказательств. Однако такое отношение приводит его к признанию, что ничего не существует, кроме него самого. Но даже в этом он уверен всего лишь на протяжении каждой отдельной секунды. Я как-то сомневаюсь, что Вы являетесь солипсистом, потому что большинство людей являются реалистами. Реализм — понятие, противоположное солипсизму, — есть убеждение, что мир, как самостоятельная и безличная единица, существует за пределами нашего разума. Большинство людей являются реалистами по привычке. Однако, как в совершенстве доказать убеждение реализма? Это, в сущности, невозможно! Можно только предположить, что это так в силу того, что в жизни мы так действуем, и что это соответствует здравому рассудку. Все это выходит гораздо лучше, чем в случае солипсизма. Предположение всего этого на том основании, что оно объясняет окружающий мир, — вот это, по-моему, есть вера, т. е. доказательство непрямыми методами. Значит, реализм является действием веры, разумным прыжком, приемлемым доверием. Быть может, это первоначальный и самый основной прыжок, сделанный нами. Кто-то разумно заявил: "Вера смешана с первой пищей малыша".

Не забывайте, Агнос, что Вы отрицаете солипсизм, но не потому, что реализм не нуждается в доказательствах. В следующих главах я буду защищать христианство тем же самым методом, которым Вы отрицаете солипсизм.

Г. Вера предшествует и следует за знанием

В исследовании веры нам приходится рассмотреть еще другое общепринятое понятие — что знание всегда *предшествует* вере. Казалось бы, это довольно популярное понятие: узнай все, что возможно, и проводи линию между знанием и верой. Собери все факты, которые можно собрать, и тщательно приступай к неизвестному.

Прежде всего я должен согласиться с тем, что во многих случаях вера, то есть обоснованное доверие, следует за знанием. Я этим говорю, что, когда большинство людей серьезно изучает данный вопрос, то они собирают все *прямые* доказательства в подтверждение своих предположений и утверждений, а после этого тщательно оценивают рассматриваемое дело и составляют свои предсказания относительно всего остального, т. е. не прямых доказательств. Я все же не могу принять тезис, что вера приходит только после знания; она и предшествует, и следует за знанием. Мы только что показали, что без самосознания наше познание мира не имело бы никакого начала, если бы мы не сделали простого первоначального прыжка веры — не постулировали существования мира.

Любой психолог знает, что во всех нас есть сложная фильтрующая система, которая проверяет данные и классифицирует то, что мы воспринимаем, по какому-то *априорному* образцу. В изучении эпистемологии один из наиболее общепринятых мифов, который нужно опровергнуть, заключается в понятии, что есть *истинное* восприятие недистиллированных, то есть неинтерпретированных нами данных внешнего мира. Это просто неверно. Голые факты не входят просто в голову, также как нам не преподносят факты на ладони. То, что окружает нас и называется "миром", окажется "шумным беспорядком", пока мы сами этого шума не станем смягчать с помощью какого-то чувствительного фильтра. Все люди должны научиться посредством своего внимания, способности различать, посредством проб и ошибок, избрания и отвержения данных, как применять

упорядочивающий принцип к целому ряду чувствительных явлений.

Даже в области чувствительного восприятия играет свою роль привычка все интерпретировать, которой мы сами научились. Ваше представление мира оказывается интерпретированным представлением. Если Вы спрашиваете: чем является мир сам по себе?, то Вы вероятно никогда полностью не ответите на этот вопрос. В прошлом физики утверждали, что "действительный" или неинтерпретированный мир лишен многих черт, которые мы обычно приписываем ему: цвета, звука, вкуса, обоняния. Они говорили, что все эти черты являются "субъективными" аспектами подлинности, то есть они существуют в том человеке, который воспринимает данные, но не в самих воспринимаемых данных. Мы немало потеряли, отказавшись от этих субъективных аспектов, но, быть может, как думали некоторые, мы были компенсированы тем, что, наконец, дошли до сути реальности.

Психологи называют эту *априорную* фильтрующую систему восприятия "перцепционной наклонностью". Чтобы подтвердить ее подлинность, надо только поехать в Австралию и сравнить наше представление мира с представлением, которого придерживаются аборигены. Или, сравните Ваше представление мира с представлением, которого придерживались люди средневековых или древних времен. Вы весьма удивитесь, когда увидите, в какой мере Ваше представление целой массы данных, окружающих нас, отличается от их представления. В будущем и в других местах люди будут обращать внимание на те вещи опыта, которые Вы сейчас не считаете важными.

Эта перцепционная наклонность, этот фильтр предубеждения является *делом веры*. Я здесь имею в виду то, что она принимается нами, когда мы еще малые дети и неспособны проверить ее объективными средствами. А потом, когда мы немножко подрастаем, то эта наклонность образовывается и усиливается в нас.

Может быть, Вы скажете: "Все-таки, моя перцепционная наклонность правдива, у аборигена она искажена". Как Вам это знать? Дело зависит от Вашей точки зрения. Кто Вы такой, чтобы утверждать, что абориген обращает внимание не на те вещи? Вы, быть может, ответите: "Моя перцепционная наклонность заставляет меня говорить истину о материальном мире, когда его перцепционная наклонность заставляет его говорить неправду". Это спорное утверждение, но если бы я даже согласился с Вашей оценкой, то должен сказать, что Вы ясно не обладали способностью сделать такую оценку в то время, когда начали пользоваться своей перцепционной наклонностью. Когда Вы начали пользоваться ею, то приняли ее на веру, не знанием. Поэтому доверие предшествует знанию; значит, знание следует за верой. Нет смысла утверждать, что наше восприятие вещей предшествовало нашему доверию; все, видимо, как раз наоборот. Ваше познание мира не имело бы начала без Вашего принятия особенной перцепционной наклонности на веру. Вера предшествует знанию и открывает путь к знанию.

Августин Блаженный однажды выразил такую мысль: "Я верю для того, чтобы уразуметь". Вместо того, чтобы противиться логике, вера помогает логике выйти на свой путь. Я уверен, что Августин Блаженный имел в виду многие вопросы, когда так выразился; один такой вопрос наверно" состоялся в том, что ничего конкретного не разберешь из шумного беспорядка, который мы называем "опытом", пока не приложишь к данным какого-то упорядочивающего принципа. Можно по-иному выразить эту истину с другой точки зрения: никак нельзя подтвердить сложную гипотезу о целой, массе данных, пока предварительно не признаешь ее верной и сам не проверишь ее, чтобы узнать, соответствует ли она известным данным или нет?

"Верить для того, чтобы уразуметь" означает "дать теории возможность оправдаться". Данные никогда сами по себе не организуются, только разум с какой-то теорией может это сделать. На суде адвокат в сущности говорит; "Давайте будем на некоторое время считать, что мой клиент невиновен; увидим, не помогает ли моя гипотеза о его невиновности понять известные факты лучше, чем гипотеза о его виновности". Во время суда дело подсудимого справедливо пересматривается только тогда, когда присяжные серьезно считаются с гипотезой о его невиновности. Значит, справедливость требует веры!

Принцип "я верю для того, чтобы уразуметь" действителен даже в психотерапии. Виктор Франкл, известный австрийский психолог, однажды сказал девочке, что "умственному достижению предшествует экзистенциональная преданность делу". Когда она просила, чтобы он логическим

образом объяснил смысл ее жизни и повседневного труда, доктор Франкл поощрял ее без ясных ответов на поднятые ею вопросы проявить зрелость и хотя бы на некоторое время потерпеть жизненные трудности. "Если умственно ты этого не можешь принять, — сказал он ей, — то хоть чувствами должна какому-то смыслу верить. Даже бы если я не нашел общего смысла, хотя имел бы некоторое понятие о нем, то мне бессмысленно ждать до восьмидесятилетнего возраста, чтобы, наконец, предаться ему. Я должен сейчас доверить моему неполному пониманию общего смысла и предаться в служении ему". [Смотри re Robert C. Leslie, *Jesus and Logotherapy* (New York: Abingdon Press, 1965), стр. 62.] Даже в психотерапии преданность и доверие предшествуют знанию и уверенности. "Я действую, следовательно; надеюсь, что когда-то узнаю".

Августин Блаженный и Виктор Франкл знали очень хорошо, что *скептицизм действительно уничтожает жизнь*. Вера способствует благополучной жизни; сомнение уничтожает ее. Если бы Вы делали только то, что можно подтвердить или в чем никак невозможно усомниться, то по всей вероятности с утра не оставляли бы постель. Вы оказались бы в парализованном состоянии, в кататоническом состоянии. Как уже было сказано, последовательный скептик или сходит с ума или убивает себя.

Д. Вера и научные открытия

Вера, то есть убеждение, основанное на доказательствах, полученных непрямыми путями, особенно применима в научно-исследовательской работе. Ученые часто предполагают о существовании многих вещей еще задолго перед тем, как их находят. Например, если бы по какой-то причине не даровалось нам возможности видеть Луну прямым средством, то мы, тем не менее, постулировали бы ее существование в силу того, что она, своими непосредственными путями, действует на наше сознание. Например, если бы мы не могли видеть Луну непосредственным образом, то все равно могли бы сказать, что за пределами Земли существует какое-то тело по причине морских приливов и отливов, а также и затмений.

Если привести примеры из истории науки, то отметим, что люди предполагали существование атомов задолго до того, как ученые прямыми путями стали исследовать их. Ученые верили, что атомы существуют, — не потому, что они видели эти основные единицы при микроскопическом уровне, а потому, что их предположение об атомном составе материи много объясняло из того, что они видели на макроскопическом уровне. Таким же образом предполагали существование генов. Чтобы объяснить то, что происходит при воспроизведении живых организмов, еще задолго до открытия электронного микроскопа биологи постулировали, что существуют носители наследственного материала. Только после изобретения этого нового сильного глаза биологи смогли увидеть цепи генов в хромосомах. Теория о существовании микробов имеет подобную историю. Луи Пастер верил, что существуют бактерии задолго до того, как он сумел доказать их реальность. Он верил, что они существуют потому, что этим многое в мире объясняется. Еще за два столетия до Пастера итальянский физик, Франкосторо, предложил гипотезу, что моровые язвы вызывались невидимыми "заразными семенами".

Очень интересный пример доказательств, полученных непрямыми путями, мы находим в открытии планеты Нептун. После того, как в 1781 году английский астроном Уильям Гершель обнаружил планету Уран, астрономы заметили, что планета не следовала ими записанному орбитальному маршруту. Они видели, что между 1800 и 1810 годами орбитальная скорость и расстояние Урана от Солнца было больше, чем между 1830 и 1840—годами. Выходит, что местоположение предполагаемой планеты в различные времена было предсказано двумя астрономами: французом Урбеном Леверье и англичанином Джоном Каучем Адамсом. Немец Иоганн Галле обнаружил Уран 23 сентября, 1846 года, работая в Берлинской обсерватории. Ньютоновская механика отпраздновала величайшую победу.

Пьер и Мари Кюри пользовались подобным рассуждением, когда изолировали и выделяли радий из урановой смолки и халькозина. До этого было известно, что урановая смолка содержит в себе два элемента: уран и торий. Однако Мари Кюри замечала, что какое-то вещество в урановой смолке издает более сильное радиоактивное излучение, чем уран или торий. Она с мужем изолировала полоний, который в 400 раз более

радиоактивен урана. Они продолжали работать над этим материалом, пока не получили радий, который в радиоактивности в 900 раз сильнее урана. Супругам Кюри было бы легче не обращать внимания на различные измерения радиоактивности и найти какое-то несерьезно обдуманное, объяснение этого явления, но они придерживались убеждения, поощряющего ученых уже целые столетия, — именно, что *когда нечто существует, то это каким-то образом проявляется*.

Агнос, из этих примеров, кажется, Вам теперь довольно ясно, что наука не могла бы существовать без веры в ее правильном значении.

Е. Две крайности: рационализм и фидеизм

Иногда можно определить данное явление, пользуясь его двухсторонними крайностями. В человеческом рассуждении истина по данному вопросу скорее всего лежит где-то посередине. Я думаю, что то же самое можно сказать и о вере. Так как вера является разумным доверием, мыслители как-то преувеличивают или ее логичность, или наше доверие. В разные моменты истории вера часто лежала между двумя неприятными положениями. Пользуясь терминологией Гегеля, приходится сказать, что вера — синтез между антитезисом рационализма и тезисом фидеизма.

1) Ложность рационализма лежит на одной стороне веры. Рационалист верит, что знание однородно, то есть что во всех частях оно одинаково и доставлено из сочетания всего того, что не нуждается в доказательстве. Самый яркий образец рационализма мы находим в геометрии, потому что в ней встречаем переход с истин (аксиом), не нуждающихся в доказательстве, к необходимым выводам путем надежного логичного рассуждения. Дедукция — вот это главное правило данного обсуждаемого дела: извлечь необходимые выводы из необходимых истин. Это вопрос тавтологии: выводы неизбежны.

Когда рационализм идет в крайность (которую я называю "настойчивым рационализмом"), то он развивается в невротическую страсть сделать все в мире "ясным и определенным понятием". Словами Честертона: "(Рационалист) живет в ясно освещенной тюрьме одной идеи". Его ум рассуждает по образцу совершенного круга, но этот круг весьма узок. [G. K. Chesterton *Orthodoxy* (Garden City, N. J.: Doubleday, 1969), стр. 20.] Если знание монолитно, то отсутствует континуум, то есть степень уверенности не меняется. И вот для рационалиста непрощаемым грехом является вера, — склонность принимать явления на основании доказательств, которые не доходят до совершенства; — привычка говорить о вероятностях и допустимом сомнении. Он не может принять того, что не основано на прямых доказательствах: на истинах, действительных чувствах, настоящем опыте, неизбежных заключениях, выведенных из всего этого.

Иисус Христос сказал, что гору можно передвинуть верой, подобной горчичному зерну (Матф. 17:20). Рационалист изменяет эту метафору и утверждает, что необходима вера, подобная горе, для того, чтобы передвинуть горчичное зерно!

2) Ложность фидеизма идет в другую крайность заявлением, что настоящая вера не нуждается ни в каком доказательстве [*"Фидеизм" свободно переводится, как "вераизм". Три других слова, используемых подобным образом, — "пиетизм", "мистицизм" и "фанатизм".*] Фидеист пренебрегает всеми попытками приписать вере хотя бы частичную рациональную основу; он Денонсирует философию и человеческую логику, как средства дьявола. Он настаивает, что религия должна пользоваться полной уверенностью и что человеческая логика ни в коем случае такой уверенности не имеет. Поэтому вера является радикальным доверием Богу, не приемлемым доверием, основанным на не прямых доказательствах.

Интересно отметить, что в истории христианства часто вместе сосуществовали и рационализм и фидеизм; одна крайность, казалось бы, вызывает другую. Тертуллиан (160—230 гг.) считал, что ему надо было выступить против греческой философии своего времени. О воскресении он сказал: "Верую в воскресение потому, что оно абсурдно; оно является несомненным фактом потому, что оно неправдоподобно" [*Некоторые ученые сомневаются в том, что Тертуллиан выразил самую неразумную идею. Я соглашусь с Ницше, когда он говорит: "Я верю потому, что сам являюсь абсурдным".*] После него Бернар Клервоский (1091 — 1153 гг.) выступил против рационализма Пьера Абеляра (1097—1142 гг.) и обвинил его в том,

что он "сильно жаждет доказательства". Лютер и Эразм Роттердамский подвергли нападкам тонкости схоластики своего времени. [Одной из самых приятных сатир относительно рационализма является произведение Эразма Роттердамского; в английском переводе; это — Erasmus, *Praise of Folly*, trans. Leonard F. Dean (New York: Hendricks House, 1946), стр. 95 и дальше.] Серен Кьеркегор критиковал рационалистический пантеизм Гегеля. Вдохновляясь Кьеркегором, Барт и Бруннер в наше время проявили сильную реакцию против рационалистического оптимизма девятнадцатого века. В истории христианства все известные фидеисты согласились бы с Б. Паскалем, что "для сердца есть основы, неизвестные разуму".

Агнос, мне становится как-то неловко всякий раз, когда приходится критиковать фидеизм, потому что людям кажется, что этим я критикую саму веру, когда я в сущности критикую неосведомленную веру. "Иметь веру в веру" — это не библейская вера, как и "быть влюбленным в любовь" не является библейской любовью. Любить любовь невозможно; можно только любить что-то или кого-то, например, женщину. Если любишь женщину, то это благодаря тому, что какая-то объективная черта привлекает тебя к ней: ее красота, интеллигентность, грация, достоинство, остроумие, очарование. То же самое можно сказать и о вере. Как только начинаешь говорить о вере, то сразу же имеешь в виду какой-то объект. Значит, речь идет о вере во что-то. Данный объект надо объяснить с помощью логики, по крайней мере, на первой стадии веры.

А что можно сказать о последней стадии веры? Именно тут же, когда я критикую фидеизм, мне становится совсем неловко. Все великие фидеисты истории заявляют что-то очень хорошее: что религиозная вера, в конечном счете, превосходит (хотя и включает) рационалистические, объективные и научные категории мышления. Несмотря на все свои личные переживания, одна из самых великих женщин, Хелен Келлер, находила силу в простой несомневающейся вере. "Простая детская вера в божественного Друга, — сказала она, — разрешает все проблемы, приходящие к нам от земли и моря". Многие люди, которые с этим согласны, предполагают, что Христос рекомендовал такую детскую веру, как условие для спасения.

Истина в том, что Христос *не велел* нам иметь такую веру. Он на самом деле сказал: "Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном" (Матф. 18:4). Умаление себя — это не Доверчивость или наивность. Апостол Павел явно советует коринфским верующим не думать подобно детям—"Братья! не будьте дети умом; на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни" (1 Кор. 14:20).

Вся опасность в рекомендации людям детской веры заключается в том, что дети очень легко сбиваются с правильного пути. У них способность здравомыслящей оценки не развита, поэтому они не узнают диктаторов, шарлатанов или религиозных обманщиков. Если вместо *содержания* или *объекта* веры важной оказывается только *сама вера*, то нет ничего, препятствующего человеку по личному желанию поклониться любой особе или понятию: Молоху, Зевсу, сатане, коммунизму Гитлеру или просто деньгам [*Это напоминает нам о знаменитом высказывании Кьеркегора, что человек, который со страстью поклоняется идолу, оказывается лучше того, кто без страсти поклоняется истинному Богу.*] Если важен объект веры, то это значит, что логика (заметьте: логика, не рационализм) играет свою соответствующую роль. Если логика не имеет никакого значения, то мы можем всего лишь сравнить одну систему мышления, в которой человек делает прыжок веры, с другой. Первый тогда может сказать второму: "Мой прыжок веры все-таки лучше твоего".

Ж. Сбалансированная монета: диалектическая суть веры

Выходит, Агнос, что настоящая вера — диалектична, то есть она оказывается полем битвы между двумя противоположными силами. Она предполагает тонкий баланс между рационализмом и фидеизмом, логикой и доверием, доказательством и преданностью, головой и сердцем, логикой и аксиомой, фактом и ценностью. Этот баланс можно выразить разными путями. Можно утверждать, что мы должны стараться быть и нежными и строгими. Надо избегать недуховного богословия и внебогословской преданности. Преданность без рассуждения — это фанатизм, тогда как рассуждение без преданности оказывается прекращением всякой деятельности. По выражению Канта: логика без веры пуста; вера без логики слепа.

У рационалиста отмечается такой невозможный стандарт доказательства: он почти ни во что не верит. Фидеист придерживается такого нестроного стандарта доказательства, что он (логично) в состоянии поверить всему возможному. Посередине стоят те люди, которые держатся разумного стандарта доказательства. Они во что-то верят, то есть во что-то приемлемое!

Рационалист говорит: "Прокляты прыгуны (по вопросам веры)!" Фидеист говорит: "Блаженны прыгуны!". Я утверждаю: "Блаженны критические прыгуны!".

Утверждая это, я уверен, что впадаю в преобладающее течение христианского мышления. На протяжении двухтысячелетнего периода большинство христианских мыслителей считают, что вера и логика должны крепко держаться друг за друга, чтобы им не пропасть. В этом-то и заключалось основное понятие Клемента Александрийского, Августина Блаженного, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского и Жана Кальвина. Наш век увидел группу внушительных фидеистов: Барта, Бруннера, Тиллиха, Бульмана. Я лично считаю, что отделение у них веры от логики не устоит. Мне кажется, что христиане в своем большинстве всегда возвращаются к деликатному балансу, который я описал в этой главе и еще постараюсь выработать в этой книге.

Если вера состоит из диалектической двусторонности, из-за которой чувствуется постоянная тяга то в одну, то в другую сторону, то наша ответственность в проповедовании Слова Божьего из века в век может отличаться по тому пункту, что мы в Писании выделяем и подчеркиваем. Например, в те века, когда преобладает фидеизм, нам скорее всего надо показывать довольным людям, которые верят всему без особого критического отношения, что те вещи, в которые они верят, нуждаются в подтверждении, то есть что они принимаются верой и должны быть доказаны непрямыми методами. А в те времена, когда преобладают логика и дух сомнения в религиозных вопросах, нам надо провозглашать на кровлях, что вера не является слепым доверием, а приемлемым доверием, для которого существует достаточно убедительных доказательств. Значит, наука и логика не держат ключа к открытию всех тайн и всякий разумный человек может стать христианином, не распиная в себе интеллекта.

Если вера диалектична, то нам нужно избегать ошибки редукционизма, согласно которому утверждается, что данное явление сводится *всего лишь* к одному или другому. Богослов-рационалист может сказать, что религия — всего лишь догма или доктрина, когда фидеист может сказать, что она — всего лишь чувства. Сомневаюсь, что мы в силах доказать, что есть всего лишь одна какая-то "простая идея" или одно какое-то "простое чувство". Человеческая природа столь сложна, что свести ее только к одной определенной простой идее невозможно. Я сомневаюсь в том, что любая идея полностью отделена от чувства. Филип Уилвraith утверждает, что в каждой идее есть свой естественный "чувствительный элемент". В абстрактных идеях, как и в математических понятиях, этот чувствительный элемент оказывается довольно слабым, тогда как в этических понятиях, как и в вопросе справедливости, чувствительный элемент может быть весьма сильным. Когда мы думаем о справедливости, то нам приходят на мысль образы судебной справедливости, справедливого разделения товаров между людьми, соблюдения гражданских прав и т. д. Уилвraith говорит: "Когда такого чувствительного элемента недостает, то данная так называемая идея оказывается всего лишь тем чувством, которое высказывается словами в горле и воспринимается ухом". [Philip Wheelwright *The Way of Philosophy* (New York: Odyssey Press, 1954), стр. 412—413.]

Так вот, Бог является именно одной из таких идей, содержащих в себе сильный чувствительный элемент. Кто верит только в идею о Боге, тот в сущности в Него не верит.

3. Заключение

Агнос, остальная часть книги посвящена тому, чтобы убедить Вас в приемлемости христианской жизни по вере и в том, что она основана на убедительных, хотя не прямых, доказательствах. В конечном счете, христианская вера — это ответ всей нашей личности Богу во Христе. Вера — более, чем только наше умственное принятие некоторых доктрин о Христе; это наше "да", выраженное Христу всей личностью.

Когда мы говорим о вере, то она в своем значении различается по тому, к чему она относится: к фактам или к людям. В отношении к фактам вера несет значение сомнения, предположения или неуверенности. Например, когда кто-то заявляет: "Предполагаю, что сегодня пойдет снег", то этим он утверждает, что он не знает, пойдет ли снег или нет, но что это возможно или вероятно случится. [В английском оригинале автор буквально пишет: "Верю, что сегодня пойдет снег". На английском языке слово "верю" в таком случае вполне приемлемо и соответствует русским словам "предполагаю" или "допускаю" (*прим. перев.*.)] Однако, когда слово "вера" употребляется в отношении человека, то им выражается понятие доверия или уверенности. Если Вы слышали плохую информацию, скажем, об Иване, и говорите: "Ивану я верю", то Вы этим показываете Ваше доверие ему. Ваше заявление об Иване равносильно утверждению: "Что бы ни говорилось об Иване, я все равно доверяю ему самому".

Разумеется, есть какая-то связь между фактами, относящимися к жизни Ивана, и Вашим доверием ему. *Вытали* доверять ему потому, что в прошлом его поведение заслужило доверие. Большинство из нас не доверяет незнакомому лицу, которого мы только в первый раз увидели. Но раз мы нашли причины доверять данной личности, то считается неприличным нам без всякого сомнения согласиться с переданной нехорошей информацией о ней.

То же самое можно сказать в отношении Христа. Доверие или упование на Христа основано на надежных, действительных, объективных доказательствах, "о христианская вера — это что-то более, чем только объективные доказательства. Христианское богословие говорит об обоих видах веры, но, к сожалению, апологетика выделяет, главным образом, фактическую основу веры по той причине, что большинство неверующих считают, что для веры нет никаких объективных фактов. Как жалко, потому что апологет старается, в сущности, привести Вас к полной отдаче и посвящению себя Богу.

Агнос, когда станут известны все соответствующие факты, то Вам придется сделать окончательное решение. Сможете ли Вы выступить из света знания и перейти к более тусклому свету веры? — вот это будет по Вашему выбору. Эмерсон однажды написал Карлейлю: "Вера и любовь могут появляться порывисто в самых лучших умах. Люди живут на пороге тайн и созвучий, в которые не входят, а умирают снаружи, держась за ручку двери". [Цитата взята из письма Эмерсона Томасу Карлейлю, написанного 12 марта 1835 г.]

Надеюсь, милый друг, что Вы не умрете с наружной стороны духовной двери!

4. Проблема доказательства

Когда кто-либо берется что-то доказать, Агнос, то ему прежде всего нужно обсудить саму теорию доказательства. Как в любой игре есть соответствующие правила, так есть они и в игре доказательства. На вопрос: каким образом данное утверждение доказать? — простого ответа нет. Доказательство на судебном процессе может отличаться от доказательства в геометрии, и доказательство в науке может отличаться от доказательства в теологии. Многие мыслители говорят, что логичным противоречием является выражение "теологическое доказательство", „но так вообще говорят те люди, которые утверждают, что вера является слепым прыжком. Если вера является приемлемым прыжком, как мы утверждали в предыдущей главе, то моя обязанность в том, чтобы показать, что религия может пользоваться теми методами доказательства, которыми пользуются другие формы изучения. Давайте начнем с расследования самой уверенной формы доказательства, — дедукции.

А. Доказательство дедукцией

Если есть такое явление, как "совершенное доказательство", то оно вероятно находится в дедуктивных процессах. Совершенное доказательство имеет то значение, что Ваше утверждение, то есть Вами утверждаемый вывод, необходимо вытекает из Вами представленных причин (То есть предпосылок). Это значит, что нет никакого сомнения, — приемлемого или какого-либо другого, — в данном выводе.

Выражение "сделать вывод из чего-нибудь" связано с латинским словом *deductio*, означающим "выведение из чего-нибудь". В дедукции рассуждаешь, начиная с общего, и переходишь к специфичному, то есть в рассуждении начинаешь со всеобщего и переходишь к определенному, как показано в следующем силлогизме:

- 1) Все вороны — черного цвета.
- 2) Яков является вороной.
- 3) Следовательно, Яков — черного цвета.

Изучая этот образцовый силлогизм, Вы заметите три характерные черты дедукции, которые дают силлогизму "несомненные" его выводы:

- 1) Ваш вывод неизбежен, если предпосылки достоверны и если ' силлогизм правильно составлен (то есть если он состоятелен)
- 2) Ваш вывод заключен в предпосылках.
- 3) Никакое открытие в мире фактов не изменит достоверного состояния вывода, если предпосылки достоверны и силлогизм состоятелен.

Если принять первые две предпосылки нашего образцового силлогизма, то никак нельзя, без внутреннего противоречия, отрицать вывод, потому что вывод заключен в предпосылке. Надо только вытеснить и выявить ее. Дедукция — это упражнение тавтологии: определяешь необходимое значение предложений, вместе составленных по состоятельному образцу. Если бы Вы доказали, что "все вороны — черного цвета", то Вы подсчитали бы всех ворон, и если Яков, на самом деле, является вороной, то он был бы одним из подсчитанных Вами. Поэтому Вы знали бы, что он черного цвета без составления этого силлогизма. Почему, тогда, нужно составить силлогизм в доказательство того, что, как Вы сами знаете по непосредственному опыту, утверждаемое совсем достоверно? Дедукция основана на предпосылках, которые, — если они совсем достоверны, — казалось бы, делают дедукцию ненужным упражнением? Но дело в том, что полезность дедукции мы с соответствующей тонкостью поймем только после того, как пересмотрим другой метод, — метод индукции.

Не надо считаться с эмпирическим миром для того, чтобы пользоваться дедуктивным процессом. В дедукции можно всю жизнь играть с символами и никогда не объяснить, что именно они собой представляют, но все-таки приходишь к каким-то неизбежным выводам. В математике, которая оказывается весьма дедуктивной, $2 + 2 = 4$ независимо от условий в мире эмпирических фактов. Можешь закрыть глаза, прикрыть уши и нос, связать пальцы и язык клейкой лентой, притупить чувства, но все равно скажешь, что $2 + 2 = 4$. Это верный факт, независимо от предметов, с которыми имеешь дело. По этой причине в математике можно поместить решения проблем в конце книги; в дедуктивном процессе может быть только одно верное решение. Если Вы, скажем, пришли к решению, которое отличается от правильного решения, то проблемы Вы не поняли.

Агнос, теперь Вы готовы понять критическую разницу в логике, — разницу между *состоятельностью* и *достоверностью*. Люди свободно пользуются словом "состоятельный" со значением "верный" или "достоверный". Однако, в формальной логике слово имеет то значение, что силлогизм правилен в своем составлении или форме. Слово "состоятельный" не доказывает, что силлогизм в целостности своей достоверен. Например, обратите внимание на следующий силлогизм:

- 1) Неразумен всякий, кто ест морскую водоросль.
- 2) Все апологеты едят морскую водоросль.
- 3) Следовательно, все апологеты неразумны.

Этот силлогизм состоятелен, то есть вывод соответственно вытекает из предпосылок, и вывод был бы надежным, *если бы* предпосылки были достоверны. Однако, обе предпосылки неверны, поэтому вывод оказывается ненадежным, хотя силлогизм в своей целостности состоятелен. Чтобы проверить состоятельность силлогизма, надо всего лишь свести его к символам:

- 1) Все "С" равносильно "Ц".
- 2) Все "А" равносильно "С".
- 3) Следовательно, все "А" равносильно "Ц".

Как только сводишь силлогизм к символам для того, чтобы проверить его состоятельность, то, отделяешь дедуктивный процесс от мира подлинных фактов. Мы теперь видим, что восхваляемая несомненность дедукции обманчива. Эта присущая ей несомненность подобна пророчеству, которое само по себе исполняется. От начала *знаешь*, каковым будет вывод, потому что условия данной проблемы были заранее оформлены. Если $2x=10$, то без всякого сомнения знаешь, что $x=5$, потому что по известному определению цифр "2" и "10" и по определению целых чисел, "х" может быть только "5". Если утверждать что-то иное, то противоречишь самому себе. Основой всякой разумной аргументации и коммуникации является закон противоречия.

Несомненность дедукции подобна заявлению, что "все хорошие люди являются людьми". В этом заявлении нет ничего, удивляющего нас, потому что сказуемое (предикат) содержится в подлежащем. Когда в предложении предикат содержится в подлежащем, то мы это называем "аналитическим утверждением". По определению, такие утверждения достоверны. Они целиком достоверны, но сами по себе никакой новой информации нам не дают. Много не узнаешь о мире, обращая внимание на такие лишние заявления как: "у холостяков жен нет"; "у вдов мужей нет"; "слепые не видят"; "глухие не слышат".

Во все периоды истории были люди (особенно рационалисты), которые считали, что доказать любую вещь можно только этим математически-дедуктивным методом. Однако, они не понимали того, что в вопросах, относящихся к фактам, дедукцией ничего, в сущности, не доказываешь. Как Бертран Рассел и Алфред Уайтхед заявляют в произведении "*Principia Mathematica*", настоящая математика достоверна лишь потому, что она является особым видом дедуктивной логики. И логика и математика выходят из тавтологии, определяющих аксиом. Логика очень важна по той причине, что она придает *форму* содержанию реальности, однако невозможно пользоваться логикой для того, чтобы заранее доказать *содержание реальности*. Это правда, что если иметь надежные силлогизмы, то также надо иметь и правильную форму, но предпосылки должны быть достоверны. Это приводит наше исследование к критическому вопросу: каким образом доказать достоверность предпосылок? \

Б. Доказательство индукцией

Доказать достоверность предпосылок можно индукцией. Это слово пришло к нам из латинского языка и означает "ведение к чему-нибудь". В индукции начинаешь рассуждать с определенного и переходишь к общему, с индивидуального идешь к универсальному. Спускаешься на землю среди травинки и подсчитываешь все те сотни и тысячи подробных единиц, которые вместе составляют используемые дедукцией доводы в оформлении большой общей предпосылки, — такие как: "все люди смертны"; "все вороны — черного цвета".

В индукции предпосылки не являются всеобъемлющими обобщениями. Это дискретные, атомные единицы наблюдения. Допустим, что Вы хотели бы доказать достоверность предпосылки, используемой Вами в данном силлогизме ("все вороны — черного цвета"). Вам нужно было бы выступить в мир и посмотреть на отдельных ворон. Ваша запись наблюдений выглядела бы следующим образом:

- 1) Ворона № 1 — черного цвета.
- 2) Ворона № 2 — черного цвета.

3) Ворона № 3 — черного цвета... и так далее.

Другими словами, выходит, что каждая ворона, которую Вы встретили — черного цвета. Оправдано ли Ваше тогда заключение, что все вороны — черного цвета? Не забывайте, что есть большая разница между заявлениями "все вороны — черного цвета" и "все вороны, подсчитанные мной, — черного цвета". Перейти со второго заявления к первому — это называется "индуктивным прыжком", подобным прыжку веры. В любой день Вы никак не могли бы увидеть всех существующих ворон, не говоря уже о воронах, которые существовали в прошлом и еще будут существовать в будущем. Поэтому Вы не имеете права прийти к выводу, что "все вороны — черного } цвета". Вам можно выразить такую мысль, но только как личное убеждение. Дело в том, что Ваша предпосылка не вынуждает Вашего вывода. Поэтому в индукции:

1) Ваш вывод никогда не вынуждается предпосылкой.

2) Ваш вывод автоматически не содержится в предпосылке.

3) Новое открытие может изменить достоверность Вашего вывода (например, если бы Вы нашли белую ворону, то это уничтожило бы Ваш вывод).

Кажется, это заставляет нас прийти к несчастливому заключению, Агнос: индукция не может дать нам верных несомненных выводов. Дедукция дает нам некоторые выводы, но избегает дел, связанных с подлинным миром. Разумно было сказано, что "дедукция не имеет права на свои предпосылки, а индукция не имеет права на свои выводы". Как же тогда нам, людям, познать подлинные истины? Джордж Мередит написал такие строки: "Ах, какой туманный ответ получает душа, Когда в жизни горячо ищет уверенности".

В реальности же дело обстоит не так⁷ плохо, как нам кажется. Мы, все-таки, обходимся довольно благополучно, проживаем наши 70 лет и в этом процессе много узнаем о мире. Но мы это делаем, оставив фантастический идеал абсолютной дедуктивной истины. Мы выживаем благодаря тому, что учимся верить, совершать индуктивные прыжки, доверять реальности и людям. Если нужно было бы все доказать дедуктивным методом, то это закрыло бы все наши суды, уничтожило бы все наши газеты, прекратило бы всякую запись истории и всякую научно-исследовательскую работу *Мир действует на основании принципов вероятности и доверия, Агнос, не на основании принципа дедуктивной несомненности.*

Агнос, выступая в защиту христианства, я буду пользоваться следующими принципами: истины о делах фактов в отношении эмпирического мира никогда логически не являются необходимыми, потому что логика не может полностью предопределить сущность реальности. Всегда можно представить противоположное фактам. Но сама логическая возможность ошибки не означает, что мы должны сомневаться в весьма вероятном эмпирическом утверждении. Если бы так, то в мире фактов мы никогда не могли бы аргументировано защитить никакое утверждение. Когда мы просим доказательств данного утверждения, относящихся к фактам, мы в сущности не желаем, чтобы была показана их логическая невозможность, но чтобы были представлены нам определенные доказательства, которые рассеют наши нормальные сомнения.

Итак, мой друг, Агнос, Вы ничем не повредили христианству, показав, что доказательства в защиту его не являются дедуктивными. Никакое дело, относящееся к фактам, не является дедуктивным, потому что в дедукции сравниваешь идеи с идеями ($A=A$; $2 + 2 = 4$), а в индукции входишь в мир подлинных вещей: палок, камней, людей, кусков бараньего мяса. В этом мире вещи часто вызывают сомнения. Когда составляешь утверждения о мире, существующем за пределами нашего разума, то вместо того, чтобы отнести одну идею к другой, относишь идею к объекту. Отнести идею к объекту гораздо труднее, чем отнести идею к другой идее. Большинство наших споров касается объективного мира и того, как отнести идею к этому миру.

В. Последовательность и соответствие

Можно яснее увидеть разницу между дедукцией и индукцией, когда мы их заменим и станем пользоваться терминами "последовательность" и "соответствие". Во многих текстах, обсуждающих логику, Вы найдете, что "Теория последовательности истины" сопоставляется с "Теорией соответствия истины". Последовательность пользуется индукцией тогда, как соответствие пользуется дедукцией.

Вероятно, самым древним и самым популярным определением достоверной истины является последовательность. По этому определению говорится, что данное утверждение достоверно, если только то, о чем сообщается, существует в мире согласно тому, как оно описано самим утверждением. Достоверность — это свойство утверждений, соответствующих подлинному миру. Достоверное утверждение передает надежную информацию о порядке вещей, который лежит за пределами самого утверждения. Теория соответствия гласит так: проверь исходные данные, чтобы увидеть, достоверно ли утверждение. Большинство из нас считает, что если данный факт или событие не проявило воздействия на наше сознание, то они не являются подлинными реальностями. Перед тем, как нам приписать данному факту качество подлинности, он должен быть захвачен нашим "я", взволновать наш ум. В отношении человека ничто не может быть подлинным, пока оно не затрагивает и не относится к нашему сознательному опыту.

Теория соответствия — это теория здравого рассудка. Мы каждый день пользуемся этой теорией. Без нее мы не знали бы никаких фактов. Все великие герои эмпирической эпистемологии: Аристотель, Фома Аквинский, Локк, Расселл, — с полной убежденностью выступали в защиту этой теории. Однако, в ней мы встречаем некоторые трудности. Прежде всего, когда мы говорим, что "достоверное утверждение должно соответствовать подлинности", то это звучит возвышенно и утонченно. В таком утверждении скрываются два предположения: 1) что в большинстве случаев людские наблюдения соглашаются друг с другом, и 2) что людские наблюдения, — если даже они соглашаются между собой, — правдиво и достоверно изображают реальность. Оба предположения — спорные вопросы. Казалось бы, мы во власти своих чувств и отдельных перцепционных наклонностей.

Теория соответствия тем более ограничена одним простым фактом, — что мы не имеем никакого прямого отношения со многими реальными вещами и явлениями. Просто не можешь "проверить подлинник" всякий раз, когда тебе хочется. Многие явления, — может быть, большинство из них, — лежат за пределами наших исследовательских способностей. Так как мы не владем всезнанием, то в поисках истины надо перейти пробел между известным и неизвестным еще другим методом.

И как раз тут выступает перед нами Теория последовательности! Так как мы не можем иметь информацию о всей реальности, то единственный путь, с помощью которого можно избежать тирании непосредственного и иметь свое мировоззрение, — то есть определенное понятие о мире, — заключается в дополнении Теории соответствия Теорией последовательности. (Заметьте сходство с дополнением знания верой.) Было бы замечательно, если бы мы могли иметь связи с каждой единицей космоса, но это не дано нам. Казалось бы, наша единственная надежда в том, что мы имеем непосредственные отношения с некоторой частью реальности, а с остальной частью — непрямые.

Согласно Теории последовательности, утверждение достоверно, если оно соответствует длинному списку последовательных утверждений, многие из которых уже были доказаны (мы надеемся) путями соответствия. Принцип последовательности заявляет, что конечная проверка истины лежит в последовательности или сообразности, которая существует в целой сфере логичных понятий. Мы пользуемся Теорией последовательности тогда, когда говорим, что в геометрии теорема достоверна, так как она соответствует системе других теорем, аксиом и определений.

Доказательство путями последовательности особенно полезно в разных человеческих делах. Например, на судебном процессе ни присяжные, ни судья прямым наблюдением не может подтвердить достоверность обвинения против подсудимого ("Джордж убил Брауна"), но можно показать, что только данная гипотеза подходит ко всем свидетельствам и данным косвенного характера, относящимся к рассматриваемому делу. Когда прокурор доказывает присяжным, что "Джордж убил Брауна", то он, в некотором смысле, помогает им "увидеть" убийство: ведь оно должно было произойти, если всем предположениям рассматриваемого дела остаться в последовательном отношении друг к другу.

В подтверждении научных гипотез крайне необходимо доказательство путями последовательности. Астрономы, открывшие Нептун, сочетали факты соответствия с предсказаниями, основанными на принципе последовательности. Они рассуждали так: ввиду того, что произошло какое-то изменение в орбитальном маршруте Урана, и ввиду того, что Ньютонская механика объясняет движение всех движимых тел, то, чтобы объяснить изменение в орбите, приходится предположить существование другой планеты, находящейся за пределами Урана. И они действительно нашли ее как

раз там, где она должна была быть. Заметьте взаимосвязь между принципами соответствия и последовательности: известный факт в сочетании с теоретическим убеждением привел их к другому новому факту.

Принцип последовательности открывает нам возможности с некоторой мерой уверенности войти в сферу вопросов, не подлежащих прямому наблюдению. Вы уже видите, что разница и взаимосвязь между последовательностью и соответствием подобна разнице и взаимосвязи между логикой и верой, описанными в предыдущей главе.

Последовательность, все-таки, также имеет свои ограничения. Всякий, кто останавливается, пользуясь только принципом соответствия, — робок, но всякий, кто безответственным образом пользуется принципом последовательности (как делал Гегель), — слишком смел. Последовательность сама по себе не может дать нам полное мировоззрение, как и дедукция сама по себе не может предвидеть содержание реальности. Вы могли бы составить подробную систему предположений, которые были бы последовательными друг с другом, но также недостоверными по своему содержанию. Последовательность должна быть навсегда связана с соответствием, как вера должна быть связана с логикой. Если разлучить их, то для нас никакого мировоззрения не будет.

Г. Как доказать мировоззрение

Ввиду того, что христианство является определенным понятием о Вселенной в ее целостности, то нас, в сущности, интересует вопрос: как доказать мировоззрение? Сразу же поднимаются голоса почтенных людей: последователей Канта, прагматистов, экзистенциалистов, логических позитивистов, кричащих и утверждающих: "В метафизике ничего не докажешь, так как она относится к вопросам за пределами опыта". Признаю, что только с большой осторожностью мы должны заниматься вопросами, которые находятся за пределами прямого опыта, но я также считаю, что все серьезные вопросы жизни, в конечном счете, сводятся к метафизике. Жизнь нуждается в философии; жизнь нуждается в вере; жизнь нуждается в метафизике. Если заниматься вопросами о происхождении, судьбе, цели и смысле жизни, этика, ценностях и Боге, — или вопросами на любые другие весьма важные темы, — то рано или поздно придется затронуть метафизику.

Если Вы постараетесь заниматься такими вопросами, не ссылаясь на область, превосходящую прямой опыт, то Вы обманете себя и других, которые готовы, по неведению, последовать за Вами. Если принцип последовательности эффективен на судах, в науке и в других областях, то нет причины ему не быть эффективным в метафизике. Те, которые говорят, что в контексте опыта никак нельзя проверить метафизические утверждения, идут слишком далеко. Следует сказать, что метафизические утверждения не подлежат проверке в такой мере, как научные утверждения. Выходит, что разделение между наукой и метафизикой, как и между логикой и верой не так отчетливо и ясно, как кажется на первый взгляд.

Признавая необходимость быть осторожными в обсуждении вопросов, относящихся к делам вне сферы опыта, я вынужден предложить Вам некоторые руководящие принципы для оценки и усвоения мировоззрения.

1) **Мы должны признать, что "нейтрального мировоззрения" нет**, то есть нет одного метафизического понятия, принятого всеми в качестве самого основного. Мировоззрения берут в основу обсуждения одни и те же данные, но, как мировоззрения, они друг друга исключают. Ни в коем случае не может быть синтеза между, скажем, теизмом и материализмом; они навсегда антитетичны.

К тому же, "самого основного" мировоззрения не существует, то есть нет основного объективного понятия о мире явлений, которое "принимают все мыслители". Мировоззрения похожи на очки; каждый из нас их носит. Через эти очки мы как раз и смотрим на космос. Если снять их, то мы станем видеть очень плохо. Мы увидим тысячи данных, но как одну целую массу, лишенную определенного значения. Если Вы постараетесь без этих / очков посмотреть на действительность с точки зрения философии или науки, то она представится Вам целиком беспорядочной массой.

Агнос, помните, как мы говорили о нашей "перцепционной наклонности". Никто не видит всего, существующего в данный момент во внешнем

мире. То, что Вы решаете видеть, определяется Вашей личной перцепционной наклонностью. "Нейтральной" перцепционной наклонности нет, ибо это означало бы, что такая перцепционная наклонность принимает все без всякого разбора. Все, что мы можем сделать, — это сравнить наши отдельные мировоззрения друг с другом, но не с какой-то мифической нейтральной метафизической системой.

2) Надежное мировоззрение должно проявлять высокую меру последовательности, внутренней последовательности. Можно очень быстро уничтожить любую систему, — именно, показанием ее противоречивой, как мы сделали в отношении крайнего скептицизма. Это подобно тому, как насмерть проколоть сердце шляпной булавкой: рана не большая, но смерть неизбежна. Например, если ваша система подтверждает и детерминизм и свободу воли, то у Вас есть проблема; придется каким-то хитрым образом показать, как первое и второе одновременно достоверно.

Утверждаю, что надежное мировоззрение должно "проявлять большую меру последовательности". Почему не сказать: "... полную меру последовательности"? Я сомневаюсь, что любой смертный может достичь полной последовательности, особенно, когда он занимается вопросами, относящимися ко Вселенной в ее целостности! Эмерсон однажды сказал: "Глупая последовательность — это дух-проказник маленьких умов, украшенный маленькими государственными деятелями, философами и священниками. Великая душа никакого дела не имеет с последовательностью".

Это слишком строго. Если в "глупой последовательности" Эмерсон имеет в виду "совершенное соответствие", то я с ним согласен. Но я воздерживаюсь полностью обесценивать последовательность, потому что она, — главный критерий в познании истины. Начиная с Аристотеля, мыслители стараются составить альтернативные системы логики, но пока еще никто не придумал ни одной, которая могла бы освободиться от требования последовательности. Основным является закон противоречия, даже в обсуждении мировоззрений. Мне кажется, что мы никак не можем превзойти ее. Если в данной системе я нахожу большое противоречие, то это вынуждает меня искать другую систему. Я признаю, что в христианстве есть противоречивые вопросы, но я надеюсь свести их к парадоксам и показать, что остальные — относительно маловажны.

3) Надежное мировоззрение строго держится принципа соответствия; оно поддерживается данными. Сверх того, в нем есть данные различных типов. Оно старается *принять во внимание* и *объяснить* данные из всех областей реальности. Оно не предпочитает физические данные психологическим фактам, или объективные данные — субъективным, или материальную действительность — духовной. Метафизику считать некоторую часть реальности неактуальной, — это настолько предосудительно, насколько адвокату обратиться к суду присяжных со словами: "Всякий, свидетельствующий против моего клиента, определенно — лжец!"

Мы никакого права не имеем предрешить рассматриваемый вопрос утверждением, что одни данные важнее более основного характера, правдивее или реалистичнее других данных. Надежное мировоззрение старается учесть всякие данные и ими создать толковую и последовательную картину. Если подчинить одну часть реальности другой, то мы должны предоставить удовлетворительное объяснение, почему мы так делаем. Мы должны доказать, что есть смысл в том, чтобы подчинить одну часть реальности другой, то есть что это даст нам более последовательное представление о всех данных.

4) Надежное мировоззрение обладает способностью обширного объяснения. Не надо "видеть" теорию, надо всего лишь видеть или понимать, что она учитывает и объясняет все *видимые* Вами данные. В области, знания мы никакого прогресса не будем иметь, пока не перейдем пределы данных и не затронем постулатов, теорий и гипотез, объединяющих данные. Хорошим ученым является мыслитель, который разумно пользуется данными, то есть он составляет какой-то план, модель, картину, образец, план интерпретации, показывающий нам то, что голые данные именно доказывают. Данные, в сущности, "не говорят сами за себя", как часто говорится; данные говорят лишь в защиту какой-то теории.

Когда дело касается метафизики, то масштабы предмета столь обширны и проблема так далеко оторвана от простых наблюдений и простого управления данными, что становится вполне понятной наша нужда в методе последовательности. Метафизика никогда не будет проявлять такую несомненность, которую проявляет физика, но это не значит, что метафизики просто высказываются наугад о каких-то неясностях. Мы принимаем метафизические системы по их способности объяснения, не по тому, что можно полностью подтвердить их. Мировоззрения рекомендуют себя нам - в

силу своей ясности, последовательности, связности и способности интерпретации. Марксист утверждает, что марксизм Помогает ему понять историю лучше, чем другая интерпретация. Фрейдовский психолог говорит, что фрейдовская интерпретация помогает ему иметь более глубокое и более последовательное понятие о человеке, чем другие конкурирующие интерпретации.

Агнос, я — христианин по той причине, что христианский теизм лучше объясняет действительность, чем материализм. Как К. С. Льюис точно отметил, мы, христиане, верим в Бога, по той самой причине, по какой верим, что существует солнце, — не потому, что мы можем видеть его, но потому, что без него мы ничего не видели бы.

5) Все мировоззрения рано или поздно пользуются рассуждением, основанным на доводах, которые сами нуждаются в доказательстве. При метафизическом уровне такое рассуждение не оказывается ошибочным, как при уровне физическом [*Обыкновенным примером такого рассуждения является выражение: "начать с желательного для себя вывода, а не доказательства". Часто оно заключается в повторении предпосылки, которая все равно находится в выводе (например, как в заявлении: "это хорошо, потому что не плохо").*] Составление мировоззрения подобно доказательству утверждения на суде: все сводится к тому, чтобы доказать то, что вначале утверждалось. Как адвокату, так и метафизику нужно защитить определенный тезис и показать, что предлагаемый тезис объединяет и объясняет сложный комплекс данных. Поэтому, прийти к тому тезису, с которого ты начал, — это, в сущности, не является ошибкой; на самом деле, это — основное правило игры. Как А. Н. Уайтхед сказал: "Настоящий метод философского составления заключается в установлении целого ряда идей, — как можно лучше и с решимостью исследовать интерпретацию опыта согласно этим идеям". [A. N. Whitehead, *Process and Reality*, (New York: Macmillan, 1967), стр. x.]

Во многих философских обсуждениях, — хоть в отношении *некоторых* вопросов, — нам приходится начинать с желаемого для себя вывода, а не с доказательства. Выражаясь точнее, это значит, что в большинстве случаев) наши утверждения имеют свое начало в предпосылках. Если бы хотя некоторые вещи не нуждались в доказательстве, то абсолютно ничего нельзя было бы доказать и невозможно было бы начать аргументацию в защиту любого вопроса. Даже самых простых явлений жизни нельзя доказать без предположений. Попробуйте только это сделать, и. Вы увидите, что Вам нужно будет сослаться на те вещи, которые находятся "за пределами" того, что Вы пытаетесь доказать. Ни в чем не ошибаешься, когда начинаешь утверждение с недоказанной предпосылки или предположения. Делаешь ошибку тогда, когда' придерживаешься данной предпосылки или предположения даже после того, как было доказано, что они плохо объясняют данные. Ничего плохого нет в том, что точишь свой топор; в этой серьезной игре с мировоззрениями совершаешь ошибку тогда, когда продолжаешь "точить свой топор", зная, что плохое качество металла не позволит тебе наточить его так, как следует.

6) Надежное мировоззрение избегает двух крайностей: принципа оккамского ножика и редукционизма. Это значит, что надежное мировоззрение не будет ни слишком простым, ни слишком сложным. Философ позднего средневековья, Уильям Оккамский (1300—1349), как утверждается, заявил: "Если ненадобно, то единиц не умножай", что значит: "не усложняй объяснительного постулата". Если твоя теория становится слишком сложной, то оккамский ножик отрежет некоторую часть ее. Придерживаться этого правила, несомненно, желательно, однако — только до некоторой степени. Мы не должны придумывать ненужное для объяснения целого ряда данных, когда более простая теория прекрасно интерпретирует их.

Все же, можно пойти слишком далеко, придерживаясь этого принципа "отрицания излишеств", так как простота не является единственным критерием надежной гипотезы. Важным элементом также оказывается всесторонность. Если Ваша теория выходит столь простой, что некоторых данных совсем не учитывает и не объясняет, то ножик у Вас отрезал слишком много. Например, опишем такую простую вещь как яблоко. Представьте все черты яблока и обратите внимание на следующие предложения его.

- 1) Яблоко — круглого формата.
- 2) Яблоко — круглого формата с гладкой поверхностью.
- 3) Яблоко — круглого формата с гладкой поверхностью сладко по вкусу.

4) Яблоко — круглого формата с гладкой поверхностью, по вкусу и красного цвета.

Ясно, что четвертое предложение по содержанию — самое надежное, но также оно — самое сложное. Первое предложение — самое простое, но также по содержанию оно — самое недостаточное! Оно выходит ошибочным по причине своего редукционизма, который стоит в крайней противоположности оккамскому ножу. Совершаешь ошибку редукционизма всякий раз, когда "сводишь" сложный комплект данных лишь к одному аспекту и этим не обращаешь внимания или не объясняешь определенную часть данных. Яблоко — более, чем только круглого формата. Христиане считают, что человек — более, чем только "простое животное" или "масса материи". Поэтому мы считаем, что материализм виновен в редукционизме, когда он так определяет человека. В следующих главах я постараюсь доказать, что 1) материализм совершает ошибку редукционизма и что 2) христианство не противоречит принципу оккамского ножа.

7) Надежное мировоззрение устанавливается не только одной линией доказательств или одним ударным аргументом, а целым сводом доводов, вместе взятых из разных источников. Способный метафизик подтверждает утверждение показанием того, что его теория, которая ссылается на доводы из разных источников, объясняет исследуемый материал. Как отдельные пряди каната, его различные линии доказательства сходятся в одну точку и они вместе подтверждают его главную теорию. При равных условиях, самым сильным понятием оказывается то, в котором есть самое большое количество прядей.

Если изменить метафору, то можно сказать, что надежное мировоззрение подобно спектаклю, а метафизик подобен режиссеру. Режиссер включает, один за другим, целую серию светильников, помещенных в разных местах сцены. Полное освещение со всех светильников как раз и падает на центр сцены. Когда включены все светильники, то Вы должны "увидеть" предлагаемое утверждение в центре сцены.

8) Надежное мировоззрение не должно быть обязательно совершенным для того, чтобы его придерживались здравомыслящие люди.

Совершенного мировоззрения нет; они все являются более или менее приемлемыми объяснениями действительности. Как считал Платон, мы должны принимать самые лучшие и бесспорные теории людей и сделать их нашими "плотами", на которых проплывем жизненное море. [*Phaedo*, стр. 85b.] В каждом мировоззрении остаются недостатки, то есть необъясненные данные, как в каждом важном судебном деле остаются несогласованные факты. То, что британский адвокат, Джон Спарроу, написал о судебном деле, применимо и к мировоззрениям:

"Каждый адвокат знает, что в важном и сложном судебном деле, при его конце, всегда остается свод невероятных и необъяснимых фактов. Гипотезу не опровергнешь показанием того, что все возможности как раз и говорили против осуществления некоторых событий, предполагаемых гипотезой. Многие происшедшие события, на самом деле, невероятны, но они все равно происходят". [John Sparrow, *After the Assassination: A Positive Appraisal of the Warren Report* (New York: Random, 1969), стр. 13—14. Этот труд исследует данные, собранные Комиссией Уоррена после убийства президента США, Джона Кеннеди.]

Если Вы придете к решению не принимать никакого мировоззрения для себя, пока не явится совершенное мировоззрение, то Вы и никакого мировоззрения не примете. Вам придется вернуться к агностицизму. Но, конечно, Вы будете тогда непоследовательны в понятии, потому что жизнь требует какой-то деятельности от нас, деятельность требует оценки, оценка требует метафизики.

9) В конечном счете, нужно нам отметить, что надежное мировоззрение, по необходимости, *не устанавливается и не отрицается только опытом или только подробностями*. Я этим не хочу сказать, что опыт и подробности не помогают нам подтвердить мировоззрение; они действительно помогают нам это сделать. Я всего лишь утверждаю, что даже после того, как представить сопернику лучшую теорию, он может все еще продолжать придерживаться менее надежной теории, потому что по какой-то причине он не видит превосходящей объяснительной силы Вашей теории. А когда свой взгляд меняет (то есть принимает другое объяснение), то это подобно тому, как говорится в одном выражении: "пелена спала с его глаз".; Перемена происходит немедленно и он после этого может заявить: "Я просто не смотрел на дело с этой точки зрения!".

Этот принцип виден в интеллектуальной истории Европы. Херберт Баттерфилд показывает, что современное научное умонастроение возникло

не потому, что новооткрытые данные заставили людей посмотреть на Вселенную с другой точки зрения, то есть в отличие от того, как смотрели на нее люди средневековья, а потому, что уже задолго до открытия телескопа и микроскопа большая перемена произошла в умах ученых, — перемена в точке зрения. Баттерфилд пишет:

"Из всех форм умственной деятельности самая трудная, которую нужно вложить даже в ум молодых, — которые, как предполагается, не потеряли свою гибкость, — это та форма, по которой занимаешься теми же самыми данными, как и до этого, но теперь ставишь их в новую систему отношений друг к другу тем, что придаешь им новые рамки. А все это означает, что с настоящего момента начинаешь рассуждать по-иному". [Herbert Butterfield, *Origins of Modern Science* (New York: Free Press, 1957), стр. 13.]

С настоящего момента начинаешь по-иному рассуждать! Это, наверно, самое основное правило игры, относящейся к делу принятия мировоззрения. Или, если использовать любимую мной метафору; нужно надеть другие очки. Проверьте мои очки, Агнос, чтобы увидеть, не представляют ли они мир в более понятном виде, чем Ваши очки? Когда Вы будете читать всю книгу, то предполагайте, что христианский теизм достоверен и старайтесь ставить перед собой вопрос: не объясняет ли христианский теизм все данные лучше, чем материализм? Агнос, остальная часть исследования посвящена тому, чтобы собрать доводы для христианских очков. Читайте, пожалуйста, дальше, ибо если Вы тут же перестанете читать, то возможно после этого никогда не узнаете, как выглядит действительность через другие очки.

5. Пересмотр материализма

Агнос, прежде чем посмотреть на действительность через христианские очки, следовало бы по правилам логического исследования сравнить наши очки с очками другого мировоззрения, — именно, материализма. Предварительные знания о материализме помогут нам сделать полезные сравнения и сопоставления, когда мы станем объяснять христианский теизм. У материалистов и у теистов есть плохая привычка представлять свои понятия так, словно это физика, а не метафизика, или как будто это дело знания, а не веры. А. Н. Уайтхед назвал такой подход "ошибкой неуместного доверия мнимой конкретности". В этом видна наша тенденция: считать свои теории вполне явными, как факты, которые эти теории стараются объяснить. Из личного опыта я могу сказать, что материалисты склонны совершать эту ошибку чаще, чем теисты. Главная цель этой главы в том, чтобы выдвинуть утверждения материализма и показать, что материализм является мировоззрением, а не явным фактом в лаборатории или фактом науки, т. е. — метафизическим явлением, а не явлением физики.

А. Анализ материализма

Было бы логично пересмотреть прежде всего материализм: по сравнению с теизмом он является более простой гипотезой. Он говорит о природе или материи и тут же останавливается; теист к природе добавляет Бога. Разумеется, если материализм ошибается, то по ошибке редукционизма; а если в теизме есть какая-то проблема, то по проблеме оккамского ножика. Поэтому разумнее, прежде всего, пересмотреть более простое из этих мировоззрений.

Можно по-разному проанализировать мировоззрение, но наверно самый лучший метод заключается в том, чтобы показать, как данное мировоззрение отвечает на некоторые основные "метафизические вопросы. Метафизика есть исследование действительности в ее целостности, т. е. исследование самого бытия. Любое мировоззрение отвечает на такие широкие вопросы как: в чем заключается бытие? Из чего состоит его характерные черты? Откуда данное бытие появилось? Чем оно станет? Какие процессы происходят в нем? Чем эти процессы вызваны? Обсудим" некоторые из этих вопросов и увидим, как материализм пытается ответить на них.

1. Что такое бытие? Материалист считает, что природа представляет собой все существующее. Вся действительность, очень просто, составлена из природы. В отрицательном значении, сверхъестественного нет, т. е. нет никакой сферы, избегающей или превосходящей саму природу. Совокупностью реальности является целый мир природы, и "иного мира" нет.

Но, казалось бы, в этом утверждении всего лишь повторяешься: "действительность есть действительность" и "бытие есть бытие". Нужна какая-то другая характерная черта природы, чтобы ею внести в картину определенную точность. Я могу верить в Бога и одновременно утверждать, что "реальность в своей совокупности есть природа". Мне всего лишь нужно определить Бога так, чтобы Он составлял часть этой природы, как делают некоторые пантеисты. Простое утверждение, — "реальность есть природа", — Бога, в сущности, не исключает.

Выполняя свою роль, материалист улучшает свое определение утверждением, что миром пространства и времени является природа. Но даже эта добавленная черта Бога не исключает. В определении Бога некоторые системы пантеизма и панентеизма без особого труда включают пространство и время. Может быть, второй" вопрос окажется более исключаяющим.

2. Откуда появилось бытие? Материалист отвечает: ниоткуда, вернее, от самого себя. Он говорит, что естественная Вселенная вечна. Когда мы говорим, что что-то вечно, то этим утверждаем, что оно не было создано, что оно в прошлом вечно существовало и сейчас существует независимо от чего-то другого и что оно неразруσιμο. Вечный предмет не нуждается в объяснении; он является источником своего происхождения. Поэтому нет нужды в сверхъестественном Существо, Которое создало бы природу, так как природа является достаточным объяснением себя. Что-то существует, и оно не могло бы "произойти из ничего; поэтому оно всегда существовало. Материализм и теизм обычно согласны по этому пункту. Однако материалист говорит, что этим вечным предметом является природа; теист утверждает, что Бог является этой вечной единицей.

Мы все же еще не определили действительность так чтобы исключить Бога. Если Бог вечен и входит в состав природы (т. е. бытия), то Он может представиться нам, как вероятное Существо. Быть может, третий вопрос окажется еще более исключаяющим.

3) Что можно сказать о процессах действительности? Материалист дальше суживает свое определение утверждением, что все события в этой естественной Вселенной бывают естественными (как же они могли бы быть чем-то иным, если все существующее является природой?). В контексте космоса пространства и времени каждое событие причинено другим предыдущим событием, относящимся к пространству и времени. Иначе говоря, нет ни чудес, ни определенных действий Бога.

Но даже это условие Бога не исключает. Оно не может исключить особый вид теизма, названный деизмом, потому что деист все равно считает, что Бог не совершает чудес. Даже многие из верящих в реальность чудес, отрицают, что чудо является каким-то "сверхъестественным" процессом. В осуществлении чуда Бог избирает вполне естественный метод, как в осуществлении всякого нормального действия. Христианин может сказать: "Естественные события вызваны естественными причинами" и этим все еще не стать материалистом! Выходит, что только тогда, когда мы затрагиваем четвертый вопрос, Бог действительно исключается.

4) Из чего состоят характерные черты бытия? Материализм говорит, что вся природа безлична и неаксиологична. *[Аксиология, — одна из главных отраслей философии, — есть исследование ценностей. Она разделена на две главные части: на этику, т. е. исследование нормативного поведения, и на эстетику, т. е. исследование вопроса красоты.]* Такое утверждение безусловно исключает Бога. Как в пределах природы, так и за ее пределами нет ни Разума, ни Чертежника. Какой бы порядок, симметрию или телеологию природа ни имела, все это пришло от самой природы. Сверх того, какими бы ценностями люди ни дорожили, эти ценности пришли от самого человека; Вселенная в своей совокупности неаксиологична. Космос в своей целостности не добр и не зол, не прекрасен и не безобразен. Материалист предупреждает о том, что в метафизике мы должны быть осторожны в отношении антропоморфизма; мы не должны приписывать природе ничего из того, что исходит только из' человеческого опыта: любовь, нравственность, интеллект или целесообразность. Природа в своей совокупности никаких черт личности не имеет.

Агнос, я бы хотел, чтобы Вы внимательно заметили, что материализм не смог создать определение, которое исключало бы Бога, пока он не дошел до четвертого вопроса, по которому он отрицает личность и аксиологию в отношении Вселенной, в ее целостности. Последствия этого отрицания станут нам ясными позже.

Мы пока видим, что материализм утверждает, что 1) природа в своей целостности составляет действительность, 2) природа вечна, 3) естественные события вызваны естественными причинами и 4) природа безлична и неаксиологична. Эти четыре утверждения, в главном, определяют семейные характерные черты материализма. Следует также отметить, что материализм предпочитает особый вид эпистемологии, как делают многие другие мировоззрения. Материалисты обычно считают, что единственным логичным методом в открытии истины является научный метод. К тому же, единственной истиной, которую материалист обычно впускает в свое мировоззрение, является научная истина.

А что это такое — научный метод и научная истина? *От* материалистов мы не получаем ни одного последовательного ответа на этот вопрос. Одни принимают узкое эмпирическое определение науки, другие пользуются более широким определением, позволяющим нам больше предполагать, больше воображать и искать большей меры соответствия. Как я утверждал в предыдущей главе, обсуждать мировоззрения можно только тогда, когда мы принимаем более широкое определение научного метода, согласно которому включаем и последовательность и соответствие. В таком случае выражение: "только научный метод дает нам знание" имеет такое широкое значение, что оно более или менее означает: "нужно быть логичным". По широкому определению наука просто означает знание, приобретенное закономерными, правильными путями.

Б. Утверждения в защиту материализма

Материалистами в истории были великие и выдающиеся мыслители: Демокрит, Лукреций, Сантаяна, Расселл, Дьюи, Хук, Маркс, Гоббс. Казалось бы, что доводы материализма почти вполне доказуемы. Однако, когда пересматриваешь некоторые из предлагаемых утверждений, то становится ясным, что материализм оказывается еще одним мировоззрением, предполагаемым людьми в силу его пояснительной способности. "Верю, чтобы уразуметь". В чем состоят некоторые доводы в защиту материализма?

1) Материалисты иногда любят утверждать или, по крайней мере, создать впечатление, что их мировоззрение носит чисто научный характер, что оно поддерживается выводами эмпирического исследования тогда, как всякий вид теизма идет за пределы нашего опыта. Они представляют материализм обобщением науки, содержащим в себе очень мало предположений. Многие материалисты придерживаются убеждения, что "наука на нашей стороне".

Обыкновенный человек часто соглашается с этим убеждением. В течение последнего столетия он увидел изумительное перечисление научных "чудес": электрическую лампу, радар, ракеты, долетевшие до Луны, лазерные лучи и атомную бомбу. Это для них знаки подобно тому, как у христиан также есть определенные знаки. Бетт пишет: "Человек на улице пренебрегал бы Эйнштейном и теорией относительности в такой мере, в какой он вообще пренебрегает философией и богословием, кроме одного только, что он видит вокруг себя чудеса прикладной науки. Здесь настоящие чудесные доказательства того, что наука может сделать, поэтому он готов принять слово ученых относительно абстрактных теорий, которые в ином случае показались бы нелепостью". [Henry Bett, *The Reality of the Religious Life, Providence and Prayer* (New York: Macmillan, 1949), стр. 90.]

Агнос, здравомыслящий мыслитель не *должен* позволить себе попасть под влияние утверждений, не имеющих никакого отношения к обсуждаемому вопросу. *Чудеса науки не имеют никакого отношения к вопросу об истинности материализма как метафизического понятия.* Понятие, что природа составляет собой действительность в ее совокупности, что она безлична и неаксиологична и что она вечна, никак не докажешь никаким из направлений науки или сочетанием нескольких форм науки или всех вместе взятых форм науки. Можно рассматривать любую форму науки под влиянием мировоззрений теизма или материализма, как видно из того факта, что большинство первых выдающихся ученых Европы (Галилей, Ньютон,

Коперник, Кеплер) были христианами. *Никакой вид науки не должен заранее основываться на принципах материализма для того, чтобы функционировать!* Как же физика, химия или биология могли бы хоть что-то сказать о материализме, когда они ничего не говорят о материализме в его целостности? Каждый вид науки исследует ограниченную часть действительности. Никакой из них сам по себе не составляет мировоззрения; даже вместе они не составляют метафизического понятия. Где же тот отдельный вид науки или те виды науки, которые в сочетании друг с другом доказывают, что "научным мировоззрением" является материализм?

2) Тесно связанным с этим первым утверждением оказывается заявление, что проверить теизм научным методом невозможно, потому что, как заявляет материалист, в теизме недостает доказательств соответствия, тогда как в материализме их достаточно.

Но снова здесь предполагается, что есть эксперимент или ряд экспериментов такого типа, что когда их провести, то станет ясно, что единственной научной возможностью может быть только материализм. *В чем именно заключаются эти эксперименты?* Просто не могу представить себе эксперимента, подтверждающего, целое мировоззрение! Это потому, что понятие "подтверждающего себя мировоззрения" противоречиво. Мировоззрение что-то говорит о Вселенной в ее совокупности; а если бы был такой эксперимент, в результате которого можно было бы сделать определенное утверждение о Вселенной в ее целостности, то кто мог бы провести его? Один эксперимент ничего не скажет о всей Вселенной, потому что проводящий его оказался бы *за пределами* самого эксперимента. Это подобно утверждению, что с помощью микроскопа Вы видите действительность в ее целостности. Как же это может быть, ибо Вы и микроскоп составляете часть действительности.

Я этим не придираюсь, Агнос. Это, на самом, деле, критический момент. Когда материалист утверждает, что он что-то говорит о Вселенной в ее целостности, то я должен знать, каким путем он пришел к такому утверждению, — т. е. с научной точки зрения. Если отрицаешь теизм по той причине, что не можешь доказать его научным методом, то по правилам справедливости ты также отрицаешь материализм, как и все мировоззрения. По определению наука может исследовать только те случаи, которые происходят в пределах природы; она неспособна исследовать природу *в ее целостности*, так как мир в своей совокупности, относящийся к пространству и времени, не является одним случаем, относящимся к пространству и времени.

3) Многие материалисты утверждают, что ввиду того, что невозможно защищать теизм настоящими научными доказательствами и что доказательства в защиту Бога неубедительны, то из-за недостатка доводов материализм выигрывает в этой метафизической конкуренции. Когда имеются всего лишь два мировоззрения, — утверждают они, — и первое научно не доказывается, то приходится принять второе.

Такое утверждение является ошибочным по двум причинам. Во-первых, нельзя утверждать, что есть всего два мировоззрения; посередине между теизмом и материализмом стоят агностицизм и позитивизм, которые утверждают, что метафизика — бесполезная догадка. Ясно, что материализм не может одержать победу над ними по недостатку для них доводов, потому что они возлагают ответственность доказательства на всякого, кто имеет сказать что-то определенное о всей Вселенной.

Однако, более серьезная ошибка находится в предположении, что одна теория может одержать победу над другой по причине недостатка доводов, — если даже и были бы всего лишь две теории. В логике это известно как *Argumentum ad Ignorantiam*, т. е. "утверждение, ведущее к невежеству". Совершаешь эту ошибку, когда предполагаешь; что если первую сторону данного вопроса нельзя установить, то это автоматически устанавливает вторую. Например, если медицинско-исследовательской работой нельзя изолировать вируса, причиняющего, определенную болезнь, то это не значит, что болезнь причиняется не вирусом, а чем-то другим. Мы только можем сказать, что причина пока еще нам неизвестна. Недостаток доводов в отношении первого понятия не устанавливает противоположного. Он, фактически, ничего не устанавливает!

4) Может быть, материалист тут уже немного расстроен и порывисто восклицает: "По крайней мере, мир природы, как я представляю его, становится известным всем людям путем прямых эмпирических доказательств, и они включают в себя все, что можно сказать о вашем Боге!"

Осторожно! Сказав это, Вы ходите по скользкой философской поверхности. Вы предполагаете простой реализм, основанный на здравом рассудке,

но он как раз и оказывается весьма спорным вопросом. Многие выдающиеся мыслители (Августин Блаженный, Кант, Лейбниц) утверждали бы, что пространство и время не являются основными чертами внешнего мира, но что они нашим разумом приложены к данным опыта. Общая идея, что мы существуем в контексте пространства и времени, не является самим собой разумеющимся понятием; она нуждается в философском доказательстве, а доказательство этого предположения — это не простое, научное лабораторное доказательство. Оно принадлежит к сфере весьма сложного эпистемологического анализа.

К тому же, это утверждение снова выдвигает неверное предположение, что нечто в эмпирическом мире устанавливает материализм. Теисты также верят, что мир существует и что это наш голый, конкретный, физический мир. Как же могло бы само существование мира удалить разногласия между материалистом и теистом? Материализм утверждает гораздо более, чем только голую идею, что "мир существует". Он идет за пределы этого к метафизическому утверждению: "Только мир существует и он вечен, безличен и неаксиологичен".

Теист и материалист не отличаются по пункту самого *существования* мира, а по пункту, *каким образом* мир существует? Теизм утверждает, что мир был создан и зависит от чего-то Другого; материализм утверждает, что мир вечен и служит достаточным объяснением самому себе. Всякий раз, когда две теории конкурируют друг с другом в объяснении одних и тех же данных, более простая из них всегда может заявить: "По крайней мере, моя гипотеза не идет далеко за пределы самих данных". Да, конечно, но вся трудность вот в чем: можно ли остановиться на этих данных? Голые данные не требуют, чтобы мы пошли за их пределы; наш разум хочет "пойти за" данные и прийти к их значению.

5) Думается, что мы уже свергли материалиста с его пьедестала хваленого "научного подхода". Если до этого мои утверждения были достоверны, то материалист должен быть готовым признать, что можно защищать материализм только как метафизическое понятие. Если доказывать материализм, то при этом никак нельзя ссылаться на какую-то мистическую силу науки; теория должна защищать себя на метафизическом поприще.

Материалист *может предложить* лишь одно уважительное утверждение, — именно, что по сравнению с теизмом материализм, по-видимому, более простая гипотеза, поэтому оккамский ножик отрежет всякий сверхъестественный элемент, как ненужную добавку в объяснении данных, связанных с реальностью. Такое утверждение могло бы быть достоверным, *если бы* мы заранее знали, что материализм такого всеобъемлющего характера, что он способен объяснить все данные. Простота не может быть единственным критерием надежной теории, как мы в предыдущей главе утверждали; надежная теория также должна проявлять способность всеобъемлющего объяснения. Если первое описание яблока, в котором ничего не говорится о цвете или вкусе, оказывается более простым по содержанию, то оно находится на более низком уровне, чем второе описание, в котором эти качества упоминаются. Материалист этим заявляет:

1) Простое мировоззрение, объясняющее данные действительности в достаточной мере, оказывается более надежным, чем более сложное мировоззрение.

2) Таковым является материализм.

3) Следовательно, по сравнению с более сложным мировоззрением теизма материализм выходит более надежным.

Ясно, что я отрицаю вторую предпосылку. Я утверждаю, -что материализм совершает ошибку редукционизма. Я считаю, что материализм проявил такую сильную реакцию против .принципа оккамского ножика, что он впал в прокрустово ложе. В следующих главах я постараюсь выделить тот материал, которого, как я считаю, материализм не учитывает и не объясняет, т. е. материал, который нуждается в более сложной гипотезе теизма. В одном смысле, вся остальная часть нашего исследования направлена против пятого утверждения материализма.

В. Где вечная природа?

Агнос, Вы должны понять, что доказать материализм весьма трудно. Нечто в мироздании должно быть вечным, потому что нечто сейчас существует и это нечто не могло бы выйти из ничего. Дело в том, что если Вы в вечного Бога не верите, то должны утверждать, что какая-то часть природы вечна, т. е. что она всегда существовала, ни от чего другого не зависит, объясняет себя, производит себя, — что она все во всем.

Где же в природе найти такую вечную единицу? Разве это палки, камни, горы, реки, острова, океаны, люди, народы, цивилизации, звезды, солнечные системы, галактики? Ведь, все они или умирают, или ржавеют, или увядают, или разлагаются, или портятся, или сгорают. Вся действительность, известная нам через наши чувства, оказывается зависимой, невечной, ограниченной и не вечносуществующей.

И вот как раз в этот момент, когда мы ищем неразрушимую природу, материалист прячется от нас. Он исчезает. Он делает это столетиями. В древней Греции такие атомисты, как Демокрит и Эпикур, утверждали, что вся макроскопическая действительность, — будет ли это люди, деревья, камни, — составлена из невидимых единиц, называемых "атомами". Слово "атом" буквально означает "неразделимый", поэтому считалось, что самой основной единицей реальности является атом. Всякое скопление атомов — явление временное, как говорил Демокрит, а сами атомы вечны.

Современная физика положила конец убеждению о неделимости атома. Неразделимое мы разделили. Мы теперь знаем, что атом составлен из таких частиц, как электроны и протоны, и что они также могут пройти какой-то таинственный процесс преобразования во что-то другое. Да, но во что именно? Казалось бы, мы тут же доходим до конечных границ человеческого знания. Материалисту приходится утверждать, что за пределами элементарных субатомных частиц находится какая-то бесформенная чистая энергия и что это, в конечном счете, есть та "вечная природа".

Но как можно утверждать, что есть такое явление и что оноечно? Если все, исходящее от него, проявляет зависимость, то какое право имеет человек утверждать, что эта чистая энергия вечна? Не оказывается ли слишком абстрактным понятие чистой бесформенной энергии, — особенно если объяснить его эмпирическими путями? Эдуарде как раз попал в точку, когда написал:

"Что это за энергия, что она столь чистая и бесформенная, что не является ни атомной энергией, ни тепловой энергией, ни какой-то другой формой энергии?... Энергия, о которой говорит (материалист), не может быть энергией в какой-то определенной форме, зависимой от скорости молекулярного движения, ни атомной энергией, зависимой от расщепляющегося распада субатомных частиц, ни энергией в какой-то другой определенной или неузнаваемой форме". [Edwards, *Reason and Religion*, стр. 268-269. Глава, посвященная Эдуардом обсуждению материализма, одна из самых лучших коротких критических статей, которую можно найти на эту тему.]

Материалисты часто осмеивают теистов за то, что они не могут доказать существование Бога научными путями, но может ли материалист доказать наличие вечной природы? Нет! Мы находим, что он, в конечном счете, верит для того, чтобы уразуметь, — именно так, как и теист. Он постулирует наличие чистой энергии, которой никто не видит в объяснении мироздания, которое он видит. Поверим ли мы тому, что такая энергия существует или не существует, — вот это зависит не от эмпирических доказательств, подтверждающих такое понятие, ибо приобрести их все равно невозможно, а от того, может ли сам постулат привлечь к себе тех, кто раньше отрицал его на метафизическом поприще, где ясность, последовательность, соответствие и пояснительная способность определяют выводы.

А теперь нам пора рассмотреть гипотезу теизма и увидеть, можно ли ею лучше объяснить действительность или нет. Рассказывается, что Наполеон однажды спросил у знаменитого французского ученого Пьера Лапласа, (1749—1827 гг.), какое место Бог занимает в его научных понятиях? Лаплас ответил: "Ваше величество, такая гипотеза мне совсем не нужна". Такой ответ как раз и подходит материалисту. С этого момента я буду утверждать: "Ваше величество, такая гипотеза мне совсем нужна".

6. Доказательства существования Бога на основании мира

Агнос, предыдущую главу я окончил тем, что показал, как трудно доказать материализм. Наука пока еще не нашла этой Вечной Единицы в

природе. Чтобы объяснить реальность, которую мы испытываем, материалист постулирует наличие чистой энергии, служащей основой всей действительности, но также незамеченной ни одним смертным. Пора теисту предложить иной постулат и увидеть, можно ли с помощью его понятия объяснить действительность лучше, чем ее объясняет материализм.

В истории человечества самым важным вопросом безусловно является вопрос о существовании Бога. В "Синтопиконе", предисловии программы "Великие идеи" и справочнике по серии "Выдающиеся книги западного мира", редакторы отмечают, что раздел, в котором обсуждается вопрос о Боге (глава 29), — самый длинный и включает ссылки почти из всех авторов "Выдающихся книг". "Причина очевидна, — пишут редакторы, — вытекает больше последствий в мышлении и в поведении из принятия или отрицания Бога, чем любого другого насущного вопроса". [*Syntopicon, Great Books of the Western World*, Vol. 1, стр. 543 и дальше.]

Можно аргументировать в пользу Бога на трех основаниях: мира, человека, и Самого Бога, т. е. Его самооткровения. Это иногда называется 1) *a posteriori*, т. е. здесь Бог предполагается в объяснении некоторых черт Вселенной; 2) *a priori*, т. е. здесь Бог предполагается в объяснении необыкновенных черт человеческой природы; и 3) откровение, т. е. здесь утверждается, что Бог прямыми путями приходит к человеку и открывается ему. Первые два аргумента пользуются методами последовательности, третье полагается на принцип соответствия. Следующие две главы посвящены обсуждению первых двух методов. — ' *

А. КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ

Наверно самым древним аргументом в пользу Бога является Космологический аргумент. Он по-разному выражается и не все выражения его в одинаковой мере убедительны. Вероятно самым основным является выражение, выделяющее вопрос зависимости. [Первые три из "пяти путей" Фомы Аквинского составляют отдельные выражения космологического аргумента: движимость, эффективная причинность, зависимость. Смотрите St. Thomas Aquinas, *Summa Theologica, First Part*, ("Treatise on God"), Question 2, Article 3. Также, смотрите Edward *Reason and Religion*, стр. 263.] Прежде всего выразим этот аргумент в виде силлогизма:

- 1) Если есть зависимое бытие, то есть и необходимое бытие.
- 2) Существует зависимое бытие (Вселенная)
- 3) Поэтому есть и необходимое бытие.

Этот силлогизм состоятелен по той причине, что он пользуется правильным процессом гипотетического силлогизма, т. е. утверждается предпосылка. Вторая предпосылка, казалось бы, достоверна, поэтому единственная проблема в том, чтобы доказать первую предпосылку.

Доказательство первой предпосылки мы можем начать с указания на то, что в объяснении любой вещи надо иметь необходимое бытие. Мы тут же говорим о самом основном вопросе метафизики: почему нечто существует вместо того, чтобы не существовать. Ясно, что все, испытываемое нами, проявляет зависимость, т. е. оно не может служить достаточным объяснением самого себя; его могло бы и не быть. Но то, чего могло бы и не быть, само по себе не может объяснить то, что существует, потому что оно даже и свое существование не может объяснить.

Если бы это существующее нечто могло объяснить свое существование, то, ему. невозможно было бы не быть. Поэтому, если можно логическим образом объяснить то, что может: быть или не быть (речь здесь идет о зависимых вещах), то надо отнести эти зависимые существа к тому, что *не могло не быть*. Но выражение, — "не могло не быть", — является выражением Чего-то Вечного, Вечной Природы, Необходимой Единицы.

Если такое рассуждение отрицать, то приходится утверждать, что или 1) зависимое бытие объясняет себя на всю вечность, или 2) что нечто может выйти из ничего. Первая альтернатива равносильна утверждению, что что-то существовало перед тем, как оно существовало, но это абсурдно. Если принять вторую альтернативу, то ею перерезываешь главный корень всякой философии, логики и науки. В результате этого надо было бы перестать заниматься наукой и философией, так как в обоих случаях ты искал бы объяснения, а приняв определенную альтернативу, ты сделал бы всякое такое искание невозможным. Ты нарушил бы закон противоречия и тебе тогда лучше было бы прекратить аргументацию ввиду того, что этот

закон служит основой толковой дискуссии. Если ты убежден, что мир логично составлен и, поэтому, возможно его понять и объявить, то ты не можешь последовательным образом утверждать, что все существующее могло бы и не быть!

Некоторые робкие души хотели бы признать космос зависимым явлением и дальше не пойти в утверждении, но они не могут освободиться от последствий зависимости. Это подобно тому, как признать реальность улыбки, но одновременно отрицать реальность лица. Также, это подобно тому, как адвокату признать, убедительность некоторых доводов, вменяющих его клиенту вину, и утверждать: "Конечно; объяснять эти факты нам не нужно". Если Вы согласны с тем, что космос, познаваемый нами, — зависимое явление, то Вам надо спросить: "От чего он зависит?". Зависимость означает зависимость от чего-то другого и надо объяснить, от чего именно Вселенная зависит. Как только это уточняешь, то и завершаешь процесс логического объяснения.

Вы, быть может, спрашиваете: "Есть ли определенные доводы, подтверждающие понятие зависимости?". Да, есть, потому что в понятии зависимости подразумевается и понятие временности. За последнее столетие ученые собрали очень убедительные доводы, показывающие Вселенную временным явлением. Я в особенности ссылаюсь на "Второе начало термодинамики, которое и называется энтропией. Второе начало термодинамики надо понять в свете Первого начала термодинамики, т. е. закона сохранения энергии. По Первому началу, ни материя, ни энергия в настоящее время не создаются и не уничтожаются (заявление не доходит до уровня метафизического утверждения). Поэтому количество энергии во Вселенной в настоящее время не меняется, хотя в форме она постоянно меняется. Количество энергии не меняется, но это не значит, что энергия всегда доступна.

По Второму началу термодинамики утверждается, что энергия постоянно распространяется или расходуется, т.е. она постепенно распространяется по всей Вселенной. Некоторые тела теплее других, и тепло постоянно переходит с более теплых к менее теплым телам. Тепло автоматически переходит с горячего тела к холодному, но оно не идет в обратном направлении. Если этот процесс будет продолжаться в течение следующих нескольких миллиардов лет, — а, ведь, ученые никогда не замечали возвращения распространенной энергии назад к одному пункту, — то из этого получается состояние теплового равновесия, — "тепловой смерти", — т. е. произвольная деградация энергии по всему космосу; ее результатом когда-то в будущем будет прекращение всякой физической деятельности. 'Согласно энтропии, если оставить вещи в неизменном виде, то они с плохого состояния перейдут к худшему состоянию; например, железо заржавеет, краски полиняют, цвета увянут, люди умрут, солнце сгорит, все разложится.

Некоторые мыслители стараются отговориться от последствий энтропии утверждением, что живые организмы, как человек, служит примером процесса, противодействующего процессам энтропии, т. е. примером увеличивающегося упорядочения. Но жизнь человека — это моментальная вспышка * упорядочения, и даже она вводит больше беспорядка в действительность, чем ее упорядочивает. Чтобы содержать жизнь, надо снабжать ее энергией и сырьем, взятым из окружающей среды. Надо готовить еду, производить одежду, строить убежище; надо пользоваться горючим для подогревания пищи и обогрева жилых домов. Все это увеличивает уровень беспорядка. Несколько минут после смерти человека космос находится в более разложенном состоянии, чем он был в тот момент, когда умерший родился.

Некоторые мыслители считают, что фотосинтез противоречит гипотезе об увеличивающемся беспорядке, так как растения превращают маленькие молекулы в большие высокоорганизованные молекулы. Но даже в этом случае приобретенное нас обманывает. Ведь, без солнечной энергии фотосинтез невозможен, а солнечная энергия создается реакцией ядерного деления, которая имеет своим результатом рассеяние большого количества тепла. Маленькое упорядочение жизни в мире приобретает ценой массового увеличения беспорядка во Вселенной.

На основании доказательств, похожих на доказательства энтропии, британский астроном Фред Хойл был вынужден принять понятие "постоянного творения" (здесь утверждается, что материя создается из ничего; это также называется теорией Установившегося состояния). Каждый человек должен верить в какой-то процесс творения, — как он утверждает, — ибо единственной альтернативой этого было бы утверждение, что материя' во Вселенной всегда существовала, — тезис, которого нельзя придерживаться, если иметь в виду количество водорода во Вселенной. Если

Вселенная всегда существовала, то не стало бы водорода, потому что по всей Вселенной водород постоянно превращается в гелий и этот процесс идет только в этом одном направлении, т. е. водород не производится в достаточном количестве через разложение других веществ. Если материя всегда существовала, то Вселенная не могла бы быть составлена в основном из водорода, как наблюдается сегодня. [Смотрите главу 6-ую в книге Хойла, первоначально озаглавленной *"The Expanding Universe"* (Расширяющаяся Вселенная): Fred Hoyle *The Nature of the Universe* (New York: Harper and Brothers, 1950). Даже в 1931 году, когда Бертран Расселл писал свои произведения, то признавал, что доказательства в пользу зависимости Вселенной убедительно поддерживает гипотезу о том, что космос в определенное время имел начало (*The Scientific Outlook* [London: George Allen and Unwin, 1931], стр. 122).]

Что все это значит, Агнос? Это свидетельствует о том, что материализм — слабая гипотеза. Если Вселенная истощается, то она не могла бы существовать вечно. Материализм не может объяснить, почему Вселенная истощается, за исключением предположения о наличии невидимой чистой энергии, вечность и необходимость которой подвергаются серьезному сомнению, если все, исходящее из нее, оказывается временным и зависимым. Думается, что Вы теперь понимаете, что теистическая гипотеза обладает сильной пояснительной способностью. В прошлом материализм рекомендовался людям потому, что они считали, что природа не нуждается в объяснении; она будто бы является заряжающей себя аппаратурой. Однако, если энтропия идет только в одном направлении, то держаться такой доктрины трудно.

Что материалист может сказать о доказательствах в пользу зависимости? Как всегда, он может перейти к скептицизму или агностицизму. Или он может утверждать, что хотя наука никогда не замечала случая, когда потерянная энергия была возвращена, может так быть, что настоящее положение энтропии (т. е. распространение энергии по Вселенной) является только одной стадией в огромном цикле расширения и сужения. За миллиард лет, быть может, мы заметим перемену процесса в противоположном направлении. Если материалист так утверждает, то я только могу спросить: кто здесь пользуется верой: теист или ученый? Все известные доказательства, — и подчеркиваю: все они, — говорят нам о тепловой смерти Вселенной. Если Вы считаете, что когда-то в будущем процесс изменится и пойдет в противоположном направлении, то нет ни одного отмеченного случая в поддержку Вашего убеждения. Ваша ответственность — составить мировоззрение, объясняющее *известные в настоящее время данные*, не предполагаемые нами данные будущих времен. Можно подтвердить любую теорию в мире, ссылаясь на будущие данные.

И вот у нас есть аргумент в пользу существования Бога. Значит, у нас уже горит этот первый осветительный прожектор. Вы что-то видите, Агнос? Может быть, ничего не видите, но не унывайте; у нас есть еще другие прожекторы. Даже с помощью освещения этого первого прожектора Вы не можете утверждать, что наше убеждение плохо объясняет вопрос зависимости. Мы считаем, что Бог, — та Необходимая Единица, то Вечное Нечто, — объясняет, как возникло все, чего могло бы и не быть. Вы, вероятно, понимаете, почему нам так нравятся слова, записанные в 3-ей главе книги Исход. Когда Иегова повелел Моисею вывести израильский народ из Египта, то этот пророк выразил свои сомнения вопросом: "А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им?". Бог отвечает:

"Я есмь Суший. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Суший послал меня к вам... так скажи сынам Израилевым: Господь (буквально: Иегова), Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам. Вот имя Мое на веки, и памятование обо Мне из рода в род" (Исх. 3:13—15). Имя "Иегова" происходит из одного и того же еврейского корня, что и данное здесь слово "Суший" (т. е. вечно существующий). Само имя еврейско-христианского Бога говорит о Его независимости, о Его вечности. Большая разница между Иеговой, — т. е. Вечной Единицей, — и сотворенной Вселенной, — зависимой вещью, — передается в поэтическом виде в 101-ом псалме: '

"В начале Ты основал землю, И небеса — дело Твоих рук; Они погибли, а Ты пребудешь; И все они, как риза, обветшают, И, как одежду, Ты переменишь их, — и изменятся; Но Ты — Тот же (т.е. Бог неизменяем), И лета Твои не кончатся" (Пс. 101:26—28).

Это соответствует тому, что Бог впервые явился Моисею в виде горящего куста, вернее, куста, который не сгорал. По всему миру огонь символизирует уничтожение, разложение и изменчивость. А Иегова приходит к Моисею в виде несгораемого куста, что и символизирует Его неизменяемость.

Б. Возражения против космологического аргумента

1) Кто Бога сотворил? Часто выступают с этим вопросом в отрицание Космологического аргумента. "Если все чем-то другим причиняется, то то же самое можно сказать о Боге". Но всякий, кто выступает с таким возражением, полностью не понимает аргумента. Если бы Богу быть сотворенным, то по определению Ему также нужно было бы быть зависимым; Он не мог бы быть причиной для возникших вещей, поэтому Он также не мог бы быть "Богом", как мы понимаем это слово. Значит, поставить вопрос: "Кто Бога сотворил?" — подобно тому, как поставить вопрос: "Кто сотворил Существо, которое невозможно было бы сотворить?". Вопрос: "Кто сотворил Необходимую Единицу?" — это нелепость.

2) Более серьезным является возражение, что Космологический аргумент совершает ошибку состава, по которой предполагается, что относящееся к одной части безусловно относится и ко всему целому. Например, тот факт, что у каждого человека есть мать, не означает, что есть одна мать для всего человечества. Подобно тому, возражающий говорит, что тот факт, что все индивидуальные части природы проявляют качество зависимости, обязательно не значит, что природа в своей целостности зависима от чего-то другого.

Ключ к ошибке состава находится в слове "обязательно". Эта ошибка предупреждает нас об автоматическом переходе с отдельных частей ко всему целому, т. е. она предупреждает о предположении, что относящееся к отдельным частям обязательно относится ко всему целому. Однако, эта ошибка не утверждает, что в каждом случае нельзя переходить с отдельных частей ко всему целому. Во многих случаях так бывает, что на основании некоторых частей можно прийти к правдивым выводам обо всем целом. Если в ковре каждая нитка синего цвета, то целый ковер синего цвета. Если все части машины сделаны из металла, то вся машина сделана из металла. Если каждая единица Вселенной проявляет зависимость, то вся природа оказывается зависимой, космологический аргумент пользуется тем же самым методом мышления и заключения, как и объяснения, выдвигающие достоверные выводы о целом на основании его отдельных частей.

3) Еще более серьезным оказывается возражение, выраженное Дэвидом Юмом, который полностью отрицал идею причинности. Согласно Космологическому аргументу предполагается, что "каждое происшествие чем-то причинено", и если опровергнуть это понятие, то этим и ослабишь его убедительность. Юм утверждал, что причинность является психологическим, а не метафизическим, принципом. Она выходит из склонности человека предполагать наличие необходимых связей, ибо мы, на самом деле, видим только связность и последовательность. Вскоре после Юма явился Кант, который утверждал, что причинность является категорией в нашем разуме, как один среди многих методов в классификации отдельных "моментов опыта. Кант утверждал, что Бог превосходит время и пространство, поэтому мы не имеем права приписать причинность Ему. Мы можем пользоваться понятием причинности для упорядочения данных, выведенных из наших чувств. [Смотрите David Hume, *A Treatise on Human Nature*, ed. L. A. Selby-Bigge (Oxford: Clarendon Press, 1896), стр. 77 и дальше; Immanuel Kant, *Critique of Pure Reason*, trans. Norman Kemp Smith (London: Macmillan and Co., 1929), стр. 44.]

Как можно доказать, что причинность относится ко всему во Вселенной? Доказать это дедуктивными путями невозможно, но можно показать, что, если отрицать эту идею, то этим уничтожаешь не только метафизику, но и науку. Как только отрицаешь причинность, так и отрицаешь большую часть знания; ведь, без этого принципа логичная связность в знании уничтожается. Разумеется, это не беспокоило бы Юма, потому что он все равно был скептиком.

Сверх того, Юм противоречил себе, когда критиковал причинность. Он даже не мог иначе обсуждать этот вопрос, как только выразить его в

такой форме: "от чего приходит наше понятие причинности?". Если он критикует причинность, то спрашивается: не критиковал ли он свою критику? Если в порядке вещей причинность не имеет никакого основания, то нельзя задавать вопросы, которые начинаются словами: "от чего приходит...?", — нельзя даже поставить вопрос о происхождении причинности. Джонс пишет следующее:

"Заявление, по которому утверждается, что невозможно логичными путями оправдать индуктивные выводы, опирается, — и, действительно, скрыто опирается, — на индуктивные выводы о человеческой природе и о действиях разума. Критический анализ науки, сделанный Юмом, нельзя применить к науке психологии, хотя нет никаких логических причин исключить эту науку из общего критического анализа". [W. T. Jones *History of Western Philosophy* (New York: Harcourt, Brace, and World, 1952), III, стр. 348.] Как бывает со всеми скептиками, Юм мог бы избежать этого противоречия, если бы просто промолчал. Не нужно было бы тогда отвечать на критику, отрицающую причинность! Итак, казалось бы, что перед нами стоит или несуществующая критика, отрицающая причинность, или противоречащая себе критика. В обоих случаях это не есть настоящая критика.

4) Логический позитивист говорит, что всякое метафизическое утверждение о существовании Бона никакого значения не имеет, так как в пользу этого утверждения нет никакого эмпирического случая, который подтвердил бы его. В ответ я просто отрицаю такое заявление и сам утверждаю, что эмпирическое подтверждение безусловно использовано в Космологическом аргументе.

Вернемся, прежде всего, к первому силлогизму: 1) если есть зависимое бытие, то есть и необходимое бытие; 2) существует зависимое бытие; 3) поэтому есть и необходимое бытие. Как часто бывает с гипотетическим силлогизмом, мы пользуемся эмпирическими доказательствами для того, чтобы доказать вторую предпосылку. Мы устанавливаем первую— предпосылку логическим анализом, пользуясь законом противоречия, который даже и логические позитивисты принимают. Мы пользуемся эмпирическими доказательствами (энтропией) для того, чтобы установить вторую предпосылку, в результате чего нашему заявлению предоставлен эмпирический случай, которым можно подтвердить наше убеждение.

Я думаю, что возникают трудности по той причине, что позитивист желает только одного ограниченного случая, с помощью которого он мог бы подтвердить свое утверждение. Однако, он должен понять, что все бытие или, по крайней мере, зависимое бытие в своей совокупности является частью подтверждающего эксперимента. Так как все вещи в мире зависимы, то всякое наше наблюдение их, в конечном счете, говорит о существовании Необходимой Единицы. Если заявление "все бытие нашего мира проявляет зависимость" имеет настоящее эмпирическое значение, то также и заявление "необходимое бытие существует", потому что на основании силлогизма второе заявление является неизбежным заключением, вышедшим из первого.

5) Космологический аргумент сам по себе не доказывает, что Бог является личностью— с интеллектом и моральными чувствами. Необходимой Единицей могло бы быть и существо, лишенное черт личности, как учил Спиноза и некоторые мистики-пантеисты.

Это состоятельное возражение. Самое важное из того, что это заявление само по себе может доказать, — это то, что какая-то Необходимая Единица существует. Эта Единица *могла бы быть* личностью с интеллектом и моральными чувствами; однако это заявление, — если оно состоятельно, — доказывает, что Необходимая Единица вечна и независима. Никакое доказательство, взятое из естественной теологии (т. е. исследования Бога по доказательствам видимой Вселенной и природы), не может установить существование совершенного Бога, связанного с традиционной религией. Придется найти несколько прядей, чтобы из них сделать наш "канат", — несколько прожекторов, чтобы осветить нашу "сцену".

В. Телеологический аргумент

Космологический аргумент берет свое начало с *факта* зависимой Вселенной. Телеологический аргумент или аргумент Замысла берет свое начало с *формы* Вселенной. Если что-то существует, то из этого можно составить Космологический аргумент, но чтобы составить аргумент Замысла, то

необходимы две или более вещи; которые находились бы в *определенном отношении* друг к другу. Это отношение свидетельствует об упорядочении вещей Интеллектом, действующим по преднамеренному плану. Не утверждается, что по аргументу Замысла можно доказать вечность Бога, но только то, что им можно доказать наличие интеллекта.

Агнос, с самого начала следует отметить, что аргумент Замысла — всего лишь умозаключение; он берет силу от метода соответствия. Никакой теист-телеологист не намеревался заявить, что он нашел Бога прямыми путями и подтвердил Его существование. Телеологист собирает массу упорядоченных феноменов или упорядоченных событий, затем он утверждает, что теория о существовании и действии Бога-Чертежника соответствует известным событиям. Это значит, что другая гипотеза могла бы прекрасно объяснить известные данные. Каждый должен оценить имеющиеся доказательства. Одним из самых древних и самых популярных аргументов в пользу существования Бога является аргумент Замысла и, по какой-то странной причине, даже его самые строгие критики, Юм и Кант, выразили свое уважение к нему.

Было сказано, что аргумент Замысла более подобен кольчуге, чем цепи. Если кто-то уничтожает звено в кольчуге, то остаются тысячи других. Чтобы опровергнуть аргумент, нужно уничтожить всю кольчугу. Тысячи звеньев кольчуги представляют собой тысячи случаев видимо преднамеренного упорядочения отдельных элементов и событий во Вселенной.

Куда бы ни повернулся в космосе, везде встречаешь примеры естественного закона и упорядочения. Нам вообще кажется, что Вселенная в основном приветлива к жизни, интеллекту, личности и ценностям. Например, сама жизнь является функцией космоса, т. е. чтобы Вселенной дальше существовать, необходимо ©чень сложное упорядочение земных и внеземных явлений. Земля должна быть на правильном расстоянии от Солнца, чтобы ей сохранять соответствующую температуру. Атмосфера должна быть составлена из правильной смеси здоровых газов. Земная кора должна быть определенной толщины и пропорция между землей и водой должна быть соответствующего процента и т. д. [Для более подробного обсуждения таких вопросов смотрите L. J. Hendersen, *The Fitness of the Environment* (New York: Macmillan and Co., 1913); *The Order of Nature* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1917); A. Cressy Morrison, *Man Does Not Stand Alone* (Old Tappan, N.J.: Revell, 1944); Lecomte du Nouy, *Human destiny* (New York: David McKay, 1947); William Paley, *Natural Theology*, ed. F. Ferre (New York: Library of Liberal Arts, 1962).] Как я уже сказал, такие примеры можно было бы приводить бесконечно, — их тысячи или, быть может, миллиарды.

Приходит на мысль интересный вопрос: относится ли этот вид Телеологического аргумента к другим отраслям знания кроме богословия? Имеет ли он значение в отношении более прозаических вопросов? Ответ на это — да, имеет. Мы фактически пользуемся телеологическими объяснениями в связи с различными важными вопросами жизни.

1) Мы пользуемся телеологическим объяснением тем, что признаем существование других умов, а, ведь, это признание является нашим первоначальным прыжком веры. Мы *должны* пользоваться им; в ином случае мы не имели бы права верить тому, что люди более, чем только автоматы без разума. Никогда прямым путем не видишь действий, происходящих в уме другого человека; не видишь ни чувств, ни планов, ни намерений, ни целей другого человека. Прямым путем видишь только внешнее поведение другого. Если отрицаешь телеологический принцип, то никогда не можешь приписать качества личности и свободную волю другому человеку, — только самому себе. Это значит, что когда Вы, Агнос, в споре с другим человеком будете отрицать телеологический принцип, то вы окажетесь виноватым в противоречии самому себе. Если за пределами тела никакого разума или личности не существует, то зачем даже и спорить? Не показывает ли тот факт, что Вы участвуете в споре, как раз и то, что Вы интуитивно верите в телеологический принцип?

2) Мы также пользуемся телеологией в психоанализе. Хороший психиатр верит, что за рассеянным поведением пациента кроется какая-то подсознательная цель или сильное желание или страсть, — т. е. какая-то цель, которой даже пациент не сознает и не может оценить. Если вы отрицаете телеологический принцип (как в случае психологического лечения по принципам бихевиоризма), то Вы можете всего лишь утверждать, что внешнее поведение другого человека является чисто объективным феноменом, лишенным всякого внутреннего процесса, дающего его поступкам

смысл. Тот факт, что психоанализ лечит многих, как раз и говорит о том, что бихевиоризм по этому пункту ошибается.

3) Мы пользуемся телеологией тогда, когда интерпретируем остатки материальной культуры, особенно древних времен. Археолог, раскапывая место стоянки человека каменного века, может найти оружие, похожее более или менее на томагавк, но только при том условии, что телеологический принцип достоверен, археолог может отнести оружие к человеческой изобретательности. На самом деле, очень трудно отличить одно из самых древних известных оружий, — эолит (название означает "рассветный камень"), — от камня, образованного силами природы. Многие люди инстинктивно пользуются принципами телеологии; даже не думая об этом, они пользуются ими в изобретении инструментов, какими бы примитивными они ни были.

4) Как бы странно это ни казалось, но в данном случае наука служит прекрасным свидетельством о замысле в мироздании. Каждый раз, когда наука открывает что-то новое и углубляет наше знание о Вселенной, она прибавляет новое звено к кольчуге. Каким образом она это делает? Тем, что предполагает действительное отношение между разумом и Вселенной, интеллектом и природой. С помощью нашего разума мы интерпретируем природу, поэтому природа, в некотором смысле, проявляет логический состав. Абсурдно составленная вещь не подвергается логической интерпретации. Как речь сумасшедшего не имеет никакого значения для здравомыслящего человека, так и невозможно проанализировать абсурдно составленную Вселенную. Наука могла бы "раскодировать", "прочитать" или "интерпретировать" природу, если бы естественные события были всего лишь случайными происшествиями, лишенными всяких общих руководящих принципов.

Агнос, Вы наверно здесь возражаете, утверждая, что все это выходит слишком антропоморфическим, т. е. что мы приписываем природе и интерпретируем ее по качествам, свойственным только человеку. Это верно, но разве наука этого не делает? Наука предполагает, что природа логически составлена. А разве логика не присуща человеку? Мы предсказываем затмения, пользуясь математикой. А не базируется ли математика на дедукции, которая является процессом человеческого мышления? Наука выходит антропоморфической в такой мере, в какой оказывается аргумент Замысла. В обеих областях, — как утверждается, — человеческая логика изображена во внешней действительности. Другая возможность заключается в том, что в окружающем мире отсутствует всякое упорядочение вещей и что мы только наводим на него наши логические мысли. Однако, такое понятие положило бы конец не только аргументу Замысла, но также и науке.

Если Вы примете единственную альтернативную позицию, — что мироздание, действительно, было сконструировано по логическим принципам, — то Вы не сможете освободиться от той вероятности, что Ваш разум и мироздание были созданы одним Мыслителем, Который соединил их в одно целое. Так как существует взаимосвязь между логически составленным мирозданием и интерпретирующим его интеллектом, то вполне возможно то, что они собой воплощают один и тот же Разум. Если природа, в некотором смысле, подобна языку, который нужно раскодировать, то вполне возможно, что она была создана Разумом, похожим на наш разум, Разум обычно интерпретирует вещь, созданную другим разумом.

Агнос, надежная теория не только объясняет данные, но также вызывает эвристические вопросы (эвристика есть обучение путем наводящих вопросов), т. е. она открывает новые области исследования, побуждающие нас искать и обнаруживать еще больше данных, которые, в свою очередь, обыкновенно подтверждают саму теорию. Телеологическое предположение не только сочетает и объясняет целую массу данных, оно также приводит нас к новым научным открытиям. Например, некоторые химические элементы были открыты одним человеком, который сделал предположение, что все химические элементы существуют в определенном отношении друг к другу по логическому и понятному порядку классификации. В 1869 году русский химик, Дмитрий Иванович Менделеев, по сходству свойств сгруппировал и классифицировал шестьдесят три элемента, известных в то время ученым. Когда он сравнивал эти элементы по образцу их похожих свойств, то ему стало ясно, что атомный вес среди них повторяется периодически, т. е. что через каждых семь мест в периодической системе свойства элементов повторяются.

Пользуясь этой телеологической гипотезой, Менделеев сумел исправить атомный вес, ошибочно приписанный некоторым элементам. Его

поправки потом были подтверждены новой научно-исследовательской работой. Он также с довольно бодрой смелостью предсказал, что когда-то в будущем 'будут заполнены пробелы его периодической системы. Он даже предсказал, что будут открыты еще новые элементы и дал им названия: эка-бор, эка-алюминий и эка-кремний. Все три элемента были открыты несколько лет спустя. Если способность достоверного предсказания является знаком хорошей научной теории, то телеологическое объяснение, видимо, является хорошей теорией. [Смотрите Bernard Jaffe, *Crucible: The Story of Chemistry from Ancient Alchemy to Nuclear-Fission* (New York: Simon and Schuster, 1951), стр. 208.]

Г. Возражения против телеологического аргумента

Как уже было сказано, аргумент Замысла является кольчугой, и чтобы опровергнуть аргумент, надо уничтожить всю "кольчугу" вместо ее отдельных звеньев. Также не забывайте, что этот аргумент не претендует на то, что он индуктивен. Аргумент, содержащий в предпосылке эмпирический материал, не может быть сильнее, чем весьма вероятное явление. Такие критики, как Юм, замечательным образом анализировали этот аргумент. Давайте обратим внимание на возражения против него. [Юм пользуется почти всеми следующими возражениями в отрицание аргумента Замысла, Смотрите David Hume, *Dialogues Concerning Natural Religion*, ed. Henry D. Aiken (New York: Hafner, 1948).]

1) Утверждается, что любое мироздание все равно имело бы какую-то форму, т. е. что его отдельные части имели бы какое-то отношение друг к другу. Как же мы можем быть уверены, что теперешнее мироздание проявляет знаки специального замысла? Не проявляло ли бы любое иное постижимое мироздание определенную структуру?

Это верно, что любое постижимое мироздание проявляло бы *какую-то* структуру, но неверно то, что любое иное постижимое нами мироздание было бы столь упорядоченным, как теперешнее. Я мог бы представить себе мироздание, подобное громадной мусорной свалке, или громадной психиатрической больнице, или громадной уборной, или громадному залу, где мучают людей. Еще хуже, я мог бы представить себе мироздание, в котором ни в коем случае не могли бы возникнуть ни жизнь, ни разум, ни личность. Если утверждать, что любое мироздание имело бы упорядоченный состав, то это все еще не объясняет, почему наше мироздание обладает теперешним порядком вместо другого возможного порядка.

2) Теория эволюции выбивает почву из-под ног аргумента Замысла. Она утверждает, что чудесная структура живых организмов была осуществлена не актом разумного сотворения, а медленным процессом адаптации к окружающей среде...

Это верно, что теория эволюции в некоторой мере ослабила Телеологический аргумент, но тот, кто утверждает, что эта теория опровергла аргумент Замысла, в своей оценке идет слишком далеко. Во-первых, если принять эволюцию, то она объясняет структуру в отношении *органических* процессов; она не объясняет примеров целеустремленных намерений Разума в отношении *неорганического* мира. Во-вторых, если кое-что изменить, то теория эволюции возможно и содействует аргументу Замысла. Джордж Мавродс прекрасно выражает эту мысль:

"Вначале человеку может показаться, что ручные часы являются такой сложной вещью, служащей определенной цели, что он приходит к выводу, что они были сделаны мастером, т. е. человеком. Однако вполне возможно, что часы были' сделаны в полностью автоматизированном заводе в отсутствии человеческого вмешательства и что можно убедить в этом любое лицо. Но из этого не следует, что этот человек должен отвергнуть всякий интерес к чертежнику. Ведь, если он считает, что часы — чудесная вещь, то что он тогда подумал бы о заводе, где они производятся? Не указывает ли завод тем более на чертежника?" [George Mavrodes, *The Rationality of Belief in God* (Englewood Cliffs, N. J.; Prentice-Hall, 1970), стр. 10.]

Многие религиозные люди, придерживающиеся теории эволюции, утверждают, что вместо того, чтобы ослабить их понятие целеустремленного планирования в сотворении Вселенной, она фактически укрепила его. Тезис целеустремленного планирования не опровергается тем фактом (если это факт), что полученный результат был осуществлен на протяжении миллиардов лет вместо шестидневного периода.

3) Мы пока исследовали маленькую часть Вселенной, поэтому нам надо быть осторожными в составлении определенных выводов о ее происхождении.

Это дельная мысль, но к главному вопросу не относится. Мы должны составить свое мировоззрение на основании известных данных. Ученые так делают. Почему философам и теологам этого не делать? Выражая это возражение, Юм снова противоречит себе, так как после этого он подвергает чудеса сомнению, основываясь на предположении, что Вселенная известна нам по всем ее частям. В эссе о чудесах он не проявляет никакого уважения к величию неизведанной части Вселенной. Он заявляет, что известная часть Вселенной упорядочена и постоянна в действиях, — она в такой мере упорядочена, что всякий здравомыслящий человек сразу же отрицает утверждаемое чудо, нарушающее естественный закон.

Придется выбрать что-то одно. Или 1) большая часть Вселенной нам неизвестна, поэтому аргумент Замысла слишком претенциозен, а чудеса возможны, или 2) Вселенная хорошо известна нам и чудеса невозможны, а аргумент Замысла совсем вероятен. Как мы потом увидим, даже утверждение Юма против вероятности чудес дало осечку.

4) Вселенная в своей целостности уникальна и ничего подобного ей нет. Сотворение ее мы никогда не увидим, — ни разу не увидим. Никто не видел, как творился космос, поэтому мы едва ли можем это сравнить с Часами. Выводы о первопричинах должны базироваться на нашем опыте, а аргумент Замысла нарушает этот канон.

Это убедительное возражение, но оно всего лишь показывает, что аргумент Замысла, — как и все телеологические аргументы, — основан на аналогии. Оно основано на принципе соответствия, не последовательности. На этом-то и основана наша вера в существование других умов, в интерпретацию остатков, материальной культуры, в процесс психоанализа. Если Вы сами лично не сконструировали часов, если все известные Вам часы были сконструированы другими умами, то Вы ни разу не видели той связи, которая существует между разумом и изделием, — т. е. такой простой вещью, как часы.

Как же можете Вы тогда предложить самое простое телеологическое объяснение? Вы не можете; Вам нужно было бы быть солипсистом и предположить, что единственный случай, когда разум сконструировал определенное изделие, был тот случай, когда *Вы сами сконструировали* его! Если Вы часов не сделали, то, на самом деле, не можете сказать нам, что часы отличаются от камня. Если такая позиция Вас не удовлетворяет, то Вы должны указать, по каким пунктам именно, телеологические объяснения становятся несостоятельными.

5) Вполне возможно, что принцип случайности содействовал упорядочению и замыслу во Вселенной. В контексте вечности возможны всякие сочетания. Поэтому, не только возможно, но даже и вполне вероятно то, что в контексте вечности элементы мироздания сошлись и создали теперешний порядок вещей.

Большая ошибка этого возражения в предположении, что имеется вечно-текущее время, которое создало теперешний порядок вещей. Если энтропия служит руководящим принципом, то время фактически ограничено для сотворения настоящего порядка вещей. Если Вы утверждаете, что сегодняшняя сложность и упорядочение вещей были осуществлены на протяжении шести-восьми миллиардов лет, то Вы заявляете какую-то невероятность, подобную тому, как за одним движением выбрать из колоды все карты одной масти. Биологи предполагают, что вероятность того, что бочка, наполненная землей, станет, в конечном счете, лошадью путем случайных мутаций — один шанс из $(10^8)10^4$. Цифра эта составлена из миллиардов нолей.

Агнос, есть что-то у большинства из нас, — можно назвать это простым инстинктом, — что противится идее того, что принцип случайности вызывает порядок. Прежде всего, как же случайность может быть *причиной* любой вещи? Не говорит ли этот принцип о том, что просто не знаешь, что фактически случится? Не знаешь, что именно случайность произведет, а вот, — как утверждается, — случайность создала законы и порядок, жизнь и разум, личность и ценности! Разве это логично? Когда ученый объясняет недавно происшедшее событие, то он это делает в предположении, что мы имеем дело с нормальным миром, в котором все происходит в результате упорядоченного процесса причины и следствия. Но когда дело касается

метафизики, т. е. вопроса о происхождении всего космоса, некоторые мыслители отрекаются от принципа упорядочения и предполагают, что причиной всего существующего является немыслимая беспричинность, случайность или судьба. Они предполагают наличие целеустремленности и определенного плана в отношении всего, кроме происхождения Вселенной. Они начинают с утверждения, что все имеет свою причину, а кончают заявлением, что ничто не имеет своей первоначальной причины. Теизм, видимо, гораздо логичнее такого миропонимания.

Может быть, как раз и по этой причине наука, отвергшая теизм, попадает в беду. Может ли наука продолжать существовать, если она оторвана от первоначальной связи с теизмом? Только Бог дает значение и упорядочивает космос. Чтобы функционировать, наука должна иметь значение и порядок, поэтому, не нуждается ли она в Боге?

6) Почему не говорить о нескольких богах? Многие люди участвуют в постройке корабля или дома. Почему не постулировать семью богов, принявших участие в создании Вселенной?

Это солидное возражение. Аргумент Замысла окончательно не доказывает единства Чертежника. Единство и множество богов — это возможные теории, но здесь отмечаю, что мы имеем подобную трудность с другими телеологическими объяснениями. Например, в объяснении сумасбродного поведения индивидуума также было бы трудно исключить теорию о множестве в нем личностей. На самом деле, в отношении своих друзей мы обычно придерживаемся теории единичной личности, а когда их поведение меняется и разделяется на разные типы, то мы вынуждены поверить в реальность шизофрении. Наука, казалось бы, показывает, что мы живем в одной единичной Вселенной вместо одной среди многих отдельных Вселенных, и если ученые предлагают теорию "единого поля" в отношении всего космоса, то постулат о едином Чертежнике не оказывается нелепостью.

7) Аргумент Замысла не доказывает, что Чертежник совершен, всеведущ и всемогущ. Не нужно всемогущее Существо для того, чтобы объяснить наличие предельной Вселенной; это Существо должно быть только сильным.

Это также солидное возражение. Ножик Уильяма. Оккамского не позволяет нам приписать первопричине никаких других качеств кроме тех, которые в минимальном значении необходимы для объяснения данного эффекта. На самом деле, нет ни аргумента, ни ряда аргументов естественной теологии (т. е. богословия, видящего Бога на основании всего существующего во Вселенной), которые представили бы нам стопроцентно совершенного Иегову, связанного с еврейско-христианским откровением. Библейский бог установлен библейскими доводами, о которых мы еще поговорим.

8) В конечном счете, самым сильным возражением является наличие зла во Вселенной. Зло ясно свидетельствует об отсутствии замысла и отрицает телеологию. Вряд ли можно считать, как заявляет критик, что наш мир был создан сочувствующим Интеллектом.

Это также солидное возражение. На самом деле, оно столь солидно, что заслуживает целой главы, которая находится в конце этой книги (глава семнадцатая). Если христианин не сумеет снять остроту проблемы зла, то вся его защита христианства окажется в очень опасном положении.

Д. Заключение

Несмотря на все эти возражения, Агнос, я считаю, что теизм объясняет вопросы зависимости и замысла лучше, чем материализм. У нас сейчас горят два прожектора. Может быть, Вы что-то видите, Агнос, а, может быть, ничего не видите. Я что-то вижу, хотя признаю, что это пока еще силуэт* Нужно больше прожекторов и у нас есть больше. Но если бы даже нам остановиться при свете этих прожекторов, то я все-таки все еще предпочитал бы теизм.

Можно сказать, что наша трудность похожа на весьма важное судебное дело. Количество доказательств огромно, анализ сложен, но когда процесс завершается, я все равно считаю подсудимого виновным. Я утверждаю, что Вселенная виновна в проявлении замысла и в укрывании необходимого

бытия. Адвокат (как Юм и другие) отлично защищал своего клиента от обвинений в замысле и зависимости, но в конце процесса нам всем приходится голосовать. Поразмыслив над количеством данных на протяжении многих лет, я все еще голосую за Бога.

7. Антропологический аргумент в доказательство существования Бога

Агнос, я готов включить другой прожектор, который, как я считаю, дает еще больше света, чем прожекторы Космологического и Телеологического аргументов. Мы иногда называем его Антропологическим аргументом, т. е. аргументом, основанным на человеке. Наш тезис состоит в том, что материализм полностью не объясняет человека, как он также полностью не объясняет зависимости и замысла во Вселенной. Прежде всего, главу нужно начать с обсуждения вопроса о природе человека.

Главный вопрос в отношении к Богу заключается в том, существует Он или нет? А вопрос о человеке сводится к его составу: составлен ли он только из материального, естественного и физического? Или, составлен ли он из чего-то другого, превосходящего все его естественные категории? В чем именно он отличается от низших животных, на которых он, по многим анатомическим чертам, похож? В 1967 году Мортимер Адлер предложил миру, по всей вероятности, самое эрудированное обсуждение этого вопроса в произведении "Особенности человека и разница, которую они собой представляют". Адлер упоминает семь особенностей человека, отличающих его от животных:

- 1) Только человек пользуется языком, которым он общается с другими; только человек пользуется словесными символами; только человек составляет и говорит предложениями, т. е. единственным дискурсивным животным является человек.
- 2) Только человек делает, инструменты, разводит огонь, ставит себе укрытие, производит одежду, т. е. единственным животным с технологическими способностями являемся человек.
- 3) Только человек устанавливает законы или свои личные правила поведения и этим создает общественную жизнь, общаясь с другими людьми разными средствами, т. е. человек является не только общительным, но и политическим животным.
- 4) Через все поколения только человек развил кумулятивную культурную традицию, передача которой составляет историю человечества, т. е. единственным историческим животным является человек.
- 5) Только человек участвует в таинственных и обрядных действиях, т. е. единственным религиозным животным является человек.
- 6) Только человек обладает моральной совестью, различением правильного и неправильного, т. е. единственным этическим животным является человек.

7) Только человек, украшает себя и свои изделия и рисует картины или делает статуи только с целью наслаждения, т. е. единственным эстетическим животным является человек. [Mortimer Adler, *The Difference of Man and the Difference it Makes*, (New York: Holt, Rineholt, and Winston, 1967), стр. 91. Большинство социологов и антропологов соглашается с этим списком кроме, быть может, пунктов № 2 и 7. Приматологи, т. е. люди, изучающие приматов, утверждают, что у некоторых приматов они замечают начальные технологические и эстетические способности.]

Я буду пользоваться этими чертами человека в развитии аргумента в пользу теистической интерпретации человека. Когда читаешь этот список, то возникает следующий первый вопрос: какое значение имеют эти особенности человека? Можем ли мы, ссылаясь на них, прийти к каким-то метафизическим выводам? Я убежден, что можем. В этой главе я предложу образец интерпретации человека. Я буду утверждать, что мой образец соответствует уникальным чертам человеческой природы и что материализм является более слабым образцом. Первая особенность, которую я буду обсуждать, — как я считаю, — имеет самое сильное значение, — а именно, это моральная природа человека.

А. Моральный аргумент в доказательство существования Бога

Моральный аргумент подобен аргументу Замысла. Когда мы обсуждали этот аргумент, то заметили, что наука действенна, когда предполагается, что существует связь между логическим мышлением и логическим составом Вселенной. Полностью абсурдная вещь не подвергается логической интерпретации. Подобно тому, аргумент морали постулирует связь между моральными чувствами человека и составом Вселенной. Без этой связи успешная моральная жизнь была бы трудной; этический человек живет в этическом мире.

Как же мне это доказать? Можно начать доказательство с того, что человек "обладает моральными чувствами", которые настолько реальны, насколько реален его контакт с предметами материального мира. Почему Вы, Агнос, предполагаете, что книга, которую Вы сейчас держите в руках, подлинна? Потому, что Вы ее видите и действительно ощущаете Вашими пальцами. Дело в том, что я ежедневно чувствую "давление" моральной обязанности. Как я нахожусь, в логично составленном мире, обусловленном предметами, которые существуют за пределами моей личности и которым я в , положении отозваться лишь каким-то пассивным образом, то я также нахожусь и в моральном мире, обусловленном чем-то объективным, существующим за пределами моей личности и кажущимся мне чем-то более важным, чем мои личные мнения и наклонности. Это чувство моральной обязанности настолько реально, насколько реален камень, о который я спотыкаюсь, и оно может "остановить меня в пути" с такой эффективностью, с какой и камень может это сделать. Быть "остановленным чувством обязанности" — это общая особенность морального опыта.

Вы вначале, быть может, не согласитесь с утверждением, что моральное переживание настолько реально, насколько реально чувственное переживание. Вы спрашиваете: что вызывает это давление? Мы вскоре ответим на этот вопрос, но тут же важно отметить, что существует определенное давление на человека исполнять свои обязанности, вести себя нормативно, прилично. Если Вы отрицаете это давление, то мы сказали бы, что Вы являетесь моральным кретином, что у Вас недостает моральных качеств. Это подобно тому, как сказать, что Вы отрицаете физический мир. Мы сказали бы, что вы не владеете способностью постигнуть его. Если Вы пожелали бы, то могли бы стать солипсистом. Другими словами, аргумент в пользу материального и морального миров кругообразен, т. е. он основан на определенной способности постижения: в одном случае дело касается постижения эмпирического предмета, в другом — постижения морального права.

Вы видите еще другое доказательство морального переживания, — именно, в положительных и отрицательных чувствах, которые Вы ощущаете, когда исполняете или нарушаете моральный кодекс. Если Вы делаете кому-то добро, т. е. поступаете по примеру доброго самарянина (чем-то жертвуете, нуждающемуся помогаете или кого-то прощаете за безжалостную обиду, то Вы после этого ощущаете великую радость, — то, что религиозные люди называют блаженством. С другой стороны, если Вы делаете то, что нарушает моральный кодекс, — например, говорите неправду, обманываете, крадете, кого-то обижаете, — то Вы ощущаете вину, угрызения совести и стыд. Такие положительные и отрицательные чувства, видимо, испытывают почти все люди. Мировая литература свидетельствует об универсальности моральных переживаний. В этом-то суть большей части выдающейся литературы.

Моралисты считают, что законы, относящиеся к области морали, проявляют такую же силу над нами, какую проявляют законы, относящиеся к естественному миру. Если кто-то оказывается столь неразумным, чтобы верить, что закон тяготения зависит от его субъективной интерпретации, и если он думает, что он свободен игнорировать его, то вскоре он убедится на личном горьком опыте, что он не может идти против структуры физического мира и не заплатить за это дорогой ценой. Так же и в моральной сфере правила не подлежат субъективной интерпретации. Если нарушаешь правила морали, руководящие личными отношениями между свободными людьми, то в конце концов сильно пострадаешь за это.

Самое странное относительно моральных переживаний — это то, что обязанность безусловно чего-то требует от нас, когда мы принимаем моральные решения. Моральный выбор — это наше личное решение, не какое-то индуктивное или дедуктивное заключение. Если я рассуждаю, что

$2x=10$, то $x=5$. Это дедукция. Но если я замечаю, что "я должен помочь соседу", то это уже не дедукция. Я не делаю вывод на основании каких-то предпосылок, что мой сосед безусловно требует помощи от меня, а просто "вижу" или "понимаю", что это так. Морального канона я не могу создать; я просто признаю его. Когда поэты пишут оды об обязанности и гимны о любви, то они имеют в виду этот элемент безусловной помощи или поддержки. Когда моральный человек приходит к выводу, что он должен исполнить свою обязанность, то говорит: "Несмотря на последствия, я должен это сделать".

Если моральные переживания реальны и объективны, то мы должны спросить: откуда приходит это давление? Откуда приходит это чувство обязанности? Само чувство обязанности приводит нас к утверждению, что есть законы, нормы, каноны, которых в поведении мы должны придерживаться. Как же существует моральный кодекс? Где он находится? Если не считать моральные переживания иллюзией, то надо определить то, что вызывает их. Может ли моральный кодекс существовать в каком-то материальном предмете? Нет, потому что моральный кодекс — это нормы поведения, принятые мыслящими людьми. Как же камень или дерево могло бы проявить моральное "давление" на меня? К тому же, если моральный кодекс находится в материальных предметах, то не было бы никакого преступления ввиду того, что материальные предметы *не решают* идти против своей натуры. Казалось бы, гораздо разумнее утверждать, что моральные законы могут существовать только в свободных разумах или людях и только для них. Однако, у нас еще остается та трудность, что имеются разумы трех типов: индивидуума, целой группы и Бога.

1) Моральный кодекс не может существовать в разуме индивидуума, потому что это совсем не объясняло бы наших моральных переживаний. Когда ощущаешь давление обязанности, то это заставляет тебя поступать * правильно даже тогда, когда это идет против твоих личных склонностей. Мы часто совершаем то, что приносит нам стыд и угрызения совести, но в то же время, мы делали это по личному желанию и решению. Это не согласуется с понятием *индивидуального субъективизма*, согласно которому моя личная прихоть определяет нормы морали. Если бы индивидуум определял -моральный кодекс, то невозможно было бы объяснить стыд или угрызения совести.

2) *Общественный субъективизм* тоже не объясняет, где именно находится моральный кодекс. Я знаю, что нормы морали не могут существовать в группе людей, если эта группа, — будь это народ, раса, или племя, — часто грешит, как и индивидуум. Большое количество людей не гарантирует их морального поведения. В истории некоторые из величайших моралистов заплатили своей жизнью, свидетельствуя о моральном идеале, на который группа не обращала внимания или просто отрицала. Если мораль определяет группа людей, то вы не имеете никакого права осуждать расистскую политику нацистов Германии или рабовладение, которое практиковалось в южных штатах Америки до Американской Гражданской войны.

3) Если мораль не существует ни в разуме индивидуума, ни в группе людей, то какой разум остается? Очевидно, только разум Бога. Но прежде чем прийти к такому выводу, мы слышим возражение с одной стороны: почему не остановиться на безличном моральном порядке вещей? Почему нужно требовать дальнейшего объяснения и приходиться к выводу, что, существование личного морального Бога фактически объясняет вопрос этики? Разве оккамский ножик позволил бы нам пойти дальше в объяснении?

Солидный вопрос! Это возражение я понимаю, потому что оно приходит к нам от того, кто, по крайней мере, признает, что мораль — объективное явление. Однако, я не могу согласиться с утверждением, что мы можем полностью объяснить мораль без всякой ссылки на Бога; в таком случае мы были бы виноваты в редукционизме. Утверждать, что мы должны искать источник морали за пределами человека и общества и в этом исключить Бога, — это нашей проблемы не разрешает. Мы пока еще не ответили на вопрос: *где находится моральный кодекс?* Если Вы говорите, что есть "вечная моральная сфера" или "духовный принцип" или "сфера ценностей", то мне непонятно, где находится центр морали. Разве эта сфера умственна или духовна? Если так, то является ли она разумом или духом? В чем она отличается от моего разума или разума Бога? Утверждать, что существует безличный разум или дух — это для меня противоречие терминов.

Если Вы мне утверждаете, что та реальность, которая заставляет меня исполнять мою обязанность, *безлична*, то я только могу ответить, что это совсем не объясняет ту обязанность, которую я лично ощущаю. Как же безличная реальность может заставить меня ощущать ответственность быть

добрым, помогать другим, говорить правду и любить других? Мне непонятно, как *какая-то вещь* может оказать на меня, — личность, человека, — моральное или духовное влияние. Как раз по этой причине пантеизм отвратителен многим морально чувствительным людям. По словам Эмиля Бруннера: "Бог, Который нейтрален, ничего не требует от нас".

Агнос, это значит, что единственным логическим источником морального закона является личность, сверхъестественный Разум, Бог. Мы увидели, что источником морали должен быть разум, и мы также увидели, что источником морали должен быть разум, который является большим индивидуума или группы, людей. Если Бог определяет моральный кодекс, то мои моральные чувства становятся вполне понятным явлением; а если не так, то мои моральные чувства остаются совсем непонятным явлением. Надежная теория должна выяснить обсуждаемый вопрос, не затуманить его.

Конечно, есть возражения против аргумента Морали, и мы можем выяснить его, отвечая на некоторые из них.

1. Большинство из тех, кто отрицает наше рассуждение, говорят так: "Мораль является относительным понятием, зависящим от места и времени, поэтому вряд ли мы можем считать, что есть один общий моральный кодекс для всех людей".

Во-первых, я не утверждаю, что все моральные кодексы в мире соглашаются между собой, хотя я убежден; что между ними имеется больше согласия, чем нам кажется. Я утверждаю, что все люди имеют основное понятие нормального поведения. У них с момента рождения заложен принцип, что есть те вещи, которые *нужно делать*. В самом основном выражении этот принцип гласит так: "Делай то, что считаешь правильным; избегай того, что запрещается". Даже это самое элементарное понятие морали показывает, что человек не является только животным, что он превосходит инстинктивное поведение. Найдется ли другое животное, обладающее способностью решать и вести себя по какому-то объективному кодексу поведения? Г. К. Честертон прекрасно выделяет эту сторону обсуждаемого вопроса: "Мы говорим о диких животных, однако, единственным диким животным является человек. Человек вырвался из-под контроля. Все остальные животные приручены грубым приличием своего племени или типа. Все другие животные домашние; только человек остается неукротенным независимо от того, является ли он развратником или монахом... Как раз там же, где кончается биология, начинается религия". [G. K. Chesterton *Orthodoxy*, p. 144.]

Во-вторых, я отрицаю, что мораль имеет относительное значение. На первый взгляд, этические кодексы, казалось бы, сильно отличаются друг от друга, но когда ближе познакомишься с ними, то замечаешь больше согласия, чем видят и признают социологи и антропологи. К. С. Льюис пишет: "Если бы кто-то позаботился о том, чтобы сопоставить моральные учения, скажем, древних египтян, вавилонян, индусов, китайцев, греков и римлян, то его бы сильно поразило большое сходство нашего учения с их учениями... Люди расходились *по* вопросу о том, к кому человек должен относиться бескорыстно, — либо к собственной семье, либо к соотечественникам, либо ко всем людям, — но они постоянно утверждали, что нельзя себя ставить на первое место. Эгоизма никто не уважает". [C.S. Lewis, *Mere Christianity*, rev. ed. (New York: Macmillan and Co., 1952), стр. 5. Чтобы познакомиться с недлинным сравнительным списком моральных кодексов, показывающих широкое согласие между основными этическими канонами, смотрите "Приложение" в произведении C. S. Lewis, *Abolition of Man* (New York: Macmillan and Co., 1947).] Историк Уилл Дурانت с этим соглашается:

"Тот, кто мало знает историю, выделяет различия между моральными кодексами и приходит к выводу, что они неважны, потому что относятся к различным временам и местам, и они в некоторых случаях противоречат друг другу. Тот, кто лучше знает историю, подчеркивает универсальность моральных кодексов и приходит к выводу, что они необходимы. Моральные кодексы отличаются друг от друга потому, что они реагируют на исторические и окружающие их условия". [Will Durant *The Lessons of History* (New York: Simon and Schuster, 1968), стр. 37.]

Довольно странно звучит заявление: "все выражения морали друг от друга отличаются". Если два выражения морали сильно отличаются друг от друга, то зачем тогда называть их моралью? Это подобно заявлению: "все стулья — уникальны". Если индуктивные единицы, составляющие обобщение, действительно уникальны, то как же можно говорить "о всех стульях" и о "всех выражениях морали"? Когда релятивист пользуется словом "мораль", то мы считаем, что он действительно знает, что есть для всех моральных кодексов какой-то общий элемент.

Агнос, мне кажется, что люди в сущности не думают о последствиях морального релятивизма. Если заявление: "нельзя убивать" не более, чем

только мое субъективное чувство касательно убийства в данный момент, то из этого следует, что 1) было бы невозможно любому из нас ошибиться в этических оценках; 2) в отдельных случаях одна этическая оценка не имела бы одного и того же значения, потому что наши чувства меняются; 3) между людьми не было бы согласия по этическим оценкам.

Такие последствия лишили бы большую часть человеческой жизни настоящего значения. Читайте любую газету, слушайте любую радиопередачу или смотрите любую телепередачу, слушайте любую беседу и замечайте, как час-, то Вы слышите выражения моральной оценки; Обращайте внимание на такие слова как: "нужно", "ненужно", "должен", "не должен", "надо", "нельзя", "ответствен", "заслуживает порицания", "достойный осуждения", "обязательно". Всякий раз, когда люди беседуют между собой, то без слов предполагают и признают роль обязанности. Мораль может быть онтологически уникальной; быть может, Вам не нравится то, что мораль не является эмпирическим явлением и что нельзя заниматься ей, пользуясь научным методом. Однако, отрицать ее реальность трудно.

Все же, самая большая слабость этического субъективизма в том, что он противоречив. Снова это становится подобным тому, как проколоть сердце булавкой: рана небольшая, но смерть неизбежна. Даже нельзя говорить о морали без, предположения ее реальности. Поэтому всякий, кто хвалится моральным релятивизмом, противоречит самому себе. Допустим, что кто-то отрицает моральное переживание и спрашивает меня: "Как ты можешь знать, что есть законы морали, объединяющие всех людей?". На это я бы ответил: "Какое право ты имеешь поставить мне этот вопрос? Не подразумевается ли в твоём вопросе, что мы *должны* иметь какие-то доводы, подтверждающие утверждаемое нами? Откуда ты получил право оценки, позволяющее тебе поставить мне такой вопрос? Ты, казалось бы, говоришь мне: *ты должен иметь доказательства, подтверждающие наши обязанности*. Но это то же самое, как сказать: "Ты должен считаться с той возможностью, что нет никакого противоречивого морального требования— Если никаких таких обязанностей нет, то мне не надо ни с чем считаться, если я этого не желаю". Когда кто-то утверждает, что без доказательств нам не надо верить в реальность морали, то он, не сказав этого словами, предполагает, что "сама необходимость предложить доказательства" является моральным требованием. *[Я недавно получил рекламу от фирмы из Нью-Йорка, специализирующейся по аудиовизуальной технике. В объявлении рекламируют программу со слайдами, относящуюся к гуманитарным наукам, под заглавием "Аудиофильмы, обсуждающие актуальные вопросы и ценности". На конверте написаны такие слова: "Ценностей мы не можем преподавать, однако мы должны их обсуждать". Если не дано нам ценности преподавать, то меня интересует то, какое значение в заявлении несет слово "должны"?]*

Выходит, что мораль или, по крайней мере, один моральный принцип, — необходимость говорить правду, — уже заложен в нас при нашем рождении. Когда кто-то утверждает, что всякая мораль имеет относительное значение, то он считает, что я должен принять это предложение, потому что оно верно. То же самое происходит, когда мы устанавливаем закон противоречия для того, чтобы *отрицать* его, а, ведь, это доказывает, что этот закон фактически не нуждается в доказательстве. Аристотель обнаружил, что его оппоненты отказывались увидеть эту непоследовательность. После одного случая, расстроившего этого выдающегося философа, он пришел к выводу, что только люди благородного характера могут понять логические основные принципы философии. Как всегда, скептику наиболее честно было бы просто молчать. Закон противоречия и необходимость говорить истину, казалось бы, присущи всякому виду рассуждения и коммуникации.

Когда кто-то отказывается увидеть свое противоречие, Агнос, то он совершает самую худшую ошибку, — ошибку упрямства. Упрямого человека не убедишь в достоверности данного предложения даже тогда, когда доказательства весьма убедительны. Его ошибка не умственного, а морального характера.

2) Некоторые заявляют так: "Так как мы начинаем верить в наши ценности в результате того, что сами тому научились и что нам эти ценности внушали, то они имеют всего лишь относительное значение".

Скрытое предположение заключается в том, что никто не может и не должен преподавать нам то, что оказывается истинным, абсолютным или что нас обязывает, потому что все заложено в человеке от рождения. Значит, оно априорно заложено в нашем разуме еще перед познанием нами

жизненного опыта. Мы верим, что у человека находится заранее заложенная способность моральной оценки, хотя, несмотря на это признание, данное возражение нас не убеждает. Тот факт, что нам что-то преподается и мы этот материал усваиваем, вряд ли служит доказательством, говорящим против нашего утверждения. Например, в мир мы не входим, зная научный метод, но это ничуть не изменяет факта его состоятельности. Если бы мы обратили серьезное внимание на это возражение, то надо было бы сравнить новорожденного малыша с образованным взрослым, т. е. все, что приобрел взрослый образованием, нужно было бы объявить ничего не стоящим!

3) Эволюционист выдвигает подобное возражение. Он старается опровергнуть аргумент Морали утверждением, что мораль в своей совокупности ничто иное, как постепенное развитие понятий, имеющих свое начало в животных инстинктах. Люди постепенно вырабатывают свои этические системы тем, что просто живут в общественных группах.

Это возражение совершает "генетическую ошибку", которая оказывается одним видом ошибки редукционизма. Совершаешь генетическую ошибку тогда, когда предполагаешь, что всякая растущая и развивающаяся вещь ни в коем случае не достигнет уровня выше своего первоначального состояния. Например, взрослый человек произошел из одной оплодотворенной яйцеклетки, но было бы нелепо обратиться к человеку в пятидесятилетнем возрасте со словами: "Ты всего лишь — ходячая оплодотворенная яйцеклетка!".

Когда эволюционист утверждает, что мораль ничто иное, как развитие, начатое с животных инстинктов, то он предполагает, что таким рассуждением он уничтожает ее объективную, обязывающую нас силу. Но тем же самым утверждением он уничтожает всякое логическое рассуждение. Ведь, эволюционист также утверждает, что интеллект у человека вышел из мозга приматов. Однако, он предполагает, что интеллект заслуживает нашего доверия. Если это так, то что именно оформило это возражение? Что оформило теорию эволюции? Если разум, развившийся из более низких форм, заслуживает доверия, то почему не моральная природа?

К тому же, это возражение не обращает внимания на большую разницу между человеческой моралью и животными инстинктами, — на разницу, которая особенно важна для моего утверждения, защищающего понятие, что человек превосходит животный и материальный мир. Ни один эволюционист пока еще не выдвинул удовлетворительного объяснения того, как *общественный инстинкт* развился в *общественную сознательность*. Животные инстинкты — это биологически унаследованные образцы поведения, и они автоматически исполняются без всякой сознательной цели. Человеческая мораль оказывается чем-то совершенно другим. В истории человечества Вы можете вернуться к любому периоду, и Вы найдете, что люди в то же время вели себя по очень сложным кодексам поведения.

Дело в том, что эти правила поведения не являются инстинктивными, т. е. они биологическим путем не наследуются. Стоит изъять человека из общественной среды, и он сам этих правил не разовьет. Образцы человеческого поведения в своем большинстве передаются социальными учреждениями. Когда спрашиваешь о начале этих учреждений, то указывают на какого-то давнего предка. Кодексы поведения передаются не наследственным путем, а через образование. [Смотрите отличное представление этой темы Бенджеменом Фаррингтоном в произведении Benjamin Farrington, *What Darwin Really Said* (New York: Schocken Books, 1966), стр. 75.] Их преподают, пользуясь человеческим языком. Поэтому, они принадлежат разуму, не инстинктам. Научить собаку этическим принципам невозможно, как и невозможно преподавать принципы высшей математики лошади или заставить ласку полюбить классическую музыку. Мораль относится только к человеку.

Б. Эстетический аргумент в доказательство существования Бога

Агнос, Вы помните, что аксиология, т. е. наука о ценностях, разделяется на две части: этику и эстетику. Если можно предложить Моральный аргумент в доказательство существования Бога, то и разумно считать, что также можно предложить Эстетический аргумент. Тот самый Бог, Который дает смысл вопросам морали, проливает свет на вопросы эстетики. Мы могли бы объединить эти два аргумента и назвать их аргументом Аксиологии.

Нам не нужно входить в детали относительно этого аргумента, так как принципы те же самые, как и в аргументе Морали.

Как в аргументе Морали мы начали с моральных переживаний, то и в этом аргументе мы начинаем с факта эстетических переживаний. У всех людей есть "чувство красоты" и время от времени они делают эстетические оценки. Если не так, то перед нами удивительное совпадение, ибо миллионы людей соглашались с тем, что некоторые вещи прекрасны, а другие безобразны. Например, было бы трудно найти человека, который серьезно утверждал бы, что Большой Каньон, Швейцарские Альпы или Английские озера безобразны. Было бы трудно найти человека, утверждающего, что Гомер, Данте, Шекспир и Гете писали чушь, и что Рембрандт, Рафаэль Санти и Ван Гог нарисовали безобразные картины, или что статуи Фидия, Микеланджело и Бернини ничуть не красивее кучи навоза.

Если бы Вы серьезно верили, что в объективном мире нет ничего, дающего значения слову "красота", то мы просто пришли бы к выводу, что Вы являетесь кретином по эстетике, что Вы лишены всякой способности увидеть красоту, которой обладает большинство людей. Это подобно тому, как кретин по моральным вопросам лишен способности ощущать давление морального кодекса. Мост Золотых Ворот не был бы ничуть красивее раздавленной баночки для пива; "Пиэта" Микеланджело не была бы красивее детского пирога, сделанного из грязи; Пятая симфония Бетховена не была бы мелодичнее радиопомех. Для большинства людей такие последствия показались бы тревожными.

Я должен признать, что искусство иногда представляется субъективным явлением; понятие красоты, казалось бы, зависит от моды, а мода постоянно меняется. Но это поверхностное представление искусства. Надо было бы только сравнить несколько историй искусства и Вы увидели бы, что есть немало удивляющего нас согласия по эстетической оценке. Неполной оказалась бы любая история западного искусства без упоминания Микеланджело, Рафаэля, Фидия, Рембрандта. Пока еще определяются принципы эстетической оценки в отношении современных произведений искусства. Современный художник, быть может, борется за всеобщее признание, но Рафаэлю этого уже не надо делать! По сравнению с вопросами морали, вообще требуется больше времени, чтобы установить принцип эстетической оценки, но, в конечном счете, трудно сдвинуть с пьедестала классические произведения старых мастеров. Выдающиеся произведения искусства прочнее многих научных теорий.

Мы никогда не достигнем полного согласия по вопросам эстетики, как и никогда не достигнем полного согласия по вопросам этики, но если наши эстетические переживания — чисто субъективного характера, то трудно объяснить большое согласие, достигнутое людьми по эстетическим вопросам. Если искусство всего лишь дело вкуса, то большая мера согласия в эстетической оценке оказывается почти что чудом совпадения.

Агнос, когда Вы по-настоящему оцениваете этику и эстетику, то видите недостатки эмпирической эпистемологии. Если бы разум человека был всего лишь *tabula rasa*, т. е. чистой страницей; то мы не имели бы никакого права предпочитать одно действие другому или назвать одну вещь красивой, а другую — безобразной. Если бы человек обладал пустым и пассивным разумом с механизмом ощущения, которым он собирал бы данные, то Вы не могли бы иметь философское основание для этики и эстетики. По сравнению с нами, людьми, у многих животных есть более острые чувства. Почему они не могут делать оценки об истине, этике и эстетике? Почему ласка не может наслаждаться музыкой Бетховена, исполняемой струнным квартетом? Если эстетика определяется чувствами, то в распоряжении ласки находятся все необходимые органы для оценки. Если способность делать эстетические оценки действительна, то человек, видимо, обладает тем, чего у ласки нет.

Эмпиризм, принимающий данные, основанные только на чувствах, не может ни для чего установить нормы, тем более для морали или красоты. Джордж Эдуард Мур прекрасно это отметил в произведении "Принципы этики" (1903), в котором он говорит о материалистической ошибке, о попытке выделить принципы того, что "нужно делать", из того, что "есть". Эпикур и Джон Стюарт Милль пытались составить этические системы на основании предположения, что люди действительно чего-то желают, поэтому и они должны того же желать. Однако, ценности не определяются путем эмпирических данных, так как такие данные говорят о том, *что* люди делают, а не о том, что они *должны* делать. Норма должна выйти из разума, иначе настоящей нормы не было бы.

Если красота является объективным явлением, то, как в аргументах Замысла и Морали, это снова приводит нас к некоторым метафизическим

последствиям. Как только мы действительно понимаем, в чем заключается эстетическое, переживание, мы тут же вводим в дискуссию разум, чтобы объяснить такое переживание. Мы начинаем постигать и тонко ощущать художественные произведения людей, когда чувствуем, что мы "поняли" и "интерпретировали" цели художника. Чувствительные художники и поэты говорят одно и то же о природной красоте. В стихотворении "Тинтернский монастырь" Уильям Вордсворт пишет:

"Ибо я научился
На природу смотреть, не как в час
Бездумной молодости, но часто слыша
Тихую, печальную музыку человечества,
Ни резкую, ни скрипучую, хотя — такой силы,
Чтобы, наказать и покорить. И я чувствовал
Присутствие чего-то, волнующего меня радостью
Возвышенных мыслей, ощущение высокого,
Чего-то гораздо более перемешанного,
Чье присутствие является светом восходящих солнц
И обширный океан и живой воздух
И голубое небо, и в уме человека —
Движение и дух, побуждающие
Все мыслящие объекты, все мышление,
И проникающие во все".

Если Вселенная является творением Вечного Разума, — Разума, Который сотворил красоту в мире и способность во мне чувствовать ее, то мои эстетические чувства этим достаточно объяснены. Агнос, если теизм достоверен, то снова удовлетворено мое желание понять очень важный аспект моего личного опыта.

В. Человек – мыслитель

Аргумент здесь немало усложняется, Агнос, поэтому в этой части прошу Вас внимательно читать и обдумывать то, что будет сказано.

Мой тезис заключается в том, что, человеческая способность мышления удовлетворительно не объясняется материализмом. Как мораль нечто большее, чем только стимул или инстинкт, и красота нечто большее, чем только вкус и личное предпочтение, то мышление — это нечто большее, чем только неврология. Если считать человека всего лишь естественной материальной единицей, то никак не объяснишь человеческой логики.

Приведем пример. Посмотрим на разницу между планиметрией и стереометрией. Планиметрия относится к двум измерениям: длине и ширине. Стереометрия добавляет третье измерение: глубину или высоту. В планиметрии круг остается плоским; в стереометрии он становится шаром. Если отрицаешь состоятельность стереометрии, если считаешь, что можно смотреть на круг только по образцу планиметрии, то круги у тебя всегда будут плоскими. Ты не "поймешь уникальных свойств шара. Это верно, что ты *мог бы* смотреть на все геометрические фигуры только с точки зрения планиметрии, но этим ты не познакомился бы с третьим измерением. Если не обращаешь внимания на одну часть реальности, то всякая твоя оценка дефективна.

Что касается человека, то его *можно* воспринять с точки зрения материи, но этим его полностью не поймешь. Много из того, что он делает, оставалось бы непонятным. Согласно приведенной метафоре, человек оказался бы "плоским". Мы уже заметили, что мораль и эстетика, видимо, кажутся некоторым людям "онтологически особенными". Человеческое мышление в подобной мере особенно. Если вы желаете понять все эти особенные свойства у человека, то Вам нужно будет оставить редукционистическую позицию материализма и предположить еще другую сферу реальности, чтобы полностью объяснить человека.

Какие у меня доказательства, показывающие, что, как и в областях мора—, ли и эстетики, онтологической особенностью человека является также и мышление?

1) Я вижу затруднения материализма подтвердить свою позицию, сохраняя логическое мышление. Часто так выходит, что трудности одной теории становятся доказательствами для другой, и как раз это мы замечаем по отношению к материализму и теизму. Когда материалист старается подтвердить свое мировоззрение, то он не может сделать этого без противоречия самому себе. Всякое мировоззрение должно объяснить не только Вселенную в ее общем плане, но также само себя.. Вы помните пример собаки, заявляющей, что собаки не говорят. Материалист находится в таком же самом положении, так как он начинает мыслить, а затем выражает мировоззрение, по которому всякое мышление ставится под сомнение. Согласно его мировоззрению, все, — и тут же имеется в виду и разум, — исходит из физического, естественного, материального миров. Однако он должен пользоваться своим физическим разумом для того, чтобы защищать свое метафизическое понятие.

Но как же физический мозг может доказать превосходство своего соображения над соображениями другого физического мозга? Если разум составлен только из материи, то он как-то "выделяет" мысли подобно тому, как печень выделяет желчь или сердце посылает кровь через артерии. Как же можно доказать, что по содержанию истины один выделенный продукт лучше другого? Ваш разум выделяет материализм; мой разум выделяет теизм. Который из них достоверен? Не кажется ли Вам, что прилагательное "достоверен" здесь не по существу? Как же выделяемое может быть достоверным или ошибочным? К тому же, почему люди годами держат в тайне такие странные явления как материализм, пантеизм, теизм, рационализм, деизм? Что меняет выделяемое? Солнечные пятна? Космические лучи? Почему как-то внезапно материализм стал якобы достоверным современным выделяемым продуктом? Объяснять истину в терминах выделяемого продукта, быть может, кажется Вам странным подходом к рассматриваемому делу?

Эта неясность разъясняется тогда, когда утверждается, что существует другая сфера, в которой мышление, даже мышление о материализме, превосходит пределы неврологии. Поэтому та трудность, которую материализм испытывает в подтверждение своей позиции, становится свидетельством, поддерживающим мировоззрение, по которому признается действительность сверхъестественного. Если собака должна словами высказать, что "собаки не говорят", то этим-то и доказывается, что они фактически говорят.

2) Другое доказательство онтологической особенности мышления состоит в странном дуализме, который замечается в речи между словами, относящимися к предметам и идеям. [Смотрите Brand Blarishard *The Nature of Thought* (London: George Allen and Unwin, 1939), стр. 336.] Наша речь показывает, что мы инстинктивно ощущаем основную разницу между сознанием и телесным действием. Давайте составим список слов, описывающих материальные предметы: толстый, тонкий, густой, твердый, сплошной, скользкий, липкий, быстрый, медленный. А теперь составим список слов, описывающих идеи: неоспоримый, остроумный, убедительный, резкий, понятный, правдоподобный, противоречивый.

Попробуйте только изменить материальные предметы, приписывая к ним слова, относящиеся к идеям, и наоборот, и Вы увидите, какие странные сочетания получаются. Обращайте внимание на следующие примеры. В какой мере быстра теория коммунизма? Какого цвета теория эволюции? Остроумно, ясно или неоспоримо ли движение маятника? Направляется ли материализм в северную или южную сторону? Какой густоты ошибка Составления? В какой мере скользка дедукция? Вы слышали о двух машинах, которые противоречат друг другу? Почему эти вопросы кажутся нам странными? Потому, что такие идеи как эволюция, коммунизм и материализм не проявляют свойства густоты, цвета или скорости. Но если

действительность — материального характера и состава, то почему идеи не проявляют материальных качеств? Почему наша речь постоянно поляризует нас вокруг двух центров: мыслей и предметов? *[Гегелевский диалектический принцип был искажен Карлом Марксом. Гегель был идеалистом, и в системе идеализма две вещи могут "противоречить" друг другу и составить из себя синтез. Однако Маркс утверждал, что все существующее является материей. Если возникает какое-то противоречие, то должно быть так, что противоречат друг другу две материальные единицы. Такое соображение очень странно!]*

3) Третьим доказательством онтологической (особенности мышления является способность человека думать понятиями. Нет надобности теисту утверждать, что *всякое* мышление превосходит физическую неврологию, так как ясно, что у человека есть физический мозг и ясно, что этот мозг вполне активен в процессе мышления. Однако есть особая форма мышления, — составление понятий, которые не объясняются неврологическими механизмами. Изучающие это явление, в основном соглашались с тем, что *ключом к наблюдаемым различиям в поведении между человеком и животными является человеческая способность думать понятиями*. Есть убедительное доказательство, показывающее, что для функционирования мышления понятиями требуется что-то нематериальное. [Смотрите М. Adler, *Difference of Man*, стр. 820—222; также смотрите ссылку № 42 в главе 12-ой, стр. 340—347.]

Когда разум составляет некое понятие, то в мире нет особенных эмпирических предметов, к которым непосредственно относится это понятие. Когда Вы видите лошадь, то обычно не говорите: "Вот это лошадинность!", или: "Вот это млекопитающее!". Вы вероятно указываете на предмет по его роду: лошадь, затем по имени собственному как, например, "Доббин". Названия предметов разделяются на две категории: 1) особенных или отдельных предметов, и 2) общих и абстрактных понятий. Мы пользуемся именами собственными по отношению к определенным узнаваемым нами индивидуумам. Но если тщательно рассмотрим все языки, то заметим целое количество терминов, не относящихся к никаким отдельным предметам, — таких терминов; как человечество, животное, растение, четвероногое, млекопитающее, плотоядное, позвоночное. Эти названия или определения ни к одной отдельной единице не относятся, но лишь к главным свойствам определенного класса. Мы называем их "универсалиями". Одна из самых древних проблем философии заключается в вопросе: какой статус имеют универсалии?

Допустим, что я попросил Вас указать на уникального представителя слова "млекопитающее". Если бы вы указали на корову, то сделали бы ошибку, потому что корова разделяет некоторые свойства с тигром и китом. Вернее, Вы сказали бы: "Вот это один пример животного". Но отвечая таким образом, Вы показали бы, что слово "млекопитающий" относится к целому классу животных, разделяющих определенные свойства. Например, тигр одновременно — и млекопитающее, и четвероногое, и плотоядное и позвоночное, но мы редко упоминаем все эти понятия, когда говорим об отдельном тигре. Только одна вещь может дать слову "млекопитающее" значение, — наше понятие, наше представление общего класса животных, вскармливающих детенышей молоком. Если бы разум не имел понятий, определяющих классы или роды, то мы никогда не могли бы использовать общие названия для определения класса, которому принадлежит данный индивидуум. Млекопитающее, как такое, не существует в мире, но понятие действительно существует в разуме.

Так что в разуме должно быть нечто, какой-то механизм, по которому разум смотрит на некоторые примеры данного класса и определяет их сущность. Это правда, что разум должен смотреть на отдельные примеры в мире для того, чтобы определить сущность данной группы, но раз понятие составлено, то оно не имеет представителя в мире так, как имеет однократное наблюдение данного примера. Его настоящий представитель существует только в разуме.

Если понятия находятся только в разуме, то они онтологически особенны; они, на самом деле, не существуют в эмпирическом мире. Мы теперь можем завершить наше утверждение категорическим силлогизмом:

1) Все понятия носят универсальный характер.

2) Нет ни одного физического предмета, носящего универсальный характер (т. е. каждый такой предмет носит свой особенный характер).

3) Поэтому понятия не являются физическими предметами.

Этот силлогизм состоятелен, потому что он удовлетворяет всем требованиям категорического силлогизма (три утверждения, распространенную среднюю часть и так далее). Если предпосылку можно доказать, то вывод⁴ состоятелен. В результате нашего соображения мы пока установили первую предпосылку: в намерении понятия должны носить универсальный характер, иначе они не могли бы помочь нам понять (как мы это понимаем), что такое млекопитающее или четвероногое?

Вторая предпосылка доказывается наблюдениями здравого смысла. Никто не утверждал бы, что собачьи ноги сами по себе составляют какую-то "универсальную собачность"; вернее, утверждалось бы, что собака — это один пример ее класса. Индивидуальные или отдельные вещи всегда ~ материального характера, и, наоборот, материальные вещи носят характер индивидуальности. Так как обе предпосылки являются эмпирическими обобщениями, то уничтожишь первую или вторую, если выдвинешь даже один отрицательный пример. Никто пока еще такого примера не нашел. М. Адлер комментирует: "Никто пока не предоставил существующего предмета, относящегося к общему опыту или к научному знанию, который в виде своего существования являлся бы одновременно — физического или материального и универсального характера (т. е. который являлся бы классом вещей, вместо отдельной вещи)". [Там же, стр. 222.]

Если наше утверждение состоятельно, то это показывает, что наши понятия — нематериального характера. Объяснить силу мышления понятиями, ссылаясь на физический мозг, — это показывало бы, что понятие — материального характера, поэтому оно также особенного характера. Этим объясняется, почему материалист встречает трудности, когда защищает свое мировоззрение посредством полностью физического мозга; ведь, материализм является громадным понятием, превосходящим миллионы индивидуальных представлений вещей.

Признаю, что это утверждение довольно абстрактно и сложно, и я знаю, что главное возражение, которое Вы возможно хотели бы выдвинуть против него, выходит из эмпирического исследования мозга. Вы, быть может, станете утверждать, что когда повреждается физический мозг, то это действует и на целый процесс мышления понятиями. Это доказывает, что мозг участвует в процессе мышления понятиями, как он также участвует в мышлении перцепцией. Если мозг чем-то поврежден или если даются индивидууму особые медикаменты, то мышление понятиями может исказиться. Не доказывает ли это, что *всякое* мышление только — физического характера?*[Гипотеза, по которой утверждается, что разум всецело равносителен физическому мозгу, называется "гипотезой тождества". Она логически вытекает из материализма.]*

Не обязательно. Доказать, что физический мозг *участвует* в мышлении понятиями, — это не то же самое, как доказать, что физический мозг является *единственной* причиной, вызывающей мышление понятиями. Многие сложные феномены вызываются причинами двух типов: 1) необходимой причиной, и 2) достаточной причиной. Необходимая причина — это все условия, которые должны присутствовать, чтобы вызвать данный результат. Достаточная причина — это то условие, которое присутствует в достаточной мере, чтобы вызвать данный результат, т. е. это, пожалуй, настоящая причина следствия. Необходимая причина — это те условия, *без которых данный результат не осуществится*, но которые, сами по себе, не вызвали бы данного результата (т. е. если не "А", то также и не "Б"). Достаточная причина — это то условие, *с помощью которого данное следствие осуществится* (если "А", то и "Б").

Например, если спросить: "Почему лампа горит?", то Вас вероятно не удовлетворит ответ: "Потому, что провода выходят из электрического источника и соединены с лампой". Все эти условия необходимы для того, чтобы лампа горела. Однако Вы в сущности хотите знать, кто включил свет? Объяснение горячей лампы остается неполным, пока не будет открыта Вам достаточная причина. Провода и лампы света не включают.

Физический мозг является необходимой причиной мышления понятиями, но не его достаточной причиной. Это объясняет, почему наркотики могут испортить мышление понятиями подобно тому, как лампа перестанет гореть, когда перережут провода. Если перерезать провода, соединенные с лампой, то этим не докажешь, что какой-то человек не мог бы быть достаточной причиной горячей лампы, т. е. *при том условии*, что провода в исправном состоянии. Подобно тому, не докажешь сущности нематериального характера мышления понятиями тем, что расстройство мозга действует

на этот процесс. Доказать его нематериальный характер таким образом — этого как раз мы и ожидали бы", если бы физический мозг был необходимой причиной, но не достаточной причиной мышления понятиями.

Кстати, не кроится ли под этим возражением противоречие? Вы говорите, что химикалии могут испортить здоровое мышление, но Вы также говорите, что мозг — это электрохимический организм. Разве не все химические реакции в одинаковой мере необходимы? Если некоторые химикалии портят мышление, то как же, пользуясь ими, можем мы гарантировать здоровое мышление? Ведь это другой вид нашей прежней проблемы в утверждении, что по содержанию истины один выделяемый продукт может оказаться лучшим, чем другой.

4) Другой линией доказательства в пользу онтологической особенности человеческого мышления является человеческая память. Наука о механизмах памяти пока еще на первых ступенях знания, поэтому выводы здесь не могут быть окончательными. Но даже сейчас есть очень интересный материал о памяти, который подходит к нашему тезису.

Например, люди, исследующие вопрос памяти, показывают, что находишься одновременно в двух состояниях, когда припоминаешь пережитый случай. Можешь лежать на столе и говорить с доктором, который проводит анализ над тобой, и одновременно присутствовать на месте припоминаемого события. Ваш мозг функционирует, как магнитофон с высоким качеством воспроизведения; он обладает удивительной — способностью достоверного воспроизведения реальности. Он запоминает не только пережитые случаи, но также и чувства, тесно -связанные с пережитым происшествием. Когда Вы припоминаете пережитый случай, то Вы иногда снова испытываете те же самые чувства.

Научно-исследовательская работа по вопросу припоминания показывает, что центром памяти является кора головного мозга, но она не функционирует точно так, как функционирует запоминающее устройство в компьютере, где каждая единица информации сохранена в одной электронной клетке. Запечатленная информация, казалось бы, "распространена" по всему мозгу вместо того, чтобы быть сосредоточенной в одном месте. Хирурги могут вырезать большие части мозга, но это не уничтожает пропорционального количества запомненной информации. Это показывает, что каждый запомненный случай сохранен во всех частях мозга.

Есть еще интересный факт, — именно, нервные клетки не разделяются, поэтому в любом возрасте имеется лишь ограниченное количество клеток* способных сохранить заложенную информацию. Нервные клетки, которые начинают умирать приблизительно после достижения двадцатипятилетнего возраста человека, не заменяются новыми. Несмотря на это, наша способность интеллектуального соображения увеличивается и мы учимся новому материалу. Хотя физический мозг теряет клетки, это не содействует соответствующей потере в знании.

Прочность и долговечность мозга — это явление удивительное. Старик может забыть то, что было сказано ему пять минут спустя, но он помнит случай, пережитый им восемьдесят лет тому назад. Если память — чисто физическое явление, то можно было бы объяснить его долговечность, указывая только на какое-то необыкновенное химическое вещество. В прошлом исследователи считали, что белок является этим точным веществом, сохраняющим информацию, но это видимо не так потому что мозговой белок полностью заменяется каждые три недели. Химическое вещество, которое так часто заменяется, вряд ли может принимать и на протяжении долгого времени сохранять информацию. В последнее время некоторые предполагают, что сохраняет информацию молекула ДНК.

Многое из таких доказательств соглашается с нашей гипотезой, что, хотя физический мозг является необходимой причиной для человеческой способности мышления, он сам по себе не является достаточной причиной. Если было бы прямое, непосредственное отношение мозговых клеток к умственной способности, то как можно было бы объяснить 1) что вырезание некоторой части мозга не отнимает соответственного количества информации, или 2) что после достижения двадцатипятилетнего возраста количество мозговых клеток уменьшается, а умственная способность увеличивается и усложняется? [Смотрите W. Penfield, "Memory Mechanisms", *M.A. Archives of Neurology and Psychiatry*, 67 (1952): 178—198; Denis Alexander, *Beyond Science* (New York: A. J. Holman Company, 1972), стр. 36 и дальше.]

Все доказательства, представленные до сих пор: противоречие материализма, психическо-физический дуализм по отношению к нашей речи,

мышление понятиями и таинственное функционирование памяти, — все это воедино сводится к убедительному утверждению, что человек в целом превосходит физический мир (он трансцендентен). Но понятие трансцендентности в науке и философии просто соответствует понятию сверхъестественных явлений в теологии, и если приходится ссылаться на сверхъестественное в объяснении человека, то антропологические понятия материализма оказываются неадекватными. Как в планиметрии, материализм оставляет человека "плоским".

Может быть, эмпирическая наука не замечает трансцендентных свойств у человека по той причине, что ученые постоянно смотрят *на мир с помощью* разума. Если слишком долго будешь смотреть на мир, то проявишь тенденцию забывать об уникальных свойствах инструмента, которым смотришь на мир. Эмерсон сказал, что если бы звезды выходили раз в столетие, то мы приложили бы усилия к тому, чтобы быть готовыми увидеть это зрелище, но ввиду того, что звезды выходят каждую ночь, то мы принимаем это, как вполне нормальное явление.

То же самое можно сказать о разуме. Мы принимаем его, как нормальное явление, потому что знаем о нем интуитивным и непосредственным путями.

Мы склонны считать, что атомы, молекулы и электроны — это что-то более, чем только первоначальная действительность, и мы говорим, что разум — "субъективное явление". Однако разум — это вещь, о которой мы наиболее уверенно знаем. Как утверждал Карл Юнг:

"На каком основании люди знают, что единственной реальностью является физический атом, когда доказать это практически невозможно, кроме только с помощью психики. Если есть что-нибудь такое, что можно назвать первоначальным, то это должно быть психика, — ни в коем случае, это не может быть атом, который, как все остальное в нашем опыте, дается нам непосредственным образом, как образец или картина". [Процитировано в книге: Wood Krutch, *The Measure of Man* (New York: Grosset and Dunlap, 1968), стр. 122.] В минувшем столетии был некий ученый, который заявил, что он не верит в существование души, потому что не мог найти ее в пробирке. Ему не приходило в голову, что он не туда смотрит и с помощью не того инструмента. Дэвид Юм отрицал, что существует душа и утверждал, что наше "я" — всего лишь коллекция мимолетных проходящих образов. Если использовать аналогичный пример, он сказал, что разум похож на нить жемчуга без нити, связывающей отдельные жемчужины, иначе говоря, без нашего "я", связывающего целый ряд проходящих чувств. Но как иметь коллекцию без коллекционера? Если разум — всего лишь нить жемчуга, то которая жемчужина определяет, что "разум — только нить жемчуга"? Каким образом та одна жемчужина, увидевшая то, приобрела способность, так сказать, превзойти пределы своего состава и увидеть целый жемчуг? Значит, наше "я" должно быть трансцендентным для того, чтобы подтвердить, что оно не трансцендентное!

Агнос. может быть, Вам не нравится, когда люди говорят о душе, духе, сознании, нашем "я", личности, логическом мышлении, уме или о чем-то другом, которым пользуются люди, но эти слова служат определениями необходимого образца, которым мы пользуемся в понимании поведения человека. Образцы помогают нам понять рассматриваемый объект и его работу. Человек — очень сложное существо, и с доисторических времен самые выдающиеся люди занимаются анализом поведения человека. Через всю историю такие понятия, как дух и плоть, или разум и душа, служили средством для понимания некоторых таинственных явлений. Если Вы скажете, что надо покончить с идеей души, то надо представить новый образец, который мог бы занять ее место и в той самой мере объяснить сложность и онтологическую особенность, которую мы уже обсуждали. Я считаю, что невозможно представить лучшее понятие, чем понятие души; Все, что можно сделать, — это предложить какой-то синоним для этого слова.

Одно из самых интересных явлений в истории интеллектуального развития человечества в Европе касается того, как в психологии люди перестали пользоваться словом "душа", потому что она связана с теологией. А чем это слово заменили? Греческим термином, носящим значение души, — именно, это слово "психика"! Психики я не нахожу в пробирке. Почему психологи убеждены, что существует нечто такое? В своем старании объяснить человека они также виновны, как и теологи в предположении существования невидимых явлений или реальностей. Обратим внимание на понятия, использованные Зигмундом Фрейдом: ид, "я", сверх-"я", эдипов комплекс. Разве найдешь все это в пробирке? Усердный материалист мог бы спросить у Фрейда: "В какое точное неврологическое состояние входит мозг, когда человек страдает от эдипова комплекса?". Как ответил бы Фрейд?

Он мог бы всего лишь сказать, что это образец, средство для того, чтобы понять поведение человека. Никогда не видишь образца непосредственно подобно тому, как и не видишь самого ветра. Веришь, что он существует, потому что такое убеждение о нем объясняет то, что видно. *«Не без причины замечается то положение, что в языках мира слово "дух" и "ветер" одно и то же. Обе реальности нами невидимы и ^проявляют наглядные результаты. В беседе с другом, Людвигом Бинсвангером, З. Фрейд, — как утверждает, — сказал: "Да, дух — это все... От начала человечеству было известно, что оно имеет дух; мне нужно было показать, что есть также и инстинкты"»*. Процитировано в книге: Leslie, *Jesus and Logotherapy*, стр. 22.]

Неверующие часто жалуются, что можно говорить о Боге только в символических, метафорических или аналогических терминах. Это правда, но разве не то же самое можно сказать в отношении разума? Неужели Фрейд дает нам понять, что существует настоящий цензор сна, который сторожит дверь, ведущую от ID кнашему "я"? Вряд ли. Тем не менее, слово "цензор" — весьма удобный, полезный и красочный термин в изображении того, что существует, и оно прекрасно отображает то, что совершается. Фрейд был вправе его использовать, если оно эффективно изображало действительность.

Денис Александер нам много помогает в представлении образцов для объяснения поведения человека. В книге "За пределами науки" он показывает, что наука никогда не представляет "настоящей истины" о мире, но скорее всего — образец, через который проявляется старание составить концепции о наблюдаемых феноменах подобно тому, как карта символизирует землю. Карта *представляет* нам действительность, но она не является действительностью, а также она *не вызывает* действительности, которую собой представляет. Качественная карта близко соответствует и изображает землю, но стопроцентно достоверной карты не найдешь. Чтобы достоверно изобразить такую простую вещь, как землю, необходимы карты, показывающие высоту, осадки, растительность, геологический состав и т. д. Если поместить всю эту информацию на одной карте, то она, оказалась бы столь усложненной, что прочесть ее было бы невозможно. Когда рассматриваемая вещь усложнена, то надо проанализировать ее несколько раз и каждый раз — сосредотачиваться только на одном свойстве. [Alexander, *Beyond Science* (Hdlman, 1977).]

В отношении человека феномен столь сложен, что необходимы карты с точки зрения биохимии, анатомии, антропологии, социологии, истории и, — если мои утверждения в этой главе убедительны, — теологии. То, что можно исследовать мое поведение, только в терминах биохимии, не доказывает, что человек составлен всего лишь из химических веществ подобно тому, как и картой не докажешь, что земля составлена всего лишь из растений.

Г. Реальность свободы

Утверждение о трансцендентности человека оказалось бы незавершенным без защиты понятия свободы. Казалось бы, что нет истины более приемлемой здравому смыслу человечества, чем свобода воли. Если отрицать ее, то большая часть нашего опыта теряет значение. Реальность свободы идет за пределы наших утверждений. 1) Человек обвиняет себя и ощущает вину, когда делает что-то не так, потому что он считает, что он мог бы выбрать какой-то лучший путь. 2) Суд очень строго осуждает подсудимого после того, как приходит к выводу, что он по свободной воле совершил преступление, в котором обвинен. 3) Почти во всех религиях мира и моральных кодексах найдешь закон судьбы, т. е. принцип возмездия, по которому считается, что "твои грехи найдут тебя" или "что посеешь, то и пожнешь". Если отрицать свободу, то это прекратило бы всякую деятельность коммерческих предприятий. Нужно было бы тогда изменить многие слова в нашей речи. Разумеется, то, что поддерживает немалую часть нашего опыта, не является иллюзией.

Все же, те, которые продолжают считать человека материальной единицей, отрицают свободу. Они утверждают, что человек управляем законом причины и следствия в такой мере, как и бильярдный шарик. Всякий раз, когда я слышу детерминиста, который защищает свой детерминизм, то это звучит для меня довольно странно. Если эта теория достоверна, то это имеет то значение, что мне суждено верить тому, во что верю, независимо от

утверждений, которые мне предлагают. Может быть, детерминисту лучше было бы потрясти меня и увидеть, стану ли я детерминистом в результате трясения мозговых молекул или нет. Этого он не делает; он просто продолжает спорить со мной! Почему?

Хороший вопрос: почему мы спорим? Если спорить, то это мне показывает, что мой оппонент-детерминист предполагает, что я свободен выбрать для себя даже и его позицию, однако его детерминизм отрицает такую возможность. Э. Дж. Карнелл пишет: "Если человек оспаривает моральную свободу, то он просит слушателя оценить его утверждения о моральной свободе, поэтому его возражение, — подобно возражению того, кто критикует закон противоречия, — себя отрицает". [*Christian Commitment: An Apologetic* (Grand Rapids: Eerdmans, 1948), стр. 115.]

Детерминисты жалуются, что вера в реальность свободы уничтожает принцип причинности в науке. Это неверно, потому что мы говорим о причинности иного типа, — о причинности, которая действует в духовной области. Свобода не означает, что человек не может унаследовать определенные условия и склонности, выходящие из его прошлого. Они свободы не аннулируют, а всего лишь обуславливают и определяют ее. Как в случае мышления понятиями, человек стоит выше природы и ее механизма. Как наше "я", знающее феномены, не является одним из известных нам феноменов, то так и наша воля, производящая любое действие, не была вызвана тем средством, которым вызывается все остальное. Те, кто верит в реальность свободы, не говорят, что данное действие ничем *не вызвано*, а просто утверждают, что оно вызвано *нашим "я"*, т. е. не материальной действительностью.

Если различие между этими двумя типами причинности выходит ошибочным, то я просто не могу понять, почему люди поступают так, как они поступают. Многое из того, что мы делаем, выходило бы нелепостью, если бы мы не обладали свободой. Почему Вы вправе сильнее возмутиться против убийцы, ударившего человека ножом, чем против мула, ударившего человека копытом? На каком основании дано нам более волноваться о нападении грабителя на Другого человека, чем о падении снежинок на его голову? Почему Вам нужно быть благодарным тому, кто помог Вам? Ведь он по-другому не мог бы поступить? Не забывайте того, что теория должна объяснить рассматриваемое действие.

Психотерапия предоставляет нам другую линию доказательства в пользу свободы воли. Большинство докторов знают, что страдающие могут изменить состояние многих заболеваний своим настроением. Трудно определить, где находится наше "желание выздороветь", но его реальность неоспорима. Если человек был бы всего лишь, материальной единицей, то, казалось бы, все его трудности можно было бы исправить лекарствами и операциями. Однако такие вещи играют лишь маленькую роль в лечении душевной болезни. В последние десятилетия мы замечаем рост в появлении новых школ по психологическим вопросам, преданных предположению, что главными условиями душевного здоровья являются свобода и ее последствие: моральная ответственность. Три из этих школ — это школа реалистической терапии, логотерапии и анализа делового поведения.

Наряду с мышлением понятие о свободе воли более всего отделяет человека⁴ от животных. В последнее время появилось несколько книг, в которых подчеркивается связь человека с животными: "*The Naked Ape*" (Голая обезьяна), "*The Human Zoo*" (Человеческий зоопарк), "*The Human Animal*" (Человек-животное). В большинстве случаев те, кто изучает этот вопрос, не обращают внимания на большие различия между инстинктами и логическим соображением, не говоря уже о философских результатах, вытекающих из этих различий. Дарвин не понял этой разницы и пытался свести всю деятельность разума к чисто биологическим процессам как, например, к процессу "естественного отбора". Плохие результаты, вызванные социальным дарвинизмом в нашем столетии, настолько известны, что здесь не надо документировать их. Печального, что можно было бы их избежать, если бы люди понимали разницу между человеческим соображением и инстинктами животных.

Природа человека более всего выходит из учреждений, созданных им. Животные учреждений не создают. Образцы поведения животных по инстинктам предсказуемы согласно их виду, т. е. их поведение передается от поколения к поколению через механизм биологической наследственности. Те прекрасные действия, наиболее похожие на человеческие действия, — такие, как предупредительный крик у животных или танец пчел для указания местоположения меда, — передаются наследственными путями. А в обществах человечества самое характерное поведение людей передается образованием, воспитанием, — не по наследству. Люди, пользуясь речью, познают большинство форм общественной жизни *по*

своей свободной сознательной инициативе. Тот, кто не обращает внимания на эту критическую разницу, закрывает глаза на всю историю человечества.

Это можно подтвердить наблюдением того, что *никакого морального гена нет*. Если бы он существовал, то мы видели бы большую последовательность в поведении людей и в их моральных кодексах. Мы перед этим отметили, что различия между моральными кодексами использованы против Морального аргумента, но если человек свободен и его этические действия не являются предсказуемыми соответственно его виду, то мы как раз и ожидали бы увидеть различие между моральными кодексами.

Кто-то сказал правду, что перепутать логическое соображение человека с инстинктами животных — "крысоморфичная ошибка", по которой человеку приписываются только свойства крысы. Это не безобидная ошибка; она привела человека к печам Освенцима.

В настоящее время крысоморфичную ошибку совершает профессор Б. Ф. Скиннер, самый известный современный американский психолог. Скиннер считает, что если избавить мир от всех его проблем, то мы должны пойти "за пределы свободы и достоинства" и прийти к состоянию утопии, когда правильное обучение, наконец, вытеснит всякое зло из нас. Скиннер утверждает, что "гипотеза, согласно которой человек не является свободным, необходима в применении научного метода к исследованию поведения человека". [E. J. Carnell, *Science and Human Behaviour* (New York: Macmillan, 1953), стр. 447.] Причина вполне ясна: невозможно наукой исследовать такую вещь как волю, которая "скачет сюда-туда" и которой не определишь. Как-то смешно, что Скиннер не столько отрицает существование свободной воли, сколько утверждает, что то, чего физическая наука не может исследовать не существует. Он говорит: то, что не поддается моему методу исследования, не существует.

Артур Эддингтон однажды использовал знаменитую аналогию, которая как раз и подходит к понятию Скиннера. Эддингтон был одним из тех, кто сильно ощущал ограничения науки. Он рассказывает о рыбаке, который всегда пользовался своей собственной сетью и на основании личного опыта пришел к выводу, что "в море нет существ, которые длиною менее двух дюймов" (пяти сантиметров). Многие не соглашались с его выводом и заявляли, что есть немало морских существ, которые длиною менее двух дюймов и что они проходят через ячейки его сети. Этот ихтиолог не поддавался. "То, что моя сеть не ловит, не может быть рыбой" — утверждал он. К тому же, с презрением он стал обвинять критиков в том, что они придерживаются предвзятых донаучных, средневековых, метафизических понятий.

Скиннер подобен этому рыбаку, пользующемуся своей сетью. Ввиду того, что Скиннер использует эмпирические научные методы, то он не может "уловить" или "ухватить" такие качественные феномены, как свободу, достоинство, мораль, эстетику, мышление понятиями, разум, и он пришел к выводу, что все эти явления не существуют. Но они в самом деле прошли через ячейки его сети. Они проходят через ячейки материалистической сети от Демокрита до Скиннера. [Вы можете познакомиться с измышленной утопией бихевиоризма в книге B. F. Skinner, *Walden's Two* (New York: Macmillan and Co., 1948). С неизмышленным представлением этого взгляда Вы можете познакомиться в книге B. F. Skinner, *Beyond Freedom and Dignity* (New York: Knopf, 1971).]

Д. Заключение

Агнос, я не мог бы понять человека, если бы не считался с трансцендентным, сверхъестественным и нематериальным миром. Я считаю, что Антропологический аргумент — самая сильная прядь нашего каната, самый яркий прожектор нашей сцены. Если человек не уникален, то, как заявил Честертон: "Одно из животных сбилось с панталыку". Я знаю, что нам нужно быть осторожными, когда пользуемся невидимыми явлениями в объяснении эмпирических реальностей, но если надо, это делать для того, чтобы понять данные, то без этого не обойдешься. Августин Блаженный однажды признался в следующем: "Средство, которым дух соединен с телом, непонятно человеку, но в этом-то и сама суть человека". [Augustine, *City of God*, xxi. 10.] Даже с помощью теизма человек остается загадкой, но, если теизм неверен, то эта загадка тем более увеличивается.

8. Материализм – философский контрабандист

Агнос, мы заканчиваем этот философский отдел тем, что еще раз пересмотрим материализм. В двух предыдущих главах я утверждал, что материализм слабо объясняет зависимость и замысел во Вселенной, как и природу человека. В этой главе я хочу суммировать свои утверждения, подчеркивая слабость и аксиологическую бедность материализма.

На протяжении почти всего этого столетия многие мыслители называют западную культуру цивилизацией "отрезанного цветка" по причине ее оторванности от исторических корней христианского теизма. Можно также назвать ее "контрабандистской цивилизацией", так как она продолжает питаться ценностями, заимствованными от не свойственного ей мировоззрения. Я настаиваю, что материализм контрабандным путем вносит в картину не свои ценности, так как без них ему не существовать. Я утверждаю, что гуманизм лишен адекватной метафизической структуры, в которой можно были бы найти и принять Истину, Добро и Красоту.

А. Контрабанда в эпистемологии

Контрабандное введение ценностей, заметно, прежде всего, в области эпистемологии, науке о знании. Материалистическое 'представление разуму постольку неадекватно, что удивительно, как ученый по любой специальности может искать истину с помощью такого простого инструмента, как разум человека. Материалист контрабандным путем принимает в свод своих убеждений высокое уважение к функционированию разума, —, а, ведь, такое уважение ближе всего соответствует синтетично-метафизическому подходу Платона и Августина Блаженного, чем аналогично эмпирическому подходу Юма и Расселла. Материалист начинает с соображения, а кончает тем, что оспаривает всякое соображение. Ему нужно пользоваться разумом для того, чтобы доказать свое философское понятие, а по его философскому понятию всякое соображение является всего лишь физической деятельностью материального мозга. Если соображение ни что иное, как электрохимическая деятельность материального мозга, то на каком основании материалист может просить любого из нас принять его соображения и считать их "достоверными"?

Мы обычно выдвигаем идеи и философские понятия потому, что считаем их достоверными. Однако, когда материалист говорит: "Материализм достоверен", то это может иметь только то значение, что некоторые (физические) действия происходят в мозгу. Он "измышляет материализм", а это функция, имеющая такую же важность, что и другие функции тела, такие как пищеварение и дыхание. Нет смысла спрашивать: достоверна ли данная функция тела или нет? Давление крови и температура тела не считаются "достоверными". Утверждения, заявления и предположения об этих вещах считаются достоверными; они всего лишь описывают телесные функции, а их приходится интерпретировать разумом. Ясно, что они сами себя не интерпретируют. Поэтому, если соображение — всего лишь чисто физическая функция тела, как и температура тела, то бессмысленно утверждать, что "моя идея достоверна". Вы можете только сказать, что Ваша идея существует или "происходит".

Тем не менее, материалист, казалось бы, не трудится по принципам, скромности и скептицизма, подразумеваемым этим анализом. Он утверждает, что говорит истину о всей Вселенной, начиная с самого простого электрона и доходя до самого далекого квазара. Он, казалось бы, предполагает, что действие его мозга свободно от редуccionизма, который он вообще применяет ко всякому соображению. По его взгляду, его редуccionизм достоверен, хотя соображение других людей — это всего лишь секреция тела. Так не может быть: пользоваться разумом и одновременно редуccionировать его (к чисто физической функции) невозможно. Если сведение физических категорий относится ко всему, то оно также относится к разуму или мозгу, который все редуccionирует. То, что редуccionирует все, также редуccionирует себя.

Чарлз Дарвин, который много сделал, чтобы способствовать низкой материалистической оценке разума, ощущал силу этого возражения, особенно

там, где она касается теории эволюции. Можно спросить: если разум, как и все остальное в природе, проходит процесс эволюции, то на каком основании мы можем быть уверены, что теперешняя структура функционирования всего существующего гарантирует нам истину? Например, развился ли эволюционными путями закон противоречия, необходимый истине, подобно тому, как и остальные части тела? На каком же основании можем мы быть уверены, что нет никакого другого закона, старающегося зародиться, — закона, который мог бы помочь нам еще ближе подойти к истине? Подтверждал бы или отрицал бы этот закон эволюцию и материализм? Дарвин признался в этом опасении:

"У меня постоянно возникает ужасное опасение о том, состоятельны и достоверны ли убеждения человеческого разума, вышедшего из разума низших животных? Доверял ли бы кто-нибудь убеждениям разума обезьяны, даже если и были .бы убеждения в ее разуме?" [Frances Darwin, ed. *Life and Letters of Charles Darwin* (New York: Johnson Reprint [reprint]), I, стр. 285.]

Материализму также приходится контрабандным путем втягивать в картину фальшивую объективность и умственную трансцендентность, которых "чистая природа" лишена. Например, когда ученый что-то исследует, то он показывает, что он идет за пределы природы и материи. Если бы он был скоплением бездумных рефлексов, как утверждает Скиннер, то ему было бы очень трудно исследовать, скажем, поведение собаки. В таком случае собака является скоплением неразумных рефлексов; значит, ученый и собака выделяют бесполезный продукт, который мы называем "соображение". Во всяком случае не было бы никакого исследования, только чисто физическая мозговая деятельность. Если утверждать, что человек может исследовать собаку, то в материалистическом представлении это означало бы, что "его поведение исследует поведение собаки".

Но поведение ничего не может исследовать. Поведение не может ни наблюдать, ни оценивать, ни критиковать, ни интерпретировать, ни синтезировать. Только сознающий себя разум, обладающий способностями наблюдения, избрания, памяти, оценки, сравнения, интерпретации и синтеза, может исследовать поведение животного. Разум должен стоять *над* процессом если утверждать, что разум дает значение ему. Один процесс, который сам себя не осознает, не может оценить другого процесса, который сам себя не осознает.

Если разум человека не является чем-то замечательным, то меня интересует одно: почему опубликовывают секреты человеческого разума, но не секреты обезьяньего разума? И почему секреты нашего столетия ставят выше секретов минувших столетий? Материализм не всегда преобладал среди мировых мыслителей люди придерживались идеализма, религии, пантеизма, деизма и материализма. Почему секреты нашего столетия достоверны, а секреты прошлых столетий ошибочны? Разве следующее столетие даст нам новые секреты? Будут ли они достоверны или ошибочны?

Материалист увеличивает выше обсужденную проблему, когда принимает детерминизм, а, ведь, по логике так он должен и делать. Если все вещи, — в том числе наши соображения, — определяются механическими процессами, то объективная научная работа невозможна, потому что' ученый выбирает данные *автоматически* и их оценивает. Эйнштейн функционировал только как автомат, когда составлял теорию относительности, а также и Ньютон, когда он оформлял закон тяготения. Дарвин находился под влиянием грубой силы, когда составлял теорию эволюции. Ученого нельзя поздравить за замечательные соображения, так как он выделял неизбежное; его работа, так, сказать, вытекала из его мозга. По всему нам известному, эти сложные системы соображения вероятно были вызваны такими вещами, как красными бобами или дуоденальной язвой. В самом деле, какая все это необдуманная доверчивость!

Свобода, объективность, трансцендентность — ни одного из этих элементов, необходимых состоятельной эпистемологии, в материализме нет. Кто-то ввел их в материалистическую систему контрабандным путем.

Б. Контрабанда в аксиологии

Введение заимствованных ценностей в материализм контрабандным путем тем более видно в аксиологии, т. е. в области ценностей, — не только в отношении эстетики, но также и этики. Вы помните, Агнос, что материалист не может дать определение Бога на основании природы, пока не

доходит до утверждения, что природа безлична и неаксиологична (глава 5-ая). Это утверждение рано или поздно вернется и беспокоит его, ибо если природа не имеет ни ценностей, ни личных свойств, то трудно понять, на каком основании могут даже быть подлинные ценности.

Материалисты утверждают, что они пользуются только научным методом; всякую другую истину они отрицают. Но как только дело касается этики, то из того, что *существует*, никак нельзя установить правила *правильного* поведения. Материализму приходится постулировать эмпирическую теорию ценностей, однако вся беда этой теории в том, что ценности не приходят к нам через чувства. Ложь, войны, убийства и изнасилования — все это постольку естественно, поскольку естественны растения и животные. Ничто не приходит к нам через наши чувства со светло-красной биркой, на которой написано: "ценная вещь". Наука не может установить ценности; она эмпирическим путем не может подтвердить этическую ответственность. Хотя это трагично, что наука, которая много может сделать, не может определить то, что она *должна* делать.

Например, можно доказать, что, если людям жить и жить счастливо и с удовольствием, то им нужно любить других, а также быть любимы другими. В тысячах экспериментов не докажешь, что достоверно предположение: "я должен любить других людей". Доказать полезность любви для счастливой жизни — в этом нет ничего удивительного; наручные часы, нуждаются в масле; машина нуждается в бензине; трава, растущая возле дома, нуждается в минеральном "удобрении"; ближний нуждается в любви. Все эти заявления можно описать, они передают нам данные, но куда нам смотреть, чтобы найти императив: "ты *должен* смазать часы, заправлять машину, удобрять траву и любить ближнего"? В природе такого императива нет — кроме того только, что кто-то контрабандным путем вносит его в свод личных убеждений.

Агнос, я не говорю, что материалисты не живут хорошей моральной жизнью. Во многих случаях, они такой жизнью живут, часто благочестивее некоторых христиан. Я всего лишь,, утверждаю, что этика для них не имеет никакого метафизического основания. Их правила правильного поведения никакой силы не содержат. Они могли бы даже сказать: "я должен так или так поступать, потому что это абсурдно". У многих гуманистов есть этическая система с высоким электрическим напряжением, но без электрического источника. Если нет личности, подтверждающей моральные принципы, то этический субъективизм, выходит недействительным, и тогда никто не имеет права осуждать другого за худое поведение. Тем не менее, материалисты продолжают осуждать тех, кто плохо ведет себя, а также они продолжают выражать свои личные убеждения и пользуются разумом.

Позвольте мне показать аксиологическую нищету материализма, ссылаясь на трех мыслителей: Юма, Расселла и Дьюи.

Дэвид Юм был одним из самых замечательных скептиков. Он выдергивал основы почти из-под всего, в том числе и своей философской системы. Однако в одном месте он говорит: "Будь философом, но в твоей философии оставайся человеком". При своем великом "иконоборчестве" этот веселый шотландец предупреждает: "Не будь слишком скептическим". Это звучит прилично и мелодично, но если общая философия Юма достоверна, то я ни в коем случае не мог бы поступать по его совету. Что это такое — человек? Номиналист, как Юм, говорит, что для любой категории вещей никакой "сути" нет. Для последовательного номиналиста термин "человек" лишен всякого подлинного значения, поэтому я не мог бы быть человеком, если даже и хотел бы. Будем помнить: последовательный эмпиризм уничтожает всякие нормативные предположения. Юму приходилось контрабандным путем ввести в свою систему убеждений нормативное предположение, чтобы убедить нас в необходимости быть людьми.

На протяжении почти всей своей трудовой жизни Бертран Расселл был логическим позитивистом, поэтому он считал, что этические суждения никакого значения не имеют; они всего лишь — выражения личных чувств (это называется "эмотивизмом"). Заявление: "геноцид — зло" по, значению не важнее заявления: "мне нравится вишневый пирог". А когда Расселлу пришлось написать автобиографию, то он изложил те ценности, которыми сам жил:

"Я жил в поисках видения, — как личного, так и общественного. В отношении личного — чтобы заботиться о приличном, прекрасном и нежном; — чтобы позволять моментам, постижения ввести мудрость в более обыкновенные моменты. В отношении общественного видения — чтобы воображением видеть общество, которое нужно будет создать и в котором люди будут развиваться свободно и в котором умрут ненависть, алчность и зависть, потому что не будет ничего, питающего их. Во все это я верю, и, несмотря на все ужасы мира, он оставил меня непоколебленным". [

Autobiography of Bertrand Russell (New York: Simon and Schuster, 1969), Vol III, стр. 330. Это верно, что он, в конечном счете, разочаровался в этических следствиях логического позитивизма, но это ничуть не меняет моего утверждения, потому что даже тогда, когда он защищал эмотивизм, то поддерживал идею высокой морали.]

Это звучит прекрасно, но если последовательно применять эмпиризм и позитивизм Расселла; то отсутствует всякий императив, подтверждающий эти симпатии. Для эмпиризма нет никакого "видения". Такие слова, как "приличное", "прекрасное" и "нежное" никакого значения не имеют, а также и слова "зависть", "ненависть" и "алчность". Если достоверен детерминизм, то не может быть никакого общества, которое нужно будет создать; ведь, общество будет всего лишь тем, чем материальные составные части позволят ему быть. К тому же, в мире "ужасов" нет, происходят только физические события. Последовательный материалист или эмпирик должен избегать всякого такого антропоморфического соображения о Вселенной.

Джон Дьюи много писал о том, что наука может дать человеку приятную жизнь, но он нигде не указывал на то, как определить эту "приятную жизнь". Согласно его прагматизму и инструментализму, нет никакой ценности в любой вещи. Действительная ценность отличается от недействительной только по их последствиям. Однако в одном произведении Дьюи утверждает, что есть неправильные идеалы, согласно которым подразумевается, что есть и правильные идеалы. Например, он говорит, что без эстетического наслаждения (т. е. искусства) человечество стало бы родом экономических уродов. [John Dewey *Reconstruction in Philosophy* (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1920), стр. 127.] А зачем не избрать экономического уродства? Дьюи никакого ответа на этот вопрос не дал. В большинстве случаев он видно предполагал, что старые ценности очевидны всем и не нуждаются в особенном доказательстве.

Аксиологическая бедность материализма становится очевидной на протяжении долгого времени даже не самому сообразительному мыслителю. Старые ценности, взятые из теизма, подобны плодам, сорванным с живого фруктового дерева. Если ты только что с него сорвал плод, то жизнь дерева остается в нем на очень короткое время. Сорванный фрукт некоторое время можно сохранить в свежем виде на льду обычая, дисциплины и морального учения, но приходит время, когда он теряет свой приятный вкус. Сорванный цветок также в свое время увядает в руке.

Временами появляются некоторые мыслители, которые сознают лицемерие контрабандного введения чужих ценностей и стараются разоблачить это дело. Трое из таковых — Джек Лондон, Фридрих Ницше и Альбер Камю. Лондон вложил в уста Вольфа Ларсена горькую правду о чисто материалистической этике:

"Один человек не может обидеть другого. Он только может обидеть самого себя. По-моему, я неправильно поступаю каждый раз, когда считаюсь с интересами других. Разве этого не понимаешь? Как же два зернышка дрожжей могут друг другу повредить, если стараются съесть друг друга? Их врожденное наследие заключается в том, что одно зернышко старается съесть другое и не стать жертвой для другого. Когда они отступают от этого правила, то грешат". [Jack London, *The Sea Wolf* (New York: Macmillan, 1931), стр. 79.]

Фридрих Ницше считал своей обязанностью порвать пуповину, которую столетия создали между теизмом и моралью. Он язвительно презирал всех, кто считал, что опровержение христианского теизма не изменило этического принципа альтруизма. Англичане, как он утверждал, отвергли Бога, а потом каялись так, что стали фанатиками морали:

"Раз ты отверг христианскую веру, то также и вырвал из-под ног своих христианскую мораль. Эта мораль ни в коем случае не подразумевается; несмотря на тех англичан-глупцов), нужно снова и снова подчеркивать этот пункт. Христианство — это система, целое представление обдуманых явлений. Если отрицаешь в ней одно главное понятие: веру в Бога, то также отрицаешь все целое... Оно стоит или падает, как стоит или падает вера в Bora". [Friedrich Nietzsche *Die Gdtzendummerung*. § 5.]

На протяжении почти всей трудовой жизни Альбера Камю беспокоила одна и та же проблема:

"Сосуществование философских понятий отрицания и позитивной морали показывает большую проблему, которая больно беспокоит целую эпоху. Словом, это проблема цивилизации: ¹ ведь, нам нужно знать, может ли человек сам, без помощи Вечного или логического соображения, создать для себя ценности?". [Процитировано в книге: Henry Grosshans *The Search for Modern Europe* (New York: Houghton Mifflin, 1970), стр, 421.]

Проблема цивилизации! Совсем верно: может ли человек без внешней, помощи создать для себя ценности? Я утверждаю, что он не может, и предсказываю, что цивилизованное человечество долго не выживет, если большинство людей честно и последовательно постарается жить по "материалистической морали". Если мои моральные переживания являются откликом трансцендентного существа Богу-Творцу, создавшему меня по Своему свободному моральному образу, то я могу жить последовательно по этическому принципу альтруизма. А если человек всего лишь "мешок морской воды", или "случайное явление в заводи", или "заболевание склеенной пыли", как умники не раз определяют его, то я, в самом деле, не понимаю ни аксиологии, ни человека.

Словом, Агнос, материализм не объясняет, а расстраивает меня в желании понять *знание, мораль и этику*. Не объяснив этих важных областей моего опыта, материализм, как я считаю, уступает теизму.

9. Важность истории

В беседе мы дошли до критического поворотного пункта, Агнос. С этого момента наш аргумент меняется в характере. До этого доказательства выводились путем заключения; в дальнейшем наши утверждения будут более прямого характера. В этом исследовании вся остальная дискуссия посвящена тому, чтобы изложить аргумент в пользу существования христианского Бога с точки зрения истории или откровения.

Прежде чем погрузиться в историю, стоит остановиться и спросить: что мы до сих пор доказали? Каким бы оказался человек, если бы мы остановились тут же и дальше в рассуждении не пошли? Что касается меня лично, то я был бы теистом, но я должен признать, что доказательства пока еще не весьма убедительны. Благодаря понятиям зависимости, замысла и сути человеческой природы, мне казалось бы, что по сравнению с материализмом теизм все-таки является лучшей гипотезой. Но я не говорил бы всей правды, если бы утверждал, что до сих пор я полностью доволен объяснением. Я нахожу некоторые недостатки в "естественной теологии", т. е. в попытке доказать существование Бога, ссылаясь только на природу, но не на откровение.

А. Ограничения естественной теологии

1) Нельзя доказать существование бесконечного Бога путем естественной теологии ввиду того, что она берет свое начало с конечной природы. Если свидетельства (предпосылки) приходят от конечного мира, то никак невозможно вывести из них бесконечную причину. Качество бесконечности должно быть в предпосылке для того, чтобы была бесконечность и в выводе. Единственным аргументом, сохраняющим в предпосылке качество бесконечности, является Космологический аргумент, но, как мы уже увидели, он, сам по себе, доказывает всего лишь существование того необходимого Чего-то, что объясняет существование зависимого существа (человека). Это Что-то может и не быть личным, интеллигентам или моральным существом. Сверх того, нет конкретного средства для того, чтобы доказать, что существо, предполагаемое по аргументу Замысла, есть то же самое существо, которое предполагается по Космологическому аргументу.

Конечно, я мог бы ответить, что такое возражение относится к любой теории, в которой постулаты играют определенную роль. Эмпирической гипотезы, вполне достоверной по принципам дедукции, не существует. Адвокат может говорить присяжным что-нибудь типа: "Убийство должно быть в предпосылке прежде, чем прийти к выводу о том, что оно произошло", но присяжные, вероятно, не очень-то согласятся, если косвенные улики

убедительно обвиняют подсудимого. Доказательства любого факта никогда не дедуктивны, но это не значит, что они целиком бесполезны. Теистические доказательства лежат где-то посредине между крайностями полной бесполезности и дедуктивной достоверности.

Я мог бы ответить на возражение следующим образом, хотя это, быть может, звучит как-то пусто. Я всегда считал, что необходимым элементом моей религиозной веры является уверенность и что утверждение, что какое-то явление "весьма вероятно", не одно и то же, как заявить, что данное явление "достоверно". Это приводит меня к интересному вопросу: если самым верным средством знания является дедукция, то почему Бог не открылся нам таким образом? Философская теология уже столетиями обеспокоена этим вопросом.

Первый ответ возможно заключается в том, что Бог может открыться миру, который базируется на фактах, только посредством индукции. Второй ответ состоит в том, что человек начинает волноваться и глубоко дышать, когда пользуется методами индукции. Индукция имеет экзистенциальную остроту, которая отсутствует в дедукции. Только в отношении индукции нужно выступать с верой, чего Бог, вероятно, и желает от человека.

2) С помощью естественной теологии никак нельзя установить существование Бога, — понятие, которое многие считают самым высоким понятием Бога, т. е. понятием Бога Иеговы, связанного с еврейско-христианским откровением. Ссылаясь только на естественную теологию, никак нельзя вывести из нее стопроцентного Бога Иеговы. Даже при полном освещении никак не увидишь на сцене живого Бога Библии, если отсутствует добавочный прожектор, названный "откровение". Логическое рассуждение без откровения всегда дает нам бога, который отличается от Бога Иеговы, а это легко увидеть, если сравнить Бога Библии с богом Аристотеля, Спинозы и Томаса Пейна. Бог Библии полностью личностен: Он ревнует и гневается; Он кается (в том смысле, что жалеет) и передумывает; Он проявляет такую решимость, которой никакой другой бог, придуманный человеческим разумом, не обладает.

Бог Библии — уникален. Мы должны отвергнуть современный миф, что все религии в основном преподают одно и то же. Дело в том, что человеческие религии расходятся как раз по этому основному пункту, т. е. сути Бога. Восточные боги полностью ограничены; они составлены из всего, что связано с земным существом. В этом-то и состоит пантеизм, или вернее, как отмечает Францис Шейффер: восточные боги включают в себя свойства всего, что окружает их. У западных богов, таких как греческие и римские, была тенденция представлять себя личными богами, но с большими ограничениями. Бог Библии, — как Ветхого, так и Нового Заветов, — объединяет в Себе эти свойства: Он — Бог бесконечный и личный. [Francis Schaeffer, *The God Who Is There* (Chicago: InterVarsity Press, 1968), стр. 94.]

Хотя теистическими доводами нельзя доказать реальность библейского Бога, это не значит, что мы не можем надеяться на то, что увидим некоторые свойства Бога Иеговы на основании материала, приведенного до сих пор в качестве доказательств. Мы можем надеяться на то, что узнаем что-то о характере Бога, ссылаясь на разные моменты наших личных моральных и духовных переживаний ввиду того, что мы сами были сотворены по Божьему образу. Бог Иегова, полностью открывший Себя, не расстраивает нас, хотя Он может изменить или увеличить то, что мы из своего опыта уже знаем об истине, добре и красоте.

3) Казалось бы, в естественной теологии чего-то недостает, когда признаешь, что Бог, Которого мы ищем, является личным Богом. Если мы тут остановимся, то самое большое у нас, — это состоятельная гипотеза о Боге. Я уверен, что Бог сейчас под хорошим впечатлением о нас. Он говорит: "Большое спасибо, ибо как приятно получить от вас статус гипотезы!". Бог будто обращается к нам словами четвертого стиха второго псалма: "(Он) посмеется, Господь поругается им".

Агнос, что сделали бы Вы, если бы потеряли жену в большом доме и начали усердно искать ее? Как бы Вы чувствовали себя, нашедши там же улики ее присутствия: ботинки, носки, губную помаду, шпильку для волос, пряди волос? Довольны были бы Вы такими косвенными данными? Вряд ли! Вот так и бывает с теми, у кого есть всего лишь последовательные доказательства существования Бога. Они желают пойти дальше к доказательствам соответствия. Нашедши того, кого искали, — будет ли это жена или Бог, — Вы воскликните вместе с Иовом: "Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя" (Иов. 42:5).

Конечно, правила в поисках Бога отличаются от тех, которые соблюдаются всякий раз, когда ищешь любые другие вещи в мире — либо человека, либо какой-то предмет. В поисках почти всех вещей приходится выучить на память ряд определенных правил, чтобы найти предмет "х", и надо эти правила соблюдать. Однако Бог является "х-ом", который отличается от обыкновенных "х-ов" в такой мере, что правила навсегда изменены. Он является Личностью и в этом кроется элемент личной свободы или прихоти. Он может быть на один прыжок впереди Вас, если Он этого желает. Он может спрятаться от нас, если Он этого хочет. Он не ходит в видимом образе по улицам. Вы никогда не можете сказать о Боге, как о дереве или машине, что "вот, Он же там!". Хотелось бы, чтобы Вы могли это сказать о Нем, но я знаю, что это невозможно.

4) Все это, в конечном счете, имеет то значение, что естественная теология предоставляет человеку слабое основание для живой религии. Нельзя молиться гипотезе; как-то неприлично поклоняться постулату; теория не в силах простить Вам грехи. Ради состоятельной религии весьма слабым оказывается тот Бог, Которого познают только на основании предположений. Карл Барт однажды сказал: "Без Христа я был бы атеистом". Для меня это слишком строго, но я все-таки мог бы сказать, что без Христа я не был бы миссионером-теистом. Боги Аристотеля, Бенедикта Спинозы и Томаса Пейна не жалеют и не достойны поклонения. Относительно естественной теологии Блез Паскаль написал:

"Метафизические доказательства существования Бога так сильно отличаются от человеческих методов рассуждения и они (т. е. метафизические доказательства) столь сложны, что производят слабое впечатление, и даже если бы те доказательства чем-то помогли некоторым людям, то, когда эти люди обращали бы внимание на них, их воздействие продолжалось бы всего лишь на короткое время, но через час после этого люди стали бы опасаться, что сделали ошибку". [Blais Pascal *Pensees*, №381.]

Можно сказать, что религиозная жизнь ограничена, когда человек до излишества занимается теистическими доказательствами. Философские соображения возвышают наш думающее эго и иногда отталкивают нас от других людей, даже и от Самого Бога. Рассказывается о человеке, который столько времени посвятил вопросу существования Бога, что забыл помолиться! Когда так случается, то Бог, доказанный философскими аргументами, становится идолом. Как утверждал Серен Кьеркегор, чисто рационалистическое постижение Бога не изменяет философа, познающего Его. Можешь быть самым выдающимся логиком в мире, но одновременно оставаться духовно пустым. Настоящая вера в Бога меняет человека в его целостности, не только в его интеллекте. Уверовать в Бога без всякой личной перемены — это не вера, а издевательство. "И бесы веруют, и трепещут" (Иак. 2:16). Человек может возгордиться тем, что благодаря теистическим доказательствам он познал Бога, но это вызывает результат, противоположный результату настоящего познания Бога.

Поэтому, дорогой Агнос, мы не можем, даже не осмеливаемся, остановиться над предоставленными до сих пор аргументами в пользу существования Бога. Независимо от того, стали ли Вы теистом, деистом или просто заинтересованным агностиком в результате этих аргументов, у Вас, наверное, возникли всякие вопросы о Боге. Кто Он по характеру? Заботится ли Он обо мне? Чего Он хочет от меня? Что Он в будущем сделает со мной? Заговорил ли Он с кем-то непосредственно? Христиане убеждены, что большая часть Ваших вопросов получит ответ, если Вы в своих поисках пойдете дальше и расследуете еврейско-христианское откровение Бога.

Б. История как средство откровения

Очень важно отметить, что нигде в Библии не найдешь формального, систематического изложения доказательств существования Бога. Почему? Почему ни один из библейских авторов не предоставил нам краткого изложения доказательств существования Бога? Потому, что для евреев и первых христиан непосредственный контакт с Богом в истории имел большее значение, чем только утверждения, основанные на предположениях. Доказать существование исторического Бога-Иеговы было бы настолько нелепо, насколько нелепа всякая попытка доказать существование Вашей жены, сидящей на Ваших коленях. *[Есть несколько мест в Писании, которые, казалось бы, пользуются идеей естественной теологии, например: Рим. 1:20;*

Пс. 18:2; Деян. 17:27; Иов. 12:7—12. Однако эти стихи не являются прямыми доказательствами существования Бога; они скорее всего похожи на побочные упоминания, носящее второстепенное значение в пользу главного утверждения.]

Агнос, если Вы испытываете какое-то отращение к истории (это недостаток у Вас), то чтобы правдиво оценить христианство, Вам придется это дело исправить, потому что наша вера учит, что Бог яснейшим образом открылся нам в исторических событиях. Он начал историю с акта сотворения; Он управляет творением через провидение; Он вошел в сотворенный мир различными чудотворными путями; Он обитал в исторической личности, Иисусе Христе, и Он завершит ее при последнем суде. Можно обнаружить хронологический план божественного искупления в серии событий, открывших Бога: сотворение, выход израильского народа из Египта, его скитание в пустыне, распятие Христа, Его воскресение и второе пришествие. В отличие от буддизма и индуизма христианская вера обращает очень серьезное внимание на историю. Христиане убеждены, что история не является ни абсурдом, который нужно терпеть, ни вечным циклом событий, которого нужно избежать, ни иллюзией, которую нужно рассеять.

Но вы спрашиваете: зачем пользоваться такой слабой тростинкой в подтверждение Божьего откровения? Почему Бог открылся в происшедших событиях? Почему Всемогуший заставляет меня рыться в событиях, происшедших тысячи лет тому назад, чтобы найти Его? Почему Господь, владычествующий над Вселенной, играет в прятки со мной, Его мнимым существом, якобы проявляющим Его образ? Если эта бесконечная Личность действительно существует, то Она должна быть самым важным Существом в космосе. Почему Он не может стать современным Существом? Разве земной отец прятался бы от своих потомков? Почему Бог не мог бы, прямым путем, открыться каждому человеку в отдельности, скажем в самой середине дня его рождения, отмечающего достижения им семилетнего возраста? Так что если бы кто-нибудь отказался уверовать в Бога, то был бы виноватым в неверии. Но как на самом деле выходит, нельзя обвинять никого в неверии в Бога, Который играет в прятки с нами.

Таким образом выражается главное возражение. Но в чем именно заключается эта трудность с Богом, открывшим Себя в истории? Критик утверждает, что история не относится к сегодняшнему времени; это что-то отдаленное, оторванное от современного человека, которого Бог пытается достичь, особенно если событие, открывшее Бога, произошло две тысячи лет тому назад. При такой отдаленности история оказывается зависимым и сомнительным явлением. Просто никак не можешь быть уверенным в том, что на самом деле случилось из того, что было пересказано тебе. Ты просто во власти очевидцев, слышишь о происшедшем событии из вторых рук. Если данное событие произошло две тысячи лет тому назад, как в случае воскресения Христа, то это предоставляет тебе проблему. Почему Бог засыпал первое поколение христиан знамениями и чудесами, а шестидесятому поколению Он оставил коллекцию книг, документирующих те первые чудеса?

Критики настаивают, что религия, приходящая от Бога, не была бы ограничена определенным сроком времени и местоположением (это называется "скандалом особенности"), но была бы составлена из целого ряда общих идей, доступных отдельному рационалистическому мыслителю любого времени и в любом месте. У нас есть стихотворение на английском языке, которое выражает подобное недовольство: "Как странно со стороны Бога, что Он выбрал евреев". Настоящей религией может быть только та, которая укоренена в вещах, относящихся ко всем людям. [Даже такой христианский мыслитель, как Кьеркегор, считал, что зависимая суть истории проблематична. Он сказал, что все исследования Библии — это приблизительные утверждения, а приблизительные утверждения "несопоставимы с бесконечной личной заинтересованностью в вечном счастье" (Soren Kierkegaard, *Concluding Unscientific Postscript* [Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1941], стр. 26).] Критик не раз приближается к тому мнению, что религия должна быть дедуктивной, но он не сознает, что таким понятием он лишает религию всякого фактического содержания.

Разрешите мне защитить историю как дисциплину. Никто не должен утверждать, что история — физическая наука, потому что это не так. Но это не значит, что история не является знанием. Многие мыслители развлекаются такими короткими и смешными определениями истории как: "история есть ложь, о которой сговорились" или "история есть шутка, которую мы сыграли с умершими", однако серьезные историки редко считаются с такими определениями. Занимающиеся этой дисциплиной говорят, что история представляет нам положительные результаты знания. Один из самых выдающихся историков, Жак Барзун, сказал: "Большие части истории человечества вполне известны и превосходят всякое сомнение... Вместе взятая,

вся история является настоящим знанием и без нее мы погибли бы". [Jacques Barzun and Henry F. Graff*The Modern Researcher*(New York: Harcourt, Brace, and World, 1970), стр. 163-164).]

Ошибается тот, кто говорит, что чем больше мы отдаляемся от данного события, тем более сомнительным оно становится. Любой историк знает, что дело может быть как раз наоборот. Чем больше мы отдаляемся от данного события, тем лучше мы его понимаем и, поэтому, наша оценка его уточняется. Сверх того, чем больше мы отдаляемся от события, тем больше данных (остатков материальной культуры, документов, монет и т. д.) мы собираем, чтобы уточнить наше понимание о том, что действительно случилось. Джордж Лихтейм пишет:

"Чем ближе мы к данной эпохе, тем труднее постигнуть ее существенные детали; мы сразу знаем слишком много и слишком мало. Пока неисчислимое количество деталей ускользает от нас, нам доступно столько информации, что это заставляет нас подумать о том, является ли наш принцип выбора произвольным и актуальным. Эта трудность уменьшается, когда дело касается более отдаленных периодов; мы знаем... что именно придало им их определенный характер, — грубо говоря, мы знаем, чем они жили. Наши недавние предки одновременно более знакомы, но и менее понятны". [George Lichtheim*Marxism: An Historical and Critical Study*(New York: Praeger, 1961).]

Если Вы, Агнос, признаете, что история дает нам настоящее знание, то я могу предложить несколько причин, которые возможно объяснят Вам, почему Бог решил открыться нам таким образом.

1) Человек — историческое существо. Он принимает определенный образ поведения от институтов, основанных в истории. В отношении его поведения очень мало передается наследственным путем. Так как религия является одним из самых уникальных приобретений, то это приобретение относится к общей сути принятия религии, которая, как и в других случаях, приобретается от институтов, основанных в истории. И в свете того, что все человеческие институты пользуются речью в ее устной и письменной форме, то приемлемо считать, что Бог выбрал эти средства. Важен тот факт, что знаменитые мировые религии, в своем большинстве, были основаны определенными историческими лицами: Моисеем, Зороастром, Буддой, Христом, Магометом.

2) Если Бог — Личность, то вполне разумно считать, что Он должен открыться в исторических событиях. При этом стоит отметить, что любой человек открывает себя другим *скорее словами и поступками*, а не только своим видимым присутствием. Камень виден без всякой инициативы со своей стороны, но человек должен что-то определенное *сказать* или *сделать* для того, чтобы другие могли узнать, что у него на уме. Неразговорчивому человеку мы иногда говорим: "Что-то скажи, что-то сделай!". То же самое можно сказать о Боге: откровение является испытанием, определенно вызванным субъектом (Богом) для того, чтобы объект (человек) что-то мог узнать о субъекте. Это соответствует написанному святым апостолом Павлом: "Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия" (1 Кор. 2:11). Дело в том, что Библия переполнена чудесными действиями Бога, показывающими Его характер. Именно по этому пункту она отличается от других священных книг мировых религий. Большинство из них читается как пособия по философии или теософии, или мифологии, или космологии, или религиозной психологии. Но Библия читается, как пособие по истории. Есть предисловие в небе и последствие в небе, но между этими моментами рассказывается о поступках Бога во времени и пространстве.

3) Когда Бог открывается в истории, то Он, по крайней мере, это делает в отношении объективного, эмпирического факта. Логические позитивисты всегда возражают утверждением, что заявления о Боге бессмысленны по той причине, что нет никакого эмпирического случая, на который можно было бы сослаться для проверки. Эти заявления не оказывают никакого серьезного воздействия на реальный мир. Такая критика позитивистов не относится к некоторым теистическим аргументам и она, без сомнения, не относится к историческому аргументу. Если библейская история достоверна, то Бог яснейшим образом заговорил к нам в истории израильского народа, в истории христианской церкви и особенно в лице Иисуса Христа.

Пока Бог остается теорией, постулатом или гипотезой, человек может спросить: почему Он прячется? Но как только Он вступает в историю и

совершает чудеса, то неверие подвергается осуждению, как утверждал Христос (Иоан. 15:24). Писание представляет Бога, как настоящего живущего Бога, не как ложного мертвого идола. Иегова отличается Своими свойствами в истории. "Лев начал рыкать, — кто не содрогнется? Господь Бог сказал, — кто не будет пророчествовать" (Амос 3:8). "Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу" (Иер. 23:29). [Бернард Рамм проводит эту тему через замечательную книгу: Bernard Ramm *The God Who Makes a Difference* (Waco, Tex.: Word Books" 1972).]

4) Христиане не верят, что в прошлом Бог полностью открылся. Правда, самые критические события произошли в прошлом, но даже они сохранены в определенном институте христианской церкви. Сверх того, христиане верят, что при рождении свыше Божий Дух Святой начинает обитать в каждом послушном чаде Божьем, и что пребывание в нем, действительно, служит средством откровения Бога в настоящее время (Иоан. 3:5; Деян. 5:32). "Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге" (1 Иоан. 4:15). Когда Христос высказывал великое поручение, то Он обещал: "И се, Я с вами до все дни до скончания века" (Матф. 28:20). Внешнее свидетельство Писания и история соединяются с внутренним свидетельством Духа Святого, чтобы дать христианину чувство уверенности.

5) В конечном счете, я считаю, что история является методом откровения, близко соответствующим самой сути веры, по крайней мере, согласно тому, как я до сих пор в исследовании пользуюсь ею. Я однажды формулировал эту идею, когда читал Паскаля, обеспокоенного обсуждаемой нами проблемой. Паскаль утверждал, что если бы Бог хотел переубедить самого упорного неверующего, то Он мог бы открыться ему таким ясным образом, что истина о Его существовании стала бы неопровержимой. Паскаль пишет так:

"Не этим средством Он решил явиться в нежности Своего пришествия; ибо ввиду того, что столь много людей не удостоилось Его милосердия, Он пожелал, чтобы они почувствовали лишение того добра, которого не захотели. Поэтому Ему было бы справедливо явиться таким образом, который ясно был бы божественным и полностью убедительным, всему человечеству; но также не было бы справедливым Ему прийти таким тайным образом, чтобы искренне ищущие Его не могли увидеть Его. Он, поэтому, решил стаь целиком познаваемым, желая открыто явиться только тем, кто всем сердцем ищет Его, и скрываясь от тех, кто всем сердцем убегает от Него, Он "закалил" дело познания Его с тем результатом, что дал видимые знамения о Себе тем, кто ищет Его, но не тем, кто не ищет Его". [Blais Pasca*Pensees*, No. 309.]

Мой тезис в том, что история — идеальное средство, которым Бог "закаливает" дело познания Его так, чтобы Он оказался частично открытым и частично скрытым. Если грех искривил человеческое рассуждение, — а, ведь, это основное убеждение христианства, — то человек, конечно, жалуется, что Бог скрыл Себя от него. Но тот, кто искренне ищет Бога, обрадуется тому, что было открыто о Нем, если даже и частично. Тот, кто убегает от Бога, использует Его частичное откровение в оправдание своего неверия.

Каким образом история открывает Бога? Если дать классический пример, то можно сказать так: если человек совершал чудеса, преподавал возвышенный кодекс этики и на некоторое время воплощал этот кодекс в самом себе, воскрес из мертвых и вознесся на небо, то я лично пришел бы к выводу, что Он был божественным или, по крайней мере, владел божественной силой. Вот почему христиане могут сказать с убеждением: Иисус Христос открывает Бога.

Но проблема вот в чем: Христос открыл Бога очевидцам Своего времени. Только они, непосредственным образом, наблюдали за всеми этими событиями. Как только приходишь ко второму поколению, то в нем встречаешь частичное откровение: надо принять свидетельства очевидцев. История таким образом частично скрывает Бога, особенно от тех, кто последовал за первым поколением. Если бы Христос возвращался к каждому новому поколению и устраивал Свои дела так, чтобы каждый человек сам для себя мог увидеть чудесные события, то было бы во много раз легче подтвердить откровение Бога во Христе. Работа апологета стала бы гораздо легче.

А вот как раз здесь снова грех входит в картину. Может быть, было бы ошибочно, даже и неприлично Богу таким ясным образом представить доказательства веры. Может быть, это было бы подобно тому, как метать бисер перед свиньями. Может быть, Бог спрятал бы доказательства в истории для того, чтобы искренний искатель мог найти их, а неверующий, в результате своей предвзятости, не мог их найти.

Мы лучше поймем этот пункт, если обратим внимание на парадоксальную природу истории. Верно, что люди минувших времен творят историю, но работающий историк творит историю почти в такой мере, в какой первоначальные участники описываемой драмы. История *объективна* в том смысле, что события произошли вне умов всех нас, поэтому они подлежат исследованию всеми нами. Но в то же самое время история, в другом смысле, *субъективна*, потому что события непосредственным образом недоступны всем кроме очевидцев. То, что произошло "в прошлом", работающий историк должен воссоздать "в настоящем". Вы не можете лично вернуться и видеть воскресения Христа, но это не делает событие полностью недоступным для Вашего исследования. События первого столетия оторваны от нас, но не полностью. В некотором смысле, как бывает на судебном процессе, Вы "видите" события глазами компетентных очевидцев. Может быть, нам следует сказать, что история "объективна на расстоянии".

Поэтому история и вера близко соответствуют друг другу, потому что перед тем, как нам пользоваться ими, они требуют нашего доверия. Мы верим для того, чтобы понять. Неспециалист должен доверять работе историка; историк должен доверять очевидцам и документам; даже очевидцы должны были доверять своим чувствам. Это доверие, наподобие любого выражения веры, не является доверчивостью или легковерием; есть достаточно причин доверять другому, хотя это не доходит до уровня рациональной несомненности. По словам Александра Попа, история подобна человеку: "При слишком большом знании для скептика, При слишком большой слабости для стойка, Он (человек) висит посередине..."

Как в случае кентавра, т. е. будучи частично объективной, частично субъективной, история избегает двух крайностей, которые мы уже в третьей главе обсудили, — рационализма и мистицизма.

История избегает *рационализма* потому, что приходится иметь меру веры, когда принимаешь историческое утверждение. Если никто не изобретет машины времени, то всегда будет какая-то мера неуверенности по отношению к любому историческому событию. В истории (а к тому же, в большей части нашей жизни) мы никогда не избежим необходимости верить и доверять другим — состояние, которое справедливо расстраивает заядлого рационалиста. Если Вы настаиваете, что надо верить только тому, что можно непосредственным образом испытать, то история будет первой святой коровой, которая сдохнет в результате Вашего скептицизма. Вам пришлось бы жить в благовидном вечном настоящем времени ввиду того, что даже Ваша память не была бы достаточно свежей.

С другой стороны, история избегает *мистицизма* потому, что она настаивает, что историческое событие не полностью субъективно. Событие произошло в прошлом, поэтому оно не замкнуто в памяти человека. Произойдя объективным образом, оно с этого момента становится доступным любому ищущему уму. Сверх того, устным средством можно выразить и описать Ваше сомнение в данном событии; оно не является чем-то невыразимым, так как Вы можете рассказать о нем другим и пригласить их пересмотреть его. Те, кто жалуется, что религия должна быть известна всем людям, не обращают внимания на тот факт, что историческое событие, будучи объективным, также является потенциально универсальной истиной. Чтобы сделать его универсальной истиной, надо распространять его. Именно по этой причине христиане подчеркивают необходимость проповедовать благую весть Евангелия Иисуса Христа.

Рационализм не обращает внимания на субъективный аспект веры и истории; мистицизм не обращает внимания на их объективный аспект. Эти две крайности, казалось бы, обещают уверенность: первая — путем неизбежных дедуктивных процессов; вторая — путем совершенного личного контакта. Обоим не нравится свойство отдаленности, т. е. частичный контакт, подтвержденный умеренной позицией веры и истории. Но как раз в этом-то и заключается сила умеренной позиции: в ней достаточно рационального, чтобы субъективную часть не допустить развиться в суеверие, но также в ней достаточно мистического, чтобы объективную часть не допустить развеяться в интеллектуализме. История и вера держатся руку об руку, потому что они вместе включают в себя самые лучшие аспекты рационализма и мистицизма. Они создают собой равновесие между знанием и надеждой, полезную напряженность между разумом и волей, анализом и решением, головой и сердцем, логикой и аксиологией.

Как вера оказывается состоянием убеждения посреди несомненности и доверчивости, так и история оказывается средством откровения посреди полного откровения Бога и полного скрытия Его от нас. Я верю, что те, кто ищет Его с чистым сердцем и без предвзятости, находят Его в истории,

благодаря тому, что доказательств Его откровения в истории достаточно. Но для тех, кто уже решил не уверовать, история остается неубедительной; они с радостью указывают на ее неуверенность, зависимость и на недостаток доказательств. Бог покидает таковых в их неверии, потому что если бы история была полностью показательной, то интеллектуальное принятие христианского теизма не оказывало бы никакого влияния на волю людей. Как заключает Блез Паскаль: "Есть достаточно света для тех, кто только желает увидеть, и достаточно тьмы для тех, кто проявляет противоположную наклонность".

У Иисуса был один ученик, который истории не доверял: Фома, называемый Близнец. Когда Фома услышал свидетельства других учеников, которые сказали, что "мы видели Господа", то он сказал; "Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, 'не поверю". Неделью спустя воскресший Господь является Фоме и исполняет его просьбу: "Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, а верующим", Фома отвечает: "Господь мой и Бог мой!". Заключительные слова Иисуса прекрасно суммируют мое утверждение: "Ты поверил, потому что увидел; блаженны невидевшие и уверовавшие" (Иоан. 20:24—29).

В. Заключение

Жан Жак Руссо однажды написал другу: "Разве это просто естественно, что Богу надо было пойти и найти Моисея, чтобы поговорить с Жан Жаком Руссо?". [Слова Руссо процитированы в книге: John Baillie, *Reasoned Faith* (New York: Scribner, 1963), стр. 164.] Агнос, я признаю, что это не простое дело, но я также задумываюсь о том, имеем ли мы право предположить, что истина всегда проста или что Бог управляет Вселенной по плану, который мы считали бы простым? Если я побудил Вас подумать о вероятности откровения Бога в истории, то приглашаю читать дальше. Мы теперь готовы аргументировать с точки зрения библейской истории.

10. Библия как исторический документ

Агнос, критическим пунктом в защиту христианства является историческая достоверность Библии. Большая разница между христианством и другими религиями заключается в том, что для христианской веры история особенно важна. Библия заявляет, что Бог принял участие в подлинных исторических событиях, что Он открыл Свои мысли и волю настоящим людям, а не каким-то мифическим лицам на горе Олимп или Парнас.

Если Бог действовал в истории и если Библия является документом, описывающим Его действия, то мы считали бы, что Библия должна быть вполне достоверным историческим источником. Мы считали бы, что она должна быть достоверной по внешней действительности, относящейся к событиям Божьего откровения. В этой главе мы вкратце пересмотрим некоторые доказательства, говорящие о фактической достоверности Библии.

А. Библия и физический факт

История происходит на земле, которая отличается определенными особенностями. Она составлена из морей, рек, гор, долин и равнин. Когда в Библии упоминаются такие вещи, то, по всему нам известному, она передает верную информацию. В ней упоминаются многие реки: Нил, Иордан, Тигр, Еврат, Иавок, Арнон, Заред, Авана, Фарфар. В ней упоминаются многие горы: Ермон, Ливан, Фавор, Нево, Синай, Кармил, Гевал, Гаризим. Упоминаются равнины и долины: долина Узреельская, земля Филистимская, Аполон, Сennaар. В упоминаниях географических мест Библия никогда не ошибается. В некоторых случаях она является единственным древним документом, сохранившим точное местоположение данного исторического пункта. Например, кроме Ветхого Завета мы ничего не знали бы о существовании реки Улая (Дан. 8:2), пока ее не обнаружили в Ассирийских надписях Ашшурбанипала.

В Библии упоминаются сотни городов: Ур, Вавилон, Ниневия, Раамсес, Иерусалим, Хеврон, Мегиддон, Назарет, Капернаум, Антиохия, Эфес, Афины, Коринф, Рим и многие другие. В Библии точно и достоверно отмечаются местоположения малых и больших городов. Многие города, как Дамаск и Иерихон, были оккупированы на протяжении восьмитысячелетнего периода. Другие, как Гай и Лахис, нужно было эвакуировать, и археологические находки подтвердили, что такие города были оккупированы как раз в те времена, как указано в Библии. [Одним известным исключением от этого являются города Филистимской равнины. В книге Бытия (в главах 20 и 26) сообщается, что Авраам и Исаак имели отношения с этими людьми, а археология показывает, что они поселились на равнине только после 1200 года до н. э., т. е. несколько столетий после Авраама. Некоторые люди, обосновывающие это различие в разном понимании, предполагают, что автор книги Бытие пользуется и относит название "Филистия" непосредственно к самому этому району, ибо позднейшие поколения так и называли его* Смотрите М. Burrows, *What Mean These Stones? The Significance of Archaeology for Biblical Studies* (New Haven, Conn.: American Schools of Oriental Research, 1941), стр. 97 и 277.]

Даже местные геологические особенности верно описаны в Библии. Нужно говорить не о камнях, а о "кирпичах и земляной смоле", использованных в постройке башни Вавилона (Быт. 11:3), — материале, который в древние времена люди обычно использовали в постройке башен, потому что камней на аллювиальных равнинах Вавилонии не было. Нужно говорить о "смоляных ямах" в долине Сиддим (Быт. 14:10), так как смоляные отложения были найдены в Мертвом море и вокруг него. Выходит не так фантастично, если говорить о "сере и огне", уничтоживших Содом и Гоммору (Быт. 19:24), так как сера, природный газ и состояния, необходимые для извержения вулкана и землетрясения, существуют в этом районе на южном конце Мертвого моря.

Известный по всему миру еврейский археолог, Нельсон Глук, однажды мимоходом сказал о Библии, что в географических и топографических деталях она столь достоверна, что он всегда брал ее с собой и пользовался ею, как дорожной картой.

Б. Библия и общественный факт. Ветхий Завет

Значительно лучший указатель на достоверность Библии относится к уровню представления ею общественных явлений: политики, экономики, исторических событий, общественных обычаев. Даже в этой области Библия показывает высокую степень достоверности.

1) Патриархальный период (Быт. 1—46) был подтвержден на Ближнем Востоке открытием законов Хаммурапи и Нузирских плит. В предыдущем столетии у критиков была плохая тенденция считать целый период, связанный с Авраамом, Исааком и Иаковом, мифическим и полуисторическим, но с помощью археологических открытий было доказано, что, по словам Уильяма Олбрайта, этот период "по существу Историчен".

Например, согласно законам Хаммурапи, бездетная женщина имела право . дать мужу служанку и принять родившее от нее дитя как свое. Это право использовали Сара и Рахиль (Быт. 16:2; 30:2). Нузирские плиты показывают, что хозяйке было противозаконно выгнать служанку, что и объясняет опасение Авраама, когда Сара выгнала из дома Агарь с ее сыном, Измаилом (Быт. 21:11). В тех окрестностях бездетная пара могла усыновить человека, который ухаживал за ними и при их смерти получал в наследство их имущество. Этот обычай объясняет жалобу, выраженную Авраамом Богу, о том, что ему придется оставить все имущество неродному лицу, Элизиеру из Дамаска (Быт. 15:2). На основании недавних открытий мы теперь понимаем, почему Исаак не отменил устного благословения Иакова даже после того, как он узнал о том, что его обманули (Быт. 17:33). Согласно Нузирским плитам, устное благословение никак нельзя было отменить и оно даже имело силу в суде. Последние слова умирающего принимались как его законное завещание. Это помогает нам понять благословение над двенадцатью племенами Израиля, выраженное Иаковом перед его смертью. В Нузирских плитах, содержащих Ассирийские и Хеттийские законы, упоминается практика, по которой родной брат покойного мужа во имя его принимал к себе вдову с детьми, ухаживал и воспитывал их (Втор. 25:5—10).

Мы получаем довольно убедительное подтверждение достоверности Библии от таинственного так называемого "терафима", т. е. идолов, которых

Рахиль украла, когда покидала отца, Лавана (Быт. 31:33 и дальше). Для того чтобы объяснить неистовые попытки Лавана найти их, комментаторы прошедших времен предполагали, что идола были сделаны из золота. Нузирские плиты, однако, раскрыли эту тайну объяснением, что этим "терафимом" были домашние идола-бога, служащие документальным подтверждением права собственности. Любая дочь, у которой были эти идола, могла заявить на суде, что семейное имущество отца теперь принадлежит ее мужу.

Быть может, посетившему южные побережья Мертвого моря трудно представить, что люди действительно жили в таком бесплодном месте, не говоря уже о существовании пяти городов в этом месте во время патриархов, о чем говорится в Ветхом Завете (Быт. 14:3). Археологические открытия, тем не менее, показали, что приблизительно от 2500 до 2000 года до н. э. почва в этом районе была плодородной, богатой и заселенной людьми.

2) Ветхозаветная история о существовании Израйла в Египте близко соответствует всему известному о Египте, полученному от внешних источников.

Одно из наиболее тонких подтверждений библейской историчности приходит от незапланированного соответствия между фараоном, "который не знал Иосифа" (Исх. 1:8), и появлением новой династии египетских фараонов в шестнадцатом веке до н. э. Когда гиксосы были выгнаны, то, как обыкновенно следует, новая туземная династия поработила и стала угнетать всякую подобную семитскую группу, иммигрировавшую в Египет в то же самое время, что и они (Исх. 1:11).

Критики часто сомневались в вероятности того, что в египетском правительстве рабу из Ханаана, как случилось с Иосифом, была дарована очень высокая должность. Однако надписи дают множество подтверждений данного случая. Они также сообщают о том, что фараон часто разрешал семьям из Палестины поселяться в дельте Нила. Имеются документы, относящиеся приблизительно к 1350 году до н. э., которые сообщают о том, что было вполне нормально, когда во время голода пограничные государственные чиновники впускали в Египет людей, живших в соседних землях.

В Бытии 47:13—26 сообщается о том, что при большом голоде египтяне продавали скот, землю и, в конце концов, самих себя правительству для того, чтобы остаться в живых. По внешним источникам мы знаем, что правительство имело в такую полную политическую и экономическую власть над народом. Это считалось необходимым для выживания. Когда Иосиф объяснял свою позицию братьям по отношению к фараону как к отцу и господину во всем доме его, и владыке во всей земле египетской (Быт. 45:8), он употреблял обыкновенные для того времени официальные титулы, которые упоминаются на многих древних памятниках.

На страницах Ветхого Завета многие общественные обычаи Египта представлены в целом достоверном виде. В надписях упоминаются "главные виночерпии" и "главные хлебодаеры", также как и "надзиратели дома" и "надзиратель зернохранилищ". Мы знаем, что часто мумифицировали знаменитых лиц, что во дворе фараонов было много волшебников, что часто презирали пастухов, что сны считались важными явлениями, что употребляли солому в производстве кирпичей, и что священники получали от фараона определенное количество зерна и земельные участки.

3) Разные стороны ханаанской культуры были подтверждены и разъяснены выводами археологических открытий. Одна из тончайших сторон, отрицающих всякое обвинение в подделке в Библии, касается качества работы в постройке городов, стен и укреплений. Археологические открытия показывают, что как раз в то время, когда Израиль под водительством Иисуса Нави-на входил в Ханаан, видно явное ухудшение в укреплениях городов, что отлично соответствует тому факту, что евреи оставили пустыню. В ханаанских городах-государствах здания строились людьми, организованными по феодальной системе, основанной на принудительном труде. Израильтяне, разделенные на отдельные племена, в это время не были очень тесно связаны друг с другом. К тому же, вряд ли можно ожидать, чтобы люди, странствовавшие в пустыне на протяжении сорока лет, могли владеть методами постройки, как ими владели хананеяне. Однако согласно тому, что Уильям Олбрайт обнаружил, при раскопках горной крепости царя Саула в Гиве, строительная способность израильского народа к этому времени значительно улучшилась. По раскопкам зданий в Мегиддо ясно, что во время Давида и Соломона методы постройки у израильтян многократно улучшились, что соответствует библейскому сообщению о том, что оба царя импортировали финикийские материалы и работников (3 Цар. 5:1 — 12).

Израильтянам не разрешалось варить козленка в молоке матери его (Исх. 23:19; 34:26) — запрещение, которое комментаторы долгое время не могли понять. Рас-шамраские плиты, найденные на месте жительства древнего сирийского города Угарита, свидетельствуют о том, что варение козленка в молоке матери его практиковалось хананеями как обыкновенный религиозный обряд; его использовали как магическое средство, чтобы вызывать дожди. Хананейская религиозная литература вообще подтверждает ветхозаветные упоминания о религии хананеян. В этой литературе мы встречаем всех богов, о которых мы читаем в Ветхом Завете: Ел, Ваал и их богини-куртизанки: Анафа, Ашера и Астарт. В этой литературе мы находим все унижительные обычаи религиозного культа: сексуальные ритуалы, поклонение змеям, жертвоприношение детей (богам) и множество священников-евнухов. Мы даже находим погребальные сосуды с останками детей, принесенных в жертву идолам.

В Ветхом Завете создается впечатление, что во время израильских завоеваний и судей филистимляне были весьма сильным народом. Памятники египетскому фараону, Рамсесу Третьему, описывают его битву с филистимлянами, попытавшимися высадиться в дельте Нила. Библейские упоминания филистимского "храма Дагона" (1 Пар. 10:10) были подтверждены открытием такого храма в Угарите и двух стел, поставленных в честь Дагона. По результатам раскопок на Филистимской равнине ясно, что у филистимлян были железное оружие и колесницы. Это подтверждает утверждение в книге Иисуса Навина 17:16—18, что у хананеян было железное оружие тогда, как у евреев его еще не было. В разных раскопках на равнинах были найдены определенные сосуды со специальными горлышками для отделения пива от лузги. Большое количество таких сосудов свидетельствует о том, что этот народ сильно пьянствовал, а это показание близко соответствует тому изображению филистимлян, которое мы находим в книге Судей.

В. Библия и общественные обычаи в Новом Завете

Как только мы приступаем к миру новозаветного периода, миру Римской империи, то общественно-политическое положение настолько усложняется, что сама точность библейских авторов подвергается очень строгому испытанию. Например, политические разделения Малой Азии, представленные в Новом Завете, соответствуют разделениям, описанным римским географом Плинием. Фриггия, Галатия, Ликаония, Киликия, Памфилия, Писидия, Азия, Мисия, Вифиния, — все они признаны Плинием и современными археологами как политически отдельные округа этой части Римской империи.

Разные регионы Палестины, представленные в Новом Завете, точно соответствуют политическому положению первого столетия н. э. и не относятся ни к каким другим периодам истории. Иудея, Самария, Галилей, Трохония, Итурея, Авилиния и Десятиградие — все они в это время признаны как политически отдельные регионы такими внешними источниками, как записи Плиния, Страбона и Иосифа Флавия, а эти источники подтверждены многими археологическими данными: монетами и надписями. Благодаря всему этому, обманщику было бы очень трудно обманывать, оставаясь не уличенным другими.

1) Согласно всему нам известному об этом периоде из внешних источников, Евангельские записи о жизни Христа дышат воздухом первостолетней Палестины. Мы встречаем людей того времени: семью Ирода, иудеев, галилеян, греков, римлян, самарян, солдат, мытарей, земледельцев, рыболовов, нищих, прокаженных. Мы встречаем религиозные группы того времени: фарисеев, саддукеев, иродиан, зилотов, раввинов и обыкновенных "спокойных" людей. Мы слышим, как обсуждались богословские вопросы того времени: "Должны ли евреи платить подать кесарю? Действительно ли воскресение? Какое повеление самое важное? Можно ли мужу развестись с женой по любой причине?". Мы читаем о еврейских праздниках того времени: о Пасхе, Поставлении кущей, празднике Обновления. В Новом Завете мы находим достоверные упоминания о еврейских обрядах очищения и похорон, о брачном праздновании, о религиозных процедурах в синагоге, о законах свидетельства при встрече синедриона, об овцеводческих методах пастухов и т. д.

2) В беседе о точности Нового Завета нееврейский историк Лука заслуживает особенного внимания. Более всех новозаветных авторов Лука

пытался описать новозаветный мир в полном контексте истории Римской империи. Он начинает свое Евангелие в грандиозном стиле выдающегося греческого историка Фукидида: "В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахо-нитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне" (Лук. 3:1—2).

Среди всех новозаветных авторов только Лука упоминает определенных римских императоров: Августа, Тиверия, Клавдия и Нерона, хотя последнего он не называет по имени. Он также упоминает некоторых римских правителей: Квирина, Пилата, Сергия Павла, Галлиона, Феликса, Феста. Он говорит о трех Иродах (Великом, Антипе, Агриппе), о Веренике, Друзилле, Анне, Каиафе, Анании, Гамалииле, самом выдающемся еврейском раввине того времени. Как отметил Ф. Ф. Брюс: "Автор, связывающий повествование с более широким контекстом истории мира, навлекает на себя беду, если он неосторожен. Он предоставляет критическим читателям множество возможностей для испытания его точности". [F. F. Bruce, *The New Testament Documents: Are they Reliable?* (Grand Rapids: Eerdmans, 1965), стр. 82.]

На протяжении минувших двух столетий точность Луки была подтверждена много раз, поэтому можно смело сказать, что каждый раз, когда возникает несогласие между ним и каким-то внешним источником, приходится поверить Луке.

Например, в поддержку Луки мы знаем, что в первом столетии н. э. в Иерусалиме была синагога Либертинцев (Деян. 6:9); что в то время в Эфиопии была династия цариц (Деян. 8:27); что население Ликаонии говорило старой родной речью (Деян. 14:11); что в то время, как апостол Павел находился в Коринфе, Галлион был проконсулом в Ахаии (Деян. 18:12); что в Коринфе существовала еврейская синагога (Деян. 18:4—7); что афиняне любили проводить время в бесполезной беседе и ставили жертвенники неведомым богам (Деян. 17:21—23); что корабли с зерном плыли из Александрии, Египта, под ветром Крита, останавливались в Кауде и Мальте и разгружались в Путеоле (Деян. 27—28).

Лука понимал сложную политическую терминологию, которой пользовались в восточных регионах Римской империи. Он знал, что Сергий Павел был проконсулом на Кипре, не прокуратором (Деян. 13:7); что греческим словом "мерис" пользовались для отметки политического округа (Деян. 16:12); что город Эфес называли "служителем великой богини Артемиды" (Деян. 19:35); что эфесские чиновники назывались "асийскими" (Деян. 19:31); что главные судьи в Фессалониках назывались "политархами" (Деян. 17:6, 8); что судьи в Филиппах назывались "просторами", а их слуги — "ликторами" (Деян. 16:20, 35); что римского правителя в Мальте называли "начальником острова", по-латински *Melitensium primus* (Деян. 28:7).

В Деяниях апостолов 14:8—14 Лука говорит, что Павел исцелил человека в городе Листре, который находился в провинции Ликаонии. Народ тут же был готов поклониться Павлу и Варнаве, назвав их Зевсом и Гермесом. Из многих табличек, посвященных этим богам, мы знаем, что они были покровителями города. Но чем объяснить увлечение священников Зевса, которых Павел с Варнавой с большим трудом удержали от жертвоприношения в их честь? Ответ мы находим в том, что согласно древнему рассказу эти два бога в человеческом облике однажды посетили Листру. Когда лишь два горожанина вышли на встречу им, разгневавшиеся боги превратили город в озеро и всех его жителей — в рыб. Из этого ясно, почему жители Листры не хотели повторить ошибку непринятия небесных посетителей.

В Деяниях апостолов 14:6 Лука сообщает, что Павел и Варнава оставив Иконию, "удалились в ликаонские города, Листру и Дервию". Это имеет то значение, что Листра и Дервия находились в округе Ликаонии, а не город Икония, как утверждает другим первостолетним автором, Цицероном. Это несогласие часто приводили в доказательство недостоверности Луки. Однако в 1910 году Ульям Рамсей открыл памятник в Малой Азии, подтверждающий тот факт, что Икония считалась фригийским, не ликаонским, городом. Этим он оправдал Луку. Рамсей признал, что такие открытия изменили его оценку исторической достоверности Луки. [William Ramsey *St. Paul the Traveler and the Roman Citizen* (Grand Rapids: Baker, 1962), стр. 7—8.]

3) Информация в посланиях апостола Павла повторяется в других внешних источниках. Его описание города Коринфа, в особенности, соответствует действительности, так как в Римской империи этот город был известен как центр порочности и развращенности (1 Кор. 6:9—11). Слово

"коринфизировать" служило синонимом понятию сексуальной распущенности. Были открыты "торги", подобные упомянутому в Первом послании к коринфянам 10:25. Греческие папирусные документы того времени пишут о "трапезе господина Серапия", что соответствует упоминанию апостолом о "трапезе бесовской" (1 Кор. 10:21).

Упоминание Павла об этнархе (т. е. областном правителе) царя Ареты в Дамаске (2 Кор. 11:32) был подтверждено открытиями, доказавшими, что он действительно управлял между 35 и 40 годами н. э. Многие заявления в Посланиях к галатам и к римлянам близко соответствуют выражениям, используемым в первом веке н. э. при принятии и освобождении рабов. Упоминание Павлом "преграды (стены)", разделяющей иудеев и язычников, вероятно оказывается точным описанием физической реальности, ибо было обнаружено ограждение вокруг еврейского храма с предостережениями о смерти нарушителям правил.

4) Книга Откровения затрагивает некоторые моменты мировой истории. Например, особенная монета, относящаяся ко времени императора Веспасиана, представляет Рим в виде женщины, сидящей на семи холмах, — точный символ, использованный Иоанном Богословом (Откр. 17:9). Часто употребляли буквы алфавита как цифры и это, быть может, проливает свет на номер 666 в Откровении 13:18. В Помпеях, Италия, на одной стене были нацарапаны слова: "Я люблю девушку, чей номер 545". Плиний Старший (в "Естественной истории") подтверждает утверждение, что нежелательных людей высылали на остров Патмос (Откр. 1:9).

Известным центром идолопоклонства был город Пергам, в котором находились храмы Зевса, Афины, Аполлона и Асклепия, а также место поклонения императору. Все это соответствует описанию Иоанном Богословом города, как места, "где престол сатаны" (Откр. 2:13). Недалеко от Лаодикии были горячие источники. Она была банковским центром и была известна за то, что в ней можно было получить глазную мазь. Все эти факты объясняют утверждение Иоанна Богослова, что верующие там были "ни холодны, ни горячи, бедны и слепы" (Откр. 3:15—17).

Г. Некоторые удивительные изменения в оценке Библии

Археологические открытия и открытия мировой истории, относящиеся к некоторым критическим моментам библейской истории, коренным образом изменили негативное критическое отношение к вопросу достоверности Библии. Рассмотрим пять из них:

1) Специалисты по высшей критике высмеивали рассказ в четырнадцатой главе книги Бытие о разгроме месопотамских царей Авраамом и его небольшой группой. Юлиус Вельхаузен утверждал, что такой случай "просто невозможен". Точнее, они возражали против того, что 1) имена царей были выдуманы; 2) неслышно было, что в дни Авраама люди отправлялись на длительные путешествия; 3) не было ни главной дороги, ни ряда городов, вдоль которых нападающая армия могла бы продвигаться; и 4) не было никакого повода для нападения.

Все четыре возражения были опровергнуты. 1) Доказано, что все упомянутые имена подлинны; 2) известно, что в те времена люди действительно путешествовали немало и в различные места; 3) маршрут походов был установлен; 4) было обнаружено вероятное побуждение, — именно, медные залежи в регионе между Мертвым морем и Акабским заливом. В отношении к третьему пункту Глук и Олбрайт установили, что в начале и середине бронзового века существовал ряд городов вдоль границы Арабской пустыни в Трансиордании. Это, несомненно, был маршрут нападающих войск и позже его действительно называли "Царской дорогой". Олбрайт свидетельствует, что, благодаря этому открытию, его взгляд на книгу Бытия стал меняться. Он сказал, что он "в прежние времена считал этот необычный маршрут похода самым убедительным доказательством легендарного характера этого рассказа". [William F. Albright, *The Archaeology of Palestine and the Bible* (New York: Revell, 1935), стр. 142.]

2) В прошлом столетии один из "самых уверенных выводов" высшей критики при исследовании Ветхого Завета состоял в том, что религия Израиля постепенно развивалась от анимизма к политеизму, к монолатрии (т. е. поклонению одному Богу с признанием существования других богов), и, в конечном счете, к монотеизму. Последняя стадия наступила не во время Моисея, а позже — в шестом веке до н. э. Таким образом критики

отрицали древность второй заповеди: "Не делай себе кумира..." (Исх. 20:4). Они утверждали, что во время Моисея израильтяне поклонялись изображениям своих богов.

Если бы такое критическое мнение было достоверным, то мы ожидали бы найти изображения Иеговы в Палестине. Уже было открыто большое количество изображений других богов: Ваала, Астарты, Мекала, Дагона. Но на протяжении последних двухсот лет, когда проводились довольно обширные раскопки в Палестине, не нашлось ни одного изображения Иеговы. Нет причины считать, что изображения Иеговы как-то быстрее портились, чем изображения Дагона. В силу того, что научно-археологическая работа ничего не показывает по этому поводу, то это значит, что она не поддерживает теоретических утверждений высшей критики.

3) В Ветхом Завете упоминаются многие малоизвестные народы древних времен, как хурияне, хорреи, евеи, хетты (хеттеи). Народ, который назывался хеттейским (например, как в Исх. 1:4), упоминается более сорока раз. Несмотря на эти частые упоминания народа, ученые в прошлом сомневались в существовании его, или, по крайней мере, в его важности. Однако в 1906 году Гуго Винклер из Берлина, обнаружил развалины города Богхаской в центральной Турции, который, как выяснилось, был столицей древнего Хеттского Царства. Были выкопаны и расшифрованы хеттские письма, что и открыло новую фазу в истории западной Азии и подтвердило большое количество библейских упоминаний об этом забытом народе.

4) Критики осмеивали книгу Даниила за то, что в ней утверждается, что халдейским (т. е. вавилонским) царем во время падения Вавилона был Валтасар (Дан. 5:30). Эта критика казалась вполне обоснованной потому, что древние историки, — такие, как Берос (250 г. до н. э.) и Александр Полиистор утверждали, что последним царем Вавилонии был Набонид.

По сути дела, все три источника (Даниил, Берос, Александр Полиистор) в некоторой мере писали правду по той причине, что Набонид имел большую страсть к путешествиям и путешествовал в Теме и Аравии, на протяжении долгих периодов времени его не было дома. Валтасару, наследному принцу, приходилось управлять страной. Так как Набонида не было при падении Вавилона, Даниил сказал правду, когда написал, что правителем того времени был Валтасар. Кстати, этим-то и объясняется таинственное заявление Валтасара, что тот, кто сумеет прочесть написанное рукой на стене, станет "третьим властелином в царстве" (Дан. 5:7 и 29). [R. P. Dougherty *Nabonidus and Belshazzar* (New Haven: Yale University Press, 1929). Все-таки, пока еще ничего не открыто, чтобы помочь нам разрешить еще одну, проблему, связанную с книгой Даниила. По сообщениям Даниила (5:31; 9:1; 11:1) ме-дянин Дарий завоевал Вавилон, когда исторические и археологические данные свидетельствуют, что этим делом занимался перс Кир. Некоторые предлагают, что Дарий служил генералом в армии Кира, руководившего кампанией, во время которой был взят Вавилон, но мы этого точно не знаем.]

5) В исследовании Нового Завета одним из открытий двадцатого века, наиболее расстроившим критиков Библии, было обнаружение отрывка Евангелия от Иоанна, названного по имени Джона Риландса. Этот маленький папирусный отрывок был обнаружен в 1935 году С. Х. Роберсом, когда он рассматривал кипу документов, открытых несколько лет еще до этого и отправленных в Библиотеку имени Джона Риландса в Англии. Отрывок содержит всего лишь несколько стихов (Иоан. 18:31—33, 37, 38), но после проверки в нем нашлось достаточно материала, чтобы доказать, что он пришел к нам из первой половины второго столетия н. э. Директор Британского музея и специалист по рукописям Нового Завета, Фредрик Кенъон, сказал, что оригинал имел хождение приблизительно между 130 и 150 годами н. э. в Египте, откуда он и пришел к нам. Это значит, что Евангелие от Иоанна было написано до 130 года, а это время столь близко к традиционной датировке написания обсуждаемого Евангелия (приблизительно между гг. 90 и 100 н. э.), что, по словам Кенъона: "Нет причины сомневаться в состоятельности традиции". [Frederic Kenyon, *The Bible and Modern Scholarship* (London: Murray, 1948), стр. 21.]

Если Евангелие от Иоанна было написано к концу первого века н. э., то большая часть старой критики навсегда опровергнута. Многие критики утверждали, что синоптические Евангелия были написаны около 150 года, а другие датировали его 240 годом. Как мы еще увидим, это открытие очень важно для нашего аргумента в защиту Иисуса Христа, так как оно исключает ту возможность, что между жизнью Христа и написанием

Евангелий протекло много времени, период, — по утверждениям некоторых критиков, — необходимый для того, чтобы заявления Христа могли полностью развиваться.

Е. Заключение

Агнос, в этой главе я всего лишь пытался установить то, что Библия является вполне достоверным историческим документом. Правда, я только поверхностно осветил вопрос о существовании материальных данных, подтверждающих это утверждение. Надеюсь, что Вы будете продолжать читать материал относительно исторических и археологических аспектов Библии, особенно произведения таких "старых специалистов", как Олбрайт, Глук, Рамсей. Большинство ученых, специализирующихся по этим вопросам, согласятся со мной, когда я скажу, что уже неприлично осмеивать Библию как книгу, содержащую какие-то фальшивые мифы и легенды. Большая часть ученых соглашается с Глуком, когда он говорит: "Можно категорически заявить, что никакое археологическое открытие не отрицает библейского сообщения. Было обнаружено много археологических открытий, подтверждающих в ясных общих чертах или в точных деталях исторические заявления Библии". [Glueck *Rivers in the Desert* (New York: Farrar, Straus, and Cudahy, 1959), стр. 31.]

Надежное мировоззрение всегда подтверждается многими данными. Библия подтверждена многими данными. Популярное выражение "археология доказывает Библию" неудачно, потому что археология сама по себе ни в коем случае не может доказать, что Библия — богодухновенная книга. Археология, однако, показывает, что в очень многих случаях, когда дело касается определенного факта, Библия передает верную информацию. И, начиная с этого скромного вывода, Агнос, мы можем продолжать наш аргумент.

11. Чудеса

Если Библия — достоверная запись истории, Агнос, то Вы сейчас сталкиваетесь с самой трудной стороной исторического аргумента в защиту Бога, — именно, с чудесами. Вы теперь готовы встретиться с Богом, Который придает значение нашей жизни, — с Богом, Который в истории подтверждает подлинность Своего существования в отношении эмпирической, осязательной и конкретной областей. В следующих двух главах мы посмотрим на чудеса христианства, а в следующих за ними четырех главах мы рассмотрим самое важное чудо, — Самого Иисуса Христа.

Подчеркивая чудеса, мы не добавляем ничего нового к Библии. Христианские апологеты ничего не выдумывают, когда ставят особое ударение на чудесах. Они уже находятся в Библии (Иоан. 20:20; Евр. 2:3—4). Мы не пользуемся какой-то стратегией, придуманной христианами после написания Библии. Чудеса занимают очень важное место в деле свидетельства Священного Писания. Они являются не дополнительной, а неотъемлемой частью Божьего откровения. Мы встречаем их во всех частях Библии, начиная со времени исхода израильского народа из Египта и вплоть до периода Церкви. В критический момент в истории Израиля Бог дал Моисею определенные знамения, вызванные требованием фараона: "Сделайте чудо!" (Исх. 7:9). Христос определенно указывал на чудеса, совершенные Им, в подтверждение сказанного Им. Ученикам Он сказал: "Верьте Мне по самим делам" (Иоан. 14:11), Толпе, сомневающейся в Его мессианстве, Он сказал: "Дела, которые творю во имя Отца Моего, свидетельствуют обо Мне" (Иоан. 10:25). Для того чтобы доказать Свое мессианство двоюродному брату Иоанну, Он указал на тот факт, что "слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают" (Лук. 7:22). Самое сильное заявление находится в Евангелии от Иоанна 15:24, где Христос говорит: "Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха, а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего". Его чудеса были настолько явными, что неверующий очевидец ненавидел Его и Бога.

А. Определение чуда

Перед тем, как начать исследование данного вопроса, надо правильно определить чудо. Те, кто определяет чудо как нарушение, вмешательство или противоречие естественному закону, заранее приходят к этим выводам, — даже перед тем, как исследование ими было начато. Гораздо честнее определить чудеса так, чтобы вероятность их действительности оставалась открытым вопросом, т. е. в определении не должно быть никакого метафизического предположения. Это интересный пример логического мошенничества — определить данное явление как что-то невозможное, а потом на основании этого определения прийти к выводу, что для него нет никаких доказательств.

Самое безопасное общее определение чуда таково: чудо есть "событие, вызванное Богом". По самому основному определению чуда нельзя сказать, что оно — исключение из правила, потому что в Библии чудо часто принимается как целиком естественное, повседневное событие. Например, ветер веет в благоприятном направлении, или перед заходом солнца сражение кончается победой, или ливень приходит при особой нужде в нем. Такие случаи, — хотя и естественны по характеру, — считались замечательными проявлениями Божьей силы и любви.

Однако, библейское чудо вообще является исключением из правила и такое понятие чуда носит более апологетическое значение, потому что исключение вызывает удивление скорее, чем правило. Когда Езекия попросил знамения у Исаяи, пророк представил ему выбор: тени подвинуться десять ступеней вперед или назад? Езекия ответил: "Легко тени подвинуться вперед на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней" (4 Цар. 20:10).

Поэтому для апологетических целей я бы определил чудо как "событие, происшедшее в истории и отличившееся от общеизвестного естественного закона в такой мере, что приковало внимание наблюдателей и заслуживает оценки, как особое вмешательство сверхъестественной силы". Заметьте, что я тут же не заключаю, что чудо обязательно есть знамение от Бога; я лишь утверждаю, что оно отличается от нормального хода событий в такой мере, что *можно было бы* принять его, как знамение от Бога.

В интересах уточнения можно расширить это определение и утверждать, что чудо есть "неповторяемое событие, отличающееся от действия закона природы". Если бы событие не противоречило естественному закону, то оно отнюдь не считалось бы чудом, так как чудо должно произойти на фоне обыкновенного действия, чтобы его считали уникальным. Когда мы говорим о "неповторяемом" чуде, то не утверждаем, что оно произошло всего лишь раз в истории, а то, что обыкновенные люди по личному желанию не могут повторить его, как они могли бы сделать в отношении закона природы. Если бы люди могли осуществлять события, противодействующие нормальному утверждаемому закону, то мы изменили бы закон, которому противодействовали бы чудеса. Чудо стало бы обыкновенным, а не уникальным явлением, и приходилось бы заменить определение старого закона новым.

Поэтому чудеса и законы отличаются друг от друга, но мы не можем определить чудо, пользуясь такими словами как: "нарушает", "противоречит" и т. д. Как мы увидим, такие слова создают неверное представление о разнице между законами природы и законами общества. Наше определение остается нейтральным: оно определяет событие, которое мы ищем, но также не отрицает его как что-то невозможное.

Может быть, Вам кажется, что нам нужно всего лишь привести исторические доказательства библейских чудес и все. В самом деле, по этому вопросу нам придется подождать до следующей главы. Еще до начала судебного процесса адвокат, защищающий подсудимого, высказывает всякие интересные предложения, чтобы не позволить делу дойти до момента рассмотрения. Значит, нам нужно устранить целый ряд возражений перед тем, как рассмотреть библейские чудеса. Большинство возражений попадает в две главные категории: *философские* и *исторические*.

Б. Философские возражения

Суть большей части философских возражений против чудес заключается в предположении, что Вселенная так составлена, что, по определению, чудеса невозможны. Возражения обыкновенно берутся из двух главных систем: материализма и философского теизма.

1) Материализм. В материализме возражение против чудес выражается в грубом и остроумном видах. Хотя довольно странно материалисту пользоваться *априорным* рассуждением, все-таки грубый вид возражения для него оказывается, в сущности, дедуктивным. Согласно этому понятию, возможность чудес исключается как *априорное* метафизическое предположение, что и освобождает возражающего от тяжелой ответственности исследования утверждаемых чудес, происшедших в истории. Короче говоря, согласно этому взгляду утверждается следующее: "Бога; нет; есть только природа, материя, обусловленная механическими процессами и управляемая постоянными, неизменяемыми физическими законами. Ясно, что в таком космосе чудеса невозможны".

Я выразил такое понятие довольно грубо для того, чтобы выделить очевидное предвзятое мнение данной позиции. Прежде чем использовать такое догматическое заявление, как *априорную* дубинку, оно нуждается во многих доказательствах. Рассмотрел ли тщательно материалист теистические аргументы и пришел ли он к выводу, что все они, без всякого сомнения, полностью несостоятельны? Какой высокомерный человек так скажет? Но именно так и приходится говорить, если пользоваться материализмом, как *априорной* дубинкой в отрицание чудес. По этому понятию утверждается следующее: "Я знаю все, что вероятно во Вселенной, и я также знаю, что неповторяемые события, которые являются исключениями из естественных законов, невозможны".

Неужели? Разве Вы все это знаете? На самом деле, среди тех, кто тщательно и систематически рассмотрел теистические доводы, многие, в результате этого, стали верующими, или, по крайней мере, агностиками, уважающими теистическое понятие. Нельзя сказать, что теистические доводы целиком бесполезны. Вместе взятые, они довольно убедительны. Можно сказать, что они вероятны, по крайней мере — возможны, а, быть может, и правдоподобны. Поскольку никто не может быть уверен в полной бесполезности теистических доказательств, это не позволяет и Вам каким-то грубым образом отрицать возможность чудес.

Этот вопрос напоминает мне о человеке, который утверждает, что "шмель теоретически не может летать". Почему? Потому, что его тело нарушает некоторые основные правила аэродинамики (у него короткие крылья, тело не подходящего размера и веса и т. д.). Ладно, Агнос, но видели ли Вы когда-нибудь летающего шмеля? Я такое видел, поэтому сильно сомневаюсь во всякой теории, по которой утверждается, что шмель не летает. Подобно этому, если я смотрю на историю и нахожу хорошие доказательства чудес, то я сильно сомневаюсь в мировоззрении, утверждающем их невозможность. Это особенно так, когда мне предлагают такое утверждение даже *перед тем*, как мне была предоставлена возможность рассмотреть исторические доказательства чудес.

Допустим, что есть довольно убедительные доказательства чудес. Какую реакцию на это проявил бы человек, отрицающий возможность чудес? По всей вероятности, он классифицировал бы чудо, как "случайную неисправность" в природе, т. е. странное явление, которое ему лучше всего забыть. А что случилось бы, если бы чудо было настолько очевидным, а факт нарушения данного закона был бы столь уверенно установленным, что объяснение этого случая не удовлетворяло бы пытливого интеллекта человека, ищущего чуда? Разве это не заставило бы человека, отрицающего возможность чудес, прийти к выводу, что такие события, действительно, могут быть чудесами и что причинный посредник (Бог), на самом деле, существует? Да, так может случиться и в прошлых веках случалось много раз.

Наша проблема подобна трудности ребенка, чьи преступные родители на протяжении нескольких лет "промывали его мозги", чтобы он думал, что "все милиционеры плохи". Первый симпатичный милиционер, которого он встречает, нарушает его убеждение. Он может или отказаться от своего предвзятого мнения, или объяснить доброту милиционера чем-то другим. При каждой новой встрече с симпатичным милиционером его предвзятое мнение все более и более подвергается сомнению. В конечном счете, его встречи со многими симпатичными милиционерами заставляют его изменить прежнее убеждение и прийти к выводу, что "не все милиционеры плохи".

То же самое можно сказать о чудесах. Можно убедиться в подлинности чудес разными путями: 1) Вы можете допустить самую убедительность доказательств изменить Ваше негибкое мировоззрение, чтобы Вам "увидеть" их; 2) Можете посмотреть на утверждаемые чудеса, приняв более гибкое материалистическое мировоззрение, и позволить, чтобы они заменили Ваши прежние "очки" новыми; 3) Вы, быть может, уже верите в Посредника, обладающего способностью совершать чудеса, и можете согласиться с тем, что они возможны, если Вам будет предоставлено достаточно доказательств. В истории еврейско-христианской религии люди принимали подлинность чудес этими тремя путями, хотя признаю, что первый из них довольно редок. Однако, во всех случаях данные одни и те же, — именно, речь здесь идет об исторических доказательствах чудес. Вот *это же* остается неизменным; нужно или объяснить несостоятельность этих доказательств, или принять их.

Возражение материализма против чудес принимает более хитрый вид. Вместо догматического заявления, только что проанализированного, часто слышишь нечто наподобие следующего: "Наука — не друг чудесам. Вселенная, в которой происходили бы чудеса, была бы капризной, суетливой, непредсказуемой. Такая возможность уничтожила бы науку, требующую неизменных законов". [Смотрите, например, замечания некоторых ученых, которые дали интервью автору F. E. Trinklein *The God of Science*, (Grand Rapids: Eerdmans, 1971), стр. 78—93.] Гораздо труднее ответить на возражение, поставленное в таком виде.

Не утверждение, на самом деле, а жалоба составляет суть возражения. Материалист жалуется, что чудеса уничтожают замкнутый механический характер материальной Вселенной; они нарушают правила научного предсказания. Прежде всего, заметьте метафизические предположения, лежащие в основе материалистического понятия: возражающий как-то слепо предполагает, что Вселенная — замкнутая механическая система, в которой предлагаемое предсказание не подлежит нарушению. Возражающий этим утверждает, что Вселенная будто бы подобна девственнице, принявшей обет безбрачия ради ученого. Значит, космос будто бы дал обещание, что он ни в коем случае не совершит чуда ввиду того, что это равносильно метафизическому изнасилованию или, быть может, философскому блуду. Выходит, что бог научности настолько ревнив, насколько и Бог Иегова!

Это возражение опирается на ошибочное понятие, которое мы называем "неправильным применением примера", и, согласно которому без всякого основания предполагается, что два сравниваемых предмета подобны друг другу во всех аспектах. Одно старое правило литературной интерпретации гласит: "Не заставляй метафору ходить на всех четырех ногах". Вот пример этого принципа: если Вы называете свое дитя "моим маленьким ягненком", то было бы глупо спросить у Вас: "а где, тогда, его шерсть?". Ясно, что слово "ягненок" служит метафорой, показывающей сходство ребенка с ягненком в некоторых, но не во всех, чертах.

В отношении вопроса о чудесах пример применяется ошибочно тогда, когда материалист предполагает, что "законы природы" похожи на законы человеческого общества. В истории лингвистики самым большим источником путаницы, быть может, является применение слова "закон", во-первых, к приказу верховной власти, и, во-вторых, к научным выводам Ньютона, Дарвина или Эйнштейна. Общественный закон является личным повелением с моральной ориентировкой и со способностью заставить человека слушаться данного приказа. Ничто из этого не применимо к так называемым законам природы.

Ученые законов "не принимают", они их открывают. Законы, открытые ими, оказываются выводами, оформленными на основании средних величин; это, скорее всего, не выводы, с которыми исследователь вынужден согласиться. Сверх того, научный закон обычно зависит от чего-то другого. Его можно изменить или даже опровергнуть новым объяснением. Итак, ученые более похожи на историков, чем на законодателей: *они описывают, как природа действует; им не дано предсказывать, как она должна действовать*. Наука, как таковая, не имеет права предположить подлинность великого вождя детерминизма, императора единообразия природы, держащего космос под стражей с небесным пулеметом в руках.

Материалист отрицает чудеса, полагаясь на принципе единообразия; это первая предпосылка любого естественного закона. Согласно этому принципу, можно сказать, что событие, которое Вы увидели в контексте определенной сферы времени и пространства (т. е. на Земле), можно предсказать в контексте различных сфер времени и пространства. Но вся трудность в том, что никак нельзя доказать принципа единообразия. Идея,

что будущность будет подобна минувшим временам, — это всего лишь наша надежда, ожидание, наша "слепая животная вера". Ученый принимает подлинность этой идеи на прагматических основаниях. Но если этот принцип принимается на прагматических основаниях и невозможно доказать, что он соответствует теперешнему порядку вещей, то ясно, что его нельзя использовать с той целью, чтобы исключить возможность чудес. Подтверждения, которые всего лишь прагматичны, не отменяют той возможности, что возникнут случаи, когда принцип будет нарушен.

Например, если это Ваше желание, то можете сказать: 1) "Что касается меня лично, то я никогда не видел, чтобы вода стала вином только по той причине, что она стояла в каменных сосудах". Ладно, я также подобного не видел. Вы даже можете добавить: "Сверх того, в отношении современной науки это также не наблюдалось". Опять-таки, Вы вероятно говорите правду. Но вот в чем дело: Вы не имеете права пойти за пределы самого утверждения и сказать: 3) "Поэтому, ни в коем случае вода таким образом не может превратиться в вино".

Ваши первые два заявления историчны, эмпиричны, описательны, индуктивны и скромны. Третье утверждение нормативно, метафизично, дедуктивно и высокомерно. В самом деле, неприлично нам перейти от эмпирического к нормативному, не признав в этом процессе того, что мы перестали быть учеными и стали метафизиками. Вы можете сделать эти прыжки от первой ко второй и третьей позиции, но не называйте это научной деятельностью, ибо это есть чистая метафизическая деятельность и, к тому же, такой переход с первой ко второй и к третьей позиции наверно является плохим примером метафизического процесса.

Но кто-то спрашивает: "Неужели Вы утверждаете, что во Вселенной отсутствует основной порядок?". Нет, сто раз нет! Мы, христиане, признаем и принимаем наличие космоса, не хаоса. Наша цель не в том, чтобы отрицать порядок и единообразие, но в том, чтобы показать, что есть разные типы упорядоченной системы, отличающиеся от механически-физического упорядочения. В связи с вопросом о чудесах нам представлены три картины Вселенной: две — крайнего порядка, одна — среднего.

Во-первых, материалист настаивает на необходимости целиком упорядоченной Вселенной, описанной до последней детали наукой, замкнутой, вполне определенной, в которой отсутствуют всякие чудеса или случай, нарушающие известные законы. Во-вторых, материалист обвиняет христианина в том, что он принимает Вселенную как самопроизвольную и непоследовательную систему, в которой все может случиться и все является чудом. Эти две позиции представляют ошибочную дилемму. Есть и третья позиция, сохраняющая и научные и чудесные явления.

Согласно третьей позиции, постулируется Вселенная, которая в большинстве случаев следует определенному порядку — не потому, что она мертва, материальна или механически определяема, но потому, что ее Создатель желает, чтобы она в большинстве случаев действовала по установленному порядку. Порядок, который идет от личного Творца, проявлял бы определенную или телеологическую целесообразность. Христиане смотрят на природу как на результат действующего Разума, поэтому у нас нет причины не считать, что даже нормальные события происходят по воле Творца.

Этот Разум придает действиям природы столько упорядоченности и последовательности, сколько пожелал бы любой ученый, потому что целесообразность противится принципу случайности в такой мере, в какой ему противится и принцип механистического действия. Поэтому даже тогда, когда чудеса происходят, то это случается по воле великого Разума. Итак, нам нет причины считать, что нормальные повторные события не происходят по воле Создателя. Генри Стоб прекрасно выражает эту мысль:

"Законы природы, формулируемые нами, — ничто иное, как наше определение "обыкновенного действия Бога". Они стали действовать не до Бога, а после Него; они отмечают Его обычаи. Они "держатся" по той причине, что Бог желает действовать таким образом, но они Его не связывают. Бог свободен оставить Свои следы там, где хочет, и иногда Он оставляет их на непривычных для нас путях. Мы можем быть уверены в том, что Он это делает для того, чтобы послужить определенной святой цели". [Henry Stob, *"Miracles, Basic Christian Doctrines"*, ed. Carl F. H. Henry (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1962), стр. 83.]

Поэтому христианин также может, в некотором смысле, похвалиться о существовании особой "замкнутой" Вселенной. Бог замкнул ее. Независимо

от того, что происходит, — чудо или нормальное событие, — все происходит по Его воле. Чудеса в сущности не нарушают никакого настоящего порядка, если все происходит по Его воле. Однако, не желая пропустить следующее, стоит сказать, что чудеса все-таки *для нас* исключительные явления, но это лишь потому, что с точки зрения вечности мы всего не видим, как Бог все видит. [Бетт прекрасно обсуждает этот вопрос в книге: *Bett, Reality of the Religious Life*, стр. 111 и дальше.] Если бы мы знали все о системе природы в ее целостности, как ее знает Бог, то чудо не показалось бы нам нарушением обыкновенного закона. Чудесное событие представляется нам нарушением закона, но это потому, что мы ограничены. Как раз в этом-то и цель чуда: чтобы приковать наше внимание, внимание ограниченных существ. Для Бога нет чудес, потому что в силу Его всезнания ничто не удивляет Его. Для Бога нет разделения между естественным и сверхъестественным, потому что Его интеллект неограничен. Итак, слабость возражения материалиста против чудес заключается в том, что он, — маленький, ограниченный человек, пребывающий в шорах позитивизма, — утверждает, что он может "замкнуть" Вселенную и ограничить все возможные события, относя их к механически-физической сфере действительности.

Агнос, имеется ли какая-то разница в воздействии самих чудес или нашей личной свободы на законы природы? Вы говорите, что каждое событие имеет свою причину, но то же самое говорит христианин. Чудо имеет свою причину, как и всякое действие по нашей свободной воле. Но по сравнению с нормальным физическим событием причина чуда — иного типа. Человек может изменить нормальный ход действий в природе своей волей. Например, он может заставить воду течь вверх или бросить камень вверх против закона тяготения. Для меня действие нашей воли, изменяющее закон природы, выходит настолько же загадочным, насколько загадочна воля Божья, изменяющая природу, когда сбывается чудо. Почти все те загадочные трудности, которые мы встречаем, когда ставим вопросы о воле, мы снова встречаем, когда ставим вопросы о чуде. Именно по этой причине самые последовательные в утверждениях философы, как Б. Ф. Скиннер, не верят ни в реальность свободной воли, ни в реальность чудес. ["С ревностным старым презрением господин Бернард Шоу говорит об идее чудес, — будто бы они являются нарушением веры со стороны природы; каким-то странным образом он, видимо, не создает, что чудеса оказываются последними цветами на его любимом дереве, — именно, это его доктрина о всемогуществе воли" (*Chesterton, Orthodoxy*, стр. 128).]

Если выразить саму суть чудес, то они не нарушают причинность. Они нарушают материалистический детерминизм; так и должно быть, ибо это дефективное метафизическое понятие. Если Вы верите в действительность свободной воли, морали, эстетики или любого другого явления, превосходящего материализм, то этим Вы уже, в частности, открыли дверь к возможности чудес.

2) Философский теизм. Как бы странно это ни было, но некоторые теисты стараются закрыть дверь к возможности чудес. Хотя они верят в Личность, обладающую силой совершать чудеса, они их отрицают. "Бог не действует таким образом, — настаивают они, — чудеса смущают нас; легче верить в Бога без чудес. Это дешевые фокусы, которые совершают старые боги, или, вернее, неразумные люди приписывают чудеса истинному Богу". Макс Борн, знаменитый немецкий физик, утверждает:

"Не стоит обсуждать любое явление, нарушающее естественные законы, потому что такая идея о Боге нас удручает. Это сделало бы Бога меньшим, чем мы представляем Его. Когда Он заявил, что эти законы имеют силу, то никаких исключений Он не допускал бы. Такая идея крайне человеческая. Люди это делают, но не Бог". [Эти слова цитируются в книге *Trinklein, God of Science*, стр. 80.]

Доктор Борн подобен деистам эпохи Просвещения, которые утверждали, что Бог полностью открывается нам в порядке и гармонии сотворения и не нуждается в каких-либо чудесах, чтобы показаться нам. Деист мало отличается от материалиста, так как он оценивает порядок в космосе так, что сам удивляется всякий раз, когда где-то нарушается данный порядок.

Мой главный вопрос деисту таков: на каком основании ему стало известным, что Бог никогда не нарушает ни одного из Своих законов? Когда именно Бог сказал доктору Борну, что законы природы будут иметь силу на всю вечность? Библия нигде этого не говорит; как раз наоборот: в ней записаны сотни чудес, когда Бог нарушил законы природы. Разве доктору Борну было дано особое частное откровение? Или он предпочитает единообразие и порядок? Что свидетельствует от том, что эта предпочитаемая склонность описывает то, что действительно произошло в истории,

или то, что Бог действительно сделал?

Поставьте себе вопрос: каким образом Богу лучше было бы доказать Свое присутствие? Не тем ли, чтобы на короткое время нарушить или изменить нормальные процессы природы? Разве это не удивило бы разум человека и не обратило бы внимание других на Чудотворца и на Его весть? Как мог бы Бог открыться в таком обыкновенном и повторяемом процессе, как восход солнца? Когда замечаешь, как природа действует своими нормальными средствами, то думаешь, что так и должно быть. Действие естественного закона/ не убедит тебя в присутствии Бога, как это сделает действие, нарушившее известный закон. Как и в случае материалиста, деист выражает особую жалобу и личное предпочтение, но настоящего возражения против чудес он не имеет, если исторических доказательств для них достаточно.

3) Третье философское возражение обвиняет христианскую позицию в доводах, которые сами нуждаются в доказательстве. Уолтер Кауфманн выражает его так: "Для принятия чуда нужна вера. Для человека, которому веры недостает, никакого чуда нет. Поэтому апелляция к чудесам в доказательство убеждений — это довод, который сам нуждается в доказательстве". [Walter Kaufmann, *Critique of Religion and Philosophy* (New York: Harper, 1958), стр. 92.] Некоторые говорят, что рассказы о чудесах бытовали только среди людей, духовно подготовленных или готовых к принятию чудесных явлений.

Прежде всего, никто среди христиан не станет просто утверждать, что "чудеса доказывают христианскую веру". Доказательства исходят из многих источников и чудеса лишь один из них. Мы не считаем, что изолированные, голые чудеса доказывают любое мировоззрение.

Сверх того, такая кругообразность в доводе подобна кругообразности, которую в четвертой главе мы отметили в отношении подтверждения любого мировоззрения. Для того чтобы увидеть, подтверждают ли данные определенное мировоззрение или нет, надо надеть "соответствующие (метафизические) очки", т. е. приходится предварительно предположить, что данное метафизическое утверждение достоверно, затем нужно ответить на вопрос, дают ли очки последовательную картину в отношении рассматриваемых данных? Без особого труда я мог бы сказать, что материалист не в силах доказать детерминизм, ссылаясь на обыкновенные законы, по той причине, что еще до этого он все-таки хочет верить в детерминизм. Было бы странно, если бы на судебном процессе прокурор обратился к защитникам со словами: "Дело в том, что *вы хотите*, чтобы ваш клиент был невиновен, и по этой причине вы не видите показаний, обвиняющих его!".

Требовать "научных условий" (кстати, не совсем ясно, что это такое) для того, чтобы проверить состоятельность чудес — несправедливо. Проверить некоторые вещи невозможно, пока ты сам не поставишь себя в такое положение, какое позволит тебе пережить утверждаемое, *если оно действительно произойдет*. Если бы я предсказал, что завтра солнце взойдет точно в шесть часов утра, то Вы действительно не могли бы подтвердить или опровергнуть предсказание, спустившись на три тысячи метров в шахту как раз в назначенное время. Психологу, собирающему данные у пьяниц, было бы нелепо бранить их за то, что они постоянно в пьяном состоянии. Тот факт, что теисты, которые верят в откровение Бога, вероятно хотят, чтобы чудеса действительно происходили, или считают, что чудеса действительно происходят, не опровергает того, что чудеса действительно происходят.

Кроме того, по крайней мере имеется один случай, когда определенная личность пережила чудо, но не была в приготовленном к этому настроении, — именно, апостол Павел. Перед тем, как он встретился с воскресшим Христом на пути в Дамаск и потерял зрение, Савл из Тарса дышал "угрозами и убийством на учеников Господа", как пишет Лука. Он "пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав приводить в Иерусалим" (Деян. 9:1—2).

В. Исторические возражения

Кто перестает выдвигать философские возражения против чудес, подобные вышеприведенным, тот признает, что чудеса возможны, Суть исторического возражения вообще в утверждении, что история не служит подходящим посредником для Божьего откровения, или, что в наблюдении и сообщении о происшедших чудесах встречаются непреодолимые трудности.

1) Люди выражают жалобу, что чудеса произошли столь давно, что в современном мировоззрении они ни в коем случае не могут служить надежными данными. Это обыкновенно связано с утверждением, что чудеса всегда происходили в века, когда люди были невежественны и научных законов не знали. Например, доктор Артур Б. Комар, декан Научной Аспирантуры имени Бельфера Ешивейского университета в Нью-Йорке, ставит вопрос: "Почему сегодня отсутствует множество чудес, которые, как сообщается, произошли тысячи лет назад? Ясно, что дело так обстоит по той причине, что люди сегодня относятся более критически ко всему". [Слова Комара цитируются в книге: *Trinklein God of Science*, стр. 79.]

Доктор Комар страдает "хронологическим снобизмом", если он думает, что люди всех прежних веков были настолько доверчивы, что постоянно верили в ежедневные чудеса. "Век науки" и "век невежества" не всегда противоположны. Те, кто живет в настоящее время, не обладают знанием того, как природа действует в макроскопическом масштабе. Многие из Христовых чудес являются исключениями из хорошо известных законов природы, поэтому люди признали бы их таковыми в любой период истории и в любой точке мира.

Например, Иосиф знал, как ребенок зарождается в утробе матери. По этой причине он тайно хотел оставить Марию, когда при обручении с ней он узнал о ее беременном состоянии. Он думал, что она до этого вступила во внебрачную связь (Матф. 1:19). Если утверждение доктора Комара достоверно, то, узнав о беременности Марии, Иосиф сказал бы: "Вот, это первый в истории случай партеногенеза! Какой я счастливый человек!". Почему Иосиф сразу же не приписал беременность Марии тому, что Бог посетил ее? Ведь люди были столь доверчивы в те дни, не так ли? Нет, палестинские евреи первого столетия н. э. не были такими невеждами. Пришлось ангелу объяснить Иосифу чудесное зачатие Младенца в утробе Марии (Матф. 1:20—21).

То же самое можно сказать почти о всех библейских чудесах. Не дано только человеку, окончившему Гарвардский или Оксфордский университет, прийти к сознанию, что вода не превращается в вино, стоя в каменных сосудах, что люди не возвращаются из гробов, что не накормишь пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, что брение, сделанное из грязи, исцеляет врожденную слепоту. Предлагающему такое возражение надо помнить, что самым главным временем в Римской империи было первое столетие н. э. и что Палестина была близка к центру империи, а не на ее окраинах. Этот период человеческой истории, предшествовавший современной эре, был одним из самых культурных, светских, благоденственных, эрудированных и скептических. Вряд ли можно назвать его "веком невежества". Если бы Христос совершал чудеса в девятом или десятом столетии, то возражение, быть может, имело бы какую-то важность.

Возражающему также надо помнить, что в истории евреев народ следовал за чужими богами и за неверность Богу Иегове он был наказан. Потому он с особой осторожностью относился к неверному водительству ложных пророков и чудотворцев (смотрите Втор. 13:1—5). Вряд ли можно было бы считать рыбаков, земледельцев и мытарей, последовавших за Христом, "доверчивыми". Не ловит рыбу, не выращивает хлебные злаки и не собирает подати тот, кто постоянно верит в чудеса. В большинстве случаев люди проявляют веру в упорядочение вещей, т. е. они знают, что в макроскопическом масштабе природа действует своими нормальными путями.

На вторую жалобу Комара, — именно, что произошло много чудес во времена библейской истории и что их мало с той поры, — без особой трудности можно ответить объяснением цели чудес. Библейские чудеса произошли в определенные времена откровения, т. е. они не расположены в одинаковой пропорции и количестве через всю Библию. Две главные группы чудес произошли 1) при исходе израильского народа из Египта, и 2) при Христе и основании Церкви. Это были самые важные моменты Божьего откровения, когда Бог дал закон и Евангелие. Если чудеса сопровождают и подтверждают откровение, то эти группы чудес появились как раз в те времена, когда мы и ожидали бы найти их в библейской истории. Есть небольшая группа чудес, относящаяся к периоду Илии и Елисея, и она не соответствует определенному времени Божьего откровения, хотя Бог Иегова в

это же время все-таки выступал против ханаанских идолов. Мы можем назвать этот период "усилительной группой чудес" на том основании, что Иегова делал попытки обратить внимание Своего народа на закон, впервые данный ему на горе Синай.

Тот факт, что после библейских времен произошло мало чудес, ничего особого не доказывает. Вместо того, чтобы жаловаться на явления чудес, происшедших в особенные минувшие периоды, надо ответить на настоящий вопрос: существуют ли исторические доказательства чудес независимо от того, где и когда именно они сбылись?

2) Затем, возражающий возможно станет подвергать сомнению способность любого человека наблюдать и точно описывать любое событие. Можно утверждать, что люди вообще плохие репортеры. Были осуществлены такие экспериментальные случаи, после которых очевидцы противоречили друг другу в описании происшедшего. Поэтому возражающий против чудес укрывается в историческом агностицизме: он подвергает все прошлое сомнению.

За весьма короткое время можно увидеть, что такое сомнение в чудесах также уничтожает всякое человеческое описание происшедших событий. Такое возражение уничтожит всю историю, закроет все суды, прекратит издание всех газет. Выходит, что возражающий не может доверять даже своей памяти, потому что она недостаточно свежа. Показать, что человеческое свидетельство достоверно, — это одно, а показать, что оно целиком бесполезно — это другое дело. Есть средняя позиция: человеческое свидетельство в основном надежно при соблюдении некоторых процедурных канонов. Эта средняя позиция уже долгое время удовлетворяет людей.

К тому же, возражающий против чудес, по всей вероятности, противоречит самому себе. Если он способствует экспериментальному событию и затем показывает, что все свидетели по-разному воспринимают происшедшее, то надо спросить: а каким образом ему удалось увидеть все правильно? Если наблюдательная способность у человека не вполне надежна, то почему нам не относиться скептически к предложению, что "наблюдательная способность у человека не полностью надежна", если наблюдениями было установлено, что это так?

Хороший адвокат скажет, что не только свидетельство, данное людьми, может быть надежным, но и то, что неполное согласие между очевидцами часто свидетельствует о достоверности описываемого события, так как различия в описаниях, не ведущих к большим противоречиям, можно согласовать друг с другом, а это возможно и покажет, что каждый очевидец запомнил особый момент данного случая и точно его описал. Исследовательская работа над вопросом запоминания показала, что свидетель запоминает только те чувственные элементы данного случая, на которые он обратил особое внимание. Человек не запоминает всего, что он встречает в окружающей среде. Всякий раз, когда мы восстанавливаем происшедшее событие, нам только надо сочетать свидетельства нескольких очевидцев для того, чтобы снова "увидеть" бывшее событие в его полноте. В судах такое случается почти каждый день. [Для хорошего обсуждения вопроса о том, как историки относятся к утверждаемым противоречиям исторических очевидцев, смотрите Barzun and Graff *Modern Researcher*, стр. 146—173.]

3) Если наш гипотетический человек, возражающий против чудес, признает, что история открывает нам истину, то он может сомневаться только в книгах Библии. Он может утверждать, что книги Библии содержат ошибки по естественным фактам, поэтому, когда в них пишется о чудесах, нам не стоит полагаться на эти книги.

Я не могу ответить подробно на такое возражение. Надо ответить на каждый отдельный пункт. Например, где в Библии находится ошибка? Как только кто-то определит ее, так можно ее обсудить. Не хватит места для развития подробного аргумента в пользу исторической достоверности Библии в ее целостности; в этом и была цель предыдущей главы. Все, что я здесь могу в общем сказать, — это то, что ученые сегодня не сомневаются в Библии; они не считают ее сборником старых, бесполезных народных сказок. Так могло бы случиться в прошлом веке, но не в настоящем. Имеется слишком много доказательств в подтверждение того, что Библия в основном достоверна. Правда, трудности пока еще есть, но это не делает документ ничего не стоящим. Если бы было так, то не было бы надежной истории. Я всего лишь могу попросить Вас, Агнос, прочитать хорошие общие произведения о библейской истории и археологии перед тем, как излишне обобщать вопрос исторической ценности Библии.

4) Дэвид Юм безусловно выразил самую серьезную критику против чудес в известном "Трактате о чудесах", опубликованном в 1776 году. *[Этот трактат является главой десятой в более обширном произведении Юма "Трактат о понимании".]* Юм определил чудо, как нарушение естественного закона и утверждал, что ввиду того, что законы природы формулированы общим человеческим опытом, то по определению чудо может быть только невозможным явлением, так как оно противоречит известному общему опыту. Перед тем, как любому разумному человеку принять чудо, ему вероятно придется сказать, что его чувства обманули его или что те, кто сообщил о происшествии чуда, обманули самих себя или обманули его.

Это сильное возражение, потому что оно основано на ясном факте: мы все склонны по-своему интерпретировать странные события и ищем естественного объяснения их перед тем, как классифицировать их как чудеса.

Прежде всего, в ответ на это я не могу не поддаться тому искушению, чтобы указать на то, что Юм самому себе (снова!) противоречит. Юм говорит, что чудеса невозможны потому, что они нарушают "законы природы", но, согласно его скептическому эмпиризму и номинализму, мы никакого впечатления от природы в ее целостности не имеем. Природа в своей целостности никогда просто не представляется нам, как что-то "красное" или "скользкое". То же самое касается "порядка природы", который чудеса нарушают: Как же иметь понятие "нарушения" без понятия порядка? Сверх того, под понятием порядка подразумевается время, под которым подразумевается последовательность, под которой подразумевается то, что наше "я" продолжает существовать; эту последнюю идею Юм отрицал. Далее, нельзя говорить о всеобщем, универсальном опыте, не уступив предположению о существовании альтернативного разума — мысль, которую Юм отрицал. Когда Юм критиковал аргумент Замысла, то он жаловался, что мы знаем очень мало о Вселенной в ее целостности, но как только он стал критиковать чудеса, то смело говорил о всеобъемлющем порядке естественного закона во всей Вселенной! На самом деле, критика Юма падает под ударами первых принципов его собственной философской системы.

Но, разумеется, все это пока еще не отвечает на поставленное возражение. Это только доказывает, что Юм непоследователен или нечестен. Главное возражение все еще нуждается в ответе. Основной недостаток возражения в том, что оно приводит в качестве аргумента спорное положение, когда им утверждается, что чудеса "противоречат опыту". Противоречат чьему опыту? Если Юм отвечает: "моему", то это вряд ли имеет какое-то значение для исторических целей. В небе, мире и в истории возможны многие вещи, которых Юм не придумывал в контексте своего опыта.

Если Юм утверждает, что чудеса противоречат опыту *всех* людей, то он предполагает именно то, что сам доказал. *Если* чудо произошло, то оно, разумеется, не противоречило опыту того, кто его увидел. Если можно использовать опыт для установления естественного закона, то почему не для установления случая, когда был нарушен естественный закон? Если Юм отвечает, что свидетельство *большинства* должно определить то, что случилось в истории, то его ответ не соответствует правильному применению демократического метода. Таким образом историю не определяют.

На самом деле, Юм оставил историю и перескочил в метафизику. Он утверждает, что все случаи должны повторяться, что какой-то случай *не может произойти всего лишь раз!* Но это является философским критерием, не историческим каноном, а, ведь, аргумент Юма, как утверждается, историчен. [Ричард Уэйтли, архиепископ Дублинский, показал, что если строго применять различные критерии Юма, то они заставят нас усомниться в историчности Наполеона. Смотрите его книгу: *Richard Whatley Historical Doubts Relative to Napoleon Bonaparte*; книга вышла в 1819 году.]

Если строго применить критерии Юма ко всему, то это значило бы лишить науку зрения. Восхвалять обыкновенное и позорить необыкновенное — это, действительно, не путь к научному прогрессу. Рассказывается об одном миссионере, который сказал друзьям, африканцам, что в его родной стране вода зимой настолько твердеет, что можно пройти по ней и даже проехать на повозке. Так как африканские уроженцы льда никогда не видали, то они покатывались со смеху от такой невероятной неправды. Конечно, они ошиблись потому, что лед на самом деле существует, но они пользовались критерием Юма.

Возражение Юма значительно слабеет, когда мы сознаем, что, как уже было сказано, законы природы не являются строгими рецептами того, как природа *должна* действовать, а описаниями того, как она *на самом деле* действует. Если какой-то новый факт противоречит нашему до этого последовательному опыту, то вместо того, чтобы отрицать этот факт, мы расширим наше научное понимание и станем искать какой-то новый закон

или новую силу, которая могла бы объяснить его. Когда Мария Склодовская-Кюри получила показание необыкновенно большой радиоактивности, исходящей из смоляной обманки, то она сделала то, что сделали бы большинство ученых. Она предположила, что какой-то новый радиоактивный элемент находится в смоляной обманке. Если бы она упорно придерживалась понятия, что имеется только два радиоактивных элемента, уран и торий, то радия у нас сегодня не было бы.

Бог хочет, чтобы мы, исследуя чудо, расширяли наше научное понимание. Он хочет, чтобы мы остановились и заметили необыкновенную сущность данного события и спросили, какую силу приходится предположить для того, чтобы объяснить происшедшее? Он хочет, чтобы в объяснении его мы обратились к сверхъестественному и превосходящему. Он хочет, чтобы мы воскликнули, как воскликнули волхвы фараона: "Это перст Божий!" (Ис. 8:19), или как воскликнули пять тысяч человек, которых Иисус накормил: "Это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир" (Иоан. 6:14).

Я считаю, что если материалист не принимает чуда, даже тогда, когда исторические доказательства его убедительны, то это потому, что он смотрит на него посредством своего собственного метафизического понятия. Если смотреть на чудо таким образом, то оно представляется голым чудом, изолированным необыкновенным случаем. Такой процесс восприятия несправедлив. Не поймешь чуда, взятого из своего контекста, в той самой мере, как и не поймешь кометы, оторванной от солнечной системы, в которой она движется.

Например, если посмотреть на какие-то изолированные обыкновенные исторические события, то Вы могли бы приписать им меру невозможности, которая исчезла бы, если бы Вы посмотрели на них в их контексте. *[Последовательный эмпирик, в сущности, не может иметь никакого "контекста" в отношении любой вещи, не так ли? Если процессы, происходящие в разуме, являются серией проходящих представлений чего-либо, то не может быть ни структуры, ни контекста для обыкновенного опыта.]* Если бы я сказал Вам, что правитель данного народа в определенный день преднамеренно поджег свою столицу и спалил все ее дворцы и произведения искусства, потом эвакуировал город, то Вам возможно было бы трудно этому поверить. Но именно это же сделал русский царь Александр I в 1812 году, когда Наполеон приступал к Москве. Как только вы узнаете обстоятельства, связанные с событием, и намерения участников, то невероятность события уменьшается. Таких невероятных событий в истории немало. [Смотрите отрывок, где обсуждается вопрос вероятности в Barzin and Graff *Modern Researcher*, стр. 151 — 160.]

Как я уже много раз подчеркивал, Агнос, вы будете несправедливы к мировоззрению, пока предварительно не предположите его правдоподобность для того, чтобы увидеть, представляет ли оно ясную картину на основании всех известных данных. Вы никогда правильно не оцените чудеса, пока не станете смотреть на них в контексте их полной системы. Чудеса Христа не имеют никакого значения, если Вы будете изучать их отдельно, то есть вне контекста библейских пророчеств о Христе, заявлений, сделанных Христом, характера и личности Христа. Несправедливо предвзято смотреть на данные, опасаясь, что они разобьют те очки, которые все равно будут разбиты этими данными.

Поэтому, Юм лишь доказал, что для теиста и деиста никакие показания не могут доказать чудо. Джон Стюарт Миль, который ни в коем случае не был другом христианства, ясно понял это в "Системе логики" (II, НО). Но разве это достойно освещения в печати? Вряд ли! Материалист толкует все данные в терминах материализма и интерпретирует всякие данные, которые, казалось бы, опровергают его материализм. Может ли материалист бросить материализм, посмотрев чудесам еврейско-христианской религии в лицо? Предполагаю, что может, но вероятно он этого не сделает, если его мировоззрение окажется не слишком гибким. По этой причине мне и нравятся уважительные агностики, такие как Вы, Агнос. Если Вы будете иметь гибкое мировоззрение, то я считаю, что смогу переубедить Вас.

С Юмом мы еще не кончили. Вернемся к нему в главе, где пишется о воскресении.

Г. Разные возражения

- 1) Одна излюбленная нынче позиция заключается в том, что Христос был необыкновенным исцелителем, действующим по принципу веры,

способным врачом-психотерапевтом. [John B. Noss, *Man's Religions* (New York: Macmillan, 1963), стр. 599. Носе называет такое представление Иисуса "минимальным представлением", к которому можно было бы еще добавить немало.] Многие из Его средств исцеления проявляют кажущееся сходство с современной психотерапией. Это понятие имеет то достоинство, что принимает многие из чудес Христа и объясняет их естественными путями, которые можно повторить и проверить с помощью современной психологии. Любой способный психотерапевт мог бы, в принципе, подражать Христовым методам исцеления. Дело в том, что почти все соглашаются с тем, что Христос, по всей вероятности, был самым притягательным, обаятельным психотерапевтом в истории.

Самая главная трудность этой теории в том, что она не может объяснить все чудеса Христа. Она объясняет только те чудеса, которые, как один фактор события, содержат в себе человеческие психологические элементы. Она даже не может объяснить все чудеса исцеления; она имеет трудность с излечением врожденной слепоты и проказы, с возвращением срезанных ушей и с исцелением высохших рук. Она особенно слаба в объяснении того, как Христос мог воскрешать людей.

Это понятие также не объясняет чудес Христа, связанных с природой, как то: успокоение бури, умножение хлебов, хождение по воде. Нужна вторая теория для объяснения всех чудес, оставленных без объяснения главной теорией, а ведь необходимость второй теории всегда ослабляет главную теорию. Эта вторая теория должна объяснить тот факт, что Евангелия приписывают Христу осуществление чудес природы, когда Он, по главной теории, исполнял только исцеления по принципу веры со стороны исцеляемого. Все это оставляет Христа в каком-то невыгодном свете, ибо Он интерпретировал Свои чудеса совершенно по-иному (смотрите, например, Марк. 2:9—10; Иоан. 14:11).

2) Другое излюбленное нынче уклонение заключается в том, что само существование нескольких религий мира с их утверждениями о чудесах опровергает состоятельность чудес христианства. Если бы они произошли, то подтвердили бы несколько противоречивых религиозных систем.

На самом деле, в других религиях, как кажется, столько чудес нет. В исламе их очень мало, как жаловался Святой Фома. В индуизме есть несколько, но они вряд ли составляют философскую основу для этой религии. В своем первоначальном виде буддизм и конфуцианство были столь гуманистичны, что чудо вызвало бы скандал. Буддизм, конфуцианство и даосизм — все три более подобны общественной и психологически-моральной системам, чем религиям. Во всех их чудесное явление выходит очень слабым.

Дело в том, что только в еврейско-христианской религии чудеса занимают очень важное место и предлагаются как убедительные доказательства всей системы. Это в особенности относится к делу воскресения. Если Христос не воскрес из мертвых, как утверждает Павел, то наша вера тщетна, мы еще в наших грехах; те, которые умерли во Христе, умерли без надежды, и мы — самые жалкие из всех людей в мире (1 Кор. гл. 15—19). Если отнять самое главное учение о воскресении Христа, то вся структура разрушится. Христианство — это метафизическое понятие в историческом виде; если опровергнешь это историческое событие, то уничтожишь саму религию.

Агнос, смысл возражения не дошел до сути дела, не так ли? Просто не опровергаешь библейские чудеса показанием, что религии мира переполнены чудесами (что, фактически, неправда) подобно тому, как и не доказываешь, что все бриллианты — подделки, показав, что есть и некоторые имитации. Логично спросить: которая группа чудес имеет самые лучшие доказательства, — как доказательства очевидцев, так и косвенные доказательства?

Д. Притча о светофорах

Вопрос о чудесах столь важен, Агнос, что я окончу главу притчей для того, чтобы разъяснить значение моего утверждения.

Давным-давно был король, который властвовал в своем маленьком царстве. Он управлял всеми светофорами столицы из комнаты в дворце, расположенной высоко на холме. Однажды, восхищаясь городом, он заметил, что на главной улице создается очень опасная ситуация: грузовик,

нагруженный динамитом, потерял управление по причине неработающих тормозов. Король знал, что спускающийся с горы грузовик столкнется с машинами, пересекающими его путь, в результате чего будет убито много людей. Он сразу же бросился к распределительному щиту и дернул специальный рычаг, который зажег зеленый свет на всех светофорах главной улицы. Грузовик прокатился до подножия холма, не ударив ни одной машины. Никакого взрыва не было, никто не был ранен и было спасено множество людей. Но для этого порядок был нарушен на короткое время.

Как раз в тот момент, когда король включил все зеленые фонари на главной улице, молодой человек, ведущий машину для доставки, был остановлен красным сигналом светофора. Этот случай задержал его настолько, что он не успел вовремя привезти нужные товары заказчикам. Когда он вернулся в магазин своей фирмы, то клиент уже позвонил заведующему магазином с жалобой. Заведующий был сердит:

— Что случилось? Почему ты вовремя не привез товары? У тебя было много времени.

— Я никак не мог попасть туда вовремя. Меня задержало какое-то странное явление. Красный свет на дороге не менялся на протяжении пяти минут.

— Нелепость! Продолжительность сигнала никогда не меняется. Каждый сигнал длится ровно минуту.

— Дело в том, что после первой минуты я стал отмечать, как долго горит красный свет; он горел более пяти минут.

— Слушай, парень, ты наверное выпил, что ли? Все знают, что в нашем городе светофоры не показывают одного света более минуты. Это правило города, вечная черта наших светофоров. Уже тысячи раз это было доказано тысячами людей.

— Но я засекал длительность красного света. Если желаешь, то можешь проверить мои часы или проверить, в пьяном ли я состоянии или нет, но то, что я увидел, — это же, действительно, увидел.

— А как же это может быть, чтобы красный свет горел более минуты? Что или кто мог бы вызвать такую нерегулярность?

— К тому же, — добавил заведующий, — если бы даже был человек, вызвавший такую нерегулярность, то для чего именно он это сделал бы? Никакой разумный человек не стал бы менять регулярность сигнализации. Такой поступок равносителен уголовному преступлению; он запутал бы людей и вызвал бы всякие проблемы.

— Я не знаю, но можно было бы спросить других и узнать, были ли они задержаны красным светом на протяжении пяти с лишним минут или нет. Может быть, это было какое-то общее явление. Можно было бы исследовать дело и увидеть, управляет ли где-то какой-то человек всеми светофорами и имел ли он какую-то определенную цель, когда заставил их так действовать?

— Глупости! Всякий, кто так скажет, — сумасшедший, каким и ты сейчас являешься. И тот, кто подобное говорит, просто старается обмануть тебя.

— Значит, ты даже не готов проверить случай и увидеть, можно ли подтвердить его или нет?

— Точно! Такой рассказ, по определению, невозможен. Я знаю, что ничего подобного этому не случилось!

Вот в этом нерадостном рассмотрении, дорогой Агнос, мы видим предвзятость материалиста и деиста. Первый отрицает Бога, совершающего чудеса; второй признает существование Бога, но отрицает цель чудес. Оба предполагают определенное метафизическое положение; оба предполагают, что они знают все, что можно знать о городе. Первый не идет за пределами этого знания (материализм); второй предполагает, что все же есть какой-то король, управляющий городом, но также второй утверждает, что он знает намерения короля (деизм).

Если бы я был королем того города, то безусловно задержал бы регулярность сигнализации светофоров для того, чтобы спасти людей и позволить всем скептикам выразить свою жалобу. Дело в том, что когда этот случай после нескольких недель был приведен в суд на рассмотрение, то молодой человек, который вез товары, собрал большую группу свидетелей, которые засвидетельствовали, что красный свет также задержал их на весьма долгое время. Это приводит нас к следующей главе, в которой представляются исторические доказательства чудес.

12. В защиту христианских чудес

Если я правильно рассуждал в предыдущей главе, Агнос, то честный человек не станет отрицать чудес христианства, пока сам не покажет, что исторических доказательств для них недостаточно. Пока еще не нашлось ни философских, ни исторических возражений, которые освободили бы его от такой обязанности. В десятой главе мы уже отметили, что есть немало доказательств из археологии и других дисциплин, подтверждающих вескость исторической точности Нового Завета. В этой главе мы более внимательно посмотрим на чудеса Христа с той целью, чтобы показать их превосходство над другими чудесами в истории.

А. Чудеса Иисуса Христа

Поскольку мы ограничены объемом данной работы, то нам будет достаточно сосредоточиться на чудесах Иисуса Христа. Мы на время можем забыть о других библейских чудесах. Если Христос совершал чудеса и воскрес из мертвых, то Он, действительно, является Божьим Сыном (Рим. 1:4). И ввиду того, что Он подтвердил Ветхий Завет в отношении прошлого (Лук. 24:44) и Новый Завет в отношении будущего (Иоан. 14:26), то Своей божественной персоной Он объединяет всю Библию в один аккуратный апологетический пакет. Если мы сможем прорвать оборону материалиста, то весь его фронт тут же и развалится. Если чудеса и воскресение Христа установлены, то и библейское откровение в его целостности подтверждено, потому что Иисус Христос является Сыном того же самого Бога, Который говорил и действовал, начиная Бытием и кончая Откровением Иоанна Богослова. В чем, тогда, заключаются главные черты Его чудес, приковывающих внимание логично мыслящих людей?

1) Количество чудес Христа достаточно. В четырех Евангелиях Матфея, Марка, Луки и Иоанна записаны, вместе взятые, тридцать пять чудес (или тридцать восемь согласно тому, как их подсчитываешь). Большинство этих чудес появляется в двух или трех Евангелиях. Самое публичное чудо, — кормление пяти тысяч человек, — появляется во всех четырех Евангелиях. К тому же, в каждом Евангелии говорится, что Христос совершал многие другие чудеса, о которых автор решил не упоминать (Матф. 4:23; Марк. 6:56; Лук. 6:19; Иоан. 20:30). Если бы Он совершил одно или пару чудес при определенных условиях и в присутствии выбранных наблюдателей, то мы, по всей вероятности, не считали бы, что было совершено достаточно чудес для того, чтобы назвать Его Вестником от Бога.

2) Христос совершал чудеса без особой трудности, церемоний или хвастовства. Когда дело касается лжепророков и лжечудотворцев, то у них заметна явная напряженность в осуществлении чуда. Чтобы создать соответствующий эффект, необходимы большая церемония и махание руками. Однако, в большинстве Христовых чудес воздействие немедленно следует за простым словом или жестом. Стоит отметить, что слово "дела" (по-гречески: *egra*), как бы показывает, что Его чудеса являются естественным и необходимым результатом Его жизни. "Дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют обо Мне" (Иоан. 10:25).

3) Чудеса Христа пользовались необыкновенно широкой известностью. Павел сказал Фесту, что факты, связанные с жизнью Христа, не в углу происходили (Деян. 26:26). В некотором смысле они, действительно, происходили в углу, — в одном из самых известных углов мира: в восточной части Средиземного моря, которая на протяжении трех тысяч лет служила центром нескольких больших цивилизаций. Палестина находилась как раз на перекрестке мировых путей. Богу было бы трудно выбрать более густо населенное место для осуществления Воплощения. Если бы карьера Христа состоялась в Исландии или Ирландии или на окраинах Римской империи, то мы имели бы проблему с гласностью о Христе. Но с Палестиной такой проблемы нет.

Мы находим, что в Палестине Иисус не ставил Своего светильника под сосуд. Он совершал чудеса в гуще событий, в городах, переполненных

людьми, на людных улицах, на набережных, возле рынков. Он постоянно беседовал со многими в иерусалимском храме и возле него. Вокруг Христа собирались толпы, доходя в количестве до четырех и пяти тысяч человек. Он не совершал чудеса в одном месте или в определенной точке, где Его ученики могли бы, по надобности, управлять событиями. Его чудеса действительно могли произойти в любом месте (например, смотрите следующие места, где говорится о "великом множестве народа" и о "больших городах", которые видели Его чудеса: Матф. 15:30—31; 19:1—2; Марк. 1:32—34; 6:53—56; Лук. 6:17—19).

В противоположность этому, небольшое количество чудес, связанных с Магометом, произошло в его частной жизни. Пророк рассказывает, как Гавриил посещал его ночью, как Коран, отдельными отрывками с начала до конца, передавался ему с неба. Но кто присутствовал там же, чтобы доказать или подтвердить его свидетельство? Ни друг не мог подтвердить его сообщение, ни противник не мог отрицать его.

4) Чудеса Христа проявляют такое разнообразие, которого мы и ожидали бы от божественного посредника. Если кто-то объявляет себя божественной личностью, то я ожидал бы, что Он проявит силу и власть Творца над Своим творением (Ев. 1:3; Иоан. 1:3; Кол. 1:16). Для того чтобы убедиться в Его роли, как Творца, я потребовал бы от Него исполнения различных чудес. Лжеспасители иногда проявляют ограниченную силу над определенной частью реальности (например, как в психотерапии), но Христос проявил силу над всеми аспектами творения.

а) Он часто проявлял силу всезнания и проницательности, когда предугадывал злые помыслы противников (Марк. 2:8), или когда Он заранее знал Нафанаила, сидящего под смоковницей (Иоан. 1:8), или когда Он рассказал самарянке о ее прежней супружеской жизни (Иоан. 4:17—18).

б) В семнадцати записанных чудесах Христос показал полный контроль над различными физическими заболеваниями: параличом, проказой, лихорадкой, слепотой, глухотой, немотой, кровотечением, хромотой, высохшими руками и ногами, водянкой и резаными ранами.

в) Более того, Христос проявил силу над самым большим врагом — смертью. Он воскресил из мертвых, по крайней мере, трех людей: дочь Иаира в Капернауме (Матф. 9:18—26), сына вдовы в Наине (Лук. 7:11 —15), и Своего друга, Лазаря, в Вифании (Иоан. гл. 11). Дочь только что умерла, сын уже лежал на одре, а Лазарь пролежал уже четыре дня в гробу.

г) Христос также имел силу над природой. Он мог успокоить бурю, заставить дерево высохнуть, сделать сотни литров вина, заставить рыбу заплыть в сети, идти по воде и умножить количество пищи. Природа, разум, тело — ничто из этого не могло противиться Его силе. В истории было немало утверждаемых чудотворцев, но ни один из них не приблизился ко Христу способностью полного контроля над всеми аспектами творения. [Из тридцати пяти записанных чудес Христа семнадцать относятся к телесному исцелению, девять относятся к природе, шесть — к исцелению бесноватых и три — к воскрешению умершего. Чтобы познакомиться с официальным списком Его чудес, смотрите в любой библейский справочник или словарь, как например: *Halley's Bible Handbook* ("Библейский справочник Геллея"), 21st edition, 1957, стр. 416—417. Полный список библейских чудес помещен в конце исправленного перевода (RSV) Библии, изданной фирмой "Нелсон".]

5) Чудеса Христа последовательны. Я имею в виду то, что качество описываемой нами силы Христа не менялось на протяжении трех лет Его служения и в пределах достаточно широкого региона. Иисус совершал чудеса в различные времена и в различных местах. Дать им какое-то естественное объяснение — невозможно. Где бы только Он ни был, и в какое бы время Он ни совершал чудо, оно всегда происходило, благодаря одной и той же силе. Он совершал чудеса в Галилее, Самарии, Иудее, Капернауме, Иерусалиме, Иерихоне, Кане и Наине. Он совершал их летом, зимой, весной, осенью, утром, вечером и ночью. Он иногда совершал их в нееврейских регионах (Матф. 7:24—30) и ради язычников (Иоан. 4:46—53), поэтому никто не мог сказать, что только Его соотечественники веровали в Него.

6) Христос совершал чудеса из альтруизма. Его чудеса, в большинстве своем, были вспомогательны, благотворительны, восстановительны, целительны и лечебны. Он редко использовал чудеса в Своих интересах. Нигде в Евангелиях мы не видим, что Иисус был склонен использовать Свою громадную силу для того, чтобы уничтожить врагов или наказать нарушителей Божьей воли. Когда Петр пытался остановить арест Христа в Гефсиманском саду, отсекая ухо Малху (слуге первосвященника), то Иисус упрекнул его, сказав: "Возврати меч твой в его место... или думаешь, что Я

не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?" (Матф. 26:52—53). Когда Иаков и Иоанн хотели уничтожить деревню огнем, Иисус укорил их (Лук. 9:54). Когда сатана искушал Иисуса, то Спаситель отказался от его предложения превратить камни в хлеб, чтобы утолить Свой голод (Матф. 4:4).

Когда чудо происходит, можно спросить: пришло ли оно от Бога или от сатаны? Чудеса указывают на сверхъестественное, но сверхъестественное разделяется на две части: на божественное и сатанинское. Чудо само по себе не доказывает, что выраженная доктрина верна, или что миссия исполнителя чуда божественна. Оно доказывает, что исполнитель пользуется правом быть услышанным. Мы знаем, что он или сошел с неба, или вышел из ада. В некоторых местах Библия дает понять, что и лжепророки могут совершать чудеса (например: Втор. 13:1—3; 2 Фес. 2:9; Откр. 13:13—14).

Иисус дал нам еще одну меру оценки, когда выразил предупреждение о лжепророках: "По плодам их узнаете их" (Матф. 7:16). Чудеса Христа всегда достойны уважения. Кто-то написал: "В жизни Он идет как воплощенное благодеяние, способствуя здоровью и счастью". [Andrew Pairbairn *The Philosophy of the Christian Religion* (New York: Macmillan, 1902), стр. 336.] Его чудеса показывают, что Он враг заболеванию, телесному несовершенству и страданию, и что Он управляет природой и выступает против сатаны и его слуг. Нет другой группы чудес, которую можно было бы сравнить с альтруизмом Христовых чудес. Исследовав их, мы можем понять глубокую обиду Иисуса, когда иудеи пытались побить Его камнями: "Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?" (Иоан. 10:32).

Более того, добродетельный характер чудес Христа соответствует содержанию Его этического учения. Мы требуем таких милосердных и полезных дел от Того, Кто учит, что главной моральной обязанностью является милосердие. Если бы жестокий человек, такой как Нерон или Гитлер, совершал чудеса на протяжении трех лет, то это расстраивало бы меня; если бы святой человек, как Франциск Ассизский, не мог совершать чудеса, то это, вероятно, вызвало бы у меня жалость к нему. Но заметьте, пожалуйста, что Тому, Кто претендовал на столь многое и преподавал такие высокие этические принципы, было естественно пользоваться одновременно и весьма большой силой. Если определить Бога, как Личность, объединяющую в Себе силу и доброту, то чудеса Иисуса Христа безусловно показывают Его Божественным.

7) Чудеса Христа серьезны, сдержанны и консервативны. Они целомудренны, разумны и обладают большим достоинством. Они никогда не гротескны, не ребячливы, не эгоистичны, в них отсутствует всякое дилетантство. В них отсутствуют черты, заметные в палатке фокусника. Нет ни карточных трюков, ни ковров-самолетов, ни Аладдиновых ламп, ни джиннов, появившихся из бутылок. Можно сказать, что Его чудеса чудодейственны, но не фантастичны. Они не принадлежат к сфере весьма странных или жутких явлений; они не страшат нас, как черная магия или колдовство. Его чудеса как будто связаны с природными процессами. Они осуществляют события, которые действительно происходят в природе (например, создание вина). Христос, быть может, ускорял их, или заставлял их происходить 'каким-то необыкновенным образом. В отличие от мифических чудес, чудеса Христовы не проявляют какого-то болезненного, капризного или ребяческого характера. Например, утверждается, что какой-то маг повесил пальто на солнечный луч. По сравнению с этим, чудеса Христовы прозаичны.

Это тем более видно, когда сравниваешь чудеса Христа с чудесами, приписанными Ему в апокрифических Евангелиях, написанных после первого столетия н. э., когда религиозное воображение некоторых христиан измышляло разные вещи о жизни Христа. В этих произведениях говорится, что, будучи мальчиком, Христос способствовал внезапному увеличению раковины улитки, лежащей на берегу Галилейского моря, до размера горы Фавор, а потом Он снова внезапно вернул ее к первоначальному размеру; — что Он произвел особое впечатление на друзей, когда заставил шесть птиц продекламировать Ветхий Завет на шести языках; — что Он создал глиняных птиц и заставил их летать; — что в порыве гнева Он превратил друзей в камни и животных. [Смотрите Wilbur M. Smith *The Supernaturalness of Christ: Can We Still Believe in It?* (Boston: Wilde, 1941); Grand Rapids: Baker), стр. 115—116; F. F. Bruce, *Jesus and Christian Origins Outside the New Testament* (Grand Rapids: Eerdmans, 1974), стр. 86 и дальше.]

Ничего такого ребяческого не случилось в отношении канонических чудес, записанных в четырех Евангелиях. Я оцениваю новозаветные чудеса каноническими не только потому, что они происходят в канонических Евангелиях, но также потому, что они соответствуют правилам трезвости.

8) В конечном счете, для чудес Христа имеется достаточно подтверждений от компетентных свидетелей, которые увидели их, когда они были исполнены, и на основании косвенных показаний, относящихся к тому времени, когда чудеса совершались, и после этого.

а) Мы имеем свидетельства тех, кто ощущал благотворные последствия чудес, особенно тех, кто был исцелен от заболевания. В некоторых случаях исцеленный, где бы только он ни был, рассказывал другим о происшедшем чуде, даже после того, как Христос просил его этого не делать (Марк. 1:45). В других случаях Христос поощрял исцеленного рассказать другим о своем исцелении, как в случае гадаринского бесноватого (Марк. 5:19). Что касается других знаменательных случаев, обратите внимание на исцеление слепого в девятой главе Евангелия от Иоанна, самарийского прокаженного (Лук. 17:11—19), немощного в Иерусалиме (Иоан. 5:11) и на кормление толп до четырех и пяти тысяч человек (Матф. 15:38; Иоан. 6:14).

б) Мы имеем свидетельства наблюдателей, которые сами не ощущали последствий чудес, но видели, как они совершались. Некоторые места в Евангелиях говорят об удивлении и изумлении толп, увидевших чудеса (Матф. 15:30—31; Марк. 2:12; Лук. 4:36; 9:43). Такие реакции были типичны: "Никогда ничего такого мы не видели", "это истинно тот Пророк, Которому должно прийти в мир!". "Когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил"?

в) Мы даже имеем свидетельства непослушных и скептических людей, хотя их свидетельства часто имеют косвенное значение. Иоанн сообщает, что многие иудейские начальники веровали в Иисуса, но из боязни перед другими Его не исповедовали (Иоан. 12:42). Иерусалимские книжники косвенным образом засвидетельствовали о силе Христа в изгнании бесов, обвинив Его в том, что Он "имеет в Себе веельзевула и что изгоняет бесов силою бесовскою князя" (Марк. 3:22).

г) Косвенные доказательства Христовых чудес выходят из сложного образа того, как чудеса связаны с целым повествованием Евангелия. В историческом повествовании каждый отдельный факт входит в общий состав истины; если отнимаешь один факт, то нарушаешь целый состав истины. Наоборот, если желаешь сочинить какую-то историю, то нужно наплести целую паутину событий, чтобы подтвердить данное неверное утверждение. Пословица говорит: "Лжец должен иметь длинную память". Когда кто-то говорит неправду, то мы такому говорим: "Скажи еще одну неправду, чтобы подкрепить первую". Припомним слова: "Какую спутанную паутину мы плетем, когда впервые начинаем обманывать других".

Дело просто в том, что если выбросить чудеса из Евангелий, оставив только "естественный" материал, то спутываешь все повествование. Жизнь Христа так тесно связана с чудесами, что если кто и опровергнет возможность чудес, то этим он также уничтожит все, предшествовавшее и следовавшее за ними. Этим нарушится правило последовательности.

Например, некоторые из самых длинных бесед в Евангелии от Иоанна произошли после знаменательного чуда (гл. 5—6). Если чудо не произошло, то вся беседа также была выдумана. Когда фарисеи обвинили Христа в изгнании бесов силою веельзевула, то это значит, что нечто необыкновенное должно было случиться для того, чтобы они могли выдвинуть такую радикальную гипотезу объяснения. Когда ученики Иоанна Крестителя пришли спросить у Христа, является ли Он настоящим Мессией, то Христос сказал им посмотреть на Его чудеса (Лук. 7:22). Если чудеса не произошли, то вся история остается неправдоподобным событием. Если отрицаешь, что Иисус воскресил Лазаря, то не можешь объяснить, почему иудейские начальники с того момента задумали убить Его. [Случай с Лазарем так сильно поражает нас, что даже французский скептик, Эрнст Ренан, в произведении *Vie de Jesus* должен был признать, что "нечто" случилось при воскрешении Лазаря, а это было или настоящим чудом, или событием, принятым людьми как чудо.] Мы, буквально, могли бы указать на дюжины подобных примеров в Евангелиях. Если кто отрицает чудесный элемент в жизни Христа, то ему надо отрицать все повествование, стать агностиком и признать, что мы мало или ничего не знаем об Иисусе из Назарета.

Другой аспект косвенных доказательств Христовых чудес находится в остальной части Нового Завета. Если даже датировать Евангелия позднейшей датой (кстати, этого делать не следует), то мы все еще имеем доказательства в книге Деяния апостолов и посланиях (Деян. 2:22; Рим. 1:4). Христос поручил апостолам совершать чудеса в подтверждение их миссии (Матф. 2:43; Гал. 3:5; Евр. 2:3—4). Павел сказал коринфянам, что признаками истинного апостола являются "знамения, чудеса и силы" (2 Кор. 12:12). Весьма невероятно, чтобы Христос ожидал от Своих

представителей осуществления таких доказательств, которых Он Сам не исполнял.

В конечном счете, есть и утверждение молчания, которое никогда не является окончательным, но на которое всегда нужно обращать внимание. Нет никаких первостолетних доказательств, опровергающих чудеса Христа. Обыкновенно можно найти разоблачение утверждаемых чудотворцев, а если не разоблачение, то, по крайней мере, разъяснение их чудес. Но никаких разъяснений Христовых чудес нет кроме того, как в иудейском Талмуде, где Его чудеса объясняются магией и использованными Им таинственными формулами, выкраденными из храма. Некоторые позднейшие противники христианской веры (Цельс, Гераклит, Юлиан Отступник) признали, что когда Христос служил народу, то совершал чудеса.

Б. Критика гипотезы о мифических началах Христа и христианства

Агнос, хорошо тут же проанализировать гипотезу о мифических началах Христа и христианства. Мы несколько раз будем встречаться с ней в следующих главах. Нам надо будет обсудить ее — не потому, что это есть общее желание богословов (ибо это не так), но потому, что она является излюбленной гипотезой несерьезно мыслящих неверующих. Эта теория появляется в разных версиях, но все они проявляют семейное сходство.

Согласно официальной коммунистической позиции, Иисус Христос является мифической личностью, — выдумкой христиан. Люди, в большинстве своем, не идут так далеко в своих утверждениях, но многие все-таки считают, что большая часть Его жизни, особенно ее чудотворный элемент, была добавлена Церковью. Эта идея была очень популярна в прошлом веке, хотя доказательства ее даже и в то время были очень слабы. Есть различные линии доказательства, свидетельствующие против этой гипотезы.

1) В изображении Христа эта теория полагается на процесс эволюции, который был бы просто невозможным, если иметь в виду требуемый теорией промежуток времени. Пока критика считали, что Новый Завет писался на протяжении второго и третьего веков, вместо первого, то была причина держаться такого взгляда. В прошлом веке большинство критиков датировали синоптические Евангелия (т. е. Евангелия Матфея, Марка и Луки) довольно поздним 240-ым годом н. э. Такие датировки были опровергнуты археологическими находками, особенно ранее упомянутым нами фрагментом Евангелия от Иоанна имени Джона Риландса. В 1955 году Уильям Ф. Олбрайт написал:

"Мы уже с уверенностью можем сказать, что нет состоятельного основания, чтобы отнести любую книгу Нового Завета к более позднему времени, чем 80-ый год н. э., то есть ко времени, относящемуся к двум полным поколениям, существовавшим еще перед 130-м и 150-м гг., — ко времени, которое предлагается сегодняшними более радикальными критиками Нового Завета". [William F. Albright, *Recent Discoveries in Biblical Lands* (New York: Funk and Wagnalls, 1955), стр. 136.]

Если весь Новый Завет был написан в первом столетии, то не хватило бы времени переменить скромного галилейского Пророка, Который вначале никаких заявлений не делал и никаких чудес не совершал, в богословского Христа, Который позднее совершал и то и другое. Хотя это верно, что "набожное воображение" не раз искажало истину о религиозных вождях, это ничего конкретного не доказывает относительно Христа, если данный промежуток времени этого не позволяет. В посланиях Павла мы уже видим, что пишется о полностью развитом богословском Христе, а ведь послания Павла были написаны приблизительно между 51-ым и 62-м гг. н. э. Нигде в Новом Завете не появляется тот скромный Пророк, Которого представляют критики. Если христиане, поддающиеся воображению, превратили скромного Иисуса в богословского Христа, то они это сделали во втором десятилетии после Его смерти и как раз под носом первоначальных очевидцев, т. е. друзей и врагов, которые знали, что лучше этого не делать. Почему никто из очевидцев не выступил с опровержением такой "ложной трактовки"?

2) Если христиане выдумали и развили рассказы о чудесах, то почему чудеса не были приписаны Иоанну Крестителю? Если массы были склонны измышлять чудеса, когда их в сущности не было, и если они были склонны приписывать чудеса всем своим пророкам и святым героям, то почему не Иоанну Крестителю? Ведь Его прототип, Илия, совершал чудеса.

3) Дальше, если Церковь выдумала чудеса Христа, то почему ее члены не приписали Ему ни одного чуда в период, предшествовавший Его публичному служению, которое началось при Его тридцатилетнем возрасте? Если все повествование объясняется деятельностью творческого воображения, то почему остался этот пропуск? Почему не выдумать какие-нибудь чудесные рассказы о Его поисках любви. Прихоть и воображение так удобно не контролируются.

4) Еще одна черта евангельских повествований, не соответствующая утверждениям гипотезы о мифических началах, заключается в том, что библейские авторы часто вспоминают и указывают на свои личные недостатки, слабости, невежество, поверхностность, наивность. Казалось бы, что они не очень-то старались сохранить свою репутацию. Иисус упрекал их за гордость, бесчувственность и невежество (Марк. 8:33; 10:14; Матф. 15:16). Без всякого извинения в Евангелиях описывается возникший спор между учениками Христа о том, кто из них станет самым важным в грядущем Царстве Божьем (Марк. 9:33—37). Мать Иакова и Иоанна выразила желание, чтобы ее двум сыновьям были даны самые высокие места (Матф. 20:20—21). В каждом из четырех Евангелий рассказывается о трусливом отречении Петра, этого "камня", т. е. самого главного апостола, который немного позже проводил евангелизацию среди еврейского народа (Гал. 2:8). Все четыре автора рассказывают о том, как вся группа апостолов отреклась от Христа при Его судебном процессе и оставила обязанность погребения Его женщинам и посторонним людям — Иосифу и Никодиму.

Все это звучит совсем правдоподобным. Люди вообще не выдумывают случаев, которые дискредитируют их, показывают их неразумными, лживыми или трусливыми. Также, группы обыкновенно не измышляют таких рассказов о своих основателях и вождях. Когда находишь такие элементы в рассказе, то они создают сильное впечатление о правдоподобности его.

13. Утверждения Иисуса Христа

Я только что признал, Агнос, что чудеса сами по себе, по всей вероятности, не убедят человека принять христианство. Современные скептики не отличаются от людей, живших в дни Иисуса, которые хотя и увидели многие чудеса, поставили вопрос: "Какою властью Ты это делаешь? И кто Тебе дал такую власть?" (Матф. 21:23). Чудеса заставляют человека прийти к определенному выводу относительно того, кто совершает чудо. Если бы Христос не делал никакого заявления о Себе, то многие все еще спрашивали бы: "Кого он представляет? — Бога или сатану?"

Однако, дело в том, что Христос *действительно* выражал утверждения о Себе, — весьма специфичные утверждения. Его заявления сделали Его уникальным среди религиозных руководителей мира. Бытует неверная теория, что многие исторические личности делали подобные утверждения о своей божественности, но это неправда. Кроме Иисуса Христа, такие утверждения весьма редки. Они настолько редки, что являются достаточным подтверждением ненормального состояния того, кто делает подобные утверждения. Моисей не утверждал, что Он — Иегова; Сократ не утверждал, что Он — Зевс; Зороастр не утверждал, что Он — Ахурамазда; Магомет не утверждал, что Он — Аллах; Будда не утверждал, что Он — Брахма. Только Христос утверждал, что Он и Бог, пославший Его, — Одно (Иоан. 10:30). Наше знакомство с утверждениями Христа притупило наше восприятие их удивительных качеств.

Утверждения Христа настолько разнообразны и тонки, что надо разделить анализ на три части: прямые утверждения, косвенные утверждения и косвенные доказательства утверждений.

А. Прямые утверждения

1) Первое, что следует отметить о Христе, — это то, что Его утверждения обыкновенно сосредоточиваются на Его личности, а не на Его учении. Говоря откровенно, Он всегда говорил о Себе! Другие религиозные учителя говорят о себе только косвенно; они прячутся за своим учением.

Они говорят: "Вот это Истина, Путь, как я понимаю их" (Будда), или: "Вот это Истина, как Бог мне открыл ее" (Магомет). Значит, они говорят: "Истина — это самое важное; любите абстрактную Истину; я — ничто".

А Христос сказал: "*Я* есмь путь, истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через *Меня*" (Иоан. 14:6). Вместо того, чтобы предлагать ответы на жизненные проблемы, Христос утверждал, что Он Сам является ответом на них: "Придите ко *Мне*, все труждающиеся и обремененные, и *Я* успокою вас" (Матф. 11:28). Он не предлагал какого-то абстрактного кодекса поведения или философии, которые могли бы помогать людям в неуверенностях жизни; Он предлагал Самого Себя: "Се, *Я* с вами во все дни до скончания века" (Матф. 28:20).

Это необычное самосознание тонким образом проявляется в известных утверждениях, начинающихся словами: "Я есмь..."; они находятся во всех частях Евангелий. Те, кто читает Евангелие в переводе, не замечают этой тонкости, потому что нелегко перевести эти слова на другой язык. Греческое местоимение "*эго*" ("я") обыкновенно не ставится в предложении кроме случая подчеркивания особой мысли. Это потому, что в греческом предложении местоимение подразумевается и видно в определенной форме глагола. Самый лучший перевод, который мы могли бы дать на русском языке, — это выделить слово "эго" ("я") курсивом. Перелистывая греческую Симфонию, замечаешь, как часто в утверждениях о Себе Иисус пользуется превосходным термином "эго".

Ввиду того, что личности Христа придается такое крупное значение, никак нельзя отделить Его утверждений от Его учения. Многие хотели бы отделить наставления Христа, которые нравятся им, от Его смелых утверждений о Себе, которые им не нравятся. В речи, прочитанной в день Рождества Христова в 1931 году в Лондоне, Англия, выдающийся руководитель индусов, Махатма Ганди, сказал собравшимся:

"Я могу сказать, что я никогда не был заинтересован историческим Иисусом. Меня не беспокоило бы, если бы кто-то доказал, что человека, названного "Иисус", никогда не было в живых, и что написанное в Евангелиях всего лишь выдумка одного автора, ибо даже тогда Нагорная проповедь оставалась бы для меня правдивой".

Ясно, что Ганди не прочитал Нагорную проповедь внимательно, потому что Иисус сказал, что мы должны принять *Его Самого*, также как и Его учение. Например, Он не просто сказал: "Блаженны вы, когда будут поносить вас"; Он сказал: "Блаженны вы, когда будут поносить вас *за Меня*" (Матф. 5:11). Он не сказал только: "Отвергнись себя", но добавил: "и возьми крест свой *и последуй за Мною*" (Матф. 16:24). Он не просто сказал: "Кто потеряет душу свою", но "кто потеряет душу свою *ради Меня*" (Марк. 8:35). Эти выражения: "за Меня", "ради Меня", и "последует за Мною" коренным образом меняют значение Его утверждений. Невозможно отделить Иисуса, как Личность, от Его утверждений и оставить их в каком-то неизменном значении, как Ганди и другие хотели бы сделать.

Утверждения Иисуса показывают, что Он не был обыкновенным учителем. Возможно отделить обыкновенное учение от учителя, и верность или неверность учения не зависит от его преподавателя. Например, пифагорова теорема была бы верной, если бы ее открыл даже и Эвклид. Сотни французских философов могли бы высказать: "*Cogito ergo sum*", и это утверждение осталось бы действенным. То, что высказал его Рене Декарт, не препятствует тому, что утверждение является общей истиной. Но утверждения Иисуса носят совершенно иное значение: они не являются только "разумны — • ми заявлениями", которые остаются достоверными независимо от Самого Христа. Они достоверны потому, что Христос является Истиной.

Перед тем, как знаменитый Будда умер, его ученики спросили его, как им лучше вспоминать его? Он ответил: "Неважно, будете ли вы вспоминать меня или нет; вспоминайте мои наставления. Вспоминайте указанный Путь и Истину. Исполняйте требования Пути, и просвещение и свобода станут вашими". Будда считал, что человек может понять Его истину, не зная ничего о том, кто открыл ее. Сравните это с Иисусом Христом, Который покинул землю, дав Своим ученикам повеление евангелизировать мир во имя Его и оставив им определенную Вечерю Господню в Его память с обещанием, что Он пребудет с ними до скончания века.

2) Иисус утверждал, что Он имеет уникальное отношение к Богу. Он не просто *один* Сын Божий *среди многих*, а *единственный* Сын Божий, т. е. Он — уникальный, ни с кем несравнимый Сын Божий. Это, прежде всего, видно в употреблении слова "Отец". В Евангелиях Христос более ста раз

называет Бога Отцом, но Он всегда говорил об "Отце Моем", "Отце" или об "Отце вашем". Всего лишь раз Он использовал выражение "Отче наш" и это произошло тогда, когда Он наставлял учеников о том, как молиться (Матф. 6:9). В одном случае, записанном в Евангелии от Иоанна 20:17, Он без особого труда мог бы использовать выражение "Отче наш", однако, Он видимо нарочно его не избрал. Дело относится к тому случаю, когда Марии Магдалине Он сказал: "Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему".

Его особое отношение с Богом еще яснее подтверждается тем, что Он пользовался арамейским словом "*Авва*" (Марк. 14:36). "Авва" — это совсем личный, интимный термин в отношении к Богу, который более или менее переводится на русский словом "папа". В самом деле, всякий перевод этого слова на другой язык слабават. Насколько нам известно, раньше в иудаизме это слово никогда не употреблялось в отношении к Богу. Проявить такую фамильярность в отношении к Богу, безусловно считалось почти богохульственным. Но дело в том, что Иисус как раз и пользовался этим словом, и апостол Павел некоторое время спустя рекомендовал его христианам (Рим. 8:15; Гал. 4:6). [Для полного обсуждения важности термина "Авва" смотрите J. Jeremias, *The Central Message of the New Testament* (New York: Scribner, 1965), стр. 29 и дальше.]

Быть может, самое удивительное утверждение, высказанное Иисусом, мы находим в Евангелии от Матфея 11:27 (см. также Ев. Луки 10:22): "Все предано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто кроме Сына, и кому Сын хочет открыть" (Матф. 11:27). Этими словами Иисус ясным образом утверждает, что Он ни с кем не разделяет сыновнего отношения с Богом. Как раз после этого (в стихе 28-ом) Он приглашает изнемогших прийти к Нему и получить покой, взять на себя Его иго и научиться от Него. Нет другого изречения Иисуса, которое беспокоит критиков более, чем это изречение. Еврейский ученый, С. Г. Монтефиоре, выразил надежду, что ученые сумеют доказать ложность этого утверждения, потому что доказательство его достоверности содействует ортодоксальному христианству! [Смотрите А. М. Hunter *The Work and Words of Jesus*, rev. ed. (Philadelphia: Westminster Press, 1973), стр. 106.]

Иисус утверждал, что Он столь близок с Богом, что может побудить Отца принять определенные меры. В Евангелии от Иоанна 14:23 Он говорит: "Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, и Отец Мой возлюбит Его и мы придем к Нему и обитель у Него сотворим". Христос утверждал, что Он является истинным посредником, истинным представителем и истинным наместником Бога. Увидеть Его означает увидеть Бога (Иоан. 14:9); услышать Его означает услышать Бога (Иоан. 14:24); исповедать Его означает исповедать Бога (Матф. 10:32); отвергнуться Его означает отвергнуться Бога (Лук. 10:16); чтить Его означает чтить Бога (Иоан. 5:23).

Иисус утверждал, что Он говорит Божьи слова. Закончив Нагорную проповедь, Он сказал, что всякий, следующий Его учению, подобен человеку, построившему дом на камне тогда, как всякий, не следующий Его учению, подобен человеку, построившему дом на песке (Матф. 7:24—28; Лук. 6:47—49). Он похвалил Марию за то, что она обратила внимание на Его упрек Марфе за домашнюю работу (Лук. 10:41). Он придавал Своим словам то самое значение, которое носят вечные слова Бога, когда сказал: "Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут" (Марк. 13:31).

Самое ясное утверждение Христа о Себе дается в Евангелии от Иоанна, в восьмой главе. Три раза Он деликатно пользуется выражением "*ego eimi*" (то есть "Я есмь"), этим утверждая, что и Ему принадлежит то великое, никому не передаваемое название Иеговы: "Я есмь". "Если не уверуете, что это Я (буквально: "что Я есмь"), то умрете во грехах ваших (стих 24). "Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я" (буквально: "что Я есмь" — стих 28). Когда Иисус заявил, что "Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой, и увидел и возрадовался", то иудеи ответили: "Тебе нет еще пятидесяти лет, и Ты видел Авраама?". Иисус говорит: "Истинно, истинно говорю вам, прежде нежели был Авраам, Я есмь" (стихи 56—58). Вы можете проверить разные ветхозаветные места (например: Исход. 3:14; Втор. 32:39; Ис. 43:10), чтобы увидеть, что Иисус утверждал, что Он и Иегова — одно. Иудеям было вполне ясно, о чем Он говорил; по этой причине они тут же сделали попытку побить Его камнями (стих 59). Побить человека камнями — это было соответствующее наказание, требуемое законом за богохульство (Лев. 24:16).

3) Иисус утверждал, что Его пришествие и миссия были уникальным событием, происшедшим в критический момент, и завершительным по Божьему плану. Он начал Свое служение в Галилее поражающим объявлением: "Исполнилось время, и приблизилось Царствие

Божие; покаяйтесь и веруйте в Евангелие" (Марк. 1:15). Он сказал тем, кто слушал Его, что открылась новая эпоха в отношении Бога к человеческому роду. "Закон и пророки — до Иоанна, с сего времени Царствие Божие благовестуется" (Лук. 16:16). Он связал Свои чудеса с пришествием Царства: "Если Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие" (Лук. 11:20). Его новая весть была тем "молодым вином", которое должно было прорвать "старые мехи" иудаизма (Матф. 9:17).

Иисус постоянно подчеркивал важность Своего служения в истории мира. Настал "решительный час" для израильского народа; древний народ, с которым Бог вступил в завет, пришел к перекрестку в отношении вопроса о спасении. "Блаженны очи, видящие то, что вы видите; ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали" (Лук. 10:23). Он был больше всех, предшествовавших Ему: Он больше Соломона (Матф. 12:42; Лук. 11:31), больше Ионы (Матф. 12:41), даже больше храма (Матф. 12:6).

Ввиду того, что Он был завершающим откровением от Бога, то всякий, отрицающий Его, достоин особого осуждения. Это проявляется очень сильно в притче о злых виноградарях (Марк. 12:1—9). Хозяин насадил виноградник и поручил его виноградарям, которые или убивали, или грубо относились со всеми представителями, посланными хозяином. В конце концов, хозяин решил послать своего "любезного сына", заявляя: "Постыдятся сына моего". А когда виноградары увидели, что идет сын хозяина, то сговорились: "Это наследник, пойдем убьем его, и наследство будет наше". После того, как они убили сына, хозяин сам явился, предал виноградарей смерти и передал виноградник другим людям. Из этого ясно, что Иисус приравнивал Себя к "любезному сыну" в притче, т. е. к тому последнему, уникальному и совершенному представителю Хозяина-Бога. Иудеи также поняли смысл притчи, ибо они тут же попытались арестовать Христа.

Иисус утверждал, что Он является последним из длинной линии пророков, посланных Богом Израилю, — всех, которых они преследовали и убивали (Матф. 23:29—31). Он сказал, что непринятие иудеями Его, последнего Слова Божьего, наведет на "народ сей" кровь всех Божьих вестников "от крови Авеля праведного до крови Захарии" (Матф. 23:35—36). Он предсказал разрушение возлюбленного Им Иерусалима руками римских войск и сказал, что это будет в результате того, что "ты не узнал времени посещения твоего" (Лук. 19:44).

Самое важное утверждение о Его миссии заключалось в том, что Он приносит с Собой новый завет. Иеремия пророчествовал, что в будущем Бог заключит новый завет с Израилем (Иер. 31:31), и Иисус смело связал Свою смерть с установлением нового завета. Когда при Последней Вечери Он подавал ученикам чашу, то сказал: "Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов" (Матф. 26:27—28). Еврейское понятие "завета" (*бериф*) более содержательно по значению, чем русское слово. В нем имеется в виду взаимное отношение, согласно которому Бог, по Своей инициативе, входит в историю с благодатной целью и устанавливает новое общение с людьми. Поэтому Христос утверждал, что в заключении завета Он проявляет ту же самую инициативу, которую Иегова явил патриархам у горы Синай.

Во время суда перед иудейским синедрионом первосвященник Каиафа обострил вопрос об утверждениях Христа о Себе. На судебном процессе Он заставил участников рассмотреть главным пунктом вопрос: "Кто же Ты?", вместо: "Что Ты делал?". Когда участники не сумели предоставить доказательства, обвиняющие Иисуса, то Каиафа спросил: "Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?" (Матф. 26:63). Иисус отвечает: "Ты сказал" (Ев. Матфея и Луки) или просто: "Я" (Ев. Марка). В этом полном ответе Иисус заявил три вещи: 1) что Он является Сыном Благословенного (Бога); 2) что Он сядет одесную силы; и 3) что Он является Сыном Человеческим, грядущим на небесных облаках (Матф. 26:64; Марк. 14:62; Лук. 22:69). Все три заявления являются ясными мессианскими утверждениями и, вместе взятые, они оказывают поражающее воздействие. Слова "сидящий одесную силы" — это особое еврейское выражение, указывающее на непосредственное присутствие Бога. Каиафа не мог ошибиться в полном значении этого утверждения. Он разорвал одежду, что запрещалось ему законом (Лев. 21:10).

Евангельские доказательства убедительно показывают, что Иисус не выступал с публичными заявлениями о том, что Он является иудейским Мессией (по-гречески: *Христом*), пока Он не предстал перед синедрионом. Он позволял людям конфиденциально обсуждать Его утверждение (Матф. 16:16; Иоан. 4:26), но Он предупреждал этого не распространять (Матф. 16:20). Он, казалось бы, предпочитал применять к Себе менее опасный, но и

более неясный термин "Сын Человеческий". "Мессия" являлся столь широким по значению термином, вводящим людей в заблуждение, что Он даже не хотел пользоваться им, пока не наступил необходимый для этого момент. Он безусловно был Мессией по Своему собственному определению этого термина. Вместо того, чтобы спросить: "Утверждал ли Он, что Он — Мессия?", нужно спросить: "Каким Мессией Он заявлял Себя". [Смотрите главу 6-ую в книге С. Н. Dodd, *The Founder of Christianity* (New York) Macmillan, 1970), стр. 99 у дальше.]

Стоя перед синедрионом, Иисус ни на один шаг не отступил от утверждения, что Он является Христом, Сыном Божиим и Сыном Человеческим. За это утверждение Он позволил Себе быть приговоренным к крестной смерти. Это, действительно, должно быть достаточно убедительным свидетельством того, что Он — Мессия.

Б. Косвенные утверждения

Можно заявить о себе что-либо и косвенным образом. Например, если бы кто-то сказал: "Являюсь главнокомандующим всеми войсками Соединенных Штатов Америки", то этим он утверждал бы, что он является президентом этой страны, так как согласно Американской Конституции только президент имеет право это сказать. Подобно тому, Иисус Христос утверждал, что Он может совершать некоторые дела, возможные только Богу, например:

1) **Иисус** утверждал, что Он прощает грехи. Если подумать об этом, то увидишь, что это чрезвычайно необыкновенное заявление. Все люди чувствуют себя свободными простить грехи, совершенные против них самих, но Иисус утверждал, что Он пользуется правом прощать людям грехи, совершенные против Бога! Когда привели расслабленного к Иисусу для исцеления, то Он прежде всего сказал ему: "Чад! Прощаются тебе грехи твои". Некоторые среди книжников подумали про себя: "Что Он так богохульствует? Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?" (Марк. 2:5-7). Такая реакция иудейских начальников была вполне нормальной. Духовно восприимчивый иудей только и мог бы быть возмущенным таким заявлением о даровании людям прощения грехов, — силой, которой даже и Мессия не мог бы обладать!

Ощущая их враждебность, Иисус сказал: "Для чего так помышляете в сердцах ваших? Что легче? — сказать ли расслабленному: "прощаются тебе грехи"? или сказать: "встань, возьми свою постель и ходи?". Конечно, легче сказать: "Прощаются тебе грехи", — ведь это внутреннее, метафизическое явление, которое подтвердить не приходится. Иисус совершил объективное, внешнее исцеление как раз для того, чтобы показать, что сила, которой даруется человеку прощение его невидимых грехов, и сила, которой исцеляется паралич, исходит из одного и того же источника. "Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — говорит Иисус расслабленному, — тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди, в дом твой". Обманщик вероятно утверждал бы, что он прощает грехи, но проверить это было бы невозможно.

В другом случае Иисус, находясь в доме фарисея Симона, простил грехи женщине, которая облила ноги Его драгоценным миром из алавастрового сосуда. Когда Симон про себя усомнился в том, что Иисус сделал, Иисус упрекнул его, говоря: "Сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит" (Лук. 7:47).

2) Иисус утверждал, что Он безгрешен. Это утверждение логически соответствует заявлению, что Он прощает грехи. Мы не ожидаем, чтобы грешный человек утверждал, что он пользуется правом прощать грехи; мы этого ожидаем только от Бога. Утверждение о Его безгрешности также соответствует утверждению, что Его кровь будет пролита для прощения грехов (Матф. 26:28), и что прощение грехов будет проповедано во имя Его во всех народах (Лук. 24:47).

Нигде не записано, что Иисус хотя бы раз исповедал грехи или беспокоился о Своих собственных недостатках. Он похвалил мытаря за то, что он признал себя грешником (Лук. 18:14), но Иисус никогда не признавал Себя таковым. Наоборот, Он бросил врагам вызов найти в Нем грех. Назвав их лжецами и чадами дьявола, Он смело обратился к ним с вопросом: "Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не

верите Мне?" (Иоан. 8:46). В этой беседе Он также заявил: "Я всегда делаю то, что Ему угодно" (Иоан. 8:29). Отожествляя Себя со страдающим Слугой, представленным в 53-ей главе книги Исаии, Иисус тонким образом заявлял, что Он тот, кто "не сделал греха", и что в Его устах "не было лжи".

Грех является врожденной реальностью всех людей. Если Христос сказал, что Он греха никогда не имел в Себе, то в этом заявлении содержится сильное утверждение о Его божественности.

3) Иисус утверждал, что когда придет конец **времени**, **Он** будет судить мир. "Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе, и дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий" (Иоан. 5:26-27). Христос сказал, что во время Последнего Суда Он встанет перед всеми народами и разделит праведных от злых, как пастух отделяет овец от козлов. Затем, на основании того, как люди поступали с Его братьями, Иисус отправит одних на вечную жизнь, а других — на вечное наказание (Матф. 25:31 — 46; смотрите также Матф. 16:27).

Агнос, это заявление более всего поражает меня лично. Тот, Кто утверждает, что Он встанет и произведет суд над всем человеческим родом, Кто сможет взглянуть на прошлое и распутать паутину запутанных намерений, разобрать все тайные источники людского поведения, справедливо оценить и осудить все это — Такой должен быть Божественным.

4) Иисус утверждал, что Он превосходит старый завет. Он утверждал, что Он заменяет Моисея и закон, и ввиду того, что Сам Бог установил закон, то только по полному Божьему авторитету можно и заменить закон. В Нагорной проповеди Он шесть раз использовал выражение: "Вы слышали, что сказано древними... а Я говорю вам" (Матф. 5:21, 27, 31, 33, 38, 43). Это выражение напоминает нам о выражении: "Так говорит Господь", используемом ветхозаветными пророками. Заметьте, что Иисус не только сопоставил Себя с мнением какого-то раввина, как иудейские раввины обыкновенно делали, ибо в таком случае Ему нужно было бы подтвердить утверждение ветхозаветными ссылками. Вместо этого, Иисус поставил Себя против и выше авторитета Моисея, когда сказал: "А Я говорю вам".

Некоторым заявлениям Иисуса предшествует слово "аминь", которое переводится на русский язык словом "истинно" и употребляется в выражении: "истинно говорю вам". В Евангелиях слово "аминь" таким же образом использовано в шестидесяти высказываниях Христовых. Это слово придает Его заявлениям качество непосредственной уверенности и авторитетности.

Заметьте авторитетность, которая подразумевается в беседе о браке и разводе (Матф. 19:1—9; Марк. 10:1 — 12). Когда фарисеи услышали, что Иисус осуждает легкое приобретение развода, они спрашивают: "Почему в те времена Моисей позволял это?". Иисус отвечает: "Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с женами вашими; а сначала не было так". Он заявил, что разрешение на развод, данное Моисеем, оказалось несчастным нарушением первоначальной цели Бога, когда Он сотворил мужчину и женщину. Он утверждал, что Он знал цель брака "от самого начала"!

Заметьте авторитет, который Иисус тонким образом применяет к Себе после того, как Он совершил исцеление в субботу, и когда Он защищал учеников от обвинения, что они совершали работу в субботный день (Марк. 2:23—28; Лук. 6:1 — 11). "Суббота для человека, — говорит Он, — а не человек для субботы, посему Сын Человеческий есть господин и субботы". Он утверждает, что Он знал первоначальное намерение и цель субботы. В подобном случае, записанном в 5-ой главе Евангелия от Иоанна, Иисус говорит в стихе 17-ом: "Отец Мой доныне делает, и Я делаю" (в смысле исполнения работы в субботу).

Когда Он заявил: "Ничто, извне входящее в человека, не может осквернить Его... Исходящее из человека оскверняет человека" (Марк. 7:18), то Он этим аннулировал закон, определяющий некоторую пищу нечистой.

5) Иисус утверждал, что Он является исполнением ветхозаветных пророчеств о Мессии. Когда Иисус еще только начинал Свое служение, то Ему однажды предложили прочитать отрывок из Священного Писания в синагоге в городе Назарете, где Он вырос. Он выбрал место, которое ясно касается Мессии (Ис. 61:1—2). Прочитав это место, Он добавил: "Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами" (Лук. 4:21). Иначе говоря:

"Господа! Как раз в этих словах Исайя говорит обо Мне. Я именно Тот, о Ком пророчествуется!". Неудивительно, что услышавшие Его сделали попытку сбросить Его с вершины местной горы.

При аресте в Гефсиманском саду Он сказал Петру и другим присутствующим, что все это происходит, "да сбудутся писания пророков" (Матф. 26:56). После воскресения Он сказал двум ученикам, идущим по дороге в Эммаус: "О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти во славу Свою?" (Лук. 24:25—26). [Для полного анализа некоторых ссылок в высказываниях Христа на замечательную главу о Мессии, главу 53-ю в книге Исайи, смотрите Vincent Taylor *Jesus and His Sacrifice* (New York: Macmillan, 1937), стр. 82—249.]

6) Иисус утверждал, что Он знает и предсказывает будущую историю человечества. Он пророчествовал, что иудейские власти плохо отнесутся к Нему и убьют Его (Марк. 8:31); что в третий день Он воскреснет из мертвых (Матф. 16:21); что Его Царство, подобно горчичному зерну или закваске, мало-помалу будет расти (Матф. 13:31—33); что Его ученики будут преследованы, как Его преследовали (Иоан. 15:20); что Дух Святой, Утешитель, придет к ним после того, как Он вернется к Отцу (Иоан. 14:28—29); что кровь всех предыдущих отверженных пророков придет на теперешнее поколение (Матф. 23:35); что Иерусалим будет разрушен войсками другого народа (Лук. 21:20); что там, где будет проповедано Евангелие, люди будут вспоминать женщину, которая помазала Его ноги (Матф. 26:13); что после смерти Он присоединится к ученикам и снова выпьет из чаши, которую Он предложил им при Последней Вечере (Марк. 14:25); что Иерусалим будет попираем, пока не окончатся времена язычников (Лук. 21:24). Короче говоря, Иисус в общих чертах предсказал духовную историю рода человеческого от Его первого пришествия до второго.

7) Иисус утверждал, что Он вездесущ. Только Бог обладает этим атрибутом (см. Пс. 138:7—12). "Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них" (Матф. 18:20) Перед тем, как Он вознесся на небо, Он дал им обещание: "Се, Я с вами до скончания века" (Матф. 28:20).

8) Иисус утверждал, что Он достоин самой большой преданности со стороны человека. От последователей Он требовал полной, бескомпромиссной преданности Ему и Его делу. Он всегда старался предупреждать людей о Своих весьма строгих требованиях ученичества. Однажды, когда толпа стала слишком большой, Он обратился к ней со словами: "Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником" (Лук. 14:26). Когда один попросил возможности пойти и похоронить своего отца перед тем, как последовать за Ним, Христос ответил ему: "Иди за Мною и предоставь мертвым погребать Своих мертвецов" (Матф. 8:22).

Иисус Часто сравнивал следование за Ним с необходимостью взять и нести свой крест (Марк. 8:34). Мы не в состоянии полностью оценить эту метафору, потому что в наши дни людей не казнят распятием. В дни Иисуса римляне использовали распятие как быстрое средство наказания таких Повстанцев, Как Спартак и Иуда Галилейский. Осужденного уголовника заставляли нести свой крест к месту распятия. Используя эту метафору, Иисус в сущности сказал: "Преданность Мне должна быть столь сильной, что при желании быть Моим учеником ты должен быть готов принять риск распятия на римском кресте". Никакой монарх, никакой тоталитарный диктатор никогда не требовал большей преданности Себе от последователей, как Христос.

9) Иисус утверждал, что Он является победителем над большим врагом, сатаной. Когда семьдесят учеников вернулись с временной миссии, порученной им, с большой радостью о своей силе над бесами, Иисус сказал: "Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию" (Лук. 10:18). Он предсказал, что "врата ада" не одолеют Его Церковь (Матф. 16:18). Он предсказал, что когда Он будет распят, "князь мира сего" будет изгнан (Иоан. 12:31), и что когда придет Дух Святой, сатана будет осужден (Иоан. 16:11).

10) В конечном счете, Иисус утверждал, что Он дарует жизнь и что Он является источником жизни. Жизнь всегда была тайной для человека. Трудно определить ее, а еще труднее создать ее. За девятнадцать столетий до того, как с помощью современной науки человек стал утверждать, что он может создать жизнь, Иисус из Назарета смело заявил: "Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет" (Иоан. 5:21). Он

утверждал, что Он есть "хлеб жизни" (Иоан. 6:48), "воскресение и жизнь" (Иоан. 11:25), "путь, и истина, и жизнь" (Иоан. 14:6). Если бегло просмотреть Ветхий Завет, то нам становится ясным, что иудеи считали Бога единственным источником жизни (например, смотрите Втор. 30:15; Иов. 12:10; Пс. 35:10 и 65:9).

Всякий, кто ходит и утверждает, что Он безгрешен, что Он прощает грехи, судит мир, заменяет Моисея -и закон, выполняет пророчества Ветхого Завета, знает будущность, — что Он вездесущ, достоин человеческой преданности, что Он побеждает сатану и дарует жизнь, — такой человек этим смело заявляет, что Он божествен. Эти десять утверждений косвенного характера, однако их значение вполне ясно. Всякий, кто не постигает их значения, не увидит и солнца в ясный солнечный день.

В. Косвенные доказательства в пользу утверждений Христа

Мы до сих пор рассмотрели утверждения, высказанные Христом, т. е. Его прямые и косвенные заявления. Мы теперь можем укрепить наш аргумент рассмотрением косвенных, т. е. невысказанных устно, доказательств утверждений Христа о Своей божественности. Если человек выдумывает историю, то косвенные факторы проверяют его творческие силы. В рассказе Можно сказать, что человек решителен, даже заставить его проявить свою решительность. Однако, хороший автор художественного произведения покажет его решительность в маленьких деталях жестов, манер, бесед на злободневные темы и поведения. Иисус прямыми и косвенными путями не только утверждал, что Он божествен, но также подтверждал это утверждение косвенными доказательствами.

1) Иисус всегда говорил и поступал, как Бог. Если бы даже не было устных утверждений, то на нас все-таки произвел бы особое впечатление человек, который вошел в храм и выгнал из дома Божьего продающих и покупающих с их животными (Марк. 11:15—18), который изгонял бесов во имя Свое вместо имени высшей личности, как обыкновенно делают заклинатели (Марк. 5:8), который избрал двенадцать апостолов, соответствующих двенадцати племенам, связанным с иудейским Ветхим заветом (Марк. 2:14), который преднамеренно въехал в Иерусалим на осле, как было предсказано о Мессии (Матф. 21:4—5; Зах. 9:9), который не обращал внимания на иудейских властей и на их обычаи, который исцелял в субботу и защищал Своих учеников за то, что они работали в субботу. [Смотрите Martin Dibelius, *The Sermon on the Mount* (New York: Charles Scribner's Sons, 1940), стр. 37—38.]

Особенно необычным был *образ* наставления Христа. Матфеем сообщается, что "Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники" (Матф. 7:29). Сократ учил людей посредством дискуссии. Он старался, как акушерка, вытягивать из ума ученика мысли, необходимые для полезной беседы. Каждый участник дискуссии должен был сотрудничать в этом философском процессе. А Иисус не столько *дискутировал*, сколько Он *делал заявления*. Он преподавал, как один, который все знает — даже перед началом дискуссии. Как раз этого мы ожидали бы от божественной личности. Никто среди Его противников или учеников поставленным Ему вопросом ничего существенного не мог добавить к тому, что говорилось.

Согласно Своему образу наставления, Иисус часто ссылался на невидимые факты и реальности, существующие за пределами обыкновенного человеческого знания. У Него, казалось бы, был глазок, смотрящий на превосходящее, "окно, выходящее на тот свет". Подносят к Нему маленьких детей и Он смело заявляет: "Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного" (Матф. 18:10). Он говорит, что Бог наблюдает за каждым воробьем (Лук. 12:6—7). В споре с книжниками о воскресении Он случайно заявляет, что "когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут как ангелы на небесах" (Марк. 12:25).

Быть может, самое поражающее косвенное доказательство, известное нам, состоит в том, что Иисусу поклонялись разные люди и в этом действии Он никогда не запрещал им. Прокаженные и хананеянка, павшие на колени, поклонялись Ему (Матф. 8:2; 15:25); мужчина с врожденной слепотой, пав на колени, поклонился Ему (Иоан. 9:38); ученики поклонились Ему после того, как Он успокоил бурю на Галилейском море (Матф. 14:33);

сомневающийся Фома пал на колени перед воскресшим Господом и воскликнул: "Господь мой и Бог мой!" (Иоан. 20:28). Нигде не записано, что Иисус хотя бы раз упрекнул кого-нибудь за то, что они поклонились Ему. Сравните это с Петром, который упрекнул Корнилия за такое поклонение ему (Деян. 10:25—26), или с ангелом в книге Откровение, который запретил Иоанну поклониться ему (Откр. 19:10). Тот, кто принимает поклонение других, несомненно поступает, как Бог.

2) Если Иисус не делал упомянутых нами заявлений, то мы просто ничем другим не можем объяснить разные события, отмеченные в Евангелиях. Например, почему иудеи попытались побить Его камнями за богохульство? Это наказание было предназначено законом за такое преступление (Лев. 24:16). Почему Его судили перед иудейским синедрионом за богохульство? [У нас есть свидетельство еврейского историка, Иосифа Флавия, что Иисус умер от евреев и римлян: "Когда по предложению самых главных среди них Пилат приговорил Его к распятию, то те, кто впервые возлюбил Его, не оставили Его". Цитата взята из Josephus, *Antiquities*, XVIII, стр. 63 и дальше.] Почему первосвященник разодрал одежду во время суда? Такой поступок запрещался законом (Лев. 10:6; 21:10). Почему Каиафа был столь обеспокоен политическими последствиями Христовых чудес и учений (Иоан. 11:47-53)? Почему Пилат был поражен Его утверждением, что Он — Сын Божий (Иоан. 19:7-8)? Почему бесы, признавшие Его, вскрикнули против Него (Марк. 1:24)? Кто привел фарисеев и саддукеев в довольно странный и ненормальный союз, поставивший своей целью уничтожить Его? Почему люди издевались над Ним, говоря: "Уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему, ибо Он сказал: Я — Божий Сын" (Матф. 27:43)?

В конечном счете, почему целая группа христиан считала, что нужно отделиться от исторического иудаизма, если Иисус никогда не утверждал, что Он божествен? Если бы последователи интерпретировали Иисуса как обыкновенного иудейского пророка, то не было бы причины отделяться. Иисус занял бы Свое соответствующее место вместе с Моисеем, Илией и Иеремией. Никто в Церкви не заявил: "Иегова — един, и Иисус — Его пророк". Иисус был больше пророка; Он утверждал, что Он больше пророка, и христиане считают, что Он более пророка. Важным доказательством этого факта является существование Церкви, свидетельствующей об этой истине.

3) Последний тип косвенных доказательств, имеющих в нашем распоряжении, касается систематической последовательности, обнаруживаемой в утверждениях Иисуса Христа. Фальсификатор или обманщик имел бы трудности в составлении такого органического единства из разнообразных самопроизвольных высказываний, находящихся в Евангелиях. Все Его утверждения соответствуют друг другу и составляют собой одно систематическое целое. Одно утверждение ведет к другому, что и придает их целому составу поражающую правдоподобность. Если, например, человек прощает, грехи, то это соответствует Его утверждению о его безгрешности. Если Он заменил Моисея, то пользуется свободой делать в субботу то, что ему угодно, и изменить прежние еврейские обычаи. Если Он является последним словом Божьего откровения, то Он безусловно может сказать о том, какой должна была бы быть супружеская жизнь от самого начала. Если Он Спаситель и Судья мира, то справедливо пользуется правом требовать от Своих полной преданности Ему. Если Он Господь природы, то нас ничуть не удивляет то, что Он успокаивает бурю и умножает хлеб.

Как фальсификатор мог бы придумать следующее незапланированное совпадение? Мы нигде не находим, что Христос исполняет повеление, выраженное Им Самим, если божественной личности невозможно его исполнить. Когда было возможно, Христос исполнял повеления, высказанные Им, кроме двух: 1) Он велел всем людям быть смиренными, но Сам делал чрезвычайно смелые заявления о Себе; 2) Он похвалил мытаря за исповедание грехов, но Сам никогда не исповедовал грехов и беспощадно осуждал грехи во всех людях. Почему Христос не исполнял Своих повелений, относящихся к вопросу смиренности и исповедания грехов? Просто потому, что Он этого не мог делать. Сказать, что "Я — ничто", когда являешься божественной личностью, — это ложь. Исповедовать грехи, когда ты безгрешен, — это также неправда.

Интересно, не так ли, наше обнаружение, что *Христос не совершал того, чего Бог не совершает*. Это незапланированное совпадение служит одним из сильнейших косвенных доказательств достоверности Его утверждений. Кто-то разумно сказал: "Если Христос не Бог, то Он достоин Оскара (т. е. премии за замечательные достижения)".

Г. Ваш отзыв на утверждения Христа

И вот, Агнос, перед нами утверждения Христа. В отзыве можно занять одну из трех позиций. Можно сказать, что 1) Он таких заявлений никогда не делал; или что 2) Он их делал, но они неверны; или что 3) Он их делал и они верны. Я тут же постараюсь исключить первые две позиции.

1) Иисус таких заявлений никогда не делал. Сказать это легко человеку, желающему принять Иисуса как. выдающегося учителя морали, но не как Бога. Это снимает с Иисуса всякую виновность и кладет ее на доверчивых поклонившихся Ему учеников, которые якобы выдумали все заявления Христа после Его смерти.

Главная трудность этой теории в том, что в двадцатом столетии она несостоятельна. Сегодня имеется множество документированных доказательств, свидетельствующих о том, что Иисус действительно выразил все известные необыкновенные утверждения о Себе. Было легко предлагать эту теорию в предыдущем столетии, когда в отсутствии надежных доказательств критики утверждали, что Новый Завет был составлен во втором столетии н.э. Такие открытия, как фрагмент Евангелия от Иоанна имени Джона Риландса, заставили нас отнести четвертое Евангелие к концу первого столетия, а эта датировка автоматически передвинула время написания трех остальных Евангелий ко второй половине первого столетия.

Если синоптические Евангелия (Ев. Матфея, Марка и Луки) были составлены приблизительно в течение тридцатилетнего периода после смерти Христа, то надо аккуратно объяснить, почему они показывают, что Иисус делал известные заявления, когда, по мнению некоторых, Он их не делал. Почему очевидцы не явились для того, чтобы опровергнуть это неверное изображение Его? Апостолы должны были говорить только полную правду об Иисусе, по крайней мере, потому, что многие из Его врагов еще были в живых и могли бы раскрыть неверное описание этого назарянина. В первой проповеди о Христе апостол Петр отметил, что израильтяне знали очень хорошо о Его чудесах ("как и сами знаете" — Деян. 2:22). После этого он подчеркнул важность воскресения и добавил: "чему все мы свидетели" (ст. 32). Он взывал к тому, что было известно об Иисусе жителям Иерусалима. Это общее знакомство с Ним среди учеников и врагов способствовало достоверному евангельскому изображению Христа в соответствии с Его исторической личностью.

Несмотря на то, к какому времени в истории относишь Евангелия, по крайней мере остается тридцатилетний период между жизнью Иисуса и самыми ранними записями апостольского проповедования. Если старая либеральная теория достоверна, то Церковь за весьма короткое время, — именно, за тридцатилетний период, — превратила смиренного галилейского пророка, не совершившего никаких чудес и не сделавшего никаких необыкновенных заявлений, в богословского Христа, совершившего чудеса и сделавшего чрезвычайно необыкновенные заявления.

Без особого труда можно опровергнуть эту теорию, ссылаясь на послания апостола Павла, которые все были написаны между годами 51-ым и 62-ым н. э. В самых ранних из них, — именно, в Первом и Втором посланиях к фессалоникийцам, — мы уже встречаем вполне развитого богословского Христа, Который освобождает человечество от греха, воскрес из мертвых и придет во второй раз для того, чтобы судить мир (1 Фесс. 1:9-10). Было бы глупо утверждать, что Павел развил такую сложную христологию (т. е. учение о Христе) как раз перед тем, как он написал фессалоникийцам. Ясно, что на протяжении нескольких лет до этого он проповедовал о Христе, а это значит, что приходится отнести Христа, связанного с христианской Церковью, к 40-ым годам или, быть может, даже к позднему периоду тридцатых годов. А, ведь, Христос умер приблизительно в 30-ом или 31-ом году. Апостол Павел вероятно обратился в христианство приблизительно в 36-ом или 37-ом году. Значит, времени не осталось для развития Павлом известного учения о Христе. Чтобы либеральной теории быть достоверной, должен был бы быть определенный временной пробел в традиции, — в самом деле, довольно длинный период. Однако его нет. Повторяю: держаться этой теории можно было бы только тогда, когда бы считалось, что Новый Завет был составлен очень поздно (после вознесения Христа).

Зачем ранним христианам захотелось бы фальсифицировать утверждения Христа? Большинство из них были иудеи, наследовавшие от Ветхого

Завета учение о монотеизме, и это не позволило бы им приписать обыкновенному человеку божественность в отсутствии сильных убедительных и конкретных доказательств. Сверх того, как же мог бы иудей силами воображения придумать Мессию, Который безгрешен, Который, вместо одержания победы, страдает, Который образует этическое, не политическое, Царство, и Который становится Искупителем, приносящим в качестве уголовного новый завет посредством распятия на римском кресте?

Критики обычно говорят, что только чудеса и заявления Христа были выдуманы; Его моральное учение они все-таки приписывают Ему Самому. Но такое разграничение не подтверждено. Так как Иисус ни одной строки не написал, то приходится предположить, что Он успешно передал моральное учение слушателям. Но не является ли непоследовательностью то, что считают эту часть записи достоверной передачей фактов, когда остальную часть считают выдумкой? Если утверждения и чудеса Христовы ничто иное, как легенды, то почему нужно верить и всему остальному, сообщенному о Нем?

В самом деле, как убедительно заявил Биргер Герхардссон: нет достаточной причины сомневаться в том, что вся история была достоверна и точно передана последователями Иисуса. В виду того, что Иисус учил как типичный раввин, Его учение состояло из самого текста и интерпретации его. По всей вероятности, Он требовал, чтобы ученики заучивали наизусть длинные части Его учения. Ученикам дано было точно передавать наставления раввинов вместо того, чтобы изменить или по-своему интерпретировать учение наставника. Предположить, что "слабая память" (которой у евреев не было!) и "набожное воображение" (которое все еще остается без подтверждений) исказили настоящие слова Христа в течение двух или трех десятилетий, — это, действительно, натяжка доверчивости. [Birger Gerhardsson *Memory and Manuscript* (Lund, Sweden: Gleerup, 1961).]

Извиняюсь, Агнос, но эта линия разъяснения закрыта Вам. Иисус действительно сделал все те чрезвычайные заявления, что и заставляет Вас обратить внимание на вторую альтернативу.

2) Иисус сделал известные заявления, но они неверны. Если принять эту позицию, то приходится принять одно из двух предложений: а) Иисус был лжецом.

б) Иисус был душевнобольным.

Быть может, эти альтернативы Вас не очень-то располагают, но Вам нужно принять одну из них. Если Христос сделал известные заявления и они были неверны, то Он или знал, что они неверны, — в таком случае Он говорил неправду, — или Он считал, что они верны, — в таком случае Он был душевнобольным. *[Ввиду того, что обе эти альтернативы были предложены современниками Христа, то это показывает, что в течение двух тысяч лет этот вопрос почти ничуть не изменился. Смотрите: Ев. Марка 3:23, где обвиняют Его в соотрудничестве с веельзевулом; Ев. Иоанна 8:48, где обвиняют Его в том, что в Нем живет бес; Ев. Иоанна 7:47, где некоторые утверждают, что Он обманывает людей.]*

а) Неужели Иисус говорил неправду? Такой вопрос столь противен, что, задавая его, сразу же получаешь ответ. Как-то интуитивно напрашивается: как же может быть, что Тот, Кто дал нам Нагорную проповедь и притчу о добром самарянине, является ужасным обманщиком? Разве это возможно, что Основоположник самой моральной религии в истории есть лжец? Неужели чистая вода выходит из грязного ручья? Разве морально извращенный человек способен выразить высоконравственные высказывания? Если так, то можно утверждать, что Гитлер написал "Божественную комедию" или что Джек-Потрошитель написал "Подражание Христу". Послушайте свидетельство Леки:

"Характер Иисуса стал не только самым высоким образцом добродетели, но и самым сильным побуждением к ее осуществлению, и он оказал такое сильное влияние на людей, что можно безусловно сказать, что запись о прожитой на протяжении трех коротких лет Его активной жизни способствовала возрождению и смягчению человечества более, чем все подробные обсуждения философов и все увещания моралистов". [W. H. Lecky, *History of European Morals from Augustus to Charlemagne*, 2nd edition (London: Longmans, Green, 1869), II, стр. 88.] Иисус прилагал все усилия, чтобы убедить людей в том, что лжецом является сатана и что те, кто говорит неправду, являются его детьми (Иоан. 8:44—47). Неужели Он совершал бы именно то, за что осуждал других? Зачем ему лгать? Ради какой цели? Ради денег? Известности? Власти? Ничего из этого Он не получил. Зачем ему

лгать всю жизнь и внезапно умереть за Свои собственные неправды? Лжецы обычно служат себе, т. е. они говорят неправду в свою пользу, не во вред себе. Утверждать, что Христос в служении говорил неправду, а потом отдал Себя на мученическую смерть, потому что не захотел отказаться от Своих неправд, — это странная гипотеза.

б) Был ли Иисус душевнобольным? Снова такой вопрос просто отвратителен. В обычном случае, чем большим становится человек, тем реже он делает грандиозные заявления. Бог есть Бог и великий человек знает, что он Богом не является, и чем большим он становится, тем лучше он знает, что он не есть Бог. Кроме Христа, всякий, делающий такое заявление, показывает себя весьма низким примером душевнобольного, маленьким человечком, эгоистичным маньяком. Большинство из нас чувствует свою предельность и подверженность ошибкам и, если мы честны и разумны, то само сознание этой реальности сильно свидетельствует нам о фальшивости всяких наших утверждений, что кто-то из нас божествен. Что касается честности Иисуса, то имеются вполне надежные показания в подтверждение этой реальности, но вопрос вот в чем: был ли Христос в здравом рассудке?

Можно предложить весомые доказательства в защиту умственных способностей Иисуса Христа: Например, Он обладал редкой способностью сравнивать одновременно различные предметы и явления. Он однажды сказал: "Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут, но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них" (Матф. 6:28—29). Эта способность, при помощи которой одновременно сравниваются три предмета: цветы, цари и обыкновенные люди, — является тонким умением, которым обладают совсем немногие. В ней заключается способность думать понятиями и абстрактными явлениями, составлять аналогию и замечать в трех различных предметах общие элементы. Если, читая Библию, Вы обратите особое внимание на высказывания Христа, то увидите как в Нем действует этот редкий дар.

Умственные способности Христа еще сильнее проявляются в Его замечательном знании Ветхого Завета. Он знал его так глубоко, что, ссылаясь на messiанское пророчество, Он ставил фарисеев в тупик (Матф. 22:41—46). Однажды Христово опровержение определенного понятия саддукеев произвело такое сильное впечатление на одного из присутствующих, что он спросил Христа о самой великой заповеди и согласился с Его ответом (Марк. 12:28—32). После того, как Иисус ответил на некоторые подобные вопросы, Матфей сообщает, что в тот день "никто уже не смел спрашивать Его" (Матф. 22:46).

Очень много моральных принципов, выраженных Христом, входит в самую суть здравого рассудка и понятия справедливости. Возьмем в пример Его совет относительно поста: не Постись, когда счастлив (Лук. 5:34); или относительно молитвы: лишних слов не затрачивай в молитве Богу, ибо Он знает твои нужды еще до того, как выражаешь их (Матф. 6:7—8); или относительно соблюдения субботы: если в субботу можно провести вола к воде, чтобы напоить его, то почему в субботу нельзя исцелить человека (Лук. 13:15)? Человек с таким практическим здравым рассудком, по всей вероятности, не страдает болезнью самообожествления.

Если какой-то человек думает, что Он есть Бог, то другие считают, что он хуже не мог бы запутаться. Если Христос так сильно запутался, то как мог бы Он проявить такой широкий гуманный дух, проникший все заповеди, высказанные Им? Он не предлагал неуравновешенного, одностороннего понятия о человеческой природе. Он был свободен от распущенности и аскетизма. Короче говоря, у Иисуса не доставало простоты и узости, свойственной обыкновенному сумасшедшему. Он обладал проницательностью, свойственной настоящему пророку.

В конце концов, если Христос обманул Самого Себя о Своем отношении с Богом, то как же так вышло, что преобладающая доктрина о Боге, как личного Отца всех людей, по всеобщему согласию в истории религий стала самым высоким понятием о Боге? Как же Он мог быть столь разумным о Божьей природе и одновременно столь запутанным о Своем отношении с Богом?

Нет, Агнос, гипотеза о душевнобольном состоянии Иисуса просто не разъясняет Его таинственные аспекты. Если Вы не можете предложить альтернативное объяснение или предоставить нам лучшие доказательства, показывающие Христа лжецом или душевнобольным, то Вам придется обратить внимание на третью альтернативу:

3) Иисус сделал известные заявления и они верны. В этом-то и заключается убеждение каждого христианина. Конечно, тот факт, что кто-то делает заявления, не обязательно значит, что они верны. Я же тут просто утверждаю, что при гипотезе, что "Иисус сделал известные заявления и они верны", мы можем разъяснить все трудности, вызванные нами, когда пользуемся всякими другими гипотезами. В следующих двух главах мы предоставим доказательства в пользу верности Его утверждений, основываясь на Его характере и воскресении.

Мы уверены в одном, — именно, что Сам Иисус сделал навсегда невозможной нелепую теорию, что Он был всего лишь человеком высокой морали или великим религиозным учителем, но не Сыном Божиим, Которым Он называл Себя. Неверующие пока еще не сумели разъяснить противоречие между 1) Его личной моральностью и учением и 2) Его весьма высокой оценкой Себя. Эту последнюю черту характера мы не можем отрицать, если Он, на самом деле, не был божествен. Если Иисус сделал все известные заявления и они были неверны, то ясно, что Он *не был* выдающимся учителем морали. Он был бы тогда самым большим лжецом в мире, или самым жалким религиозным фанатиком, или обманщиком, или Он просто обманул Самого Себя. Давайте не будем более вникать в нелепости, что, мол, я могу принять Иисуса как великого учителя морали, но не как Сына Божьего. Или принимаешь Его, как Сына Божьего, или проявляешь свое странное предпочтение учителям морали!

Если Иисус не был Бог в человеческой плоти, то Он достоин Оскара, потому что действительно поступал и говорил, как Бог. А если не Иисус, то, по крайней мере, христиане достойны Оскара, потому что они дали нам прекрасное изображение самой замечательной Личности истории.

14. Характер Иисуса Христа

Агнос, мы сейчас во Святом святых, в самой внутренности святилища, т. е. характера Иисуса Христа. Мы уже прошли через внешний двор, т. е. чудеса и утверждения Иисуса. А теперь мы готовы рассмотреть самое драгоценное сокровище; Если Вы до этого внимательно следили за нашими аргументами, то, быть может, скажете: "Иисус! Что касается чудес и Твоих замечательных заявлений, Ты, действительно, не являешься каким-то неуклюжим человеком. Но чудеса все же могут оказаться трюками, а Твои заявления могут быть ложными. Как мне знать, что Ты не являешься религиозным обманщиком, обладающим, — как никто иной в истории, — даром убеждения? Одного у Тебя недостает, — именно, божественного характера".

Да, это верно, что чудеса и заявления в сущности укрепляют наше желание глубже познакомиться с Иисусом Христом. В истории немногие отважились заявить, что они открывают Божью волю и что единственной настоящей основой жизни может быть только послушание ей. Если бы кто-нибудь проповедовал нам что-нибудь подобное и одновременно требовал совершенства от нас, то мы не без причины спрашивали бы его: "А что скажешь о себе самом? Исполнишь ли ты то, что сам проповедуешь? Разве ты обладаешь божественным характером?"

Перед тем, как ответить на вопрос: обладает ли Иисус божественным характером?, надо ответить на вопрос: каковым является Бог? Кажется, мы оказываемся в заколдованном кругу, когда говорим, что Иисус открывает Бога, потому что этим утверждением мы словно говорим, что знаем, каким является Бог, еще перед тем, как мы увидели Христа, а потом ищем семейное сходство с Ним. В самом деле, все это выходит не так. "Если быть честным, — говорит Леонард Гриффит, — то нам надо изменить порядок и признать, что все, что мы уверенно знаем о Боге, мы получили от Иисуса. Христианство не смотрит на Иисуса через Бога; как раз наоборот: оно смотрит на Бога через Иисуса. Суть дела вот в чем: разве можем мы составить себе ясное представление о Боге без Христа?" [Leonard Griffith *Barriers to Christian Belief* (London: Hodder and Stoughton, 1961), стр. 92.]

Перед тем, как запутаться в лабиринте мыслей о том, что мы можем кое-что узнать о Боге без откровения, позвольте мне сказать, что в наши дни большинство людей соглашается с тем, что если Бог существует, то Он был бы сильнее человека в таких проявлениях, как сила, умственные способности и доброта. Если теистические аргументы, пересмотренные нами, состоятельны, то мы можем смело верить тому, что Бог обладает силой и большими умственными способностями. Однако вполне возможно усомниться в Его доброте по причине наличия зла. Мы позже постараемся

уменьшить эту трудность (в главе 17-ой).

Если Богу стать человеком, то мы ожидали бы, что этот человек также проявит силу, умственные способности и доброту. [Рамм эффективно пользуется выражением: "если Богу стать человеком..." в книге: "The Varification of Christianity by the Supernatural Character of Its Foundation", *Protestant Christian Evidences*, стр. 163—183.] Мы уже отметили, что умственные способности и чудеса Иисуса показали нам Его могущество. А что можно сказать о Его доброте? В этом-то и заключается тема этой главы. Как обычно бывает, мы начинаем расследование данных с предложения тезиса о *богочеловечности Иисуса Христа*. Как еще до этого утверждалось, можно начать наше исследование с определенной теории, ибо все мыслители начинают с какой-то теории. Это особенно полезно, когда данные довольно сложны, что можно сказать и об утверждениях, действиях и высказываниях Иисуса. По моему тезису, если начать с предположения о богочеловечности Иисуса, то эта гипотеза разъяснит все тайны, связанные с этой Личностью. Данные Его жизни подтвердят наше предположение; никакой другой теории они не подтверждают. Всякая другая теория или будет скрывать многие данные, или не будет обращать на них внимания, или будет противоречить им.

Мы в главном утверждаем, что объяснить Христа без всякой ссылки на сверхъестественные элементы невозможно, как мы уже не раз говорили в нашем исследовании. От Христа исходит сильное "благоухание вечности". Он приходит к нам и отходит, а за Ним следуют облака славы. Мы, прежде всего, рассмотрим Его отношение к постоянной проблеме греха.

А. Иисус Христос и грех

Если Вам не нравится старый богословский термин "грех", Агнос, то замените Его Вашим синонимом: плохое поведение, злоба, зло или просто испорченность. Называйте его, как хотите; эта проблема свойственна всем людям. "Все согрешили и лишены славы Божией" (Рим. 3:23). Если Вы не являетесь нигилистом по этике, то, по всей вероятности, не раз боролись над вопросами причины и исправления греха в самом себе. Избежал ли Иисус этой проблемы? Есть убедительные доказательства, что Он действительно был свободен от нее. Обратим внимание на три источника: Самого Иисуса, Его друзей и врагов.

1) Сам Иисус чрезвычайно высоко ценил Свой моральный характер. Он не только прощал грехи (Марк. 2:5; Лук. 7:47), Он также предсказывал, что Его жизнь будет дана как жертва для прощения человеческих грехов (Матф. 26:28). В беседе с некоторыми противниками Иисус назвал их лжецами и сыновьями дьявола, а затем поставил им вопрос: "Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?". Иудеи обвинили Его в том, что в Нем живет бес, а на это Он ответил: "Во Мне беса нет, но я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня" (Иоан. 8:46—49). А еще до этого момента в беседе Он сказал: "Я всегда делаю то, что Ему угодно" (Иоан. 8:29). При другом случае Он сказал толпе, что ищет только славы Божьей и что в Нем неправды нет (Иоан. 7:18). [В *"Беседе против Пелагия"* (3.2) Иерома сохранил следующий отрывок из потерянного *"Евангелия от иудеев"*: "Се, мать Господа и Его братья сказали Ему: Иоанн Креститель крестит для прощения грехов; пойдем креститься от него. Но Он сказал им: когда же согрешил Я, чтобы мне пойти и креститься от него? — быть может, кроме того только, что это, сказанное Мной, является знаком невежества".]

Чтобы понять намерение Иисуса, надо сравнить его с исповеданиями других исторических религиозных вождей. При конце жизни знаменитый Конфуций сказал: "В учености я, быть может, равен другим людям, но я пока еще не достиг характера совершенного человека, исполняющего то, что исповедую". В Коране Магомет ясно повелел своим последователям молиться за него по причине его грехов. И каждый, изучающий Библию, помнит, что из-за грехов Моисею было запрещено войти в обетованную землю (Втор. 34:4). [Смотрите William J. Justice, *Our Visited Planet* (New York: Vantage, 1973), стр. 18.]

2) Ученики также очень высоко оценили моральный характер Иисуса.

Когда Он пришел креститься, Иоанн Креститель сказал: "Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?" (Матф. 3:14). Петр сказал: "Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его" (1 Петр. 2:22). Иоанн обращается к христианам с увещанием не грешить и добавляет: "Вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нем нет греха" (1 Иоан. 3:5). Павел утверждает, что "не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом" (2 Кор. 5:21). Автор Послания к евреям написал, что, подобно нам, Христос был искушен, но остался без греха (Евр. 4:15), и что Он — "первосвященник, святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес" (Евр. 7:26). Ссылаясь на Христа как на жертвенного Агнца, автор книги Откровение символически объявляет Его безгрешным (Откр. 5:6), ибо эта личность должна была быть беспорочной (1 Петр. 1:19).

Такое свидетельство учеников Христа особенно убедительно, когда нам известно, что все они были иудеями, чье понятие было под сильным влиянием ветхозаветного учения о греховности всех людей (например, смотрите Пс. 13:3; Ис. 53:6). Перед тем, как они начали проповедовать всему миру о безгрешности Христа, они жили с Ним в весьма близком общении на протяжении трех с лишним лет. Я менее всего представляю себе иудея, придумавшего *безгрешного человека*! Доказательства безгрешности Христа видимо были столь явственны для этих людей, что они могли с полной уверенностью говорить о ней.

3) Многие враги Иисуса дают косвенные свидетельства о Его характере. Во второй части судебного процесса римский правитель Пилат три раза заявил, что Иисус ни в чем невиновен. Во время суда жена Пилата послала ему такое сообщение: > "Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него" (Матф. 27:19). Галилейский тетрарх, Ирод, кратко пересмотрел дело Иисуса и согласился с Пилатом, что Иисус не сделал ничего, достойного смерти (Лук. 23:15). Иуда-предатель признался в своем предательстве и сказал иудейским властям: "Согрешил я, предав Кровь невинную" (Матф. 27:4). Разбойник на кресте упрекнул друга за издевательство над Иисусом, говоря: "Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал" (Лук. 23:41). Римский сотник и другие, стоящие у креста и видящие Его умирающим, прославили Бога и сказали, что Он невиновен (Лук. 23:47) и что Он является Сыном Божиим (Матф. 27: 54).

А что можно сказать об иудейских врагах Иисуса? Разве они не нашли в Нем немало недостатков? Да, нашли, но эти недостатки, в большинстве своем, скорее всего были похожи на добродетели, чем на пороки. Враги обвинили Иисус в том, что Он совершил исцеление в субботу (Иоан. 5:16); что Он общался с бедными и грешниками (Лук. 19:7); что Он нарушал некоторые известные обычаи, как мытье рук (Матф. 15:2); что Он ставил (милостивый) дух закона выше беспрекословного выполнения его (Матф. 12:7); что Он в достаточной мере не воздерживался в еде и питье (Лук. 7:34).

Главное обвинение в богохульстве осталось недоказанным; оно только утверждалось. Несмотря на это, они постарались доказать свое обвинение Иисуса в богохульстве, прежде всего, ложными показаниями, а затем попытками добиться признания у Самого Иисуса, что и было нарушением иудейского обычая. [Другие ссылки: Матф. 26:57—68; Марк. 14:53—65; Лук. 22:63—71; Иоан. 18:19—24. Есть многие хорошие произведения, обсуждающие судебный процесс над Христом. Хорошее короткое обсуждение находится в 24-ой главе книги Баркля: W. Barclay *Mind of Jesus* (New York: Harper and Row, 1960), стр. 221 —238.] Когда иудеи привели Его к Пилату, то переменили обвинение с религиозной к политической области, т. е. обвинение в богохульстве было превращено в обвинение в подстрекательстве к бунту! Три раза Пилат не соглашался с обвинением иудеев и тогда только поддался их желанию, когда они предупредили его, говоря: "Еслипустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю" (Иоан. 19:12).

4) Косвенные доказательства подтверждают личные свидетельства Самого Иисуса, Его друзей и Его врагов. Если желаешь выдумать и описать морально чистого человека, то надо заставить его не только утверждать, что он чист, но и *поступками* показать, что он этому верит о себе. Именно эту без слов говорящую часть человека очень трудно подделать.

У Иисуса Христа не было ни малейшего сознания о грехе в Себе. Он не переживал ни обращения, ни перемены, ни покаяния, ни угрызений совести, ни чувства виновности. Иисус похвалил мытаря за исповедание грехов, но Сам никогда их не исповедовал. Он ни разу не дал даже

малейшего намека, что нарушил какой-то принцип Своей совести, морального закона или Божьей воли. Он никогда не просил, чтобы кто-то молился за Него. В начале нового года Он не давал Себе слова исправиться и не говорил Себе: "С каждым днем Я совершенствуюсь в характере".

Даже неверующие соглашались с тем, что Иисус имел самое близкое общение с Богом, известное человеку. Но такая интимная близость никогда не приводила Его к болезненному сознанию о каком-то недостатке в Себе. Когда Исая видел Иегову в храме, то сказал: "Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами" (Ис. 6:5). Когда Бог заговорил Иову, то Иов ответил: "Я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле" (Иов. 42:6). Давид подобное исповедует: "Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя" (Пс. 50:7). Павел называет себя "первым из грешников" (1 Тим. 1:15) и восклицает: "Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?" (Рим. 7:24). Ничего подобного мы не слышим из уст Иисуса.

Дальнейшее подтверждение приходит от того, что Иисус дал такое новое определение греха, что никто из нас на основании этого определения не может говорить, что он безупречен. Его критика нарушения моральных принципов ограничений не знает; Он коснулся самой сути запрещенных пожеланий сердца. Моисей запрещал убийство; Иисус осуждал мстительный гнев. Моисей запрещал прелюбодеяние; Иисус осуждал само вождение. Моисей велел людям любить ближнего своего; Иисус велел им быть совершенными (Матф. 5:17—48)! Никто в истории человечества не изменил значение греха и не раскрыл его таким коренным образом, как Христос. Только Бог может испытать нас людей Своим уникальным пронизательным средством. Значит, все части картины складываются одна с другой и показывают, что всякий человек, который может таким образом раскрыть грех, сам должен быть лишенным греха и, поэтому, он может прощать людям грехи.

Быть может, самое лучшее доказательство, которое мы могли бы представить в защиту понятия о безгрешности Христа, состоит в том, что Он позволял Своим самым дорогим друзьям принимать Его таковым, т. е. безгрешным. Им Он сказал: "Следуйте за Мной", т. е. Он представлял Себя как пример идеального поведения. Так как Он им сказал, что они должны быть совершенны, как и Отец Небесный совершен (Матф. 5:48), то из этого следует, что Он считал Себя равным Отцу в вопросах морали. Если бы Он не был безгрешным, — а Он утверждал противоположное этому, — то это было бы самым ужасным в истории примером *высокомерия*.

Агнос, мы вернулись к тому месту, с которого начали наши поиски относительно утверждений Христа о Себе. Если Христос — самый лучший из всех людей, то Он был бы особенно чувствителен ко греху в Самом Себе. Самые выдающиеся люди производят сильное впечатление на нас по причине их признания своих недостатков, кроме Иисуса Христа. Считать себя безгрешным — это самый большой грех, — кроме того только, что это действительно так. Всякий, кто заявляет, что в моральном состоянии он совершен, является или лжецом, или душевнобольным, или он говорит истинную правду. [Смотрите Charles E. Jefferson *The Character of Jesus* (New York: Thomas Y. Crowell, 1908), стр. 330 и дальше.]

Не говорим ли мы в сущности, что характер Христа является чудом, самым большим чудом? Если все люди грешат, а Христос никогда не грешил, и если чудо является исключением из нормы, то не утверждаем ли мы, что Его жизнь была самым потрясающим из всех чудес? Неудивительно, что многим неверующим приходится ссылаться на гипотезу о мифическом происхождении Иисуса Христа для того, чтобы избежать ясного значения Его безгрешности. Мы можем подвести итог нашему утверждению следующим силлогизмом:

1. Если человек действительно добр, то он признает свои грехи, если согрешил.
2. Иисус Христос не признавал, что Он грешил.
3. Поэтому, или Иисус Христос не был всецело добрым, или Он никогда не грешил.

Агнос, еще раз заметьте, что в Вашей оценке Иисуса Христа никакой средней позиции не может быть. Он или грешен, или безгрешен.

Еще один последний пункт: он как раз в данном случае соответствует тому, что в Своих этических идеалах Христос абсолютно неуступчив. Если предположить, что источником всех ценностей является Бог, то разве стандарт ценностей у Бога в человеческой плоти оказался бы менее совершенным? Заявлял бы Он: "Конечно, грешить до некоторой степени можно"? Ценности Христа абсолютны и вечны; соблюдать их сегодня настолько трудно, насколько было трудно и в то время, когда Он впервые выразил их (например, как в случае заповеди подставить обидчику свою

другую щеку на второй удар).

Когда дело касалось ценностей, то Иисус редко уступал требованиям общественной культуры. Когда Магомет дал мужчинам право брать себе до четырех жен, он уступил требованию общественной культуры. Когда Моисей разрешил развод без особых трудностей, то он уступил требованию общественной культуры (Матф. 19:8). Когда Лютер позволил Филиппу Гессенскому жениться во второй раз, то уступил требованию общественной культуры. Создавалось впечатление, что Иисус как будто прилагал все усилия, чтобы нарушать правила общественной культуры и представить нам первоначальную всеобщую культурную этику. Он предсказал, что все пройдет, кроме Его слов.

Б. Иисус и Бог

Если Иисус был безгрешен, то Он пользовался правом утверждать, что открывает всецело святого Бога. По утверждению многих религий надо доказать, что Бог непознаваем, и считается, что только таким признанием действительно прославишь Его. Этого не скажешь о христианстве. Христиане убеждены, что во Христе "обитает вся полнота Божества телесно" (Кол. 2:9) и что Он есть "сияние славы и образ ипостаси Его" (Евр. 1:3). Христос толкует и объясняет настоящую природу Бога (Иоан. 1:18).

Вне сомнения, это приводит христианскую систему к "скандальной точности", но это также представляет мыслящему человеку действительную историческую личность, которую можно исследовать. Индийцу или индусу Бог всегда близок; в любой момент можно соединиться с Абсолютом. Тот, кто так думает, вероятно верит, что какое-то историческое событие может истолковать истину, но ни в коем случае не установить ее.

Что касается христианства, исторический Иисус Христос как раз и установил истину. Приходится принять одно из двух понятий о времени и откровении: индийское или христианское. Или 1) любое время и любое местоположение в одинаковой степени важно Богу, или 2) Бог выбрал определенные моменты истории и определенные места для Своих целей откровения. Христиане настаивают, что если не сориентируешься по известным определенным событиям, т. е. по "великим действиям Бога", особенно по тому, что Бог совершил во Христе, то никогда не придешь к вечному Богу. Помните заявление Христа: "Я есмь путь, и истина, и жизнь; *никто не приходит к Отцу*, как только через Меня" (Иоан. 14:6). Из всего, что Христос дал нам, самым дорогим мы считаем то, что Он открыл нам любящее сердце Бога.

В понятии греков Бог был лишен сердца. Боги завидовали человеку, даже не были рады тому, что Прометей украл и оставил огонь на земле. Боги были отделены от людей, равнодушны, они не заботились о жизни на земле. Идея о Боге с любящим сердцем не входила в понятие греков. Идея о Боге, принимающем усердное участие в человеческой жизни, не входила почти ни в одну из классических систем мышления, предшествовавших христианству. [В Augustine *Confessions* (VN.ix.13), Августин Блаженный пишет: "То, что Слово было в начале и что Слово было у Бога и Слово было Бог, — я читаю в книгах неоплатонистов... а то, что Слово стало плотью и обитало с нами, — этого нет".]

Разве иудейский Иегова заботился о людях? Да, заботился, но Он все еще был столь чистым и святым, что никто из людей не мог приступить к Нему и посмотреть Ему в лицо (Исх. 33:20). Встретиться с Богом таким прямым образом означало умереть (Быт. 32:20; Суд. 13:22). Бог настолько отличался от человека, что никакому грешнику невозможно было бы продолжать существовать, если он находился под Божьим гневом. Казалось бы, только пророк Осия увидел часть Божьей милости, которую Иисус открыл некоторое время спустя. В большинстве случаев Ветхий Завет страшил грешника: "Да исчезнут грешники с земли, и незаконных да не будет более" (Пс. 103:35). "От меча умрут все грешники из народа Моего" (Амос. 9:10).

Казалось бы, что аксиомой всех религий является то, что до Христа *Бог имел дело только с чистыми сердцем*. По этой причине большинство языческих религий и, печально сказать, некоторые варианты христианства основаны на страхе. Иудеи, как и греки, знали достаточно хорошо о силе, знании, справедливости, святости и праведности Бога, чтобы бояться Его, но Иисус Христос, Который называл Бога Отца "*Авва*" (со значением "папа"), научил мир любить Бога. В Новом Завете к тем, кому являлся Бог, первые слова чаще всего были: "Не бойся!" (Лук. 1:13, 30). Иисус сделал Бога

таким близким, что великий апостол Иоанн, возлюбленный Им, мог написать: "В любви нет страха, но совершенная любовь (Божья) изгоняет страх" (1 Иоан. 4:18).

Обнаружить, что Бог любит людей, — это нас удивляет, а обнаружить, что из-за любви Он ищет людей и пожертвовал Собой ради них, — это, в самом деле, нам очень трудно понять. Обыкновенной чертой всех древних религий является требование к человеку чем-то пожертвовать Богу, но понятие, что Бог чем-то пожертвовал человеку, — это что-то совсем новое. Иисус учил нас смотреть на Бога, как на пастуха, ищущего заблудшую овцу, или как на хозяйку, ищущую потерянную монету, или как на доброго отца, ждущего с большим нетерпением возвращения блудного сына (Лук. 15:1—32). Мы замечаем, что Бог весьма печален, когда люди остаются в гибельном состоянии, и что Он пожертвовал Своим единственным Сыном для того, чтобы спасти их (Иоан. 3:16; Рим 5:8).

Такое интимное откровение Бога существенно помогает человеку в его борьбе за жизнь по нравственным принципам. Только отца можно любить именно так, как, по словам Христа, мы должны любить Бога. Очень трудно любить судью, судящего нас, или сильного царя, господствующего над нами. Можно сказать, что только те, кто нашел и обнаружил Бога как Отца, могут по-настоящему возлюбить Его именно так, как, по указанию Иисуса Христа, мы должны любить Бога. Когда Иисус сошел на землю, исцелял больных, кормил голодных, утешал опечаленных и отдал Свою жизнь, то Он в сущности утверждал: "Бог именно таков по характеру; Он таким образом любит тебя".

Бог Иисуса Христа показывается в колоссальной мере большим, чем все, предшествовавшее Ему. Личный Отец заменяет Собой холодный мир *атеизма*. В Боге христианства абстрактное существо *пантеизма* перемещается и с теплотой входит в отцовское сердце жертвенной любви. Отдаленное, апатичное существо *деизма* приближается к нам и открывает свою душу. Многие боги *политеизма* входят в одно единое Существо, Чья сила, умственные способности и доброта превосходят силу, умственные способности и доброту греко-римского Пантеона. Во Христе понятие о Боге сразу же становится в истории ясным, правдоподобным, определенным, убедительным.

Вы, возможно, выскажете жалобу, что человек, открывший Бога, в конечном счете, затмит Его. Этого можно было бы ожидать, но интересно то, что в истории христианства это происходило весьма редко. Христос открыл и объяснил Бога, но ничем не затмил Его. Он увеличил славу Иеговы, ничуть не уменьшив Его достоинства. Христос ни разу не нарушал единства Троицы, ибо христиане никогда не приписывали Христу какую-нибудь оторванность от Бога. В греческой и индусской мифологии так не раз случалось, что один бог затмил другого. Вначале явились Зевс, Индра и Кришна, а потом они затмили предыдущих богов. [Смотрите Fairbairn, *Philosophy of the Christian Religion*, стр. 540.] Во всех христианских символах веры Христос считается онтологично одним со Своим Отцом.

Джон Генри Ньюмен сказал, что замечательные идеи нас не вдохновляют, пока их не олицетворяет какая-то выдающаяся личность. Только личность может по-настоящему открыть другую личность, и если Бог — личность, то понятие о личном Боге никогда не дошло бы до наивысшей степени значения, пока оно не проявилось бы в настоящей исторической личности. На протяжении двухтысячелетнего периода моральный пример Иисуса Христа своей довольно странной силой снова и снова пробуждает и стыдит Его последователей. Леки, историк, изучающий и пишущий о европейской морали, заявляет: "Вопреки всем грехам и неудачам, вопреки всем интригам и козням духовенства, вопреки всему преследованию и фанатизму, которые обезобразили Церковь, в характере и примере своего Основоположника она сохранила долговечный принцип". [Ссылка дается в James Moffat, *Jesus Christ the Same* (New York: Abingdon-Cokesbury Press, 1940), стр. 110.]

Постоянное свидетельство христиан состоит в том, что Бог становится известным в Иисусе Христе. По словам апостола Павла: "Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа" (2 Кор. 4:6). Никакой религиозный лидер, ни святой, ни пророк, ни мудрец не приблизил Бога к человеку так, как это сделал Иисус. Никакой мусульманин не запоет: "Магомет — покров душе". Никакой еврей не скажет о Моисее: "Ты помощь мне, Моисей". Никакой буддист не скажет: "Прекраснейший Будда, Владыка всей природы".

В. Иисус и человек

Осторожно! В подчеркивании божественности Христа таится свойственная ему опасность — тенденция приуменьшать Его человечность. Одно из самых странных явлений в истории христианства заключается в том, что первая ересь, возникшая в отношении Христа, касалась отрицания Его человечности, не божественности (1 Иоан. 4:1—3). Мы всегда должны держаться золотой середины по этому вопросу повторением выражения знаменитого символа веры: *vere deus, vere homo*, то есть "истинный Бог и истинный человек".

Евангелисты ничуть не постеснялись в утверждении о человечности Иисуса. Без всякого извинения они сообщают нам, что Он ел, пил, спал, ощущал голод и жажду, утомлялся, сердился, нуждался в сочувствии от других, молился Богу, избегал смерти и, в конце концов, умер. Он, как все мы, обладал чертами обыкновенного человека. Автор Послания к евреям красноречиво заявляет, что Христу нужно было стать человеком для того, чтобы уразуметь, как Он может помочь собратям и быть для них "верным Первосвященником" (Евр. 2:10—18).

Во всех веках Послание к евреям смущало некоторых христиан по той причине, что оно усиленно подчеркивает человечность Иисуса Христа. Агнос, это меня не смущает, потому что я торжествую от того, что Иисус был настоящим человеком. Каким другим средством мог бы Бог так ясно открыть Себя человеку? Меня просто трогает молитва Христа, высказанная в Гефсиманском саду перед Его распятием: "Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Матф. 26:39). В Послании к евреям говорится, что Иисус "с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти, и услышан был за Свое благоговение" (Евр. 5:7). Молитва является наивысшим внутренним действием души, и если бы Иисус по-настоящему не молился, то образ Его человечности оказался бы неполным.

Хотя Иисус был настоящим человеком, не думайте, что Он был нестрогим с людьми. Никто не осуждал человеческого греха столь сурово, как Христос. Но, с другой стороны, никто так высоко не ценил возможностей человеческих способностей, как Иисус. Правда, Он общался с грешниками, но никогда не думайте, что Он в поведении подражал дурным типам; также не подумайте, что Он оправдывал их грех, общаясь с ними. Когда Он с ними общался, то, на самом деле, призывал их к чистоте. Девиз Его был таким: "Ненавидеть грех, любить грешника!".

Иисус был самым выдающимся гуманистом во всей истории, но Его гуманизм не был антропоцентрическим, согласно которому люди отрицают Бога и заявляют, что человек способен спасти себя, полагаясь на знание и пользуясь методами бихевиоризма. Греки предпочитали знание; иудеи уповали на свои старания жить по моральным принципам, но Иисус учил, что праведная жизнь самопроизвольно исходит из характера, возрожденного Богом. Только процессом *metanoia*, то есть обращения, перемены сердца или разума, приличное поведение вытекает из доброго характера, подобно тому, как данный фрукт растет на своем соответствующем дереве. "Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое; ибо от избытка сердца говорят уста его" (Лук. 6:45).

Один автор, пишущий об учении Иисуса, написал: "То, что Иисус учит об этике, не является сбором правил поведения, а коллекцией примеров, которые показывают, как перемененный характер выражается в поведении". [T. W. Manson, *The Teaching of Jesus: Studies in Its Form and Content* (Cambridge: Cambridge University Press, 1967), стр. 301. Девятая глава особенно замечательна по обсуждаемому пункту.] Поэтому нам теперь ясно, почему Иисус был опечален ревнителями иудейского закона того времени. Если Он был прав, то закон оказался ненужным, поэтому власти были вынуждены остановить Христа в Его аннулировании закона, который определял характер Израиля. Иисус жил в такое время, когда иудеи очень высоко ценили "иудейский образ жизни" и сильно презирали всякую "языческую культуру". Для них не было сомнения, что Своим учением о законе Иисус как-то содействовал вторжению языческой культуры в иудейскую. Но без этого нового учения религия Христа ни в коем случае не могла бы оторваться от устои иудаизма и стать мировой религией, какой она сейчас и является.

Потому Иисус был одним из самых выдающихся в истории интернационалистов и эгалитаристов. Его притчи показывают, что Он

действительно интересовался людьми, всякими людьми. Он любил общаться с разными типами. Он присутствовал на свадьбах и торжествах — чаще, чем Его критики считали, что Ему надлежало. У некоторых Он вызывал весьма строгую критику за то, что общался с отверженными людьми, с неприкасаемыми, как с мытарями, с женщинами неприличного поведения, с самарянами и с прокаженными. Такое необычное отношение к ним Он защищал утверждением, что не здоровые, а больные нуждаются во врачебной помощи. Он сказал книжникам и фарисеям, что именно такие более несчастные люди войдут в Царство Небесное прежде них (Матф. 21:31).

Иисус учил о достоинстве каждого человека независимо от его положения в обществе, пола или расы. Самая чудесная притча Христа, наверно, касается доброго самарянина (Лук. 10:30—37). Вполне ясен главный моральный принцип этой притчи, — именно, что нет народа, владеющего монополией на доброту. Иисус укорил апостолов за то, что они не допускали детей к Нему. Он учил, что если Бог знает каждого воробья в отдельности, то Он безусловно знает каждого человека в отдельности (Лук. 12:6—7). Он часто говорил о "малых сих" или об "одном из сих братьев Моих меньших" (Матф. 18:14; 25:40).

Как далеко отличался дух Христов в то время от типичного отношения иудеев и греков к чужим. Имеется одно заявление, связанное с ессейской сектой и взятое из ее "Пособия дисциплины", обнаруженного при открытии "Свитков Мертвого моря". Членам секты дается приказ "любить всех детей света... ненавидеть всех детей тьмы — каждое дитя по мере его виновности". Иисус вероятно имел это в виду, когда сказал: Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим "вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного" (Матф. 5:43—45).

Иудеи верили в религиозную и моральную аристократию, а греки придерживались философского и интеллектуального понятия элиты. Иисус учил, что добродетель и искупление доступны всем. Платон учил, что добродетель в наивысшем виде доступна только философу и что суть философии подобна растению, которое редко растет среди людей. [Plato, *Republic*, Book VI.] Весь древний мир был предан понятиям аристократизма и элиты. Этим и объясняется низкое положение женщин и рабов в Римской империи. Последний мыслитель древности, Плотин, держался этого аристократического духа до конца жизни. Он учил, что неспособна восхищаться "подлая чернь", которая удовлетворяет потребности более достойных людей; восхищаться могут только избранные души, которых Высший Разум одарил способностью подниматься к вершинам мистики.

Знаменитый еврейский ученый, Монтефиоре, говорит, что самой уникальной особенностью учения Христа является Его понятие, что "любить означает искать погибших". [C. G. Motefiore *The Six Enneads*, Second Ennead, IX.9.] Иисус утверждал, что надо искать грешника, — не уклоняться от него, но искать его. Надо спасти его из-за чувства жалости, любви и необходимости лично послужить ему. Кадоу говорит, что "уважение Иисуса к женщинам и детям и Его усердные саможертвенные меры в избавлении грешников и врагов, непосредственно исходящие из решения любить ближнего своего как самого себя, — что приходится признать, — отсутствуют в еврейской этике". [Cecil J. Cadoux *The Historic Mission of Jesus* (New York: Harper, n.d.), стр. 117. Смотрите также Henry J. Cadbury *Jesus, What Manner of Man* (London: SPCK Press, 1962), стр. 64.]

Несмотря на то, что Христос редко путешествовал за пределы Палестины, Его любовь ко всем людям, Его забота о всех классах людей, Его жертвенная смерть даже за врагов — все это, и еще другие вещи, отделяют Его от окружающей среды и поднимают Его к уровню первичного человека, человека для всех людей. С того времени, когда Он жил, Его жизнь, казалось бы, стала одним из неизменяемых постоянств природы, подобно скорости света. Его характер считается самым высоким. Даже и по сей день большинство людей принимает Его понятие Бога. Он достиг универсального идеала. Чем же другим можно объяснить, что смуглый еврей овладел, в конечном счете, религией белокожих жителей нордических рас? Христос является единственным человеком Востока, которого уважают и которому поклоняются люди Запада.

Даже слова Иисуса никак нельзя применить только к одной определенной местности или культуре, ибо они сразу же принимают международный характер. Учения Христа на Его родном (арамейском) языке у нас нет, как в случае наставлений Магомета для мусульман. На протяжении целых столетий нельзя было перевести Коран с арабского языка. Но с самого начала изречения Христа приходят к нам в переводе и остаются в переводе по

сей день. Его слова как-то обладают таинственной способностью умножаться в переводе, не потеряв своей уникальности и большой силы. Христа принимают в любой людской среде; Его понимают на любом языке; Он понятен любому разуму и привлекателен любому сердцу. Мы не говорим: "Вот, иудей!... Вот, галилеянин!". Мы говорим: "Ессе Номо!", т. е. "вот, Человек!".

Г. Во Христе противоположные черты характера гармонируют

Восхищаться характером Христа подобно тому, как смотреть в калейдоскоп: просто не исчерпать образцов, которыми можно восхищаться. Меня более всего восхищает Его всесторонний характер — Его полная уравновешенность и систематическое сочетание в Себе противоположных характерных черт. Например:

1) Иисус сочетает в Себе силу и нежность. Многим людям очень трудно достичь золотой середины между строгостью и нежностью, мужеством и щедростью, негодованием и сдержанностью, властью и ответственностью. Неумение родителя достичь золотой середины может аннулировать его эффективность в воспитательных мерах.

Сила и мужество Иисуса ясно документированы в Евангелиях. Чрезмерно искажается картина, когда Его представляют как человека весьма мягкого, якобы бархатистого, полуженского характера. Он довел врагов до негодования, назвав их "безумными и слепыми" (Матф. 23:17) и детьми дьявола (Иоан. 8:44). Марк сообщает, что Он два раза разгневался — прежде всего, когда фарисеи негодовали на Него за то, что Он совершил исцеление в субботу (Марк. 3:5), и когда Его ученики не допускали детей прийти к Нему (Марк. 10:13—16). Не может быть сомнения, что Он проявил возмущение, когда выгнал продающих и покупающих из храма (Матф. 21:12).

Надо быть мужественным, чтобы разбить подлую торговлю в храме, нарушить традиционные правила соблюдения субботы, умалить мытье рук, связаться с женщинами неприличного поведения и с мытарями, отказаться от стараний некоторых сделать Его царем, заявить Себя Мессией перед синедрионом. Ясно, что люди видели в Иисусе человека сильной воли и страстного характера. Он с восклицанием обращался к злым духам и исцелял болезни. Люди утверждали, что Он говорил как власть имеющий. Когда римляне пришли арестовать Его, Он обратился к ним, сказав просто: "Это Я", а пришедшие тут же пали на землю (Иоан. 18:6).

В то же самое время Иисус знал, как быть столь нежным, добрым и щедрым, как снисходительный дедушка. Он знал и чувствовал, что значит заплакать об умершем друге, Лазаре (Иоан. 11: 52), ощутить и проявить любовь к богатому юноше, попросившему совета у Него (Марк. 10:21), любоваться детьми (Марк. 10:14), позаботиться о нуждах матери, вися на кресте (Иоан. 19:26—27). Он предупредил Петра не отмечать, сколько раз он прощает обидчика, а прощать его без ограничений (Матф. 18:22) Он дал нам такой совет: "Давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше" (Лук. 6:38). Он учил, что лучше давать, чем получать, и что никто в истории не проявлял этого принципа сильнее, чем Сам Иисус Христос.

Сочетание силы с нежностью, вероятно, яснее всего видно в том, как Иисус пользовался Своей силой. Как уже было отмечено, Он проявлял силу над любыми вещами: человеком, заболеваниями, природой, сатаной и его демонами. Но Он никогда не использовал этой силы для Своего возвеличивания. Его чудеса всегда были добродетельны, исцелительны, восстановительны и лечебны. Он никогда не боролся с проблемой развращенности, используя обладание великой силой. Когда солдаты арестовали Его, Петр сделал попытку защитить Христа, отсеки ухо у одного из пришедших. Христос сказал, что если бы Он нуждался в помощи, то мог бы призвать двенадцать легионов ангелов (т. е. приблизительно семьдесят тысяч ангелов — Матф. 26:53). Иисус исцелил и вернул отсеченное ухо пострадавшему. Что это за Человек, Который поддается несправедливому аресту, пользуется силой не в Свою защиту, а в помощь недругу, восстановив ему отсеченное ухо, и упрекает Петра за то, что он попытался защитить Его? Это качество сдержанности в сочетании с Его беспредельной силой получило соответствующее название: "шедевр Христа" *[Во многих культурах*

бытует рассказ о человеке, который неожиданно приобретает большую власть с помощью волшебного кольца, тайного зелья или магической лампы. Некоторое время спустя эта власть развращает его, так что он пользуется ей для злых целей.]

2) Христос сочетает в Себе достоинство и смиренность. Принимающим гипотезу о мифическом происхождении Иисуса приходится объяснить, как выдумщик может быть столь непоследовательным, чтобы позволить описываемой им особе сделать весьма дерзкие заявления о своей божественности, а потом унижить себя в такой мере, чтобы как раб умыть ноги апостолам (Иоан. 13:1—20). По-моему, такой парадокс переходит пределы человеческой выдумки. Смиренность Иисуса произвела на апостола Павла особенное впечатление, и он посоветовал христианам подражать Христу, потому что Он не искал сохранения равности с Богом, "но уничижил Себя Самого, приняв образ раба" (Фил. 2:7).

Быть смиренным не означает заявить себя ничтожным, как принято думать. Это скорее всего означает быть готовым служить Другим, учиться, не хвалиться, забыть о своем положении и снизойти к людям низкого положения (Рим. 12:16). Иисус говорил, что Он — Мессия и Божий особый Сын, тем не менее, Он общался со всякими типами и помогал им в их нуждах. "Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом, так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Матф. 20:27—28). Иисус был свободен от тщеславия, высокомерия, честолюбия, мечты об общественной известности и от стремления к власти, развращающей человека. Как духовные работники многих других культур, фарисеи того времени были тщеславными и высокомерными людьми, которые любили искать шумное одобрение толпы и сидеть на самых видных местах в синагоге, которые громко трубили о своих филантропических поступках.

3) Иисус сочетает в Себе набожность и доступность. Он обладал редкой способностью быть набожным, но в Своей святости не отделяться от людей. Он был чист, но не самоправеден. Он был безгрешен, но это качество не препятствовало Ему любить и сотрудничать со всеми типами людей. Марк говорит, что обыкновенные люди с удовольствием слушали Его (Марк. 12:37). Его понимание и симпатия к грешникам, по логике вещей, вытекали из Его специфичной доктрины о грехе. Если грех является определенным состоянием сердца, то все люди — грешники, и нельзя строго осуждать брата своего, потому что мы не знаем всего, что происходит в его сердце.

Хотя рассказ о женщине, взятой в прелюбодеянии, по всей вероятности не принадлежит новозаветному тексту (Иоан. 8:2—11), ученые в своем большинстве считают, что описываемое событие действительно произошло в жизни Христа. По всему известному из Евангелий, это событие в сущности соответствует характеру Христа. Когда группа мужчин привела женщину, захваченную в прелюбодеянии, и спросила у Иисуса, что Он сделал бы с ней, Спаситель что-то написал на земле и сказал: "Кто из вас без греха, первый брось в нее камень" (Иоан. 8:7). Они отошли один за другим, оставив Иисуса с женщиной. Он же отослал ее с предупреждением: "Иди и впредь не греши". Заметьте, пожалуйста, что Иисус простил ее грех, но также напомнил ей о действительности ее греха.

4) Иисус сочетает в Себе сдержанность и счастье. Зигмунд Фрейд утверждал, что в результате борьбы между личными желаниями и общественными обязанностями многие приходят к состоянию невроза и психоза, но Иисус избежал этой проблемы. Он показал, что ложной дилеммой является наше деление между этикой пуританина и жуира. Можешь быть сдержанным, остерегаясь аскетизма, — серьезным, остерегаясь угрюмости. Наоборот, можешь быть счастливым, избегая легкомыслия, — радостным, избегая опьянения.

Религия не сделала Иисуса угрюмым. Он не был бескровным святым, которого мы встречаем в картинах Эль Греко. Он обладал теплым ощущением, позволяющим Ему считать Себя человеком. Знакомясь с Его притчами, мы видим, что Он прекрасно наблюдал за природой и обществом и любил и то, и другое. Он без извинения наслаждался жизнью. Он предупреждал людей не поститься ради поста (Матф. 9:15). Монашеская особа не пожелала бы себе репутации, что она "любит есть и пить вино" (Лук. 7:34). Иисус всецело согласился бы с пожеланием, выражаемым при еврейских тостах: "За жизнь!".

Этот парадокс можно выразить другим образом: Иисус сочетал тело с душой, материализм с духовностью, реализм с идеализмом, эмпирическое со сверхъестественным, настоящий мир с невидимым миром. Он учил о превосходстве души и говорил: "Не беспокойтесь о завтрашнем дне", но Он

также трудился для того, чтобы исцелять страдающие тела, и однажды Он накормил более пяти тысяч человек. По Его понятию, тело и душа составляют собой одно психофизическое целое, а Он пришел послужить им обоим. Небо и земля, естественное и сверхъестественное составляют одно соединенное целое под Божьим руководством. Те, у кого есть глаза, без особого труда обнаруживают сверхъестественный мир, смотря на мир, который воспринимается нашими чувствам (Иоан. 1:50—51).

Д. Заключение

Агнос, уверяю Вас, что Человек, Которого я изобразил в этой главе, действительно жил в прошлом и еще живет в настоящее время. Уверяю Вас, что хоть раз в истории человечества жил Человек, Который действительно любил; для Которого наибольшая радость, состояла в том, чтобы всегда давать людям, ничего не желая Себе; Который жил не для того, чтобы люди служили Ему, но чтобы служить им; Который испытывал благословение в отдаче Себя другим. Если бы этот Человек был даже призрачным идеалом, как Гамлет, придуманный умом выдающегося драматурга, то даже и в этом Он оказался бы наилучшим идеалом истории, самой ценной мечтой, придуманной человеком.

Но Вы знаете, что Он — более мечты; вы теперь знаете силу доказательств, показывающих Его действительной исторической личностью. Если бы Богу нужно было стать человеком, то отличался ли бы Он чем-нибудь от этого Человека? Разве могла бы какая-то другая историческая личность приблизиться к Вашему идеалу совершенства?

В самом деле, чем дальше мы отступаем от Христа, тем лучше оцениваем Его величие, ибо только находясь на некотором отдалении от Него, мы замечаем, как продолжается Его влияние на людей. Тем, кто пользуется простым образцом эволюционного мышления для того, чтобы уразуметь все происходящее, будет трудно объяснить, почему после Христа ничего значительного не было добавлено к своду этических принципов, и почему никакая другая личность с ясным понятием морали не превзошла Его. Не надо знать много из истории, чтобы оценить воздействие слов Иисуса на мир, но поверьте мне, Агнос, полностью оценить их влияние невозможно. Его слова стали законами, они стали святыми учениями, символами веры, доктринами, проповедями, словами утешения, стихотворениями, словами, написанными на поздравительных открытках, и многим другим. Но, более всего, как предсказал Сам Христос, Его слова не прейдут!

Иисус Христос довел каждое положительное качество человеческого характера до его крайности. В стараниях мы Его не обгоним; Он всегда будет впереди нас, вызывая к нам: "Следуйте за Мной". Какие слова мне заимствовать, чтобы в достаточной мере прославить Его? Он не только — "Великий" как Петр, Фридрих или Александр. Он — "Единственный". Он превосходит все наши стандарты классификации. Он разрывает все категории распределения. Его не поставишь ни на какой диаграмме. Он более человека!

15. Иисус Христос и пророчество

Мы нашли Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова из Назарета" (Иоан. 1:45). Такими словами Филипп, один из первых апостолов Христа, сообщил Нафанаилу о пришествии Мессии. С того времени христиане верят, что Иисус Христос является лицом, обещанным Ветхим Заветом. Агнос, наши аргументы в защиту христианства частично основаны на пророчествах. Мы верим во Христа потому, что мы не можем объяснить исполнение Им столь многих ветхозаветных предсказаний, ссылаясь только на причины совпадения событий или осуществления какого-то обмана или на объяснения других гипотез. Чтобы полностью объяснить Иисуса Христа, нам снова приходится полагаться на сверхъестественное.

А. Христианский тезис

Допустим, Агнос, что кто-то дал Вам коробку с частями картинки-загадки и попросил Вас определить, принадлежат ли они к одной картинке или к нескольким. Как бы Вы разрешили этот вопрос? Вы взялись бы сложить части, чтобы увидеть, составляют ли они одну целую картину или нет. Если бы Вам невозможно было это совершить, то Вы сказали бы, что данные части не входят в одну картинку-загадку. Аргументы в защиту христианства на основании пророчеств подобны этому примеру.

В Ветхом Завете содержатся многие пророчества о Помазаннике, Который в свое время должен был открыть новую эпоху в духовной истории Израиля и всего мира. Среди духовных книг Библия уникальна, потому что в отличие от некоторых неясных предсказаний в ней содержатся довольно определенные пророчества. Все другие древние народы (как египтяне, вавилоняне, хананеи) воспринимали историю в ее циклическом виде, по которому история соответствует уважаемому людьми циклу выращивания овощей. Согласно этому взгляду, все повторяется ежегодно. Настоящего прогресса нет, все установленным циклом повторяется.

С другой стороны, иудеи воспринимали историю в ее линейном виде, по которому Иегова, действующий в истории, ведет события к великой будущей цели, когда осуществится Его воля, то есть будет установлено "Царствие Божие". Только иудеи направляли взор вперед, не назад, т. е. на будущий золотой век. Почему другие народы сами по себе не развили подобного подхода, как это сделал народ обетования? Почему никакой другой народ постепенно не вырабатывал подобного представления Грядущего? Иудеи отвечают: "Потому, что Иегова Сам говорил пророкам".

Христиане завершают свой аргумент утверждением, что мессианские предсказания Ветхого Завета становятся понятными только в лице Иисуса Христа. Как написал апостол Павел: "Все обетования Божии в Нем "да" (1 Кор. 1:20). Иисус складывает все части картинки-загадки в одно целое. Поэтому, *дарование и исполнение* пророчеств входят в главный план Разума, Который Сам руководит историей. Бог, Который дал пророчества, их также исполнил.

Мы утверждаем, что христиане *не выдумали* этого аргумента с апологетической целью после написания новозаветных книг. Можно проследить его ко времени самих апостолов и даже к более раннему периоду, — ко времени Самого Иисуса Христа. Иисус постоянно интерпретировал Свою миссию в свете мессианских пророчеств. После воскресения Он, идя по дороге в Эммаус с двумя учениками, сказал: "О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?". Лука добавляет: "И начав от Моисея, из всех пророков изъяснил им сказанное о Нем во всем Писании" (Лук. 24:25—27). *[Смотрите также Евангелие от Иоанна 5:45—47, где Иисус говорит: "Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцом: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо, если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне. Если же его писаниям не верите, — как поверите Моим словам?"]*

Неудивительно, поэтому, что Евангелия, книга Деяния апостолов и послания говорят о Христе, как Мессии, пользуясь терминологией Ветхого Завета. Они пользуются Ветхим Заветом для того, чтобы разъяснить, но не создать, доктрину о Христе-Мессии. Объясняя этот образец предсказаний и моменты исполнения их — дело, которое было начато Самим Иисусом, — Его ученики лишь дополняли то, что было сказано Им.

Апостол Павел был полностью убежден в том, что Иисус является Мессией, поэтому он обвинил иудеев в том, что они читали Ветхий Завет с покрывалом на лице. А как только кто из них обратился ко Христу, то покрывало спало с лица (2 Кор. 3:14—17). Апостол Петр уподобляет пророчество "светильнику, сияющему в темном месте" (2 Петр. 1:19). В этих заявлениях апостолы Павел и Петр используют терминологию научного анализа. Слабая гипотеза подобна покрывалу, лежащему на лице того, кто отказывается обратить внимание на другую теорию. Надежная теория в сущности подобна светильнику, сияющему в темном месте, т. е. направляющему свой луч на целый свод якобы несвязанных фактов.

Христианский тезис гласит просто: предположим, что Иисус Христос — Мессия, поэтому Ветхий Завет, особенно его мессианские предсказания, становится более понятными, чем при принятии любой другой теории.

Мы утверждаем, что Библия составляет одно неделимое целое. Мы утверждаем, что оба ее завета принадлежат к одному и тому же хору. Каждый завет принимает участие в антифоне, каждый из них исполняет одно и то же музыкальное произведение, написанное одним композитором. Мы отрицаем утверждение Ницше, что христиане "продолжают делать из Ветхого Завета невероятный филологический фарс". Мы отрицаем утверждение либералов, что христиане виновны в "произвольном толковании" текста всякий раз, когда они находят Христа в Ветхом Завете. Если Христос — Мессия, то Ветхий Завет действительно принадлежит тому, кто верит в Него, т. е. Церкви.

Со времени Христа евреи жалуются, что христиане "украли" их Библию и исказили ее, добавив к ней Новый Завет. Но, на самом деле, не оказывается ли просто удивительным то, что христиане полностью применили Ветхий Завет к своим целям при заявлении, что Иисус — конец закона, и избежали всяких плохих последствий этого? Как же мы, христиане, могли бы совершить, такое своевольное действие, если бы с самого начала наш тезис не оказывался вполне правдоподобным? Разве можно было бы сочетать "*Mein Kampf*" с "Подражанием Христу" и обмануть многих в такой мере, что они стали бы думать, что эти два произведения составляют одно целое? Почему даже миллионы людей со времени Христа верят, что Библия представляет собой одно целое?

Как же нам, тогда, доказать, что Христос — Мессия? Снова мы делаем это изучением различных мессианских предсказаний и дарованием Христу возможности истолковать их, т. е. предоставить нам ключ к правильному пониманию их. Если ключ подходит и отмыкает дверь, то наше утверждение установлено. Надеюсь, что, когда мы будем предлагать соответствующий материал Вам, Агнос, Вы постараетесь прочитать предлагаемые тексты в их контексте. Только при этом условии Вы сможете правильно оценить наше утверждение, основанное на пророчествах. Старайтесь быть подобным верующим, жившим в Верии, о которых Лука пишет, что они "были благомысленнее фессалоникских; они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так" (Деян. 17:11).

Б. Мессия и Его век

Самое сильное доказательство того, что христиане не выдумали утверждения о Христе как Мессии, заключается в том, что еще задолго до пришествия Христа у иудеев существовала коллекция литературы, которая по содержанию в сущности соглашается с тем, что христиане говорят о Христе. Иудеи и христиане ожидали, что Мессия выйдет из племени Иуды и Давида, что Он родится в Вифлееме, будет исполнен Духа Святого, будет царем и священником, что Он будет царствовать справедливо, что Он принесет мир, что у Него будет славное и вечное царство, что Он заставит языческие народы повиноваться Божьему закону и т. п. В этом разделе мы рассмотрим общие ожидания касательно Мессии.

1) Родословная Мессии тщательно отмечена в Ветхом Завете. Иегова обещал Аврааму, что Он благословит мир через его потомков (Быт. 12:1—3), но это не означало, что любой иудей мог бы стать Мессией. Заметьте процесс тщательного выбора Мессии. У Ноя было трое сыновей, но Мессия должен был прийти через Сима (Быт. 9:26). У Фарры было трое сыновей, но Мессия должен был прийти через Авраама (Быт. 12:3). У Авраама было двое сыновей, но Мессия должен был прийти через Исаака, не через Измаила (Быт. 21:12). У Исаака было двое сыновей, но Мессия должен был прийти через Иакова, не через Исава (Быт. 28:14; Числ. 24:17). У Иакова было двенадцать сыновей, но Мессия должен был прийти через Иуду (Быт. 49:10). У Иессея было восьмеро сыновей, но Мессия должен был прийти через дом Давидов (2 Пар. 7:16; Ис. 11:1—5; Иер. 23:5—6; Амос. 9:1 — 15).

Новозаветные авторы приблизительно тридцать раз определенно заявляют, что Иисус Христос — Сын Давидов (например: Матф. 1:1; 21:9; Лук. 3:23—31; Рим. 1:3).

2) Казалось бы, Грядущий должен родиться в Сионе, т. е. Иерусалиме, столице Израиля и Иудеи, но вот пророк Михей выбирает Вифлеем (Мих.

5:1—3). А это не любой Вифлеем, а Вифлеем-Ефрафа, который отличается от Вифлеема, находящегося в пределах Завулоновых. Давид был вифлеемлянином (1 Цар. 20:6), а его отец — ефрафянином (1 Цар. 17:1.2). Ефрафа — регион, в котором находился Вифлеем (Руфь 1:2). Поэтому Михей определенно уточняет место рождения Мессии, т. е. Того, "Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных" (Мих. 5:2).

Когда Ирод спросил, где должен родиться Царь Израиля, иудеи ответили словами, записанными Михеем во втором стихе пятой главы его книги. Некоторые иудеи, которые думали, что Иисус родился в Назарете, использовали этот стих для того, чтобы опровергнуть его утверждение (Иоан. 7:42).

3) Было бы очень трудно обманщику притворяться Мессией потому, что ему нужно было бы сыграть весьма сложную роль. Ветхозаветные пророчества утверждают, что Мессия станет царем (Быт. 49:10; Пс. 2:6; Зах. 6:13). Эта роль должна была быть самой важной для Него. Но также говорится, что Мессия будет священником, что в мессианский век будут соединены в этой особе царское и священническое достоинства.

В довольно популярном мессианском сто девятом псалме говорится, прежде всего, о Мессии как царе, а потом добавляется: "Клялся Господь, и не раскается: Ты — священник вовек по чину Мельхиседека" (Пс. 109:4). Захария предсказал, что "Отрасль", общеизвестное название Мессии, будет владычествовать, как Божий царь, и построит храм Иегове, но также Он будет "священником на престоле Своем" (Зах. 6:9—15).

Мессия также должен был быть пророком. Моисей предсказал это: "Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой... и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю ему" (Втор. 18:15—18). Фарисеи послали священников и левитов к Иоанну Крестителю, чтобы спросить у него, является ли он тем обещанным пророком? На это Иоанн Креститель ответил: "Нет!" (Иоан. 1:21). Когда Иисус накормил пять тысяч человек, народ заявил: "Это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир?" (Иоан. 6:14).

Это сочетание должностей царя, священника и пророка показывает, что Мессия не будет каким-то обыкновенным царем. Бог поразил царя Озию проказой, когда он сделал попытку посягать на священническое право (2 Пар. 26:16—21). Как же Мессии быть царем и священником? Ведь Он должен был быть священником совсем иного типа, — вечным священником, а не только священником на протяжении своей земной жизни, священником по чину Мельхиседека, не Аарона. Никакой израильский царь не мог утверждать, что он исполняет все эти роли, не говоря уже о требовании ему сидеть одесную Бога и быть вечным князем.

Это троякое предсказание было исполнено только Христом. Он был царем, хотя не по политическому плану (Иоан. 18:36), священником по чину Мельхиседека (Евр. 5:4—6; 7:1 —12) и пророком (Деян. 3:22).

4) Мессия должен был стать сверхъестественной личностью с необычными дарами. Исайя имел самое ясное представление о Нем. Мессия должен был прийти от "корня Иессеева":

"И почиет на Нем дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, и страхом Господним исполнится, и будет судить не по взгляду очей Своих, и не по слуху ушей Своих решать дела" (Ис. 11:1—3).

Моисей или Илия могли бы соответствовать этому в описании Его, но Исайя еще подробнее уточняет, кем является Мессия. Выходит, что только сверхъестественный человек может исполнить данные предсказания:

"Ибо Младенец родился нам, Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный Советник, Бог Крепкий, Отец вечности, Князь мира" (Ис. 9:6).

Обещанный этими словами Младенец, действительно, больше любого пророка, царя или священника, которого Иегова мог бы послать Израилю: Посмотрите на Его титулы: "Чудный Советник" — это указывает на Его сверхъестественную мудрость и постижение вещей; "Бог Крепкий" — эти слова относятся только к Иегове (Втор. 10:17; Неем. 9:32; Ис. 1:24. Иер. 32:18); "Отец вечности" — снова это относится только к Иегове (Ис. 63:16; 64:8).

Когда Иоанн Креститель послал своих учеников к Иисусу, чтобы спросить у Него, является ли Он истинным Мессией, Иисус, чтобы успокоить их, ссылается на книгу пророка Исаяи 35:5—6: "Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отвергнутся, тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь". Исаяя в сущности пророчествовал о чудесах Помазанника (Лук. 7:22).

Христиане убеждены, что только Христос может быть такой необычной личностью. Только Иисус Христос, — Богочеловек, — мог прийти от корня Иесеева и одновременно быть Богом крепким и Отцом вечности со сверхъестественным постижением всего и чудотворными силами.

5) Можно подумать, что все мессианские пророчества говорят о сильном политическом Мессии. Это так выходит, когда читаешь и знакомишься с одной линией предсказаний. Другая линия показывает, что многие пророки, как Иеремия и Иезекииль, пришли к сознанию, что не достаточно особе, принадлежащей к родословной линии Давида, явиться и восстановить Израиль. Суть вести о Мессии заключается в том, что люди должны стать новыми изнутри для того, чтобы пришло спасение к ним. Бог должен заключить новый завет с домом Израиля, — и не так, как было сделано в отношении завета Моисеева (Иер. 31:31—34). Иегова должен дать Своему народу "новое сердце" и "новый дух", чтобы он стал соблюдать закон (Иез. 36:26—27).

Этот новый завет не будут преподавать так, чтобы зазубрить его, но чтобы научиться ему сердцем и чувствами. Значит, послушание станет делом внутреннего человека. Люди уже более не будут учить друг друга, как "познать Господа", ибо все будут знать Его. Бог более не будет вспоминать грех, но это не потому, что люди будут приносить больше жертв, но потому, что все жертвоприношения в тот день прекратятся (Мал. 1:10—11). Люди более не будут вспоминать об изделиях, относящихся к эпохе Моисея, как ковчег завета (Иер. 3:16).

Эти пророчества были исполнены. Иудейские жертвоприношения прекратились и Иисус установил новый завет посредством Своей крови (1 Кор. 11:25). Автор Послания к евреям цитирует Иеремию 31:31—34 в подтверждение серьезно обдуманного утверждения, что Посредником нового завета является Христос (Евр. гл. 8—9).

6) Другая линия пророчеств подчеркивает всеобщую миссию Израиля и Мессии. Михей и Исаяя представляют ее яркой образностью речи:

"И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор, и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы, и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям; и будем ходить по стезям Его. Ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима..." (Ис.2:2—3; Мих. 4:1—2).

Придет тот день, когда весь мир поклонится Богу Израиля, как говорят пророки. Малахия предсказал, что, когда жертвоприношения прекратятся, имя Иеговы "велико будет... между народами" (Мал. 1:11). Захария дал пророчество, что Мессия "возвестит мир народам" и что "владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли" (Зах. 9:10). Исаяя предвидел, что даже египтяне в тот день поставят жертвенник Иегове (Ис. 19:16—24). Иоиль сильно удивил соотечественников предсказанием, что Бог когда-то в будущем изольет Своего Духа "на всякую плоть" и что Иегова воспользуется новыми необычными проявлениями: "И будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения" (Иоиль 2:28).

В Царстве Мессии спасение будет доступно всем людям независимо от их национальностей. Иоиль говорит, что тот, кто призовет имя Господне, спасется (Иоиль 2:32). Исаяя предвидел, что Бог даже примет "иноплеменников" на своей святой горе и позволит им положить на Его жертвенник всесожжения и жертвы. Им только нужно будет сохранять субботу и жить по Его завету. Иегова желает, чтобы Его дом назывался "домом молитвы для всех народов" (Ис. 56:6—7).

Христос исполнил все эти предсказания тем, что принес и предложил евангельскую весть всем народам и людям, в которой "нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе" (Гал. 3:28).

7) Другая линия пророчеств показывает, что Мессия будет мирной особой с определенной миссией, направляемой бедным и нуждающимся. Он будет более, чем только воин-победитель, Он "будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине" (Ис. 11:4). Исайя говорит, что Он не будет пользоваться насилием, а путем убеждения Он осуществит справедливость:

"Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах. Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит" (Ис. 42:2—3).

Мы уже отметили глубокую заботу Иисуса о покинутых и нищих. В четвертой главе Луки мы читаем о том, как Иисус использовал слова, записанные в книге Исаяи 61:1—2, для того, чтобы определить главный характер Своего жизненного труда. Ему дано было "благовествовать нищим... исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение... отпустить измученных на свободу" (Лук. 4:18). Мы замечаем, что в мессианский век бедные все еще существуют, но они близки к сердцу Мессии-Царя; они занимают особое место в Его сердце.

Мессия также обезоружит народы и прекратит все войны. Исайя и Михей предсказывают, что когда слово Иеговы будет возвещено из Иерусалима, Мессия "будет судить многие народы и обличит многие племена в отдаленных странах; и перекуют они мечи свои на орала и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать" (Мих. 4:3; см. также Ис. 2:4).

Еврейские комментаторы всегда считали слова, записанные в Захарии 9:9—10, ясным мессианским текстом. Им трудно было понять, как это может быть, что Мессия станет и царем и униженным лицом:

"Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней в Иерусалиме, и сокрушен будет бранный лук; и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли" (Зах. 9:9—10).

Торжественным и победительным оказывается Царь-Мессия, но Он приезжает как кроткое лицо, сидя не на белой лошади, а на осле. Затем Он возвещает мир, истребив всякие инструменты войны. Матфей цитирует это место в своем Евангелии (21:4—5) при въезде Иисуса на осле в Иерусалим как во исполнение предсказанного. Иоанн также пользуется этим местом (12:15) и объясняет, что ученики не понимали исполнения данного пророчества, пока Христос не воскрес из мертвых.

Это пророчество о Мессии, прекратившем всякие войны, вызывает у христиан некоторые трудности. Ясно, что войны нас не оставили. Если принять пророчество в символическом плане, то Христос прекратил войны между народами в том смысле, что внутри Церкви Он прекратил национальные и международные дразги. Некоторые комментаторы понимают такие пророчества в их буквальном смысле, хотя они добавляют, что войны прекратятся окончательно при втором пришествии Христа.

8) И иудеи и христиане знали, что перед пришествием Мессии придет необычный вестник, Илия. Это удивительное пророчество мы находим в последней книге Малахии. Этот вестник, прежде всего, описан и вначале не назван:

"Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится?" (Мал. 3:1—2).

Заметьте, что "Господь" должен "внезапно" явиться при служении вестника-предтечи. А, ведь, как раз так и случилось, когда Иисус явился при служении Иоанна Крестителя. Также заметьте, что Малахия называет Мессию "Господом" и "Ангелом (или Вестником) завета". Эти именованья связывают Его с новым заветом, предсказанным Иеремией. Иисус явился внезапно и принес новый завет (Евр. 8:6).

Заметьте также странное заявление Малахии: "Господь... идет, говорит Господь Саваоф". Оно напоминает нам о сто девятом псалме, где говорится: "Сказал Господь Господу моему". Господь грядет, но также Господь посылает Господа! Такое не совсем понятное заявление могло бы быть исполнено только божественной Личностью, подобной первой божественной Личности, пославшей вторую, т. е. заявление Могло бы быть исполнено воплощенным Сыном Божьим, Иисусом. Христом.

Но Малахия в предсказании также именует предтечу: "Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господнего, великого и страшного. И Он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их" (Мал. 4:5—6). И Матфей и Марк цитируют эти стихи, связывая их с Иоанном Крестителем (Матф. 11:13—14; Марк. 9:11—12).

Не может быть сомнения, что Иоанн Креститель, проповедуя о необходимости крещения, вызвал пробуждение в израильском народе. Среди простых людей он стал столь популярным, что Иисус в споре с иудейскими властями заставил замолчать Своих критиков, ссылаясь на известность Иоанна Крестителя (Матф. 21:25—27). Никто не может утверждать, что Иоанн Креститель был Илией во плоти; ведь даже иудеи не принимали этого предсказания в таком буквальном смысле. Так как некоторые отождествляли Иисуса с Илией (Матф. 16:14), то это показывает, что они не ожидали полного перевоплощения Илии. Иоанн Креститель пришел "в духе и силе Илии" (Лук. 1:17), что и оказалось достаточным для исполнения пророчества.

Все как раз подходит, не так ли? Последний стих канонической части Ветхого Завета дает обещание о пришествии Мессии!

В. Скандальные пророчества

До этого мы рассмотрели мессианские пророчества, с которыми и иудеи и христиане в основном соглашались. Давайте обратим внимание на те пророчества, которые нас разделяют. С самого начала истории церкви стало ясным, что иудеев сильно обижает понятие, что Мессия потерпит унижение, будет отвержен Своим народом и умрет на римском кресте (1 Кор. 1:23). Но от начала Своего земного служения Иисус готовил учеников к тому, что "Сыну Человеческому должно пострадать".

А где именно говорится ветхозаветным пророком, что Мессии нужно будет пострадать? В некоторых спорных местах книг Исайи, Захарии и Псалтыря мы находим свидетельства той "темной стороны" вопроса, относящейся к мессианской миссии. Эту негативную сторону большинство иудеев не хотели признать.

1) Вторая половина книги Исайи (гл. 40—66) особенно важна для истолкования миссии и вести Иисуса. Ученые двадцатого века приходят к сознанию, что "песни Божьего Раба", записанные в книге Исайи, представляют самый важный ключ к сознанию Христом Своей мессианской миссии. *[Комплект четырех песен Божьего Раба составлены из следующих: Ис. 42:1—4; 49:1—9; 50:4—11; 50:13—53:12. Комментаторы расходятся по вопросу о том, какие стихи входят в состав первых трех песен, но соглашаются по составу четвертой песни. Если внимательно прочитать эти песни, то становится ясным, что они выделяются на фоне всей книги. Они не были составлены произвольно, как некоторые утверждают.]* Иисус очень ясно отождествился со страдающим Рабом, упомянутым Исайей (например, смотрите Марк. 10:45; Лук. 22:37). Кем является этот Раб и на каком основании мы уверены, что Он является этим обещанным Мессией?

Разумеется, мы стопроцентно не уверены в этом, но для нас имеется авторитетное слово Самого Иисуса Христа, что таким же образом нужно интерпретировать песни Божьего Раба. Но даже без Его авторитетного утверждения имеются некоторые свидетельства, показывающие упомянутого Раба особой, соответствующей Мессии. Слуга обладает характеристиками, приписанными Мессии: 1) Его называют отпрыском и ростком; 2) в Нем живет Дух Божий; 3) Он приносит свет и открывает Тору, то есть наставляет; 4) Он судит народы. До этого места в тексте о Нем не упоминается ничего, смущающего нас, но как раз после этого, во второй и третьей песнях, мы все более и более слышим о страдающем Рабе. Он жалуется, что напрасно трудится, скептики бьют Его по спине и щеке и вырывают бороду, действие, которое человеком Востока считалось знаком ужасного унижения.

В четвертой песни мы узнаем, что Раб умирает и воскресает, и с этого мы начинаем понимать смысл и цель переживаний, которые Иегова навел на Него. В пятьдесят третьей главе книги Исайи мы читаем следующее о Нем:

"Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в

Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его, Но Он взял на Себя наши немощи, и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъяснен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его, кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его, Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем" (Ис. 53).

Любому непредубежденному человеку внимательный анализ четвертой песни показывает, что текст ясно говорит о жертвенном страдании, смерти, воскресении и возвышении Иисуса Назарянина. Пророк признает, что его *керигма*, т. е. провозглашаемая им весть, — такого характера, что многие не поверят сказанному, что цари удивятся и закроют перед Ним уста (Ис. 52:15—53:1). Тем не менее, в смерти Раба открывается мышца Господня, т. е. Его сила становится известной и явной.

Раб Божий — весьма кроткого духа. Нет в Нем ни величия, ни славной репутации. По виду Он даже непривлекателен; Он болен, неопрятен, непригоден для общественной жизни, "поражен" как прокаженный. Но, несмотря на все это, этого Раба провозглашают *безупречным*! Все-таки, Его убивают несправедливыми методами, Его казнят без соответствующего суда. Он не протестует. Никто не озабочен тем, что происходит с Ним. Даже в смерти Его связывают с уголовниками.

И вдруг пророк обнаруживает, что Иегова Сам запланировал страдание Раба. Воля Божья в том, чтобы ранить Его, сделать Его "жертвой за наши грехи". Никакого сомнения не может быть о значении этой жертвы; это есть жертва за грехи и вину человека по указаниям священнического закона, которая отличается от всех других жертв в силу того, что в ней подчеркивается необходимость удовлетворения и возмещения. Пророк находит объяснение Его страдания в Божьей цели даровать спасение израильскому народу. Он умер не за Свои грехи, но за грехи других.

Большинство пророков совершают самый большой труд проповедованием; Раб совершает самый большой труд умиранием.

И тут же открывается самое необыкновенное: Иегова воскрешает Раба! Он не может остаться в мертвом состоянии, ибо справедливый Бог должен вознаградить Его за такую необычную набожность. Иегова продлевает Его дни и позволяет Ему увидеть "плоды" Его труда, т. е. Своих духовных детей, — тех, кто получил великую пользу от Его смерти. Иегова говорит: "Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу" (Ис. 53:12).

И еще открывается последнее важное значение всех песен Раба: по причине чудесного Божьего воскрешения Его из мертвых многие "будут оправданы" (Ис. 53:11). Мы теперь понимаем, что Раб был прав. Мы видим, как Иегова возвращает Ему величие и честь. Нас глубоко трогают Его ни с чем не сравнимая терпимость в страданиях и жертвенная смерть ради нас. В результате великого чуда мы начинаем разделять представление Раба, обнаруженное пророком. Поразительные психологические воздействия, вызванные служением Раба, способствуют перемене сердца у каждого, кто разделяет обнаруженное пророком.

Истинным Икупителем Израиля является этот страдающий Раб. Он по-настоящему восстановит и представит Иакова Иегове, потому что только Он может устранить то препятствие, которое разделяет Иегову с Иаковом, — именно, грех (Ис. 59:2). Когда Иисус явился Израилю, то учил, что

порабощение греху гораздо хуже порабощения другому человеку (Иоан. 8:33—34). Этим Он дал Свою интерпретацию пятьдесят третьей главы книги Исаяи. Не удивительно, поэтому, что эта глава в настоящее время называется "плохой совестью синагоги" и ее более не читают на еврейских собраниях.

Многие стараются выйти из неловкого положения относительно сказанного в пятьдесят третьей главе книги Исаяи утверждением, что можно по-иному истолковать упомянутого в ней Раба. Конечно, можно, но почти все другие интерпретации вызывают большие трудности.

а) По интерпретации, основанной на понятии коллектива, Рабом является сам Израиль. Однако, такое истолкование делает пятьдесят третью главу книги Исаяи совсем непонятной. Пророк, который сам безусловно является иудеем, употребляет и применяет личное местоимение "мы" к себе, чтобы отличать себя от "Него", т. е. от того Раба, Который умирает за грехи всех людей. Сверх того, иудейский пророк ни в коем случае не сказал бы, что Израиль принимает муки с большим терпением, тем более, что он сам безгрешен и умирает ради искупления других. Разве Израиль умер, был погребен, пережил воскресение, а затем стал светом для язычников?

б) По интерпретации, основанной на понятии **определенной особы**, утверждается, что пророк говорит о каком-то выдающемся израильтянине, жившем и пострадавшем в служении Богу когда-то в прошлом. Многие предлагают, что речь здесь идет об Езекии, Узии, Иеремии, Иове, Моисее или Зоровавеле, но ни одна из этих личностей не подходит к делу. Многие иудейские пророки пострадали за служение, но их страдания ничего общего не имели с делом искупления, также как не последовало за этим воскресение, даровавшее им силу принести истинную религию язычникам. Если Раб был бы каким-то неизвестным святым, которого пророк хотел бы стихотворением прославить, то, как мне кажется, автор был бы поражен тем, что его герой умер и не воскрес, поэтому Его смерть не имела бы никакого значения для язычников.

в) По интерпретации, основанной на понятии **автобиографии** написавшего пятьдесят третью главу Исаяи, утверждается, что пророк говорит о самом себе. Если так, то трудно было бы понять, как он мог изобразить свою смерть и воскресение и говорить об этих моментах, как о средствах искупления. Некоторые даже предлагают, что пророк страдал от сильной горячки, когда писал о своем воскресении!

Агнос, я согласен с тем, что Песни Раба в книге Исаяи довольно таинственны, но ничего положительного не вижу в том, чтобы этим наслаждаться, когда у нас есть надежное объяснение Раба в лице Иисуса Христа. Иисус принадлежал к классу бедных, в Нем жил Дух Святой. Он не протестовал, когда Его унижали. Его казнили вместе с преступниками; Он умер жертвенной смертью, был воскрешен Богом и стал светом для язычников. Неужели жизнь какой-то другой исторической личности еще лучше соответствует всем этим данным?

2. Пророк Захария также передает таинственные пророчества, выделяющие темную сторону мессианской миссии. Мы уже упомянули противоречие, по которому грядущий Царь, будучи кроткой особой, въезжает в Иерусалим на осле (Зах. 9:9). Захария предсказал, что при пришествии "Отрасли" (название, которое ясно относится к Мессии) Бог изгладит "грех земли сей в один день" (Зах. 3:8-10). Это говорит о каком-то колоссальном происшествии, внезапно осуществившем искупление, что и напоминает нам об искуплении, осуществленном Рабом раз и навсегда. Одной из главных тем Послания к евреям является искупление, соделанное раз и навсегда смертью Иисуса Христа (Евр. 9:28).

В одиннадцатой главе книги Захарии говорится о том, что Мессия будет связан со "стадом", т. е. народом, — как во благо, так и во вред ему. В стихах 8—11 говорится, что некоторые люди ненавидят Пастыря (Мессию). Поэтому Пастырь аннулирует завет, а такое действие пробуждает этих людей прийти к сознанию, что случившееся является проявлением "слова Господа". В стихах 12-14 Мессия просит плату от них за служение; они дают Ему тридцать серебрянников, значит, сумму стоимости раба. Эта пустяковая сумма показывает, как они низко ценят Пастыря. Господь велит бросить деньги "для горшечника". Матфей (27:5—10) ссылается на эти необычайные слова, и даже удивительно, как сказанное ими соответствует испытанному Христом. Добрым Пастырем был Иисус (Иоан. 10:11); среди израильского народа Он вызвал разделение в понятиях о Себе. Ненавидевшие Его купили Его от Иуды-предателя как раз за тридцать серебрянников; эти деньги были брошены для горшечника и завет был аннулирован.

Другое странное предсказание о Пастыре читается так: "О меч! поднимись На пастыря Моего и на ближнего Моего, говорит Господь Саваоф:

порази пастыря, и рассеются овцы!" (Зах. 13:7). Так как меч является символом казни осужденного, пророк говорит, что Иегова казнит Пастыря. Услышав это, нам сразу же хочется сказать, что Пастырь наверно грешен, но это не так. Бог называет Его "ближним Моим". Это свидетельствует о том, что Пастырь, в интересах Своих, в очень близком общении с Богом. Быть может, Он даже является Сыном Божиим. Но зачем Иегове казнить Его? Для какой цели Он содействует казни Раба (Ис. 53)?

Без Иисуса Христа я не мог бы ответить на эти вопросы. Сам Иисус сослался на пятьдесят третью главу книги Исайи, утверждая, что все сказанное в ней будет исполнено Его крестной смертью (Матф. 26:31—32). Он стал тем убитым Пастырем, а Его ученики — рассеянными овцами.

Евреи имели немало трудностей с этими предсказаниями. На самом деле, некоторые из них надеялись, что придет Мессия в великой славе, но они также интерпретировали места, содержащие темные предсказания, как относящиеся к Мессии, но для этого им приходилось постулировать двух Мессий: первого, пострадавшего и умершего, Сына Иосифа; второго, настоящего Мессию, Сына Давида, Который станет великим Победителем и будет царствовать. Правила Оккамского ножика в отношении вопроса Мессии показывает, что один Мессия, страдающий и царствующий, Иисус Христос, ссылаясь на Самого Себя, прекрасно объясняет все эти пророчества.

3. Двадцать первый псалом читается так, что Давид будто бы написал его, стоя у креста Иисуса Христа. На кресте Иисус промолвил слова, записанные во втором стихе двадцать первого псалма: "Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?" (Матф. 27:46). В этом коротком псалме я могу указать на двенадцать отдельных моментов, относящихся ко Христу: 1) презирают и издеваются над Ним (ст. 6); 2) смеются над Ним за Его веру в Бога (ст. 8—9); 3) Его рождение в человеческой плоти было запланировано Богом (ст. 10); 4) Его окружили "тельцы", "лев" и "псы" (ст. 13—17); 5) Его кости были вытянуты из впадин и стали видными всем — все это в результате распятия (ст. 15, 18); 6) Его сердце перестало биться в Нем (ст. 15); 7) Он ощутил великую жажду (ст. 16); 8) Его враги пронзили Его руки и ноги (ст. 17); 9) люди поделили Его одежду между собой (ст. 19); 10) однако, Бог избавляет Его из такого тяжелого положения (ст. 21—22); 11) Он продолжает жить для того, чтобы возвещать будущим поколениям Божье величие (ст. 23, 32); 12) и, в конечном счете, "все концы земли" и "все племена язычников" (ст. 28) восхвалят Бога за Его избавление. Прочитайте Евангелия и Вы заметите, как все там описанные события соответствуют предсказаниям двадцать первого псалма.

Никакой израильский царь или священник не перенес страшного издевательства и страдания, описанного в двадцать первом псалме. Также, никакой еврей не представлял бы свое избавление от смерти как случай, побуждающий обращение мира к Богу. Выходит, что двадцать первый псалом и пятьдесят третья глава книги Исайи получают самое ясное объяснение воскресением Христа.

В пятнадцатом псалме, в стихах 9—10, Давид говорит о воскресении: "Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании; ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление". Это довольно странное заявление, потому что в дни Давида никто не был уверен в реальности жизни после смерти. Однако, Давид как-то спокойно объявляет, что смерть не будет проявлять силу над Ним, что Он не останется в аде, что Его тело не разложится. Как утверждал апостол Петр в день Пятидесятницы (Деян. 2:25—32) и как апостол Павел заявил в Антиохии (Деян. 13:35—37), довольно ясно, что Давид не говорит о самом себе, потому что умер и был погребен и тело его все еще лежит в гробу. Наоборот, Давид указывает на Мессию, Иисуса Христа, восставшего из гроба.

При сочетании "темной" и "светлой" сторон вопроса Мессии создалась спутанная паутина, которую еврейские комментаторы не смогли разобрать. Как это может быть, что Мессия является и Царем, и Священником, и Пророком, и Пастырем, и страдающим Рабом, и заместительной Жертвой за человеческие грехи? Быть может, Бог как раз избрал такой путь для того, чтобы никто другой не мог исполнить все данные требования, кроме Того, Кто держал ключ. Рамм говорит: "То, что все пряди Ветхого Завета безнадежно перевязаны одна с другой, но также так прекрасно развязываются жизнью Христа, тем более и доказывает, что за пределами буквы Писания действует безошибочное руководство Духа Святого". [Bernard Ramm, *Protestant Christian Evidences* (Chicago: Moody Press, 1954), стр. 119.]

Мы уверены в одном, Агнос, — что когда человек приходит к христианству и начинает читать Новый Завет, то он просто поражается его

окончателъностью и универсальностью. В отношении Евангелiя Иисуса Христа мы более уже не имеем дела с какими-то предварительными установлениями и предсказаниями. Мы не ожидаем никаких будущих религиозных происшествiй. Мы не услышим никаких пророчеств о Том, Кто грядет, о великом Отрасле или о новом завете. Он уже пришел и Его религия покрывает мир, как вода покрывает все моря. Он является настоящей славой Израиля, Светом, просвещающим язычников. После Его первого пришествiя остается только Его второе пришествiе!

Г. Полнота времени

Если наше утверждение, взятое от пророчеств, достоверно, то мы знаем, что Бог управляет хронологическим течением исторических событий, то есть Он все осуществляет По Своему плану. В Новом Завете сообщается, что Христос пришел в свое время. Иисус начал Свое служение объявлением: "Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие" (Марк. 1:15). Апостол Павел написал галатам: "Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего" (Гал. 4:4), а Титу он написал, что Бог "в свое время" явил Христа (Тит. 1:3).

Можно ли показать, что Христос пришел в благоприятное время? Конечно, можно! Разделим анализ на две части: на умственную и физическую.

1) Бог умственно подготовил людей к пришествию Христа. Он послал Христа в то время, когда идеи, идеологические и философские убеждения и наклонности как раз и были готовы к Его явлению:

а) Как мы уже увидели, Бог приготовил иудеев к явлению Мессии многими messiанскими пророчествами, описывающими Его, дающими Его родословие и открывающими место Его рождения, Его имена и сущность Его труда. Всякий, читающий эти пророчества с правильным пониманием, ожидал бы Избавителя, установления нового завета, коренного изменения в истории Израиля. Иудеи точно не знали, когда Он явится, но по сказанному в первом стихе одиннадцатой главы книги Исая, Мессия должен был явиться в то время, когда корень Давидов не будет иметь особенной важности. По записанному в десятом стихе сорок девятой главы книги Бытия это произойдет перед тем, как Иудея потеряет суверенитет. *[Целиком правдоподобная интерпретация второй и седьмой главы книги Даниила могла бы привести к пониманию, что Мессия должен явиться при Римской империи. Четвертая часть большого истукана, которого видел Даниил и описывает во второй главе, и четвертый незванный зверь, которого он видел и описывает в седьмой главе, видно относились к Риму. Первые три зверя относились к вавилонскому, мидо-персидскому и македонскому царствам.]*

При окончании первого столетия до Рождества Христова многие группы в Израиле ожидали Мессии и пришествия Царства Божия — "утешения Израиля". Поэтому можно понять волнение народа, когда в пятнадцатом году царствования Тиверия Кесаря Иоанн Креститель внезапно явился в Израиле и начал проповедовать о покаянии и о необходимости приготовиться к пришествию Грядущей Особы. На протяжении четырехсотлетнего периода никто не видел подобного пророка. Его весть провозглашалась и принималась с убеждением и авторитетностью. Он говорил о необходимости духовного возрождения и соответствующей перемены сердца. Он предупреждал, что принадлежность родословной линии Авраама ничего не доказывает; Бог из камней приготовит Себе детей. Он предсказал, что вскоре после него явится Мессия, Который отделит хороших от плохих, как землероб отделяет зерно от плевел (Матф. 3:1 — 12).

б) Бог умственным путем приготовил язычников к пришествию Христа. Он послал Христа тогда, когда человеческая мысль находилась в удрученном состоянии, когда спекулятивная философия находилась в подавленном состоянии. Эллинистический период западной философии, начавшийся со времени Александра Великого, был назван "периодом недостатка мужества". [Смотрите главу четвертую в книге Гилберта Муррея: Gilbert Murray *Five Stages of Greek Religion* (New York: Columbia University Press, 1925).] Это было время цинизма, скептицизма и идеологической безнадежности. Прошли славные дни Платона и Аристотеля, составивших громадные спекулятивные системы мышления. Мыслители эллинистического периода: стоики, эпикурейцы, циники и скептики, были убеждены, что дойти до абстрактной Истины с помощью человеческого

разума невозможно. В чем тогда заключалась цель человеческого мышления? Видно, только в достижении счастья, личного блаженства и удовлетворения посредством неограниченных плотских удовольствий (по мнению эпикурейцев), или возвращения к природе (по мнению циников), или возвышенного этического кодекса (по мнению стоиков). Для таковых слово от Бога принесло бы большую радость.

Христос явился, когда старые классические религии Римской империи оказались в состоянии духовного банкротства. Греко-римский Пантеон империи не объединил, поэтому цезарям нужно было установить практику поклонения им. В поисках религий, содержащих смысл, личного спасителя и бессмертия, многие из простонародья гонялись за новыми религиями, вышедшими из Египта и Востока. Когда христианская евангельская весть стала распространяться среди людей, то она проявляла удивительную способность удовлетворять их глубокое желание личного спасения и бессмертия.

Поэтому Христос явился в то время, когда мир Средиземноморья находился в духовном вакууме, что и было признано даже нехристианскими историками. Он пришел, когда многие признавали свою нужду в спасителе. "Блаженны нищие духом, — сказал Он, — ибо их есть Царство Небесное" (Матф. 5:3).

2) Бог также физическим путем приготовил мир к пришествию Христа. Он управлял политикой, экономикой, языковой коммуникацией древнего мира и его общественными событиями, чтобы создать благоприятные обстоятельства для явления Своего Сына в истории.

а) Когда явился Христос, Римская империя только что установила себе восточные границы. В 63-ем году до н. э. Помпеи завоевал Палестину. Земля была только что покорена и политически организована, и вот как раз в это время, между 7-ым и 4-ым годом до н. э., рождается Иисус. Я не могу в достаточной мере преувеличить значение того, что Христос сошел на землю в самый мирный период человеческой истории, в период мира внутри Римской империи. В предыдущем столетии продолжалась в Средиземноморье долгая война. Однако, начиная с восшествия на престол Октавиана (Августа) в 27-ом году до н. э. до смерти Марка Аврелия в 180-ом году, мир Средиземного бассейна обладал почти ничем ненарушаемым спокойствием. Всего лишь два локализованных конфликта, в котором участвовали иудеи, немного нарушили период мира и политической стабильности.

Как только Евангелие начало распространяться, то евангелистам стало ясно, что им предоставлен довольно легкий доступ ко всем частям империи. Они могли пользоваться хорошими римскими дорогами, хорошо установленными морскими маршрутами, охраной римских войск, помощью римского военно-морского флота и римских судов, а также и большой мерой религиозной свободы для того, чтобы распространять свои духовные понятия.

б) Христиане обнаружили, что империализм Рима способствует распространению христианства в том смысле, что он содействует объединению человеческого рода. Если бы Христос пришел три столетия до этого, когда восточным средиземноморским миром греки обладали, то Евангелию было бы гораздо труднее сопротивляться расизму, культурному, языковому и интеллектуальному снобизму, греков.

Нельзя сказать, что в истории римляне были самыми лучшими эгалитаристами, но они все-таки понимали, что "люди под кожей остаются людьми", — идея, которая мало-помалу освобождала их институты от предрассудков. В 212-ом году н. э. император Каракалла объявил всех свободных жителей империи ее гражданами с полными правами. Христиане возвещали подобное универсальное понятие, — именно, что все люди являются людьми; все люди согрешили, поэтому нуждаются в Богочеловеке, Иисусе Христе, способном спасти их.

в) Бог подготовил мир к явлению Христа с точки зрения языкового положения того времени. Он содействовал тому, чтобы при пришествии Иисуса существовало и действовало подходящее средство для сохранения Его слова, — именно, греческий язык. Ясно, что Бог мог бы использовать любой мировой язык для откровения Себя, но стоит упомянуть некоторые черты греческого языка, подходящие к делу Божьего откровения: 1) греческий язык обладал большим количеством общих слов; 2) он обладал большим сводом богословских и философских терминов; 3) на греческом языке уже было составлено большое количество выдающихся исторических литературных произведений; 4) греческий язык был гибким, но также и уточняющим; 5) однако, более всего, он был "*linua franka*" тех древних времен, то есть языком, смешанным из элементов романских, греческого и

восточных языков, и его знали большинство образованных людей того времени. Если бы Христос явился в четвертом веке до н. э., то не было бы подобного языка для распространения Евангелия. Весь Новый Завет, за возможным исключением оригинала Евангелия от Матфея, был написан на греческом языке.

Д. Заключение

Но, быть может, Вы скажете: "Все это могло бы быть случайным совпадением событий". Да, могло бы быть, но когда я нахожу, что определенное Лицо утверждало столь много и без особого труда исполнило столько ветхозаветных пророчеств, — когда я замечаю, что эта Особа явилась в благоприятное время по всем богословским, философским, идеологическим, политическим, экономическим и языковым условиям, — когда я все-это обнаруживаю, то мне приходится прийти к выводу, что теория о совпадении подходящих событий весьма слаба.

Агнос, разве не утомительно Вам постоянно объяснять все доказательства всего лишь причиной совпадения событий? Замысел во Вселенной, природа человека, чудеса, заявления и характер Иисуса Христа, исполненные Им пророчества, полнота времени, — неужели все это — совпадение событий?

Агнос, зачем утомлять себя такими соображениями?

16. Воскресение Иисуса Христа

Агнос, мы дошли до ахиллесовой пяты христианской веры, до яремной вены всей системы — именно, до воскресения Христа из мертвых. Если доказательства здесь слишком слабы, то наша вера в очень плохом состоянии. Это подобно тому, как при очень важном судебном процессе главный свидетель внезапно умирает. В начале христианской эры апостол Павел выразил истинную правду: если Христос не воскрес из мертвых, то мы, христиане, "несчастнее всех человеков" (1 Кор. 15:19). Воскресение Христа — это не какое-то прекрасное, дополнительное или второстепенное явление христианского богословия, придуманное богословом-оптимистом, желающим дописать счастливое окончание трагической смерти Иисуса. Нет! Воскресение — это "чека" всей нашей системы. Если ее вынуть, то вся структура христианства рухнет.

Враги Иисуса безусловно считали, что смерть Его навсегда опровергла все Его абсурдные заявления, которые мы рассмотрели в тринадцатой главе. Если последним сведением, известным нам, была бы Его смерть на кресте, то мы считали бы, что Он не достиг Своих целей. Его смерть оправдала бы решение синедриона казнить Его за богохульство. Но если Бог воскресил Христа из мертвых, то Его утверждения были оправданы особенно поразительным образом. Перед нами сегодня стоит та же самая дилемма, что и стояла перед иудеями утром в день Его воскресения: или Он является Тем, Кем Себя заявлял, поэтому Он жив и по сей день, или Он является душевнобольным лжецом, поэтому следует похвалить иудеев за то, что казнили Его.

Перед тем, как рассмотреть доказательства воскресения, припомним, что вера не является знанием; вера есть приемлемое доверие. Рассмотреть воскресение научными средствами¹ невозможно, так как никак не приходится исследовать его прямыми, эмпирическими путями. Одного не забывайте: то, что в нашем распоряжении богословские и исторические доказательства, не значит, что мы обладаем наглядными подтверждениями. Это значит, что мы знаем о достоверных доказательствах, дошедших до нас непрямыми путями. Я считаю, что воскресение Иисуса Христа подтверждено достоверными доказательствами в такой мере, в какой подтверждено любое древнее историческое событие, — на самом деле, воскресение Христа подтверждено большим количеством доказательств, чем подтверждено большинство древних событий. Это все же не означает, что я могу подтвердить его в полном совершенстве. Давайте возьмем пример из судебного процесса: данное событие действительно произошло; оно

— объективного характера; о нем мы сегодня знаем, благодаря непрямым, но все-таки объективным в историческом смысле доказательствам.

Как мы обыкновенно делаем, разделим доказательства на две категории: прямых и не прямых, т. е. доказательств очевидцев и косвенных доказательств. Некоторые исторические события подтверждены большим количеством одного из этих двух типов; воскресение Христа подтверждено обильным количеством обоих типов.

А. Доказательства очевидцев в подтверждение воскресения

Историк Лука сообщает, что по смерти Своей Иисус "явил Себя живым... со многими доказательствами" (Деян. 1:3). Слово "доказательство" (по-гречески: *tekmeriori*) означает: достоверный знак. Им передается понятие самого сильного по юридической оценке доказательства, наглядного подтверждения. Ясно, что Лука старается сообщить нам, что на протяжении сорока дней между воскресением и вознесением Иисус явился столько раз и такому большому количеству людей, что это убедило бы любого нормального человека в том, что Он победил смерть. Если пересмотреть все случаи явления Христа, записанные в Новом Завете, то мы заметим, что никто не согласовывал их по какому-то определенному хронологическому порядку и официального списка отдельных моментов, связанных с воскресением, не приготовил. Можно только догадаться, в каком именно хронологическом порядке все они произошли.

В день воскресения Иисус явился людям несколько раз. Женщины, которые планировали помазать тело Иисуса, были первыми, увидевшими ангела у гроба, после чего, возвращаясь домой, они и встретились с Иисусом (Матф. 28:1-10). Некоторое время спустя Иисус явился Марии Магдалине недалеко от гроба (Иоан. 20:11-18). По всей вероятности она второй раз посещала гроб, потому что ее имя упоминается в составе первой группы женщин. Затем на пути в Эммаус (город, который был расположен приблизительно в десяти километрах от Иерусалима) Иисус явился двум ученикам, одному по имени Клеопа (Лук. 24:13-35). В тот же день Он также явился Петру, хотя у нас никакой информации нет об обстоятельствах этой встречи (Лук. 24:34; 1 Кор. 15:5). Когда Клеопа и сопровождающий его ученик вернулись в Иерусалим, то нашли одиннадцать вместе собранных учеников Христа. Они рассказали им о явлении Иисуса на пути в Эммаус, и ученики заявили: "Господь истинно воскрес и явился Симону!" (Лук. 24:34). И как раз в это время Христос Сам является всем тут же собравшимся апостолам кроме, быть может, Фомы (Лук. 24:36-40; Иоан. 20:19-23).

Иоанн говорит, что восемь дней спустя Иисус явился той же самой группе, но теперь в присутствии Фомы (Иоан. 20:26-28). В неотмеченное автором время Он явился некоторым ученикам при Галилейском море, когда они ловили рыбу (Иоан. 21:1-23). После этого Он явился более, чем пятистам в одно время (Матф. 28:16-20; 1 Кор. 15:6). Когда-то между воскресением и вознесением Он явился родному брату Иакову (1 Кор. 15:7). Наконец, Он явился всем апостолам в Иерусалиме как раз перед Своим вознесением, происшедшим на горе Елеон (Лук. 24:50-52; Деян. 1:3-8).

Заметьте некоторые черты этих явлений, укрепляющие их ценность, как настоящие доказательства:

1) В описании явлений Христа подчеркиваются *физические* и *эмпирические* аспекты Его, как человека. Женщины ухватили Его за ноги (Матф. 28:9); Он ест хлеб в присутствии двух учеников в Эммаусе (Лук. 24:30); Он ест рыбу при Галилейском море (Иоан. 21:12); Он говорит ученикам, что не является духом: "Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня" (Лук. 24:39).

2) Заметьте, что первые случаи Его явления произошли перед *женщинами*, не перед апостолами! Вначале апостолы не без причины сомневались в их сообщении, ведь женщин в то время считали такими ненадежными свидетелями, что даже не разрешали им засвидетельствовать на иудейском суде. Этот факт очень сильно свидетельствует против гипотезы о мифическом происхождении и воскресении Иисуса Христа. Если вся история воскресения была позже выдумана церковью для того, чтобы подтвердить веру, то иудеи вряд ли дали бы место женщинам в ней, по крайней мере, не как первым очевидцам. Это было бы подобно тому, как жителю Южных штатов измыслить какой-то миф о своей расе белых и приписать самое

авторитетное слово об этом свидетельству негра.

3) Заметьте, что описанные в записях явления Христа — разнообразного характера и как-то происходят самопроизвольно, как и ожидалось бы в подобном случае, когда некоторые, увидевшие воскресшего Христа, бегают в разные стороны, чтобы рассказать другим о случившемся. Как неверующие уже не раз отмечали, в повествовании находится немало непонятных подробностей и несоответствий. Что особенно удивительно, — это то, что церковь оставила их в евангельских записях. Никто пока еще не сумел все детали согласовать. Но вот в чем дело: вместо того, чтобы опровергнуть сообщения о воскресении, утверждаемые противоречия укрепляют повествование, показывая, что никто инстинктивно не переработал несогласия так, чтобы согласовать их друг с другом. Значит, никто не попытался сфабриковать какую-то официальную историю воскресения Христа, лишенную всяких трудностей.

Всякий, кто изучает историю, знает, что противоречия в записях не аннулируют данного события. Например, в своих сообщениях о переходе Ганнибала через Альпы греческий историк, Полибий, и римский историк, Ливий, различаются по вопросу выбранного Ганнибалом маршрута. Этого никак нельзя согласовать, но никто не сомневается в том, что Ганнибал явился в Италии (спросите только Фабия Максима!). В записях о сражении при Ватерлоо мы встречаем поразительные противоречия о происшедшем согласно сообщениям Веллингтона, маршала Нея и Наполеона, но кто среди серьезно мыслящих людей сомневается в исторической действительности этой битвы? Очень важное событие, в котором приняли участие многие свидетели, вызывает сообщения о происшедшем, в деталях отличающиеся друг от друга.

То же самое можно сказать о суде. Хороший адвокат или судья знает, что, если в сообщениях очевидцев отсутствуют несогласия о подробностях, то по всей вероятности свидетели были подготовлены адвокатами. Различия в деталях не раз подтверждают подлинность и самостоятельность свидетелей. Лучше всего иметь несколько свидетелей с их маленькими различиями в сообщениях о происшедшем, чем одного свидетеля, чье сообщение ни с чем не сравнить. К тому же, косвенные показания часто разъясняют различия в свидетельствах очевидцев и устанавливают подлинность данного события. Мы увидим, что этот принцип также относится к вопросу воскресения Христа.

У нас еще есть другие очевидцы, особенно один из самых главных — Савл Тарсянин. Он известен как святой апостол Павел. Агнос, что бы Вы подумали, если бы президент Соединенных Штатов Америки неожиданно стал коммунистом, или папа римский стал протестантом, или Гитлер стал евреем? На самом деле, колоссальное обращение фарисея, Савла, ко Христу стоит на уровне чудной невероятности. Савл был иудеем блестящего ума; он был воспитан хорошо известным специалистом по Ветхому Завету, Гама-лиилом. Савл Тарсянин был фанатичным противником новой веры. Он угрожал, заключал и даже казнил христиан, начиная с Иерусалима и доходя до Дамаска (Деян. 9:1; 2-ая гл.; 22:3-5). Тот, кто написал две трети Нового Завета, особенно такие шедевры, как Послания к римлянам и к галатам, достоин нашего самого уважительного внимания, когда он говорит о своем обращении в христианство.

Что именно Павел говорит об этом событии? Очень просто, что в определенном виде Христос встретил его на пути в Дамаск, спросил его о мотиве преследований христиан, навел на него слепоту, которая продолжалась три дня подряд, и повелел ему пойти в Дамаск, где ученик Христов, по имени Анания, принял его и через три дня преподал ему крещение (Деян. 9:1-22; 22:6-16; 26:1-23). Все это произошло от четырех до семи лет по вознесении Иисуса в небо. Настолько поразительным оказался этот крутой поворот Савла, что христиане в Дамаске не могли поверить происшедшему, — как и ученики в Иерусалиме (Деян. 9:21-26). С того времени Павел проповедует о воскресшем Христе до самой смерти, постоянно напоминая людям о том, что он "видел Господа" (1 Кор. 9:1). В Первом послании к коринфянам он представляет вроде бы полуофициальный список явлений Христа. Это, вероятно, самый древний документ христианства в руках церкви:

"Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати, потом явился более нежели пятистам братии в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем апостолам, а после всех явился и мне, как некоему извергу" (1

Кор. 15:3-8).

Павел написал эти слова приблизительно в 51 году н. э., хотя, быть может, уже давно перед этим список был составлен у него. Первое послание к фессалоникийцам было написано еще до этого и там же мы находим такое заявление: "Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним" (4:14). Как мы использовали Павла в отрицании неверной интерпретации заявлений Христа, основанной на гипотезе Его мифическом происхождении и жизни, то, подобно тому, мы и тут можем использовать его в отрицании неверной интерпретации воскресения Христа, также основанной на вышеупомянутой гипотезе. Первое послание к фессалоникийцам было написано приблизительно двадцать лет после воскресения, что и навсегда отрицает любую теорию, утверждающую, что христианская церковь измышляла миф Пасхи на протяжении длинного периода, или, что источники, говорящие о воскресении, были написаны несколько десятилетий после этого события. Послания Павла, появившиеся еще до Четвертоевангелия, нанесли смертельный удар всякой подобной гипотезе.

Б. Косвенные доказательства в защиту воскресения

Как человеку, так и делу доказательства лучше "ходить" на двух ногах, чем на одной. Свидетельство очевидцев становится более сильным с поддержкой косвенных доказательств. Свидетели могут говорить неправду, но голые факты не меняются. В отличие от устного свидетельства очевидцев, косвенные показания оказываются бессловесным свидетельством. Оно вообще основано на условиях, сильно свидетельствующих о происшествии данного события. Например, что содействовало образованию громадной ямы в штате Аризона, названной "Метеоритный кратер"? Можно предложить несколько гипотез:

- 1) Ребенок бросил фейерверк на землю.
- 2) Семья гоферов выкопала кратер.
- 3) Кратер появился в результате сильного вулканического взрыва.
- 4) Метеор спал с неба и образовал кратер.

Всякий поймет, что наиболее вероятными объяснениями большой ямы являются третья и четвертая гипотезы. То же самое можно сказать о воскресении Христа. Перед нами большая "историческая яма", т. е. надо объяснить этот большой "взрыв", происшедший две тысячи лет тому назад. Полученный результат должен быть оправдан предлагаемой причиной. Я утверждаю, что все последовавшие за этим событием косвенные доказательства оправданы лишь одним объяснением, — именно, воскресением.

1) Прежде всего, при Своим служении Иисус несколько раз предсказывал, что Он воскреснет из мертвых (Матф. 16:21; Марк. 9:1-10; Лук. 9:22; Иоан. 12:32-34). Когда книжники и фарисеи попросили знамения, то Он указал им на "знамение Ионы пророка". Он сказал, что Сын Человеческий проведет три дня и ночи в сердце земли, указывая этим на то, что Он перенесет ужасную смерть, а после этого вернется к жизни совершенно необыкновенным образом (Матф. 12:39-40). Я лично не доверял бы всему происшедшему, если бы это событие не было предсказано Иисусом. Эти предсказания, выраженные еще до страданий и распятия Христа, придали самому событию "предшествовавшую вероятность", отсутствующую в любых иных случаях. Мы должны считаться с этими предсказаниями, как адвокат считается с воспитанием подсудимого, чей поступок соответствует его прежнему поведению.

2) Воскресение соответствует характеру и утверждениям Иисуса, до этого проанализированным нами. То, что имела эта предшествовавшая вероятность относительно Его воскресения, становится тем более видным, когда мы представляем себе Его необычайные заявления и Его ни с чем несравнимый характер. Вы можете утверждать, что никогда не видели умершего, который возвратился к жизни. Правильно! Я также ничего подобного не видел. Но, с другой стороны, мы тоже никогда не видели человека, подобного Иисусу. О Нем было сказано: "Никогда человек не говорил так, как

Этот Человек" (Иоан. 7:46). Всякий раз, когда я внимательно представляю и оцениваю Его характер, то как-то хочется воскликнуть: "Этому Человеку никак не оставаться в мертвом состоянии!" Сама Его уникальность помогает мне поверить действительности Его воскресения из мертвых.

Ясно, что Его предсказания о воскресении произвели сильное впечатление на врагов. Зачем они поставили стражу у гроба, как не для той цели, чтобы не допустить этого события.

3) Осуществление воскресения объясняет ветхозаветные таинственные предсказания, которые мы пересмотрели в предыдущей главе. Оно в особенности объясняет те места в книгах Исаяи, Захарии и в Псалтири, которые изображают Мессию, как страдающего за грехи многих, изъязвленного, поражаемого и наказуемого Иеговой. Как же может случиться, что страждущий Раб, отдав Себя в жертву, "узрит потомство долговечное", и что "на подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством" (Ис. 53:10-11)? Только посредством воскресения!

4) Весьма сильным косвенным доказательством является пустой гроб. На каком основании нам известно, что гроб опустел? Прежде всего, имеются свидетельства очевидцев (Матф. 26:6; Марк. 16:6; Лук. 24:3). Но если бы даже этого у нас не было, то мы все равно имели бы убедительные доказательства опустения гроба. Мы можем тут же использовать принцип последовательности доказательств для того, чтобы показать, что все известные факты не соответствуют теории о неопустевшем гробе. Если тело Христа осталось в гробу, то почему иудеи не взяли и не показали его людям, чтобы после дня Пятидесятницы прекратить проповедование апостолов о воскресении? Как же могли бы они проповедовать о воскресении в Иерусалиме и в его окрестностях, если бы тело все еще лежало в гробу за стенами города? В большинстве религий верующие глубоко уважают останки и могилу своих основателей, но ни в одной из новозаветных книг и ни в каком христианском документе, появившемся после апостолов, не говорится, что христиане ходили поклониться "праху-святыне Христа".

5) Опустевшее состояние гроба подтверждается еще другим косвенным доказательством *молчанием иудеев*. Это один из тех редких примеров, в которых доказательство молчания становится почти убийственным. Мы можем быть уверены в том, что власти в Иерусалиме применили все возможные меры, чтобы прекратить всякое проповедование о воскресении, о котором пишется в первых главах Деяний Апостолов (например: 2:24, 32; 3:15; 4:10, 33; 5:30). Иудеи никогда не утверждали, что гроб был занят, ибо такое признание оказалось бы для них самым разорительным. Они заявляли что-то иное, более полезное их целям: что тело Христа просто исчезло, т. е. что ученики украли его. Все в окрестности Иерусалима признавали, что тело в гробу исчезло. Вопрос сводится к тому: каким образом оно исчезло? Вместо того, чтобы опровергнуть воскресение показанием тела, иудеи только могли заключить апостолов (Деян. 5:18). [Археологическая находка, называемая "Назаретская надпись", может быть еще одним доказательством пустого гроба. Многие ученые считают, что она относится к царствованию Тиберия (14—37 гг. н. э.) или Клавдия (41—54 гг. н. э.). Надпись является указом цезаря, объявляющим смерть всякому, кого найдут виновным в "нарушении гробницы", т. е. в опозорении и изъятии похороненных в гробах тел. Все прежние римские указы по этому поводу объявляли о наказании большим штрафом. Просто интересно, какой серьезный акт нарушения побудил Рим увеличить наказание. Смотрите F. F. Bruce, *New Testament History* (London: Oliphants, 1971), стр. 285 и дальше.]

Агнос, если бы Вы стали утверждать, что люди проповедовали о воскресении, когда тело Христа в то же время лежало в гробу, то это было бы так же глупо, как человеку в 1941 году, без всяких затруднений, ходить по улицах Берлина, неся плакат с надписью: "Гитлер — сатана!"

6) Любой теории, отрицающей воскресение, приходится объяснить поведение Христовых апостолов, коренным образом измененное приблизительно в то время, когда произошло воскресение. Мы знаем, что воскресения они не ожидали и не верили первым сообщениям женщин о нем. Что рассеивало темноту этой трагической смерти, которая, как черная туча, висела над ними? Если Христос не явился им, то что тогда изменило их?

Что превратило Симона, сына Ионина, труса, который уклонился дать прямые ответы на вопросы, поставленные ему служанкой во время судебного процесса, в бесстрашного проповедника, который не послушался синедриона, но смело проповедовал о Христе в Иерусалиме? Что превратило Иакова, скептического родного брата Иисуса, в Иакова Праведника, ставшего руководящим в первой Иерусалимской церкви? Что

превратило Савла Тарсянина, главного фарисея, противящегося христианской вере, в Павла, апостола язычников?

Паскаль однажды сказал: "Без всякой задержки я верю тем свидетелям, которым перерезали горло". Миф не может вдохновить множество мучеников. Агнос, большинство первых апостолов умерли мученической смертью за вест о воскресении Христа. Если они старались хитрым образом начать новую религию для всего мира, то разве они отдали бы жизнь за явную фальшь? Всякий раз, когда человек переносит преследование, ненависть, побои, тюремное заключение и даже смерть, то он имеет важную причину, чтобы тщательно пересмотреть все основы своих убеждений. Первые ученики Иисуса вряд ли продолжали бы верить и держать'ся принятых истин, если бы Христос на самом деле не воскрес. В первом столетии в Палестине было немало таких мессий. Почему ни один из них не остался известен, как этот простой Плотник из Назарета? *[В "Иудейских войнах" (11.13.4.259) и в "Иудейских древностях" (XX.8.6.170) Иосиф Флавий рассказывает о некоем Феудии, который в 44 году н. э. объявил толпе людей, что он разделит воды реки Иордана, и о незваном египетском мессии, который собрал тридцать тысяч иудеев и заявил, что по, Его повелению развалятся стены Иерусалима.]*

7) В конечном счете, только воскресение соответственно объясняет существование христианской Церкви. Существование Церкви, по всей вероятности, оказывается самым сильным косвенным доказательством, "которое находится в нашем распоряжении. Раз Вы объяснили веру апостолов, то также приходится объяснить веру тех, кто принял ее от них. Как же без воскресения могли бы испуганные последователи распятого "мессии-притворщика" создать собой ядро весьма активной церкви и целое общество, существующее уже девятнадцать столетий? Вы, может быть, настолько предубеждены, что отказываетесь серьезно принять содержание Нового Завета, но объяснить существование Церкви, как легенду, — этого Вы не можете сделать. Как видно из светских источников, уже в 64 году христианская Церковь проявляла большую силу в Римской империи *[Смотрите, например: "Анналы" (XV.44) Тацита; "Иудейские древности" (XVII.33) Иосифа Флавия; "Жизнь Клавдия" (25.4) и "Жизни кесарев" (26.2) Светония; "Послания" (X.96) Плиния Младшего.]* Ее безусловно нужно объяснить.

Без воскресения невозможно объяснить некоторые черты христианской Церкви. Например, тсак же одиннадцать учеников могли серьезно настаивать, что всякий новый апостол должен быть очевидцем воскресения (Деян. 1/21-22)? По какой причине в первой церкви обряд крещения принял значение "погребения" со Христом и "обновления" в Нем (Рим. 6:1-6; Кол. 2:12)? Каким средством Вечера Господня стала таким радостным праздником для христиан, трапезой, во время которой крест Христа освоил новое искупительное значение для них?

Что побудило христиан-иудеев передвинуть день поклонения Богу от субботы к воскресенью и назвать его "днем Господним"? Что побудило иудейских христиан принять Иисуса как ветхозаветного Мессию, особенно в свете того, что их закон ясно заявлял: "проклят всякий, повешенный на дереве" (Втор. 21:23)? Что побудило иудейских христиан изменить свое историческое понятие единобожия и расширить его приписыванием божественности Иисусу (Фил. 2:6)? Что заставило иудейских христиан назвать Христа "Господом" (*kurios*), слово, которое в Ветхом Завете соответствует слову "Иегова"? Что изменило летосчисление исторических событий годовой датировкой с последующими выражениями "до Рождества Христова" и "по Рождестве Христовом"?

Агнос, я не мог бы ответить конкретно на все эти вопросы без воскресения Христа.

Вы узнаете, как я смотрю на этот вопрос, если Вы представите себе следующее: — что Вы, как путешественник по космосу, полетели на Марс в 1900 году и вернулись назад на Землю в 1919 году. Первая Мировая война изменила течение исторических событий. При возвращении в Европу в 1919 году Вы, быть может, не знали бы точно, что случилось, но Вам все-таки сразу же стало бы ясным, что *произошли какие-то большие перемены*. Вы поставили бы целый ряд вопросов. Откуда появилась Польша? Что случилось с империями турков, Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов? Как же большевики овладели Россией? Кто убил тринадцать миллионов человек? Каким образом Америка и Япония овладели большей частью мировой коммерции? Если бы кто-то рассказал Вам о Великой войне, то это оказалось бы для Вас достаточным объяснением перемен.

Так я и смотрю на воскресение. Рассмотрим теперь некоторые другие теории и увидим, объясняют ли они известные данные.

В. Альтернативные теории

Хороший адвокат защищает клиента от обвинений прокурора, когда утверждает, что можно объяснить известные обвиняющие данные другой вполне надежной, теорией, показывающей его клиента абсолютно невиновным. В нашем случае всякая другая теория должна объяснить *все* доказательства воскресения, прямые и не прямые, хотя бы так хорошо или даже лучше, чем предлагаемое нами объяснение. Из пяти теорий, которые мы рассмотрим, две объясняют пустой гроб, две объясняют явления Христа, но только одна из них старается учитывать оба этих фактора.

1) Самой древней теорией пустого гроба, конкурирующей с другими, является теория украденного тела. По сообщению Матфея, иудеи дали взятку солдатам, которые стояли на страже у гроба, и сказали им: "Скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали" (Матф. 28:13). *[Мы знаем, что это был обыкновенный ответ иудеям о воскресении на основании того, что Иустин Мученик в "Беседе с Трифоном" (108), написанной приблизительно в 150 году н. э., сообщает, что иудейские власти даже послали своих определенно посвященных представителей к пунктам на другой стороне Средиземного моря для того, чтобы бороться с христианскими утверждениями заявлением, что ученики Иисуса украли Его тело.]* С этого времени некоторые предполагают, что тело Христа украли или иудеи, или Иосиф из Аримафеи, или Пилат, или римляне.

Две проблемы вытекают из теории украденного тела: проблема мотива и проблема казни. Для какой цели кто-либо захотел бы украсть тело Христа? Что можно сказать об апостолах в отношении этого вопроса? Как это может быть, что испуганные побежденные ученики так крепко собрались духом, чтобы напасть на стражу, стоящую у гроба, сломать римскую печать на камне, закрывающем вход к гробнице, взять тело и убежать с ним? Иисус Христос, занимаясь апостолами, не организовывал из них некую группу, готовую осуществить "невозможную миссию". Что можно сказать об иудеях? Зачем им украсть тело Христа? Ведь, от самого начала они требовали стражу, чтобы всему этому не позволить (Матф. 27:62-66). Что можно сказать о Пилате или римлянах? У этих язычников не было никакого желания уверовать в воскресение. Римская печать, поставленная на камне входа, была их убогом и религией.

Если бы мы даже обнаружили мотив кражи, то все равно тем людям было бы очень трудно это осуществить. Это особенно верно, если солдат, стоящий на страже, был римлянином, ибо любого римского солдата, которого находили спящим, когда ему нужно было бодрствовать, предавали военному суду и казнили. Возможно, что там же у гроба стоял иудей, но, как мне кажется, есть три вероятные причины, говорящие о том, что у гроба стояла римская охрана: 1) греческое слово *koustodia*, носящее значение "караульный", составлено из латинского корня; 2) иудеям не нужно было просить у Пилата разрешения пользоваться храмовой стражей; 3) подразумевалось, что всякий, предлагающий взятку караульному, идет на риск наказания Пилатом. Кто бы ни стоял на страже у гроба, римлянин или иудей, мы с уверенностью можем сказать, что иудеи сделали все возможное, чтобы не допустить любому человеку украсть тело Иисуса и' этим толковать, что сбылось воскресение.

Это снова приводит нас к неприятному доказательству молчания: если кто-то украл тело, то почему иудеи не смогли показать его в день Пятидесятницы и таким образом прекратить всякое проповедование о воскресении? Почему они не сумели собрать хотя бы некоторых свидетелей, которые объявили бы, что они видели тело Христа после того, как утверждалось, что Он воскрес. Почему синедрион не использовал эту теорию, когда ученики начали проповедовать о воскресении? Он никакого доказательства, опровергающего проповедуемое воскресение, не предлагал, кроме тюремного заключения проповедующих об этом событии.

2) Согласно теории неправильного гроба утверждается, что женщины сделали ошибку и пошли не к тому гробу. По мнению профессора Кирсоппа Лейка, в пасхальное утро женщины посетили не тот гроб. [Kirsopp Lake, *The Historical Evidence for the Resurrection of Jesus Christ* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1907), стр. 250—253.] Молодой человек направил их к настоящему гробу Христа, сказав: "Его нет здесь. Вот место, где Он был положен". Так и пишется в Евангелии от Марка 16:6. Лейк предлагает, что кто-то позже добавил слова: "Он воскрес". Это весьма удивительное

предложение, — именно, что пустой гроб связан с ошибкой, сделанной женщинами. Это делает всю историю христианства подобной массивной пирамиде, перевернутой и деликатно балансирующей на своей вершине, относящейся к совсем незначительному событию. Ясным примером большой натяжки является такая интерпретация Лейком библейского текста. Если бы этого мы желали, то могли бы переинтерпретировать сотни библейских стихов так, чтобы они соответствовали нашим особым гипотезам.

В этой теории мы встречаем разные проблемы. Как это может быть, что *все* последователи Христа в течение нескольких дней как-то забыли;— где именно находится Его гроб? Для них не было никаких причин, чтобы ошибиться по этому поводу, потому что гроб был не публичным, а частным. Написано, что, услышав об опустевшем гробе, они прибежали к нему. Разве они побежали туда, куда не надо было? Неужели все прибежали не к тому месту? Если так, то тело Христа все равно продолжало бы лежать в своем *настоящем* гробу и в свое время кто-то все-таки нашел бы его. Если бы даже сделать такое неразумное заявление, что женщины, ученики, иудеи и римляне, *все* вместе взятые, вышли не к тому гробу, то, по крайней мере, Иосиф из Аримафеи, которому принадлежал гроб, объяснил бы все до подробности. Или, неужели он также потерял здравый рассудок? Не забывайте одного, — задача любой теории в том, чтобы разъяснить неясности, не умножить их. Эта же теория как раз и умножает их.

Пользуясь теориями украденного тела и неправильного гроба, люди стараются объяснить всего лишь пустой гроб; никакая попытка ими не делается, чтобы объяснить описанные явления Христа. Поэтому недостаточно выдвигать только их; приходится предлагать еще другие теории, чтобы объяснить *все* известные данные. Если кто-то украл тело, то это ничего не говорит о том, что именно апостолы *видели* между Пасхой и Пятидесятницей. К тому же, ничего здесь не говорится о том, что Савл Тарсянин несколько лет спустя, направляясь в Дамаск, увидел Христа. Следующие две теории как раз и делают попытку объяснить явления, Христа в упомянутые выше моменты.

3) Теорией галлюцинаций некоторые стараются объяснить явления Христа, как личные призраки, субъективные переживания или внутренние видения, воспринятые разумом отдельных особ и не соответствующие внешней действительности. Галлюцинация — болезненное патологическое состояние разума, согласно которому человек что-то видит, но не посредством внешних чувств. Мы обычно говорим, что "настоящим переживанием" является то, что мы разделяем с другими людьми, когда иллюзии и галлюцинаций оказываются тем, что мы в основном лично испытываем сами, не разделяя этого с другими. Во время выступления цирка все мы видим серого слона, но только пьяница видит розового слона, висящего на люстре.

Если явления Христа после воскресения были ничто иное, как галлюцинации в общем смысле, то мы снова встречаем некоторые неясности.

а) Галлюцинации обычно испытывают особенные типы, т. е. легко возбудимые, неустойчивые люди или люди с очень активным воображением. Однако Иисус являлся обыкновенным хозяевам, прозаическим рыбакам, практичным мытарям, местным фарисеям. Короче говоря, Он являлся различным типам. Вряд ли все они были склонны к галлюцинациям.

б) Галлюцинации вообще относятся к индивидууму, потому что они исходят из психики человека. Они проходят одна за другой. Поэтому оказывается невероятностью то, что целая группа учеников, — особенно пятьсот одновременно собранных в одном месте, — увидели призрак Христа.

в) Редко, чтобы галлюцинация оказалась ложной интерпретацией внешнего предмета (такое явление мы называем *зablуждением*). Следовательно, этой теорией не объяснишь, как могло так случиться, что три раза увидевшие Христа сначала не признавали Его (Лук. 24:13-31; Иоан. 20:15; 21:4).

г) Галлюцинации обычно происходят в людях, психологически подготовленных к этому в результате принятых ими наркотиков или опьяняющих растений, сильных аскетических обычаев, недостатка пищи, воды или отдыха. Если бы ученики действительно оказывались в таком состоянии, то это вероятно убедило бы нас принять эту теорию, но никто из них воскресения не ожидал. Они не верили первым сообщениям об опустевшем гробе. Когда женщины в первый день воскресения утром посетили гроб, то считали, что помажут тело Христа, но не думали, что увидят Его воскресшим.

д) Галлюцинации, как Правило, происходят в благоприятных *местах*, например: в какой-то святой роще или в духовном святилище. Однако Христос являлся в различных местах: на берегу моря, на горе, около гроба, в Иерусалиме и Галилее, на дороге в Эммаус.

е) Галлюцинации вообще происходят в благоприятные *времена*, например: ночью, рано утром, или в сумерках. Однако Иисус являлся людям в различные времена дня: рано утром, в светлую пору дня, вечером и ночью.

ж) В конечном счете, галлюцинации обыкновенно повторяются регулярно на протяжении довольно долгого времени. Они иногда даже количественно увеличиваются. Говорится, что во время ежедневной верховой езды Бернадотта (Карла XIV), шведского короля, постоянно являлась и беспокоила его какая-то женщина в красном плаще. Эрлу Грею часто появлялась и страшила его какая-то кровавая голова, которую он, по желанию, мог отправить от себя. Что касается явлений Христа после воскресения, до люди в определенное время перестали видеть Его. По истечении сорока дней никто не утверждал, что еще раз видел Христа во плоти. Его явления Стефану и Павлу, вероятно, были нетелесного характера (Деян. 7:56; 9:3). Если описанные явления Христа не имели объективного источника, т. е. если Его явления не соответствовали никакой внешней действительности, то почему они внезапно прекратились? По какой причине *все* ученики одновременно перестали галлюцинировать? Почему в книге Деяний Апостолов явления Христа не продолжали умножаться? В то время христианская церковь переживала немало тяжелых моментов и могла бы укрепляться новыми явлениями Христа. [Даже Хью Шонфильд, согласно своей довольно странной теории воскресения, признает, что ученики кого-то видели, — именно, молодого человека, которого ошибочно признали как Иисуса (Hugh J. Schonfield *The Passover Plot* (New York: Bantam Books, 1965), стр. 172).]

4) Теория объективных видений или "теория телеграмм" является странным прибежищем для тех, кто признает слабость теории галлюцинаций, но не желает принять полную ортодоксальную позицию. По этой теории утверждается, что явления Иисуса были видениями, хотя, как говорится, видения эти были объективного характера, то есть речь здесь идет о передачах ("телеграммах"), которые Бог непосредственным образом направил горящим ученикам, чтобы подтвердить им, что Иисус действительно жив, хотя в иной восхваленной, духовной форме.

Однако, эта теория мало утешает того, кто желает не считаться со сверхъестественными/элементами, потому что она показывается более чудесной, чем объяснение воскресения. Все-таки, ее самая главная трудность в том, что она делает Бога и Иисуса обманщиками. Если явления Иисуса были ничто иное, как бесплотные видения Его, то зачем тогда подчеркиваются физические элементы, связанные с Его телом? Почему Иисус принимал пищу и ел с учениками (Лук. 24:43)? Почему Он сказал, что дух плоти и костей не имеет Шук. 24:39)?

Сверх того, в первом столетии никакой иудей не поверил бы, что воскресение относился только к духовному состоянию воскресшего. Если бы тело Иисуса гнило в гробу, то начать церковь в Иерусалиме на основании воскресения было бы невозможностью. Воскресение для иудея означало возвращение к жизни человека в его целостности, то есть его тела, души, духа и всего, относящегося к его личности. Вера иудея в воскресение была так тесно связана с понятием воскресения тела, что некоторые даже считали, что человек воскреснет в той самой одежде, в которой был положен в гроб. [Смотрите II Baruch 49:2—4:11 Maccabees 7:11; 14:46 *Sanhedrin* 90b.]

Все четыре пересмотренные до этого теории страдают от определенных трудностей. Они плохо объясняют пустой гроб и явления Христа и ни одна из них не пытается одновременно объяснить оба этих фактора. Если утверждать, что кто-то украл тело, то надо что-то сказать и о явлениях Иисуса, то есть надо показать, что ученики не галлюцинировали. Всякий раз, когда главная теория нуждается в поддержке второй теории, то это ослабляет убедительность главной теории. Чтобы в этом споре опровергнуть воскресение, необходима теория, с помощью которой можно было бы одновременно объяснить и пустой гроб, и явления Христа:

5) Единственная теория, которая представляет якобы благовидное разрешение этой проблемы, является теория падения Христа в обморок. Согласно этой теории, Христос на самом деле не умер; Он всего лишь пал в обморок, т. е. Он оказался в состоянии весьма слабого сознания, которое другие ошибочно приняли, как смерть. Его необычное состояние было вызвано переживаниями судебного процесса и распятия, т. е. побоями, потерей крови, изнеможением. Но, будучи в прохладной гробнице, Он начал вдыхать ароматы, исходящие из пряностей, которыми помазали Его тело. Это пробудило Его. Он встал, вышел из гроба и показался ученикам.

Я не отрицаю, что с помощью этой теории можно было бы "улететь" далеко, если бы только можно было с ней подняться с посадочной полосы.

Вот в этом-то и главная ее трудность. Как только выводишь ее из ангара, то она разбивается. Этой теорией нужно доказать, что Христос на самом деле не умер, а вот все известные данные, говорящие против этой теории, почти неопровержим. Римские группы палачей, распинающие осужденных, совершали свою работу очень хорошо; ведь они в этом деле имели немало практики. Иоанн свидетельствует, что воин пронзил ребра Христа копьем и из Него вытекла кровь с водой. Это говорит о том, что сердце у Христа лопнуло, в результате чего брюшная полость наполнилась кровью (Иоан. 19:34). Думается, что, когда после распятия некоторые готовили Его тело к погребению, то хотя бы одна наблюдательная душа заметила бы даже малейшую искру жизни в Иисусе.

Допустим, что Иисус действительно пал в обморок и Его похоронили в таком состоянии. Выходит, что эта теория заставляет нас верить тому, что после всех ужасных переживаний, вызвавших обморок у Иисуса, Он про-лежал тридцать шесть часов в холодной гробнице со спертым воздухом, где не было никакого "открытия к свежему воздуху, поэтому Он вдыхал воздух, пропитанный пряными ароматами, и где не было ни пищи, ни напитка, ни медицинской помощи, — Он вдруг собирает силы, вытягивается из пелен, тесно обмотавших Его тело (они, кстати, весили около тридцати шести килограммов), отваливает камень, который пугал женщин своими размерами, нападает на римского сторожа и проходит несколько километров на раненных, пронзенных ногах, а после всего этого показывается ученикам, как Господь жизни и Победитель смерти! [В версии Евангелия от Марка, названной "*Codex Bezae*", глава шестнадцатая, стих четвертый, мы находим упоминание о размере камня, которым закрыли вход в гроб: "И когда Его там же положили, то он (Иосиф) поставил у гроба камень, который двадцать человек не могут отвалить".] Меня совсем не интересует то, что эта теория была любимой среди рационалистов восемнадцатого века! Она все-таки является жгучим примером доверчивости!

Если бы Иисус впал в обморок, то Он позже объяснил бы ученикам, что действительно случилось. Он ни в коем случае не позволил бы последователям распространить весть о воскресении, если оно не произошло. К тому же, если эта теория достоверна, то что случилось со Христом после воскресения? Неужели рассказ о вознесении было сфабриковано? Отошел ли Иисус в сторону после основания Церкви? Скажите, пожалуйста, как ученики могли свободно проповедовать о воскресшем и вознесенном Христе, если Он устранился? Почему Он не явился, когда Церковь начала расти и могла бы пользоваться Его руководством в разрешении тех проблем, которые мы видим в книге Деяния Апостолов? Теория падения Христа в обморок должна объяснить, что в конце концов случилось в Иисусом Христом. Если Он продолжал жить после воскресения, а позже умер естественной смертью, то мне не понятно, как Церковь могла возникнуть и развиваться, что и произошло.

Агнос, выходит, что единственная теория, которая пытается объяснить и пустой гроб, и явления Христа", оказывается почти столь слабой, как и другие альтернативные теории. Кроме объяснения воскресения, нет теории, которая учитывает все известные данные и из них составляет последовательную картину.

Г. Снова встречаем Юма

Дэвид Юм тут же говорит: "Подождите, меня совсем не беспокоит то, что эти альтернативные теории *показывается* слабыми. Все-таки должна быть *какая-то другая* достоверная теория, ибо мы уверенно знаем, что мертвые люди не возвращаются к жизни. Если даже трудно поверить альтернативным теориям, то труднее поверить воскресению. Поэтому должна быть *какая-то другая* достоверная теория".

Агнос, Вы уже видите его философскую хитрость. В одиннадцатой главе, где мы обсудили чудеса, было показано, что Юм допускает именно то, что нужно доказать, когда определяет чудо как событие, "не соответствующее моему опыту". Чудо не соответствует чьему опыту? Если Юм отвечает: "Моему!", то это ничего не значит, потому что в небе и на земле есть многое, непридуманное Юмом в контексте его опыта. А если он добавляет, что воскресение "не соответствует опыту всех людей", то этим он в качестве аргумента подносит спорное положение. Ведь, *об этом же* идет спор. Если чудо произошло, то это не пошло против опыта того, кто его ощутил.

Если Юм говорит, что *большинству* дано определиться то, что должно произойти в истории, то он не пользуется демократическим методом так, как следует. Не таким образом определяется история. На самом деле, Юм покинул историю и стал заниматься метафизическими вопросами. Он утверждает, что все события должны быть повторными, *что данное событие не может произойти всего лишь раз!* Но это философский, не исторический, • канон, а Юм утверждает, что Его заявление относится к истории.

На самом деле, Юм и все, кто предлагает подобное, не признают, что при большом старании освободиться от одной нерегулярности, они в сущности начинают верить другой. Например, если отрицаешь воскресение, то заставляешь себя предложить другую теорию, которая должна объяснить все данные, по крайней мере, так хорошо или даже лучше, чем объяснение воскресения. Как мы уже увидели, все альтернативные теории, в сущности, невероятны. Теория галлюцинаций "не соответствует опыту" в такой мере, в какой и воскресение. Галлюцинации редко приходят к целой толпе людей. Их редко переживают различные типы людей. Они редко прекращаются в одно время для всех.

Если данное чудо, — воскресение, — и альтернатива, — галлюцинации, — не соответствуют опыту, то почему Юм предпочитает альтернативу самому чуду? Ясно, что он не сказал бы, что отрицает всякие необычные происшествя по той причине, что теория галлюцинаций, как и все другие альтернативные теории, сами по себе — необычного характера. Все, что он может сказать, — это то, что воскресение "более необычное" или "более нерегулярное" явление, чем галлюцинации. Значит, вся разница в степени необычности, не в типе происшествя. Я лично считаю, что разница в степени необычности тут совсем мала, но предположим на некоторое время, что в этом случае существует значительная разница. Мы определенным средством еще можем снять остроту утверждения Юма.

Самый главный недостаток его утверждения в том, что он предполагает основное мировоззрение, которым отрицает возможность чудес. Затем, он предполагает, что *его* мировоззрение оказывается элементарным *для всех*. После анализа хода его мысли, однако, становится ясным, что его метафизическое рассуждение приравнивается вроде бы шотландскому реализму здравого рассудка. Юм не имел права предположить, что я с ним разделяю его мировоззрение, как и я не имею права предположить, что все люди принимают богословское понимание Божьего откровения. Дело в том, что нет одного определенного "общего мировоззрения", т. е. самого основного метафизического понятия, которое принимают "все разумные люди".

Если повторить сказанное в главах четвертой и пятой, мировоззрения подобны очкам; мы воспринимаем данные, исходящие из нашего опыта, *через очки*; и каждый одевает те очки, которые представляют ему самую последовательную картину данных. Вы не смотрите на данные без очков, ибо если бы так делали, то все, испытываемое Вами, было бы лишено определенного упорядочения. Все выходило бы "жгучим шумным замешательством". Припомним слова А. Н. Уайтхеда: "Правдивый метод философского составления заключается том, чтобы составить целую структуру идей как можно лучше, и с решимостью исследовать интерпретацию опыта по этой структуре". [A. N. Whitehead *Process and Reality* (New York: Macmillan, 1967), стр. x.]

Это значит, что все люди подвергают интерпретацию опыта, — в этом заключается наша интерпретация исторических событий, — своей "перцепционной наклонности", которая является организованным сводом предубеждений. Ничего плохого нет, когда начинаешь исследование данного явления с определенной теории, потому что такая деятельность не начинается без основных предположений. Мы постоянно приводим в качестве аргументов *некоторые* вопросы. В этой серьезной игре в мировоззрения мы неправильно поступаем, когда придерживаемся теории, которую уже доказали менее надежной в ее способности объяснить известные данные. Поступаешь правильно, когда точишь топор; поступаешь неправильно, когда продолжаешь точить топор, зная, что плохое качество металла никак не позволит тебе наточить его так, как надо.

В объяснении известных данных каждый имеет право предположить гипотезу, если он разрабатывает свое объяснение исследуемого дела. Например, во время судебного процесса мы даем каждому из двух адвокатов право предложить свой постулат (о виновности или невинности подсудимого), пока он утверждает, что его постулат соответственно объясняет все данные. После того, как оба постулата были выдвинуты, как достоверные объяснения известных данных, — каждый постулат это делает по-своему, — то мы, присяжные, тогда решаем, которая из двух теорий самая лучшая. *Мы не позволяем каждому адвокату начать этот процесс с предположения, что единственным правдивым объяснением может быть*

только его особое объяснение.

Вначале Юм ничего плохого не делал, когда воспринимал чудеса с позиции материалистического предубеждения. Он стал ошибаться тогда, когда продолжал придерживаться своего предвзятого мнения, несмотря на то, что оно соответствующим образом не интерпретировало необыкновенные исторические события, т. е. чудеса. Если человеку приходится придерживаться теории галлюцинаций для того, чтобы избежать воскресения, то его материалистическое предубеждение стало прокрустовым ложем. Его теория стала предвзятым мнением. Если человек принимает такую невероятность, которую предлагает теория галлюцинаций, для того, чтобы избежать воскресения, то, казалось бы, ему лучше было бы подумать о необходимости изменить свое мировоззрение, чтобы им учесть и чудесные явления.

Давайте так и сделаем. Снимите Ваши материалистические очки и, хотя бы на короткое время, примите метафизическое, богословское предположение о Божьем откровении. Предположите, что Вы верите в личного Бога, Который открывает Себя, в течение истории и подтверждает это знамениями и чудесами (Евр. 2:4). При таком метафизическом допущении, что в воскресении так сильно раздражает нас? Как апостол Павел поставил вопрос Агриппе: "Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?" (Деян. 26:8). Христианское мировоззрение имеет то преимущество, что оно не только последовательным образом добавляет воскресение к сети доказательств, но также подвергает сомнению его альтернативы, т. е. альтернативные теории, которые также предлагают осуществление почти чудесных явлений.

Агнос, как только Вы поймете христианскую позицию, то увидите, что мы, как и материалисты, не соглашаемся с понятием беспричинного, нелогичного события. Вот в этом-то и дело: если допустить богословское понятие откровения Бога, то воскресение не является беспричинным и нелогичным событием. Оно имеет причину и соответствует христианскому мировоззрению, когда предположение Юма, которое доходит почти до чуда, оказывается проблемой для его материализма. Вот что я утверждаю: при допущении христианского теизма необыкновенное событие, в этом случае — воскресение, становится логичным, когда при допущении материализма Юма необыкновенные аспекты, исходящие из его теории галлюцинаций, остаются проблемой для всей его системы.

В обоих случаях существует необходимость согласовать необычные события с целой системой мышления. Теория галлюцинаций оказывается большим нарушением в плане материализма, чем воскресение — в плане Божьего откровения. Те, которые говорят, что христианин более верит в происшествие необыкновенных явлений, просто ошибается. Они позволили себе быть обманутыми хитростью Юма, согласно которой утверждается, что мы, верующие, придерживаемся основного мировоззрения, отрицающего обыкновенный и регулярный ход событий. Если Богом является Иегова, — не упорядоченность, — то воскресение не оказывается необыкновенным событием.

Утешает нас то, что Джон Стюарт Миль, один из самых блестящих умов последнего столетия, заметил эту тонкость. В произведении "Система логики" Миль, который не был сторонником христианства, отметил, что утверждение Юма доказывает всего лишь то, что ни атеисту, ни деисту показаниями не докажешь вероятность чуда. Определить чудо как событие, которое "не соответствует опыту", это подобно тому, как сказать, что "чудо не соответствует опыту материалиста", а ведь это то же самое, как сказать, что "материалисты чудес не любят". В этом нет ничего нового лично для меня.

Агнос, я думаю, что Вы теперь понимаете, что, если отрицаете воскресение Иисуса Христа, то Вам приходится принять альтернативную теорию, которая по характеру настолько необыкновенна, насколько необыкновенно и воскресение. Если Вы так и сделаете, то будете утверждать, что "это моя теория, не Ваша!"

Д. Значение воскресения

Нужно только суммировать главные пункты значения, исходящие из воскресения Иисуса Христа. Длинное рассуждение, основанное на истории и

начатое нами в девятой главе, приходит к концу. Если мы рассуждали правильно, то можем с уверенностью сказать, что Бог был во Христе (2 Кор. 5:19), что Бог действительно живет в Нем, потому что для христианина самое сильное доказательство воскресения в том, что он ощущает воскресшего Христа в контексте духовного христианского общения. Подведем итог выводам, полученным до этого в результате нашего исследования:

1) Если Иисус воскрес из мертвых, то оправдана праведность, т. е. космический оптимизм. Мы знаем, что человек не является случайным явлением в заводи. Мы знаем, что за пределами явлений есть Приятель, не какая-то "огромная имбецильность", как жаловался Томас Гарди. Иисус называл Его Отцом, или еще лучше, обращался к Нему словами "*Авва* Отче". Мы знаем, что доброта имеет определенное значение, что добродетель имеет центральную цель в отношении космоса. Мы знаем, что жертвенная любовь все выдержит и все победит.

2) Если Иисус воскрес из мертвых, то мы знаем, что смерть, этот большой враг смысла, была побеждена. Воскресение подтверждает все утверждения Христа, особенно то утверждение, что Иисус является Творцом и Источником вечной жизни. По словам святого апостола Павла, Иисус Христос разрушил смерть и явил жизнь и нетление через благовестие (2 Тим. 1:10). Если Иисус был "истинным человеком" и если Он вознесся в небо, то¹ его человечность также вознеслась с Ним. Поэтому наша человечность когда-то в будущем вознесется и войдет в небесные обители. Воскресение и вознесение Христа доказывают, что нашей человечности назначено войти в небо, а не в энтропическую катастрофу безличной Вселенной.

3) Если Иисус воскрес из мертвых, то краеугольный камень был поставлен в деле Божьего откровения в истории (Евр. 1:1-4). Это значит, что последним доказательством авторитета Библии является воскресение. Если Иисус воскрес из мертвых, то вся Библия предлагается Вам, как аккуратный апологетический пакет, потому что Иисус является Сыном Иеговы, Который говорил к нам, начиная с Бытия и кончая Откровением. Он протянул руку назад и ретроспективно подтвердил Ветхий Завет (Лук. 24:44); Он также заранее протянул руку вперед и подтвердил Новый Завет (Иоан. 14:26). [Для особенно убедительного представления этого аргумента в пользу авторитета Библии на основании Христа смотрите John W. Wenham, *Christ and the Bible* (Downers Grove, IL: Inter-Varsity Press, 1972).]

Если Иисус Христос воскрес из мертвых, то вся картина теистического откровения держится. Вся Библия держится. История держится. Вселенная держится.

17. Иисус Христос и проблема зла

А теперь, Агнос, что можно сказать о зле? Христианский апологет должен сдвинуть камни с дороги, ведущей к христианской преданности., Кажется, я уже отодвинул и оставил в кювете некоторые большие камни. Но один огромный камень все еще на пути и преграждает нам дорогу, — именно, проблема зла. Мы еще не можем обойти ее. Мы не можем закрыть глаза на нее, потому что логичная религия не состоит из понятия, что человек чему-то верит после того, как закрыл глаза на явную проблему. Логичная религия заключается в том, что человек доверяется тому, что он с открытыми глазами, как можно лучше, видит или не видит.

Наличие зла в некоторой мере свидетельствует против веры христианина, поэтому ему нужно убедительным образом ответить на этот вопрос. Существует та возможность, что наличие зла докажет, что в вере я ошибаюсь. Может так случиться, что мне придется отказаться от веры *если* реальность зла с интеллектуальной и нравственной точек зрения оказывается более сильной, чем присутствие Бога. Является ли зло сильным фактором или нет, — это зависит от каждого человека в отдельности. Поэтому я пишу эту главу, как лично от себя. Она, отражает мою личную реакцию к проблеме зла.

А. Проблема становится тайной

Нам прежде всего надо убить бумажного дракона неверия, по которому утверждается, что ясным противоречием христианского теизма является проблема зла. Многие современные люди заявляют, что зло делает всю нашу систему бессвязной. В четвертой главе мы признали, что непоследовательность скорее всего опровергнет мировоззрение, поэтому мы должны ответить на такое обвинение.

Позвольте мне сначала сказать, что я лично очень глубоко ощущаю проблему зла. Как случается со всеми христианами, я также переживаю те моменты, когда хочется сказать: "Разве Бог действительно существует?" Однако, научившись любить Отца Иисуса Христа, наличие зла в истории заставляет меня ставить такой вопрос: "Что побуждает Тебя, милосердный Боже, действовать в нашем мире?"

Тем не менее, когда я с полной холодной и серьезной логикой смотрю на проблему зла, то никакого противоречия не нахожу в понятии, что вседобрый Бог позволяет злу существовать в Его творении. Те, которые возражают, обычно выдвигают три положения:

- 1) Бог вседобр.
- 2) Бог всемогущ.
- 3) Зло существует в Его творении.

Утверждается, что все три заявления одновременно не могут быть правдивыми. Они не совместимы друг с другом. Ввиду того, что христианин принимает все их одновременно, то он непоследователен. >

На это я отвечаю так: *вполне возможно* этим трем/заявлениям быть одновременно правдивыми. В них нет ничего, что по значению сделало бы их несовместимыми друг с другом. Можно согласовать божественные цели с наличием зла различными путями, каждый из которых вероятен, т. е. последователен по внешнему содержанию. Если Бог разрешает зло, то наверно это для хорошей причины, неизвестной нам. То, что мы не знаем этой причины, с психологической и философской точек зрения, — интересное явление, но вряд ли это составляет собой противоречие.

Агнос, мы вернулись к началу. В начале этой книги мы показали, что догматическим атеистом может быть 'только всезнающее существо. Мы тут же также замечаем, что только особа, знающая все обо всем, может сказать, что зло является смертельным противоречием для христианства. Чтобы человеку сказать, что зло "уничтожает Бога", то ему нужно было /бы знать, что неверны все попытки совместить наличие зла с божественными целями. Нужно было бы доказать, что "Богни в коем случае не допускал бы страдания", или, что "Бог сотворил бы *только* благословенных людей". Готовы ли Вы это доказать?

Мне не нужно иметь сложную теорию о происхождении зла для того, чтобы быть убежденным в том, что последовательным мировоззрением является теизм. В отношении математики у нас есть надежные утверждения, поддерживающие понятие, что определенной цифрой является число n , хотя этой цифры мы не знаем. Подобно тому, в богословии вполне вероятным оказывается то, что Бог оправдан в разрешении наличия зла, хотя причина для этого нам неизвестна. (На самом деле, меня удивило бы, если бы богословы *действительно* знали все цели Бога в отношении Его дел.)

Мы до этого всего лишь передвинули зло с положения противоречия или проблемы к положению тайны или загадки. Когда дело касается проблемы, мы разрешаем и забываем о ней; когда дело касается тайны, мы учимся, как жить с ней.

Б. Обман гедонизма

Вы никогда не научитесь, как жить со злом, если позволяете себе быть отвлеченными кричащим голосом гедонизма. Всякое мировоззрение, определяющее добро как наслаждение, постоянно оценивает наш страдающий мир, как плохое явление. Если мы начнем оценивать качество жизни согласно метафизическому определению бездельника, если мы предположим, что наше существование должно быть подобно пребыванию "на вечном пикнике", то никогда не разрешим проблему зла. В разрешении этой проблемы гедонизм должен занять второе место.

Некоторые говорят: "Если бы Бог действительно любил нас, то никогда не допускал бы страдания". Но как только ставишь вместе Бога и наши

личные желания, то возникает проблема сосуществования двух конечных целей: "Никто не может служить двум господам" (Матф. 6:24). Две конечные цели не синтезируются; одна, в конечном счете, станет господствовать над другой; одна должна поддаться другой. Так как человек не является всеведущим и полностью не понимает цель страдания, то, кажется, вполне разумно подчинить дело наслаждения Божьему руководству. [Книга *The God I Want* (Бог; Которого желаю), (London: Hodder and Toughton, 1967), служит интересным примером того, как индивидуальное эго и развлечение становятся окончательным принципом жизни. Не мог бы Бог без особого труда написать книгу под заглавием "Человек, которого желаю"? А, ведь, не сделал ли Он это в Писании?]

Я знаю, что это может не совпадать с Вашим психологическим расположением, Агнос, так как современный дух секуляризации и гедонизма более или менее обманывает всех нас. Однако я настаиваю, что всякая разумная дискуссия о зле начинается с подчинения нашего понятия наслаждения Божьему контролю. Когда Вы говорите, что "Бог создал бы мир без страдания", то Вы не учитываете того, что, кроме счастья, есть и другие ценности, как свобода, творчество, развитие личности, борьба за моральные принципы, достижение целей, — качества, которых мы достигаем путем конфликтов и неудовлетворенностей. Любой учитель знает, что надо создать положение сопротивления для того, чтобы побудить ученика самому поискать ответы. Знание, приобретенное большими трудами, всегда более ценится, чем переданное знание.

Если бы настоящее счастье состояло из нескончаемого течения приятных чувств и ощущений, то я считаю, что за недолгое время оно стало бы одним из самых утомительных положений, отвратительным однообразием. Заметили ли Вы, что в некоторых случаях те люди, которые жалуются о наличии зла в жизни, также жалуются о том, что жизнь в небесных обителях будет слишком однообразной? Не показывает ли это, что глубоко в душе никто из нас в действительности не верит тому, что наша жизнь подобна пребыванию на вечном пикнике?

Проблема зла напоминает нам проблему чудес. Чудеса материалисту не нравятся по той причине, что они являются исключениями из естественного закона; они нарушают однообразие. Гедонист не любит страдания по той причине, что оно нарушает постоянное наслаждение. Деист утверждает, что Бог Своего закона не нарушает; гедонист утверждает, что Бог зла не допускал бы. Все они, — деист, материалист, гедонист, — ошибаются, потому что их взгляды слишком узки. В заявлениях этих трех типов утверждается, что нам известны все намерения Бога о том, что Он будет делать, когда на самом деле никто не может сказать, что Он намерен сделать, кроме того, кто пользуется всезнанием. Мы можем только выразить, как нам *хочется*, чтобы Бог действовал.

Есть доля правды в гедонизме: он остерегает нас от мазохизма. Гедонизм служит доказательством того, что если страдание допускается Богом, то оно должно быть средством для чего-то другого, не только онтологической реальностью. Страдание должно быть *средством* к добру, назначенному Богом, а не ведущему только к *прекращению* существования. С атеистом я согласен, что бесцельное страдание — это зло. Рождающая женщина забудет переносимые ею боли после того, как родится ребенок. Но всякая разумная женщина не пожелает, чтобы боли продолжались без определенной цели.

В. Исторические реакции на вопрос греха

В истории человек проявлял разные реакции на проблему греха, начиная с мрачного пессимизма до целиком несерьезного оптимизма. Как обычно случается, мы увидим, что *золотая середина* приводит нас ближе всего к истине.

1) Пессимизм является реакцией тех людей, которые считают, что зло настолько преобладает, что в нем заключается само бытие. Действительность нелогична. Плохие явления жизни далеко перевешивают приятные явления. Наша жизнь — это самое худшее из всех возможностей. Примеры такого пессимизма мы находим в Артуре Шопенгауэре на Западе и в Будде на Востоке. Согласно этому взгляду утверждается, что действительность столь абсурдна, что нам нужно делать всякие попытки погрузиться в *нирвану*.

Такой пессимизм все же редко встречается. Он как-то идет против здравого рассудка. Мы инстинктивно считаем нормативным принцип, что

добро преобладает, когда зло оказывается исключением. Большинство из нас рады тому, что мы живы; самоубийство — довольно редкое явление; люди в тяжелом болезненном состоянии борются за жизнь; те, кто в преклонных летах, не просят, чтобы их убили; в гетто не раз услышишь смех. Инстинктивное чувство о необходимости держаться за жизнь — вот основное для нас религиозное чувство. Мы действительно желаем верить тому, что "наше существование — явление приятное".

2) Материализм не разрешает проблему зла. С логической точки зрения эта проблема, на самом деле, не должна беспокоить материалиста. Если реальность в своей совокупности составлена из природы, и если природа не является личной и аксиологичной подлинностью, то наличие зла в природе не должно беспокоить последовательного материалиста. Ему только приходится отметить зло и добро, как безличные данные, но объяснять их не надо. Широко распространенное в творении страдание, быть может, озадачивает тебя, как человека, но не заставляет тебя, как материалиста, определенно объяснять зло. Можешь только сказать, что все явления и происшествия, — приятные и неприятные, — вызваны слепым механизмом, создавшим Вселенную.

Кстати, по этой причине среди древних греков мы не находим подробного объяснения зла. Если кто может представить теологическое объяснение зла, ссылаясь только на Зевса и его семью, то проблема зла, по всей вероятности, не беспокоит такого человека. Эта проблема совсем не возникает, кроме того только, когда человек верит во вседоброе, всеильного Бога. Первое в истории зрелое объяснение зла, — и здесь я имею в виду книгу Иова, — появилось среди иудеев, для которых Бог совершен в силе и нравственности.

Все это ведет к определенной неясности: если современный мир столь нерелигиозен, то зачем эта широко распространенная озабоченность о проблеме зла? Почему светские люди требуют от нас, христиан, какого-то объяснения? Разве глубоко в душе люди как-то предпочитают теизм (и оптимизм) и желают, чтобы он оказался правдивым? Если Материализм правдив, то меня удивляет одно: зачем это животное, — человек, — столь озабочено о зле?

Следующие реакции на зло — религиозного характера.

3) Согласно строгому взгляду, проблема зла объясняется утверждением, что всякая неприятность и страдание является справедливым наказанием за грех. Друзья Иова как раз использовали эту теорию во время его страдания. Они пришли к выводу, что его грех видимо был таким ужасным, что это вызвало у него катастрофическое страдание. Когда Иов запротестовал, утверждая, что он ничего плохого не делал, чтобы заслужить такие переживания, то его друг, Елифаз, стал упрекать его за большую гордость:

"Что знаешь ты, чего бы не знали мы? что разумеешь ты, чего не было бы и у нас? И седовласый и старец есть между нами, днями превышающий отца твоего. Разве малость для тебя утешения Божии? Это неизвестно тебе?" (Иов. 15:9-11).

Гордыми, на самом деле, были друзья Иова; они наивно предположили, что если бы среди них присутствовал Бог, то говорил бы то, что они выражали Иову. В истории уже было немало мыслителей, которые считали, что они представляют Бога, когда комментируют зло. Иисус Христос полностью отрицал теорию, что страдание всегда вызывается злом (Лук. 13:1-5; Иоан. 9:1-3).

Но Вы спрашиваете: разве Библия не учит, что грех имеет своим результатом страдание? Да, так она учит, но это не значит, что всякое страдание вызвано грехом. Предложение, что "если согрешишь, то пострадаешь" отличается от предложения, что "если страдаешь, то это значит, что ты согрешил". Переход с первого предложения ко второму выходит неправильным (например, заявление: "если я китаец, то являюсь человеком" не равносильно заявлению: "я человек, поэтому являюсь китайцем").

4) Согласно пантеизму или монистическому идеализму утверждается, что зло, в сущности, не является проблемой; это всего лишь иллюзия. Такая реакция на зло весьма стара, но современное выражение ее мы находим в учении "Христианская наука", согласно которому утверждается, что всякое зло есть "ошибка смертного разума". Если будешь смотреть на все явления "с точки зрения вечности", то зло исчезнет. Это умственная ошибка, субъективное понятие в разуме страдающего, которое исчезает, когда он правильно мыслит об этой проблеме.

Такой ответ на вопрос зла сильно расстраивает того, кто страдает несправедливо. Что бы мы ни подумали о зле, никак нельзя отрицать его реальность, также как нельзя согласиться с тем, что зло — необходимая часть совершенного мира. Некоторые средневековые богословы утверждали, что ад необходим для того, чтобы бытие могло выявляться во всех возможных вариантах, то есть чтобы всякая форма бытия имела возможность существовать. Для меня это испорченное выражение теологического романтизма. Если есть какая-то цель во зле, то это безусловно не только для того, чтобы предоставить нам какое-то эстетическое разнообразие. Если пантеизм достоверен в представлений зла, то нас опечалило бы исчезновение зла; ведь в таком случае хочется, чтобы оно оставалось на всю вечность ради увеличения разнообразных форм бытия.

Пантеизм в сущности зла не объясняет. Если даже оно является умственной ошибкой, то все же остается фактом, определенным данным. Ничем не помогает нам тот, кто показывает, что зло есть умственное явление; он просто заменяет одно прилагательное другим. Для чего существует *умственное* зло? Если зло ничто иное, как кошмар, то зачем этот кошмар сбывается? Несмотря на сущность зла, оно все-таки остается фактом, настоящим переживанием, определенным происшествием. Если даже назвать его иллюзией, то оно все равно остается на уровне факта, — т. е. на том уровне, на котором оно прежде и было. Все еще нужно объяснять зло на основании нашего мировоззрения, как и нужно побеждать его в контексте нашей духовной жизни.

Я должен признать, что пантеизм правдив хоть в одном пункте: мы никогда полностью не постигнем зла, пока не воспримем его с точки зрения *полного* понимания вещей. Зло всегда будет беспокоить агностика и логичного позитивиста, потому что такие мыслители отказываются заниматься метафизикой. Тот, кто отказывается снять шоры позитивизма, и тот, кто отказывается оставить позицию полного эмпиризма, никогда не сможет овладеть проблемой зла. Мы должны оценить зло в свете полной истины, а не только истины, кажущейся нам "самой верной".

5) По учению теистического финитизма предлагается смелый ответ на проблему зла открытым заявлением, что Бог ограничен в силе (но не в доброте), поэтому Он не в состоянии полностью устранить зло из Вселенной. Бывают случаи, когда эта идея выражается в виде всеобъемлющего дуализма, по которому предполагается сосуществование двух вечных, фундаментальных, но одновременно враждебных друг другу принципов во Вселенной, — именно, Бога и зла. Зло иногда олицетворено в виде сатаны, дьявола или врага. Во всяком случае зло находится вне сферы Божьей силы; ему назначено вечно бороться с этой силой.

Приходится уважать такого мыслителя за его мужество полагаться на такую крайнюю гипотезу в попытке разрешить проблему зла. Однако, я считаю, что такой мыслитель попал под влияние ошибочной дилеммы, обсужденной нами в первом разделе этой главы. Он предполагает, что для удовлетворительного объяснения зла приходится отрицать или доброту Бога, или Его силу. По-моему, не надо отрицать ни первое, ни второе, за исключением того, что кто-то объявлял бы себя всезнающим.

Как в случае гедонизма, теистический финитизм неверен по той причине, что он содержит в себе два элементарных принципа. Если зло кажется победительным и вечным в такой мере, как Бог, то можно спросить: на каком основании мы знаем, что Бог, в конце концов, станет великим Победителем? Какое право имеем мы верить тому, что добро, в конечном счете, выиграет? Зачем тогда соединяться с Богом в борьбе за добро? [Смотрите замечательную критику теистического финитизма в книге Gordon Clark *Christian View of Men and Things*, глава 6-ая.]

6) Инструментализм — именно в этом-то и заключается ответ преобладающего течения христианства на проблему зла. Согласно этой позиции утверждается, что зло является необходимым явлением, нужным дефектом в мире, который в общем приятен нам. Такое объяснение дает нам дуализм, хотя этот вид дуализма оказывается относительным и временным. Бог, в конце концов, победит зло. В течение истории Бог пока позволяет и пользуется злом, как *инструментом* для Своих различных целей. Ввиду того, что мы не всегда видим цель страдания, то чаще всего предполагаем, что разрешение этой проблемы базируется на нашей вере или доверии Богу.

Ключ к пониманию того, как можно разрешить проблему зла, находится в самой сути человеческой свободы. Христиане считают, что Бог *позволил* злу существовать в творении, потому что только таким образом Он мог сотворить моральное существо, подобное Ему [*Неверующие иногда развлекают*

себя такими вопросами как: "Мог ли бы Бог создать две горы без долины между ними?" или "Сделал ли бы Бог камень, которого не мог бы поднять?" или "Придумал бы ли Бог то, чего не мог бы исполнить?". Такие вопросы, быть может, беспокоят простоумных, но они не имеют никакого настоящего значения, потому что противоречивы. Строго говоря, таких вопросов не существует. Они подобны вопросу: мог ли бы Бог...? Если вопрос выходит противоречивым, то его незаполненная часть как раз и остается без содержания, потому что разум человека ничего осмысленного не видит в таком вопросе. Бог ограничен возможностями. Он противоречивому явлению не содействует. Ведь дело в том, что противоречие не является вещью. Строго говоря, противоречие не существует.] Реальность морального мира требует наличия морального порядка вещей, в котором моральные принципы могут быть нарушены. Если спросить: почему Бог не вмешивается в жизнь каждый раз, когда кто-то решает совершить зло и этим предохранить невинного от повреждения?, — то мы на это отвечаем: Божье вмешательство в таком случае было бы равносильно уничтожению! Если отнять свободу от того, кто решает сделать зло, то этим же и уничтожаешь человеческую волю. Если бы Бог так поступил, то сотворил бы род автоматов, роботов, — но не людей.

Но Вы тут же логично могли бы спросить: почему Бог не создал мир, в котором люди могли бы решать и поступать по своей свободной воле (даже выбирая себе зло) и одновременно никому другому не повредить? Наш ответ: такой мир невозможен. Как мог бы Бог сотворить свободные общественные существа, которые одновременно и общительны и самостоятельны по моральному выбору, но также свободны от всякого незаслуженного ими страдания? Казалось бы, общность и моральная свобода при отсутствии незаслуженного страдания — это невозможность. Если требуешь положения, в котором никто не страдает несправедливо, то приходится стать пессимистом в силу того, что наш мир, на самом деле, таким не является.

Можно подтвердить ответ инструментализма многими примерами, взятыми из повседневной жизни. Тяжелое страдание очень часто укрепляет характер у человека. Почти во всех случаях победы необходима какая-то оппозиция, — отрицательное явление. Знание, приобретенное борьбой, глубже ценится, чем знание, переданное нам без особого труда с нашей стороны. Конкуренция, трудности и страдания закалили немало выдающихся личностей: Эразма Роттердамского, Людвиг Бетховена, Джона Мильтона, Франклина Рузвельта. Если бы жизнь была вечно счастливой, то большинство людей стали бы нетвердыми и ленивыми.

Из всех ответов на проблему зла инструментализм выходит самым надежным. Однако я считаю, что даже и эта теория не дает целиком удовлетворительного ответа на проблему зла. Люди, кажется, немало страдают без всякой видимой цели. Многие примеры страданий в истории никому особому не помогают. Никак нельзя обвинять человека в злой деятельности, когда происходят землетрясения и возникают торнадо, приливные волны и эпидемические болезни. С этим желанием объяснить зло давайте еще раз посмотрим на Иисуса Христа.

Г. Как Иисус Христос помогает нам в проблеме зла

Совершенно естественно Христу помогать нам в проблеме зла: уже до этого Он столько нам помог в понимании Вселенной. Однако даже с Его помощью, как мы увидим, Его разрешение этой проблемы — более духовного, чем интеллектуального характера. С точки зрения истории становится интересным то, что когда люди Запада изъяли Христа из своей теодицеи (т. е. объяснения зла в мире), то результатом было возникновение окончательной тревоги. Когда появился деизм, отрицающий Библию, чудеса, молитву, провидение и искупление, то в результате этого остался рационалистический Бог Тома Пейна и Вольтера, смотрящий в лицо самому грустному виду зла. Бог сотворил мир, позволил греху войти в него и якобы не поднимал и пальца, чтобы сохранить творение от зла!

Поэтому неудивительно то, что Вольтер даже и не думал о возможности разрешения вопроса зла. Неудивительно, что некоторые деисты стали, в конечном счете, явными агностиками и атеистами. Большинство деистов просто скрывались от ответа на этот вопрос, повторяя устаревшее заявление

Лейбница и Попа: "Все идет к самому лучшему в этом наилучшем из всех возможных миров". Если деисты оставили бы Иисуса в традиционном разрешении проблемы зла, то вещи не казались бы нам столь плохими.

1) Иисус прежде всего помогает нам в проблеме зла тогда, когда мы замечаем, что Он разделяет с человеком подобное отношение к вопросу боли. Он переживал столько, сколько любой человек переносит, но Он никогда надменно не разглагольствовал на эту тему. Он никогда не говорил о происхождении зла. Он никогда не заявлял, что хорошие люди не будут страдать. Ни ангелов, ни Адама, даже никакую особую личность Он не обвинял в введении страдания. Он знал, что не всегда страдание совершенствует человеческий характер. Для Него зло было врагом, непрошеным гостем, тайной; мы должны бороться против зла. Он любил Божье творение, но никто никогда не услышал бы из Его уст слова: "Это есть наилучший из всех возможных миров".

Когда Иисус стоял у гроба самого дорогого Ему друга, Лазаря, то Он "восскорбел духом и возмущился" (Иоан. 11:33). Корень глагола несет значение "фыркнуть", как это делает лошадь. Иисус был так глубоко встревожен смертью друга, что Его ученики увидели это в Его телесных движениях. Самый короткий стих Библии находится в Евангелии от Иоанна 11:35: "Иисус прослезился". В некотором смысле это — самый длинный стих Библии, потому что им показывается, что Иисус, — Бог в человеческой плоти, — ощущал горе, как любой из нас его ощущает, когда теряет дорогого ему человека. "Как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь" (Евр. 2:18).

2) Иисус помогает нам в проблеме зла тем, что Он сделал Бога участником страдающего творения. Благодаря тому, что Христос пострадал и умер за наши грехи, то мы знаем, что наш Творец позаботился и о нашей боли. Когда деисты изъяли Христа из своего мировоззрения, то они также отодвинули от себя сочувствующего Бога, Который страдает вместе с сотворенными Им существами. У нас нет Бога, сторонящегося нас, как в случае исламского Аллаха, не принимающего никакого личного участия в страдании человека. [Смотрите J. N. D. Anderson, *Christianity and Comparative Religion* (London: Tyndale Press, 1970), стр. 84—85.] Это как-то остается тайной, даже для христиан, — именно, что Сам Бог во Христе принял участие в страдании творения. Он является "раненым хирургом", как написал Т. С. Эллиот. Никто лучше не выразил эту мысль о Христе, как Дорота Сеерс:

"Независимо от того, по каким причинам Бог решил создать человека таким, какой он есть, — ограниченным и страдающим, подлежащим печалям и смерти, — Он все-таки оказался таким честным и мужественным, что также проглотил Свою пилюлю. Несмотря на то, как Он играет со Своим творением, Он все-таки держится Своих правил и играет справедливо. Он ничего не может брать от человека, чего Сам не берет от Себя. Он Сам пережил все, что любой человек переживает, начиная с моментов незначительного раздражения, с ущемляющих ограничений тяжелой работы и недостатка денег и доходя до моментов самой ужасной боли и унижения, поражения, отчаяния и смерти. Когда Он был человеком, то всецело исполнял роль человека. Он родился в нищете и умер в позоре и счи— ., '., ?; тал, что все это Ему стоит". [Dorothy Sayers, *Creed or Chaos?* (New York: Harcourt, Brace, and Co., 1949), стр. 4.]

Человек нуждается не только в спасителе; он нуждается в страдающем спасителе. Он нуждается в капитане, понимающем его, пережившем все обыкновенные человеческие тяжести (Евр. 2:10—18; 4:14—16). Когда мы до излишества отождествляем Иисуса с Богом, то часто обращаемся к Марии, чтобы найти себе какую-нибудь симпатию. По этой причине христианам нельзя забывать и о человеческой стороне Иисуса.

3) Иисус помогает нам в проблеме зла тогда, когда нам становится ясным, что *любовь привела Его к страданию*. Самая этическая в истории Личность умерла смертью, соответствующей уголовнику. Иисус безусловно знает что-то о несправедливости. Не странно ли, Агнос, что Иисус Христос, Который добровольно решил принять крестную смерть, стал самым высоким стандартом морали для человека? Если крестная смерть Христа стала самым лучшим примером самоотверженной любви, то как Его страдание могло бы противоречить любви? Крестная смерть Христа доказала то, что Бог (в лице Христа) искал не самого приятного удовольствия в жизни, а пути к искупительной любви. Гедонистом Бог отнюдь не является.

Эта мысль в сущности приводит нашу книгу к кульминации. Мы начали с рассмотрения того, что в природе есть некоторые знаки существования Бога, но мы пошли еще дальше и показали, что Бог должен был всецело открыться нам в истории. В конечном счете, Он это сделал самым ясным

образом через Иисуса Христа. Суть природы Бога, — именно, Его любовь и сердце, — была ясно проявлена искупительной смертью Его Сына. После того, как Бог проявил Свою любовь во Христе, то та пятница, когда Он умер, стала называться "Страстной". Даже зло, убившее Иисуса, люди называли "счастливой виной" подобно тому, как оно называлось в старом римском пасхальном богослужении. Даже греховное действие человека, осуществившее Его смерть, Августин Блаженный посмел назвать: "*Ofelix culpa*", т. е. "О блаженная вина, заслужившая такого великого Искупителя".

Агнос, тут все наверно становится слишком сентиментальным для Вас. Может быть, Вам хотелось бы сказать мне: "Прошу Вас не быть таким мелодраматичным". Все-таки, должен сказать, что никакое другое утверждение, оформленное для выражения христианской истины, так сильно и глубоко не трогает меня лично, как смерть Иисуса Христа. Когда я слышу, как на кресте Он прощает врагов, мне хочется высказать вместе с Иовом: "Я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле" (Иов. 42:6). Такая любовь мне непостижима. Для того чтобы объяснить ее, приходится обратиться к Тому, Кто превосходит нас.

Иов увидел Бога в вихре вопросов. Я вижу Бога в смерти Христа. В обоих случаях виден Бог, хотя это не есть интеллектуальное разрешение вопроса о зле. Мне кажется, что это то понимание, которое Бог хочет, чтобы мы имели в этой жизни.

4) Все же, Бог обещал, что придет время, когда исчезнет зло (Откр. гл. 21 и 22). Зло встречается только в истории; оно вечно не будет продолжаться. Библия ясно говорит нам не о начале зла, а о его судьбе. Злу назначено быть преодоленным при втором пришествии Христа. Через воскресение Христос в принципе дал злу смертельный удар, но Он даст ему окончательный удар тогда, когда снова вернется на землю.

Но пока нам достаточно Божьей благодати (2 Кор. 12:9). Крестная смерть дает большинству христиан силу жить и справляться с замешательством, неясностью и тайной зла. Мы надеемся на Бога, что Он открывает нам не более, чем мы готовы принять (1 Кор. 10:13). Когда мы приходим к моменту конечного замешательства, — именно, смерти, — то мы стараемся идти на встречу с ней, не как к стене, но как к двери, ведущей нас к новой высшей, более полной, более истинной истории. Только те, кто увидел Бога во Христе и, хотя бы в некоторой мере, познал Его через страдание, могут смотреть на смерть с таким пониманием. А тех, у кого недостает такого знания, наши замечания наверно глубоко обижают.

Ж. Заключение

Агнос, я сказал, что Иисус *помогает* нам в проблеме зла; Он ее полностью не разрешает. Самое лучшее разрешение мы находим тем, что учимся, как преодолеть, а не уразуметь зло. Если Вы являетесь крепким рационалистом, который постоянно требует, чтобы все в Вашем мировоззрении было "ясной и определенной идеей", то я Вам не могу помочь в проблеме зла. Если все должно быть дедуктивным и эмпирически известным в настоящий момент, то страдание останется для Вас вечной проблемой.

Иисус помогает нам. Да, это верно, но сама проблема зла не отступает от нас. Она остается с нами, христианами, как привязанная к ногам цепь с железным шаром, постоянно напоминая нам, что всего в жизни мы не знаем, что вера не является знанием и что надежда не является достижением желаемого. В конечном счете, нужно прийти к личному выводу о том, уничтожает ли зло Бога или уничтожит ли Бог зло когда-то в будущем.

Позвольте мне напомнить Вам, что все мировоззрения имеют свои трудности. Зло оказывается нашей проблемой. Но проблемы не уничтожают мировоззрения, потому что они находятся во всех философских системах. Зло — это тайна, внутренняя неясность нашей веры, но оно не разрушает нашей системы. Один шатающийся болт не обязательно содействует обвалу целой аппаратуры.

Если Вы выбрали себе материализм, то у Вас остается трудность в объяснении наличия добра в безличной неаксиологической Вселенной. Вы не можете объяснить наличие добра путем материалистического детерминизма. Вам нужно решить, какое из двух явлений останется загадкой в Вашей философской системе: добро или зло. Если выберете Бога во Христе, то Он может дать Вам 1) достаточно удовлетворительное объяснение добра, и 2) хотя бы частичное объяснение проблемы зла.

18. Проблема греха

Агнос, Вы считаете, что наша книга должна этим и закончиться, не так ли? Вы ошибаетесь. У нас остался еще один камень, который нужно отодвинуть, а, ведь, он — самый большой. Этот камень, однако, не лежит на дороге; он находится внутри Вас. На пути, ведущем к нашей отдаче себя Богу, мы уже передвинули в кювет немало препятствий и надеюсь, что мы также сделали все необходимое, чтобы обойти уроды по имени "зло". Но существует еще одно препятствие, которое может не позволить Вам пойти дальше по дороге, ведущей к отдаче себя Иисусу Христу. Этим препятствием является Ваш собственный грех.

Вы возражаете, заявляя: "Слушайте, какое значение может грех иметь в вопросе убедительности доказательств?" На самом деле, Агнос, это имеет самое большое значение. Помните ли Вы, как в третьей главе мы говорили о том, что Ваша "перцепционная наклонность", Ваш эпистемологический фильтр, определяет, что Вы принимаете или отрицаете в контексте своего мировоззрения? Я крепко убежден в том, что настоящей причиной неверия у человека является грех, а не отсутствие доказательств. Слова Беркли как раз тут и подходят: "Мы прежде всего подняли пыль, а за этим жалуемся, что ничего не можем видеть".

А. Как грех заставляет нас отговариваться

Если бы мы спросили тех, кто отрицает теизм, почему они стали такими, то большинство из них сказали бы: "Ответить на это нетрудно. Я избрал атеизм объективным путем, рассмотрев тщательно и бесстрастно все подходящие доказательства".

Неужели? Как-то не верится.

Думается, что это, в сущности, Ваша попытка нас обмануть. Мне кажется, что человека беспокоит немало "скрытых убедительных данных", когда он оформляет свое мировоззрение. Фридрих Ницше утверждал, что надо, прежде всего, посмотреть на этические принципы человека для того, чтобы полностью понять его личную философию. Узнавай, прежде всего, как он хочет вести себя, а потом только изучай остальную часть его понятий. Быть может, ты найдешь, что действует у такого принцип причины и следствия, чего ты раньше не ожидал.

Я согласен с Ницше. Считаю, что когда неверующие выбирают себе жизненную философию, то у многих из них есть предвзятое этическое понятие. Как любил говорить Корнилиус ван Тил: "Грешник преследует своекорыстные цели". Он не хочет, чтобы христианство было истинной верой, поэтому он ищет препятствия и радуется тогда, когда их находит. Олдос Хаксли был честным по этому вопросу человеком. Он признал, что для него дело обстоит так:

"У меня были намерения, согласно которым я не хотел, чтобы в мире находился смысл (существования), следовательно, я предположил, что смысла в мире нет, и без особого труда находил удовлетворительные причины для такого предположения... Для меня и, несомненно, для большинства моих современников, философское понятие об отсутствии всякого смысла было, в сущности, средством освобождения. Освобождение, желаемое нами, было одновременно и свободой от какой-то политической и экономической системы, и свободой от какой-то моральной системы. Мы возражали против нравственности потому, что она мешала нашей сексуальной свободе". [Aldous Huxley *Ends and Means: An Inquiry into the Nature of Ideas and into the Methods Employed for Their Realization* (New York: Harper, 1937), стр. 312, 316. Августин Блаженный тоже продемонстрировал, как грех может испортить процесс анализа. У него была серьезная проблема самообладания и незадолго до момента обращения он воззвал к Богу такими словами: "Даруй мне чистоту и смирение, но не сейчас" (Augustine *Confessions*, VIII.7).]

Зигмунд Фрейд утверждал, что человек верит в Бога для того, чтобы избежать чувства одиночества, которое приходит тогда, когда он, как дитя,

разлучается со своим настоящим отцом. [Sigmund Freud *The Future of an Illusion* (New York: Doubleday, 1957), стр. 39—40.] Давайте возьмем этот "фрейдовский ботинок" и наденем его на другую ногу, т. е. допустим, что человек в Бога не верит тогда, когда он желает найти светское альтернативное объяснение чувства вины и наличия греха. Фрейд сказал, что широко распространенным неврозом является теизм. Я утверждаю, что атеизм является широко распространенным механизмом бегства от ответственности.

Нет человека без ощущения вины. Освободить человека от чувства вины — в этом и заключается ежедневная проблема психиатра. Каждый человек *что-то делает*, чтобы освободиться от этого чувства. Христианин убежден, что и грех, и чувство вины отнимаются от него, когда он верует в Иисуса Христа. Неверующий также, в некотором смысле, придерживается учения "оправдания верою", вернее, — оправдания "антиверою". То, что он ставит своим конечным метафизическим понятием, — именно на это он возлагает свое упование, преданность и послушание. Его жизненное философское миропонимание отнимает от него чувство вины и заглаживает его грех. Раз он выбрал себе светскую материалистическую философскую систему, то он может сказать вместе с апостолом Павлом: "Нет ныне никакого осуждения тем, которые...." (Рим. 8:1). Вы можете заполнить пробел своей светской альтернативой.

Заполнить пробел легко. В наше время, когда можно выбрать себе любое из различных нерелигиозных мировоззрений, грешник может принять теорию, по которой утверждается, что грех вызывается у него не его волей, а чем-то другим. Он сознательно или бессознательно обвиняет что-то другое, не принадлежащее к нему самому: природу, материю или общество. Человеку ни в коем случае нельзя принимать христианского теизма, ибо это понятие требует от него веры в реальность его личного выбора и ответственности, а вера в нечто такое выделяет реальность греха у человека вместо того, чтобы отнять ее. Грешник должен выбрать себе теорию, которая позволяет ему заявить: "Я ничего не могу сделать".

В чем заключаются некоторые из этих светских альтернативных объяснений, которые освобождают человека от ощущения греха?

1) Философия гуманизма нейтрализует грех заявлением, что моральная ошибка является, в основном, результатом простого невежества. Как утверждали древние греки: "Знание — добродетель". Невежество обычно проявляется не в результате нашей моральной вины, а скорее всего из-за недостаточных возможностей. Если дать человеку возможность получить хорошее образование, увеличить знание, развить умственные способности, то он, в конечном счете, преодолет плохое поведение. Добровольного грешника, в сущности, нет.

Оптимистическое представление человека заразило многих мыслителей восемнадцатистолетней эпохи Просвещения. В произведении "История человеческого прогресса" (1794 г.) Жан Кондорсе написал, что "никакие ограничения не были поставлены для улучшения человеческих способностей" и что "совершенствование человека границ не имеет". Жан Меслье заявил, что "люди несчастливы лишь потому, что они невежды; они невежды лишь потому, что все содействует тому, чтобы препятствовать им просветиться; и они злы лишь потому, что у них в достаточной мере не развиты способности логичного мышления". [Смотрите Will Durant *The Age of Voltaire* (New York: Simon and Schuster, 1965), стр. 615.]

Даже осторожный мыслитель, Иммануил Кант, распространялся на тему "Постоянного мира" (1795 г.), который должен был явиться тогда, когда просвещенный государственный ум начнет управлять политическими делами человечества. Г. Дж. Уэллс считал, что "это в силе ученых — создать всемирную энциклопедию для распространения узнанного ими среди всех людей, а это заставит людей прийти к какому-то согласию между собой". Заметьте наивное убеждение, что *знание заставляет*. Перед двадцатым веком широко распространилась надежда, что христианская доктрина первородного греха мало-помалу станет умирать на алтаре человеческого достоинства.

"Достоинство человека!" Эти слова сегодня умирают на наших устах. Несмотря на заявления Канта, Кондорсе и Уэллса, мы увидели царство террора, две мировые войны, фашизм, Гитлера, сталинские чистки, Освеньцимский концлагерь, окончательное разрешение еврейского вопроса, атомную бомбу. Мало кто верит в основную доброту человека, хотя этот вид гуманизма и по сей день остается выбором для избежания реальности греха. В наши дни неверующий скорее всего нейтрализует чувство вины бихевиористическим детерминизмом: биологическим, психологическим или социологическим детерминизмом.

2) Биологический детерминизм избегает вопроса личного греха в силу того, что плохое поведение им приписывается какому-то ненормальному функционированию физиологического организма. Тело в этом виновато. Сущность человека определяется тем, что он ест. Проблемы человека иногда, без тщательного внимания, объясняются несчастным наследием, вытекающим из его животного состава, как утверждается в псевдонаучных произведениях Роберта Ардрея (Robert Ardrey *African Genesis, Territorial Imperative*).

Другие люди объясняют агрессивность человека и подобные его порывы каким-то отставанием в эволюционном развитии его мозга. По этой теории говорится, что неокора головного мозга, т. е. "новый мозг", — центр человеческих способностей, — так быстро развивалась, когда человек эволюционировал из приматов, что она не могла овладеть "старым мозгом", — центром животных инстинктов, источником нелогичного и импульсивного поведения.

Согласно чисто биологическим описаниям, грешный человек является эволюционной ошибкой или биологическим уродом. Г. К. Честертон однажды пошутил: "Одно из животных как-то сошло с ума".

3) Психологический детерминизм сосредоточивается на более специфичной области человеческого организма, — на наследственных побуждениях "ID" или подсознательного. Фрейд навсегда запечатлел в памяти современного человека идею, что какая-то тайная, скрытая сфера, — можно назвать ее страстью, эмоцией, инстинктом, подсознанием, — является настоящей реальностью; она сильно предопределяет, кем является человек и как он ведет себя. Понятие Фрейда привело к трагическому умалению сознательной части человека и к широко распространившемуся пониманию, что человеческая натура преимущественно нелогичного характера. В современном мире этот пессимизм в огромной мере способствовал росту фашизма и увеличению авторитарности и контроля над людскими мыслями.

К счастью, в течение двадцатого века это мрачное понятие потеряло свою первоначальную силу. За последние десятилетия психологи снова подчеркивают автономную деятельность индивидуума, цельное намерение нашего "я", которое направляет взор на будущность. Многие современные теории о характере человека подчеркивают, что сознательные желания у человека, по всей вероятности, сильнее, чем их определял Фрейд. Люди во много раз менее рациональны и прирожденно менее добродетельны, чем считали оптимисты эпохи Просвещения, но я сомневаюсь, что люди морально слепы и безнадежно нелогичны* как считают фрейдовские пессимисты текущего столетия,

Нужно помнить самое главное, — а именно, что в фрейдовской системе мышления нет ничего, делающего человека ответственным за его проблемы. По этой системе он свободен утверждать: "Это зависит не от меня".

4) Социологический детерминизм снимает свет прожектора с человека и обвиняет структуру общества за все человеческие проблемы. Такие мыслители, как Карл Маркс и Жан Жак Руссо, считали, что человек рождается свободным, невинным и лишенным всякого намерения приобрести себе прибыль. Однако, какой-то тайный процесс способствует развитию зла в обществе.

Классический марксизм (и не обязательно ревизионистский) учит, что безнравственность возникает в многоклассовом составе общества, доминирующем в истории, так что получают хозяин и раб, господин и крепостной, буржуа и пролетарий, имущий и неимущий. Поэтому, когда придет бесклассовое общество после великой революции и все люди станут принадлежать одному классу (пролетариату), грех вымрет благодаря тому, что уже не будет существовать социально-экономическая структура, вызывающая грех. Когда зло исчезнет, то тогда также исчезнет государство, ибо люди более не будут нуждаться в силе принуждения для того, чтобы предотвратить всякие виды антиобщественного поведения.

Руссо и другие философы эпохи Просвещения настаивали, что "культурное отставание" или инертность общественных и политических институций причиняет моральные проблемы человечеству. "Человек рождается свободным, но везде он в узах", — написал Руссо. Но как он попал в узы и почему он остается в них — вот это тайна. Социологический детерминист всегда находит немало людей, которых можно обвинить в наличии греха. Цари, священники, дворяне, капиталисты, полиция, бюрократы — кто-то. Другой всегда портит положение. Перед французской революцией многие критики повторяли известное лаконичное выражение Гольбаха, что общество никогда не будет в правильном состоянии, пока "каждый

король не будет задушен кишками каждого священника".

Б. Значение светских альтернатив

Грешный человек, поэтому, проявляет особую искусность в попытках придумать светские альтернативные объяснения греха и отнять от человека всякое чувство вины. Когда знакомишься со всеми этими ложными объяснениями, предлагающими спасение человеку, то бросаются в глаза некоторые общие черты, свойственные светским объяснениям.

1) Все такие альтернативы уничтожают противоречие, связанное с человеческой природой, — именно, равновесие между достоинством и подлостью человека. Гуманизм защищает понятие о достоинстве человека, но этого не уравнивает с аспектом его падшего состояния. Наоборот, отдельные виды детерминизма, в своем большинстве, признают реальность человеческой подлости, но забывают о потенциальном достоинстве человека. Человек редко оказывается таким добрым, каким люди хотели, чтобы он был. Но также он редко оказывается таким злым, каким некоторые считают его.

Христианское богословие воспринимает и считается как с самыми великими, так и с самыми низкими аспектами человеческой природы. Бог сотворил человека по Своему образу и поставил его немного ниже ангелов (Пс. 8:6). Независимо от того, как низко падает человек морально, он все-таки не теряет способность откликнуться Божественной инициативе. Как сказал Паскаль: человек — это, одновременно, и судья всех вещей, и нелепый червь, который является хранилищем истины, раковиной неуверенности и ошибки, — славой и сбродом мира". [Blais Pascal, *Pensees*, No. 246. Многим сообразительным мыслителям понравилась реалистическая оценка человеческой природы, предлагаемой христианством (например, Блезу Паскалю и Рейхольду Нибуру). Эта антропология настолько проникает в самую суть дела, что она служит одним типом доказательства в пользу христианской веры. Смотрите Blais Pascal, *Pensees*, No. 433; Reinhold Niebuhr *Beyond Tragedy: Essays on the Christian Interpretation of Tragedy* (London, 1938), стр. 265 и дальше.]

2) Все светские альтернативные объяснения представляют человеческий грех *естественным* фактом вместо *морального*. Они говорят, что грех является функцией чего-то другого, не относящегося к нашему "я", нашего эго, который оценивает известные вопросы. Гуманизм делает грех функцией интеллекта. Детерминизм определяет его, как функцию тела, и/или общества. Во всех случаях снимается вина с той воли, которая ощущает вину, и вопрос греха переносится в материалистическую, научную сферу того, что *есть*, вместо того, чтобы перенести его в духовную сферу превосходящих явлений, касающихся того, что *должно* быть.

Мы уже не раз отметили, что материализм логично не имеет себе никакой аксиологии, потому что оценку любого (морального) принципа эмпиризмом никак нельзя подтвердить. Научный метод относится только к конкретным данным; он негоден в разрешении любого вопроса аксиологии. Поэтому, последовательный материалист должен обращаться с грехом так, как он обращается с болезнью, температурой и химическими препаратами, — подобно тому, как люди пользуются данными в отношении бетона, ссылаясь на чисто физические законы.

3) То, что четыре альтернативных объяснения сводят грех к простым и конкретным данным, показывает, что они более всего относятся к вопросам людской самотерапии и управления обществом. А когда грешный человек пытается сам по себе вылечиться, то его попытки приводят его к этическому шарлатанству.. Неверующий говорит: человек может самого себя спасти, но только тогда, когда он передает свою жизнь в руки педагога, диетолога или психиатра, Б. Ф. Скиннера или председателя Мао Цзэ-Дуна.

4) В конечном счете, всякие виды детерминизма дегуманизируют человека. Они отнимают от него грех, но только той ценой, которая сводит грех к положению естественного факта, к куску материи, к машине или животному, — короче говоря, к объекту, а не к главному предмету. Скиннер попал в точку, когда озаглавил свой манифест: "За пределами свободы и достоинства". Он мог бы даже добавить: "За пределами человечности, своей личности

и личности вообще", потому что этого требует бихевиоризм.

Христианство учит, что проблема человека не в отставшем развитии его мозга или в его отставшем культурном развитии, а в отставшем развитии его воли, его эго. Проблема греха находится в самом человеке, в самой глубокой и необходимой части его души, в центре его личности, — в его воле. Как утверждал Лютер, выступая против мнения Эразма Роттердамского, душа человека поработана, пока Бог не возродит ее. Она отказывается жить по Богом установленному закону, то есть закону любви. Она не подчиняется Богу, только самой себе, независимо от того, в какой мере соответствуют ей физические и общественные условия.

В. Благая весть!

Если христианство достоверно, то никакое лечение тела, никакое просвещение, никакая психиатрическая помощь и никакие попытки управлять обществом не разрешат наши проблемы поведения, потому что ничто из этого, в сущности, не доходит и не затрагивает корня проблемы греха. Помощь должна прийти от кого-то другого, обладающего способностью возродить сердце человека и изменить его волю (Рим. 12:1—2). Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое; ибо от избытка сердца говорят уста его" (Лук. 6:45).

Агнос, Вам уже следует видеть преимущества христианского мировоззрения. Если Вы можете согласиться с истиной, что Вы сами виноваты в своих грехах, то *Иисус Христос может снять с Вас и грех и вину*, — и этим ничуть не дегуманизировать Вас! Для меня это есть Евангелие, Благая Весть. Если выбрать и поверить светской теории, то выходит, что человек оказывается худшим, чем ему было назначено быть при сотворении. Все светские объяснения, отличающиеся от Христового объяснения, оставляют человека несчастливым и дегуманизированным. Только во Христе человек может остаться настоящим человеком, быть оправданным и освобожденным от греха и вины.

19. Конечное доказательство

Агнос, конечное доказательство вкуса пирога в том, чтобы его наконец-то попробовать. "Вкусите, и увидите, как благ Господь" (Пс. 34:8) — в этом также конечное испытание любого мировоззрения. Я могу привести Вас ко Христу, но не могу заставить Вас отдаться Ему. Такое важное решение должно быть сугубо личным и частным. Однако, я могу обещать, что Ваша отдача и посвящение себя Христу станет конечным доказательством христианской веры. Конечное доказательство — это внутреннее духовное свидетельство, которое приходит только в результате принятого решения и проявленного повиновения.

Тому, кто пока еще не отдался Христу, вопрос конечного доказательства, вероятно, будет трудно понять. Но это вполне нормально по той причине, что только изнутри человек полностью понимает самые сильные доказательства мировоззрения. Например, светский музыкант может проанализировать и восхищаться музыкальной техникой Мессы ре минор Баха, но только христианин, — независимо от того, является ли он музыкантом или нет, — чувствует замечательную религиозную глубину композиции. Христианин знает, что он в произведении не видит какого-то произвольного понятия, потому что Бах написал эту музыку с той целью, чтобы прославить Христа.

Артур Эддингтон также это подчеркнул, когда провел различие между 1) символическим и 2) глубоким знанием. Он уподобил духовную чувствительность (глубокое знание) чувству юмора, — или ты ею владеешь или не владеешь. Если человек слышит шутку и сути ее не понимает, то, по всей вероятности, никакое научное объяснение о составе шутки не вызовет смеха у него. [Arthur Eddington, *The Nature of the Physical Universe* (New York: Cambridge University Press, 1928).] В таких случаях замечается разница между ~~поверхностным~~ поверхностным знанием и полным пониманием.

А. Суммирование нашего утверждения

Перед тем, как представить дело конечного доказательства, которое является частью нашего акта отдачи себя Христу, следует суммировать полное, выраженное до этого, содержание книги. Мы утверждали, что материализм ошибается по причине своего редуccionизма, поэтому он в достаточной мере не объясняет некоторых свойств Вселенной и истории человечества. Мы считали, что надо перейти пределы редуccionистических категорий материализма для того, чтобы объяснить природу, человека, историю и Христа.

Мы утверждали, что нужно верить в абсолютное Существо, чтобы объяснить, зависимость вещей, и в разумное Существо, чтобы объяснить замысел (гл. 6). Надо верить в морально-эстетическое Существо, чтобы объяснить особенности человеческой природы (гл. 7). Нужно ссылаться на превосходящие явления для того, чтобы объяснить достоверность Библии (гл. 10), чудеса Христа (гл. 11 и 12), заявления Христа (гл. 13), характер Христа (гл. 14), пророчества, исполненные Христом, и Его своевременное пришествие (гл. 15), воскресение Христа (гл. 16), и проблему зла (гл. 17). В конечном счете, чтобы объяснить проблемы неверия (гл. 18), нужно придерживаться библейского понятия человека и греха.

Мы вообще утверждали, что христианский теизм воспринимает и объясняет реальность лучше, чем материализм. Христианский теизм оказывается более последовательным мировоззрением. Если теизм недостоверен, то перед нами стоит зависящая Вселенная без вечного источника, замысла или конструктора, и морально-эстетический человек, вышедший из аморальной неаксиологической Вселенной. Хуже того, перед нами стоит один из самых одаренных народов, из которого вышла самая великая в истории человечества книга, и который дал миру целый ряд сумасшедших людей, названных пророками, и достиг кульминации своей истории самым великим обманом, — именно, явлением Иисуса Христа, образовавшего группу людей, преданных иллюзии, которая продолжается даже по сей день. Агнос, такое материалистическое представление христианства — интеллектуально неприемлемо!

Отчего бы тут же не прекратить дискуссию? Почему не оставить дело христианства в покое? Потому, что мы его не завершили. Пока еще нет ничего *уверенного*. Многие люди относят прилагательное "уверенный" или 1) к дедуктивному явлению, или 2) к эмпирическому явлению настоящего времени, а, ведь, наши доказательства не имеют ничего общего ни с первым, ни со вторым. До момента нашей отдачи себя Христу Бог остается всего лишь теорией, а Христос — отдаленной исторической личностью. Могли бы Вы, Агнос, жить и умереть за что-то весьма вероятное? Я не мог бы, кроме того только, что получил бы какую-то уверенность из другого источника, несвязанного со внешними объективными доказательствами, которые мы до сих пор обсуждали.

Дело в том, что уже целые столетия миллионы христиан носят такую уверенность в себе, дарующую им силу жить и умирать за Иисуса Христа. Откуда они получают ее? От объективных доказательств? Нет! — потому что, как я с самого начала утверждаю, эти доказательства не наглядны. Откуда тогда? Могут только прийти к выводу, что они получают эту силу от Самого Бога, или вернее, от Духа Святого.

Б. Внутреннее свидетельство Духа Святого

Да, Агнос, конечным доказательством является Сам Бог! Я этим не говорю, что Он должен прийти к Вам действием особенного откровения, т. е. Богоявлением, но утверждаю, что Он подтверждает объективное откровение Себя в Писании и во Христе посредством внутренней психологической уверенности. Эта внутренняя уверенность, созданная Богом, психологически равносильна любому дедуктивному явлению и эмпирическому явлению настоящего времени. На основании индуктивных объективных доказательств никогда не скажешь: "я уверенно знаю", но с помощью Духа Святого, живущего в нас, мы можем сказать: "я уверенно знаю", или, как выразился один выдающийся христианин: "я знаю, в Кого уверовал" (2 Тим. 1:12).

В некоторых местах Новый Завет приписывает эту Божественную помощь в понимании Самому Богу. Когда Петр исповедал, что Иисус есть

Мессия, то Христос одобрил высказанное им, говоря: "Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах" (Матф. 16:17). Признание, что Иисус является Мессией, возникло у Петра не в результате внешних доказательств, но с помощью Бога. У родного брата Иисуса, Иакова, было больше объективных данных о Христе, чем у Петра, но у Иакова отсутствовало понимание, которое имел Петр о действительной миссии Христа.

Новый Завет обычно приписывает дело внутренней уверенности действию Духа Святого. [Книга на тему апологетики не есть подходящее место для глубокого обсуждения вопросов о Троице и свидетельстве Духа Святого. Чтобы познакомиться со вторым вопросом, я советую начать исследование чтением замечательной книги: Bernard Ramm, *Witness of the Spirit* (Grand Rapids: Eerdrans, 1959). Ричардсон показывает, что от самого начала большинство христианских теологов придерживались учения о свидетельстве Духа Святого (Alan Richardson *Christian Apologetics*, стр. 211 и дальше).] Можно понять вещи, открываемые Духом Святым, только с помощью Духа Святого (1 Кор. 2:6-16). Дух снимает покрывало с духовных глаз еврея, чтобы он мог увидеть Христа в Ветхом Завете (2 Кор. 3:14-17). Он помогает человеку исповедать, что "Иисус есть Господь" (2 Кор. 3:16). Он помогает нам обращаться к Богу со словами: "Авва Отче" (Гал. 4:6; Рим 8:15). Он служит залогом и запечатлением нашего будущего конечного искупления (2 Кор. 1:22; Ефес. 1:13). Когда христианин принимает Духа, то он получает Наставника, Который постоянно пребывает в нем, а не вспышку мгновенного просвещения (1 Иоан. 2:27). Через внутреннее свидетельство Духа Святого христианин получает *plerophoria*, т. е. уверенность, полную уверенность и полную убежденность (Кол. 2:2).

Если Вам все это трудно понять, Агнос, то не беспокойтесь. Вначале это также озадачивало учеников Иисуса. Он сказал им: "Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам" (Иоан. 14:21). Все-таки, один озадаченный ученик спросил: "Господи! что это, что Ты хочешь явить Себянам, а не миру!" (Иоан. 14:22).

Не ставится ли сегодня этот самый вопрос? Как это может быть, что христиане видят Бога в Иисусе Христе, когда нехристиане совсем Его не видят? Иисус отвечает на этот вопрос так: "*Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и придем к нему и обитель у него сотворим*" (Иоан. 14:23). В другом месте записаны такие слова Иисуса: "Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю" (Иоан. 7:17).

Августин Блаженный, утверждал, что ключом к изучению любого предмета является любовь. Без благожелательного внутреннего расположения к изучаемому материалу абсолютно ничего о нем не узнаешь. По этой причине преподают курсы о том, как понимать художественные и музыкальные произведения. Кто-то однажды прошел весь Лувр в Париже и при выходе заявил сторожу: "Ничего особого я там не видел". Сторож улыбнулся и приветливо ответил: "Но разве не хотелось бы?".

Священное Писание учит, что человек обладает духовной способностью, которая находится на более глубоком уровне, чем его нормальная познавательная способность, но которая также искажена грехом. Бог сокрыт от большинства людей, но чистые сердцем видят Его (Мат. 5:8). Если Вы Его не видите, то, быть может, уши у Вас с трудом слышат (Мат. 13:15), или глаза у Вас помрачены (Рим. 11:10), или Вы осуетились в Ваших умствованиях (Рим. 1:21), или у Вас упорное нераскаянное сердце (Рим. 2:5), или покрывало лежит на Вашем сердце (2 Кор. 3:15). Быть может, Вы подавляете истину неправдой (Рим. 1:18).

Писание также учит, что в то время, когда человек обращается к Богу, он получает внутреннее свидетельство (1 Иоан. 5:10), глаза у него просвещаются (Ефес. 1:18); сердце открывается (Деян. 16:14); снимается с его духовных глаз покрывало (2 Кор. 3:15); он понимает Ветхий Завет (Лук. 24:27); он различает духовные вопросы (1 Кор. 2:13); и он приобретает ум Христов (1 Кор. 2:16).

Конечно, Вы, как Никодим, возразите: "Как это может быть?" (Иоан 3:9). Не знаю. Возможно мы никогда не узнаем, *как* все это может быть. Даже Иисус не старался объяснить этот вопрос. Он только сказал Никодиму. "Смотри на ветер (дух). Ты видишь последствия его, но его самого не видишь. То же самое в отношении Духа, Который осуществляет новое рождение. Не думай о том, *как* все это происходит, утешайся *результатами*".

Можно сказать, что Дух Святой делает откровение Бога человеку личным, реальным и современным переживанием. Он делает Библию подобной письму, написанному лично Вам. Через Духа Бог становится Вам более, нежели теория. Дух делает Иисуса Христа современной для Вас личностью.

Все это не должно удивить психолога; ведь, он знает, что Ваша перцепционная склонность предопределяет то, что Вы увидите и не увидите. В силу различий перцепционных склонностей некоторые люди видят красоту, некоторые видят логичные понятия, некоторые понимают суть данной шутки, некоторые видят этические вопросы, — *а некоторые видят Бога.*

Б. Дух Святой и доказательства

Придерживаясь логики, Вы теперь должны спросить: если конечным доказательством христианства является Дух Святой, то зачем тогда так усердно заботиться о всех тех объективных доказательствах, обсужденных нами в этой книге?

Это солидный вопрос. Писание учит, что Дух действует *вместе* со Словом Божиим (1 Фесс. 1:5). Дух Святой свидетельствует не о Самом Себе, а о Христе (Иоан. 16:14). Поэтому Его работа имеет в качестве предварительного условия внешние Священные Писания и исторического Иисуса Христа. В конечном счете, вера создается Богом. Это чудо Духа Святого, но вера также возникает в отношении исторических реальностей, действительных фактов. Иметь веру без фактов невозможно.

Мы теряли бы время, дискутируя вопрос: может ли Дух Святой действовать без Слова Божьего?, — так как Новый Завет ясно учит, что Он фактически *не действует* без Слова. Следовательно, мы не имеем никакого права прийти к заключению, — как делают некоторые фидеисты, — что апологетика неважна по той причине, что конечным доказательством реальности Христа является свидетельство Духа Святого.

По-моему, самое лучшее различие в объяснении отношения Духа Святого к Слову, — внутреннего к внешнему свидетельству находится в необходимой и достаточной причинах. Припомним, что необходимая причина есть условие, *без которого* результата не будет, когда достаточная причина есть условие, *при котором* результат осуществляется. Своим отсутствием необходимая причина может предотвратить данный результат, но без достаточной причины она, своим присутствием, не может вызвать данного результата. Если комната охвачена светом и Вы спрашиваете: что вызывает свет?, то я мог бы указать на отверстие в потолке, как на необходимую причину освещения. Однако, достаточной причиной в этом случае является солнечный свет, проходящее через отверстие. Своим отсутствием отверстие могло бы предотвратить всякое освещение комнаты, но Своим наличием оно само по себе, т. е. без солнца, не могло бы вызывать освещение.

По моему мнению, необходимой — но не достаточной, — причиной веры являются внешние доказательства. Если внешние доказательства ошибочны, то такое положение вещей оправдывало бы неверие. Но даже когда внешние доказательства убедительны, то это не обязательно заставит человека уверовать. Достаточной причиной для уверования является Сам Бог, Дух Святой. Дело в том, что Он в Своей деятельности как раз и пользуется известными доказательствами. Когда мы производим это различие, то замечаем важность доказательств, что и помогает нам оправдать писание длинных книг на эту тему.

Апостол Павел говорит, что Слово Божье является мечем Духа (Ефес. 6:17). Это полезная метафора, так как она связывает Духа со Словом в их отдельных ролях. Однако мы замечаем, что среди них Дух Святой преобладает: Слово оказывается орудием Духа. Дух обращает человека в христианскую веру через Слово Божье, когда апологетика помогает неверующему тем, что прорывает его линию обороны, чтобы Дух Святой мог "ударить" Своим мечем.

Неверующие в сущности жалуются на необходимую причину, т. е. на объективные доказательства, не так ли? Не говорят ли они что-то подобное следующему: в Библии есть ошибки; никакого Иисуса в истории не было; Иисус был всего лишь пророком; доказать достоверность чудес — это невозможно, и прочее. Не говорят ли они: "Уверую, когда Вы покажете мне, что..... Условное предложение сосредоточивается на каком-то

определенном аспекте объективных доказательств. Если эта книга удачна, Агнос, то вопрос необходимой причины находится в довольно благополучном состоянии.

Если наша необходимая причина в благополучном состоянии, то нам остается прийти к выводу, что настоящая (достаточная) причина неверия находится в самом неверующем, как и учит Священное Писание. Прошу Вас не забывать только что приведенного мной примера: комната может быть освещена солнечным светом, *если... если* на потолке существует отверстие.

Вы, дорогой Агнос, являетесь этим отверстием для проникновения света. Вы сами являетесь критической причиной для своего уверования. Бог может привести Вас к Своему Сыну, Иисусу Христу, пользуясь доказательствами, предлагаемыми в этой книге...*если* Ваш ум не закрыт Ему.

"Никто не является столь слепым, как тот, кто *не хочет* видеть".

20. Вы – присяжный!

Наше путешествие окончено, Агнос. Вы были замечательным спутником и благодарю Вас за это. Но теперь надо прощаться. Следующая глава принадлежит Вам, и из всех глав она самая важная. Дело здесь касается Вашего личного решения. Бог послал Вам пригласительную открытку через Иисуса Христа с местом, где Вы должны указать Ваш ответ Ему. Какой ответ Вы дадите Ему?

Мы пришли к критическому моменту, когда Вы должны перейти с положения интеллектуального любопытства к действию отдачи и посвящения себя Богу. Такое решение подобно тому, что Вы, услышав все аргументы о том, что "планеры действительно летают", входите в кабину планера и привязываетесь ремнями; или, что Вы соглашаетесь войти в батисферу и в ней спуститься в глубины океана, признавая такое действие безопасным.

Возможно у Вас еще есть возражения против христианства. Я никак не мог бы ответить на все Ваши возражения. Никто не может. Течение жизненной реки не останавливается для того, чтобы Вы могли, прежде всего, при-обрести полное знание обо всем. Вы должны сделать положительное решение о Христе сегодня. Бывают случаи, когда нам нужно осмелиться в решении, чтобы познать утверждаемое. Кто решает исполнить волю Бога, тот узнает заявленное Им (Иоан. 7:17). Чтобы полностью понять христианство, надо жить христианской жизнью. Вы не сможете заимствовать веру другого со страниц его книги; Вам придется найти свою веру радикальным решением и действием отдачи и посвящения себя Иисусу Христу.

Некоторые люди думают, что надо принять присягу на "Сумму теологии" Фомы Аквинского или на "Наставление в христианской вере" Жана Кальвина для того, чтобы стать христианином. Это неправда. Начинаешь с возложения своего упования на Иисуса Христа; систематизированная теология может прийти позднее. Ансельм Кентерберийский написал верно: "Некоторые люди ищут причины потому, что не верят; мы ищем их потому, что верим". Значит, став христианином или христианкой, Вы будете еще учиться и усердно учиться, потому что знание для нас всегда неисчерпаемо. Всю жизнь мы будем веровать для того, чтобы понимать, или, чтобы понимать лучше.

Сейчас я как будто слышу издали голос: "Ладно, Хувер, свое ты уже сказал. Больше не говори! Сиди спокойно и знай, что Я — Иегова".

Агнос, мне нечего более говорить. Философия сделала все, что может. Всякий разговор должен теперь прекратиться, умереть в молчании решения, *Вашего* решения, ибо всякое решение делается в молчании.

Издательство "Протестант", Москва, 1992 г.

<http://blagovestnik.org>